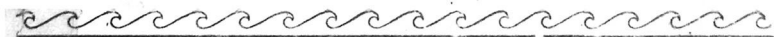

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

В 1958-1961 гг.

I

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МАТЕРИАЛЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под общей редакцией С. П. Толстова

Выпуск 6

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
в 1958—1961 гг.

I

ОБЩИЙ ОТЧЕТ.
ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОГО
И АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1963

Редакторы

С. П. ТОЛСТОВ и А. В. ВИНОГРАДОВ

С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина

РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР В 1958—1961 гг.

Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, проводившиеся на территории Хорезма и прилегающих областей, в 1958—1961 гг. охватили чрезвычайно широкий круг памятников. За четыре года были раскопаны или детально обследованы десятки разновременных памятников, датируемых временем от III тысячелетия до н. э. до XVIII—XIX вв.

Основной проблемой, над которой работала экспедиция, была проблема общественного строя и культурно-бытового уклада степных племен, окружавших древние центры античной и средневековой цивилизации Средней Азии, в частности Хорезмский оазис. Эта работа была неразрывно связана с продолжением исследований по истории формирования и заселения человеком древних русел великих среднеазиатских рек — Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, истории древней прирригации.

Работы экспедиции, в которых на разных этапах участвовало до сорока научных и научно-технических сотрудников и свыше 60 рабочих-землекопов, велись с апреля до середины октября ежегодно. Археологические исследования экспедиции проводились, как и в предшествующие годы, в основном в трех районах: в правобережном Хорезме, на территории Турткульского района Кара-Калпакской АССР; на землях древнего орошения в левобережном Хорезме, на территории Хорезмской области Узбекской ССР и Ташаузской области Туркменской ССР; на нижней Сыр-Дарье (северные Кызыл-Кумы), в бассейне древних русел Жаны-Дарьи, Инкар-Дарьи и Куван-Дарьи.

Кроме того, экспедиция вела археолого-топографические работы — весной на землях древнего орошения Ташаузской области Туркменской ССР и осенью на сыр-дарьинских руслах — Жаны-Дарье и Куван-Дарье (Кзыл-Ординская область Казахской ССР).

Этнографические работы по изучению современной культуры и быта узбеков Хорезмской области велись параллельно со сбором историко-этнографических и археолого-этнографических материалов, освещающих целый ряд вопросов в области истории общественных отношений и культуры узбеков данного района. Большой интерес представляют работы в дельте Аму-Дарьи, выявившие прочные исторические связи между каракалпаками и казахами. На территории Ташаузской области проводились работы по изучению культуры и быта туркмен-йомутов. Все этнографические отряды экспедиции продолжали сбор материалов для Среднеазиатского историко-этнографического атласа, подготавливаемого сектором Средней Азии Института этнографии АН СССР.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛЬТЫ
АМУ-ДАРЫ**

1

Значительное место в работах экспедиции заняло изучение памятников первобытной эпохи на территории древней Акчадарьинской дельты Аму-Дарьи. За отчетный период были проведены работы на вновь открытой кельтеминарской стоянке Кават 7, начаты раскопки неолитической кремневой мастерской Бурлы 3, закончены работы на стоянке тазабагьябской культуры Кават 3, начаты и продолжены раскопки поселения амирабадской культуры Якке-Парсан 2.

Стоянка Кават 7, обнаруженная в 1958 г. А. В. Виноградовым и В. Н. Ягодиным, расположена на берегу одного из западных протоков Южной Акчадарьинской дельты, в нескольких километрах восточнее Кават-калы. В 1958 г. на стоянке был собран подъемный материал, а в 1959—1960 гг. проведены раскопки¹. Культурный слой стоянки оказался в значительной степени развеванным, однако, как показали наблюдения, это произошло сравнительно недавно. Поэтому среди многочисленных находок (а их всего в коллекции насчитывается около 15 тысяч) большое место занимает керамика, сохраняющаяся обычно после развеивания культурного слоя очень недолго. По той же причине оказались неразрушенными культурные наслоения на местах многочисленных хозяйственных ям и очажных углублений.

На всей площади стоянки была произведена зачистка поверхностного слоя, в результате которой, кроме большого количества находок, проникших сюда из культурных наслоений, удалось получить интересный материал о размерах и характере кельтеминарского жилища. Было открыто и расчищено около 80 ям различных размеров, в том числе имеющих прямое отношение к конструкции жилища. План расположения этих небольших столбовых ям позволил определить форму и размеры жилища (рис. 1). Оно было наземным и имело, как и на стоянке Джанбас 4², столбовую конструкцию. Неправильно овальное в плане, ориентированное длинной осью ЗСЗ-ВИОВ, жилище имело вход в короткой северо-западной стене. Размеры жилища 32 × 19,5 м (примерно 580 кв. м). В северо-западной части жилища были найдены следы присыпки нижней части стен. В центральной части зачищены остатки большого очага. Несколько очажных пятен прослеживаются по периферии жилища. Особенно интересны глубокие хозяйственные ямы, сохранившие заполнение в непотревоженном виде. В них найдено много керамики, изделий из кремня и раковин. К сожалению, кости очень плохо сохранились. В одной из ям обнаружено много кусков плотного желтовато-белого спекшегося пепла — по-видимому, результат очистки центрального очага.

Как показало изучение материала, полученного из непотревоженного заполнения хозяйственных ям и очагов, а также сравнение его с материалом, собранным на поверхности, все находки на площади дома единовременны и относятся к поздненеолитическому времени.

Из находок особый интерес представляет керамика (рис. 2). Предварительное изучение ее показало, что она хотя в целом и продолжает

¹ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда А. В. Виноградов, научно-технический сотрудник С. А. Оленич, студент-практикант исторического ф-та Горьковского университета С. Н. Припоров и четверо рабочих.

Состав отряда в 1960 г.: начальник отряда А. В. Виноградов, научные сотрудники Р. Л. Садоков и Л. А. Фадеев, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Прокофьев и трое рабочих.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 68—69.

традиции раннекельтеминарской керамики (Джанбас 4), но уже значительно отличается от последней. Среди керамических изделий отсутствуют привозные вазы, однако чувствуется сильное южное влияние. Это прежде всего сказывается в наличии таких не характерных для степного неолита типов керамики, как полусферические чашки со сливом различной формы, а также с трубчатыми носиками (рис. 2, 3, 4).

Широкое распространение получили некоторые редко встречающиеся в ранних кельтеминарских комплексах формы, в частности сосуды со сферическим туловом.

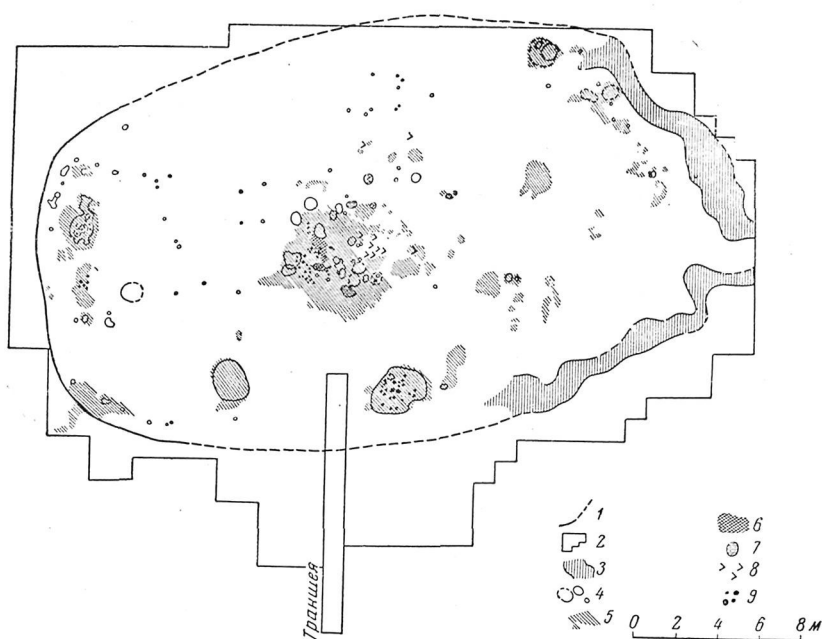

Рис. 1. Стоянка Кават 7. План жилища.

1 — предполагаемая граница дома; 2 — граница зачистки; 3 — остатки обваловки нижней части стен дома; 4 — ямы; 5 — зольные пятна; 6 — прокаленная почва; 7 — красноватый прокаленный песок; 8 — комочки охры; 9 — куски затвердевшего пепла

Появляются и получают широкое распространение некоторые новые типы орнамента, например прочерченный орнамент в форме простого меандра (рис. 2, 1).

Интересна и исключительно обильна коллекция изделий из кремня (рис. 3). Большими сериями представлены ножевидные пластины с ретушью, вкладыши различных типов, проколки, сверла, скребки, наконечники стрел и другие изделия. На поверхности и в культурном слое найдено несколько полированных каменных топоров.

На стоянке собрана большая коллекция раковинных украшений. В их числе цилиндрические пронизки из раковин *Dentalium*, бусы со сверленным отверстием из раковин *Chlamis*.

Стоянку предварительно можно датировать концом III — рубежом II тысячелетий до н. э.

Нет сомнений, что детальное изучение материала позволит не только уточнить датировку, но и выяснить новые дополнительные сведения для изучения хозяйства и культуры кельтеминарских племен.

Нельзя не остановиться на описании другого интересного памятника, по-видимому, этого же времени — мастерской по добыче и обработке кремня, открытой в юго-восточных отрогах Султан-Уиз-дага, археологическое изучение которого начато Хорезмской экспедицией.

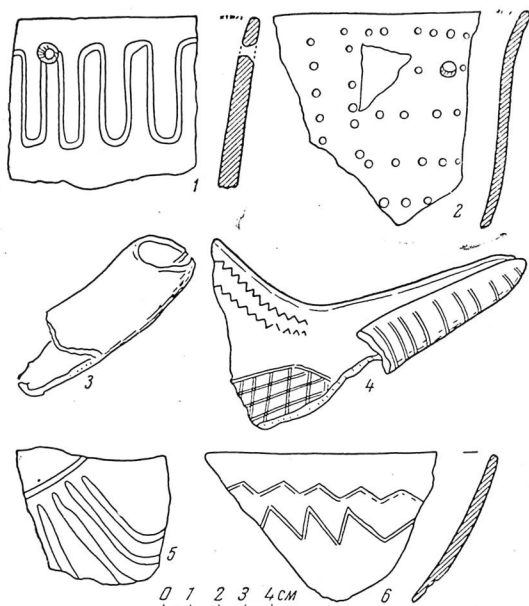

Рис. 2. Стоянка Кават 7. Керамика.

1, 5 — обломки крупных хозяйственных сосудов; 2, 6 — обломки полусферических чаш; 3, 4 — обломки сливов

Весной 1960 г. небольшая группа под руководством М. Г. Воробьевой в горах Султан-Уиз-даг провела разведывательный маршрут, в ходе которого было обследовано множество пунктов разработок тальково-карбонатных пород и остатки средневековых мастерских по изготовлению из талька заготовок каменных котлов. В юго-западной части Султан-Уиз-дага, на вершине и склонах горного хребта обнаружен оссуарный некрополь, существовавший, как показала собранная там керамика, в кангюйский и кушанский периоды истории Хорезма (IV в. до н. э.—IV в. н. э.). Оссуарии, среди которых были и статуарные, ставились в специальные ниши, выбитые в скале. Среди них интересна голова статуарного оссуария (рис. 4), принадлежавшая мужской фигуре, величина которой превышала натуральную. Найден обломок оссуария в виде женской фигуры, сидящей на троне. Большой интерес представляют фрагменты оссуариев с прорезями в виде стреловидных бойниц.

Особенно важным результатом разведок следует считать открытие в этом районе мастерской по добыче и первичной обработке кремня. В том же году мастерская была более подробно осмотрена сотрудниками экспедиции А. В. Виноградовым и Р. Л. Садсковым. По имени наиболее близко

расположенной крепости Бурлы-кала она получила название Бурлы 3.

Мастерская расположена на большом возвышенном плато, примыкающем к одному из отрогов Султан-Уиз-дага и представляет собой естественный останец, овальный в плане (площадью примерно 60—70 × 45 м и высотой до 4 м) с двумя каменоломнями прямоугольной формы, расположенными по его краям. Последние имеют небольшие подбои в стенах, обращенных к центру останца, сильно замытые и засыпанные обва-

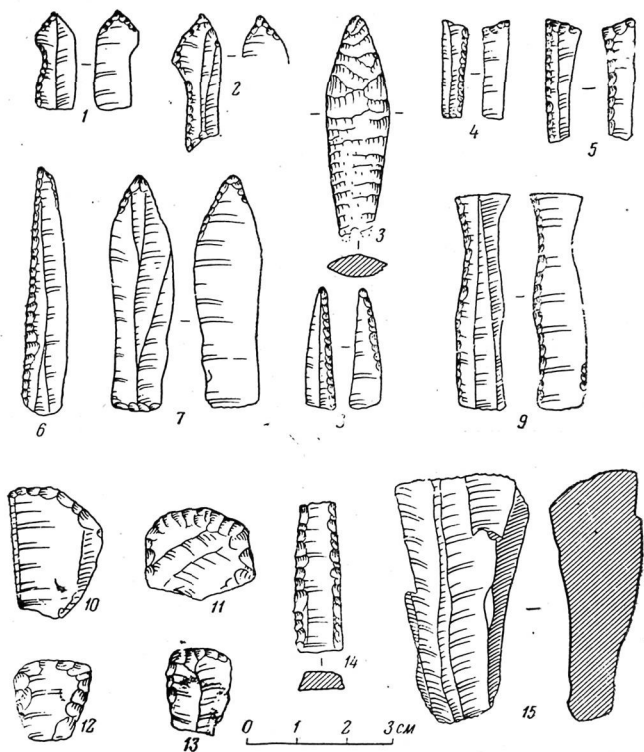

Рис. 3. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня.

1—3 — наконечники стрел; 4—5 — вкладыши с притупленной спинкой; 6—8 — проколки; 9 — пластина с выемками; 10—13 — скребки; 14 — ножевидная пластина с крутой регушкой; 15 — нуклеус

лами. Поверхность останца и прилегающих участков плато сплошь покрыта отщепами и обломками кремня.

Сборы материала на площади мастерской в 1960 г. дали несколько отбойников — граненых камней овальной формы с сильно выщербленными ребрами, — группу нуклеусов со следами снятия ножевидных пластин и скребло, сделанное из небольшого овального отщепы нанесением грубоватой регушки по выгнутому краю. Нуклеусы односторонние, т. е. такие же, с какими обычно приходится иметь дело при изучении кремневого инвентаря кельтеминарских стоянок. Среди отходов преобладают отщепы и обломки, однако собрано также около двух десятков ножевидных пластин, преимущественно неправильной огранки.

Весной 1961 г. были проведены разведочные раскопки мастерской³, в результате которых удалось вскрыть небольшие участки культурного слоя по склонам холма и в большой каменоломне. Слой производственных отходов в большой каменоломне имеет толщину около четырех метров и представляет собой серую пылеватую супесь, до предела насыщенную отщепами и обломками кремня.

Рис. 4. Окрестности мастерской Бурлы 3. Фрагмент статуарного оссуария (глина)

Аналогичный характер имеет культурный слой и по склонам холма. В результате раскопок удалось установить достаточно точно время функционирования мастерской. Нижние горизонты производственных отходов в большой каменоломне дали некоторое количество позднеолитической керамики, очень близкой керамике кельтеминарских стоянок. Поскольку в этих горизонтах не встречено керамического материала более позднего времени, можно предполагать, что большая каменоломня была выработана в основном еще в эпоху неолита. Выработка и обработка кремня производилась в мастерской и в эпоху бронзы. Позднее, в античное и средневековое время, мастерская использовалась, вероятно, для получения кремня для высекания огня. Находки разновременной керамики (вплоть до неолитической) в верхних горизонтах и на поверхности бугра свидетельствуют о том, что в античное и средневековое время кремень в мастерской

не добывали, а пользовались отходами предшествующих эпох. Наиболее поздняя обнаруженная здесь керамика датируется X—XII вв.

В процессе разборки культурного слоя зафиксировано несколько производственных площадок для обивки кремня. Здесь, кроме огромного количества отщепов, обнаружены отбойники и отжимники, каменные наковаленки и большое количество кусков «горной кожи». Среди орудий найдены скребки, скребла, скобели. Обильный кремневый материал, полученный в результате раскопок, в настоящее время обрабатывается.

Мастерская Бурлы 3 как исторический памятник нескольких эпох, и в первую очередь эпохи неолита, представляет большой интерес. Памятников подобного рода на территории СССР известно сравнительно немного и большинство их не столь значительны по размерам. Исследование древнейших слоев мастерской позволит более подробно изучить некоторые стороны экономики и хозяйства неолитических кельтеминарских племен, известных ранее лишь по одной категории памятников — стоянкам.

В 1958 г. были закончены раскопки тазабагыбской стоянки Кават 3⁴, расположенной на том же русловом протоке, что и стоянка Кават 7, в непосредственной близости от последней. Была раскопана южная половина жилища (северная его половина была раскопана ранее)⁵ и вход в

³ Состав отряда: начальник отряда А. В. Виноградов, научные сотрудники С. А. Арутюнов, О. А. Вишневецкая, Л. А. Фадеев, инженер-картограф Н. И. Игонин, аспирант Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР О. Бердыев, шофер экспед. автобазы А. А. Бабичев и четверо рабочих.

⁴ Состав отряда см. в статье М. А. Итиной в настоящем сборнике.

⁵ М. А. Итиной. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры Ангка 5 и Кават 3 «Материалы ХЭ», вып. 4. М., 1963, стр. 92—103.

виде коридора, шириною 1—1,1 м. Жилище представляло собой полуземлянку площадью 12 × 11 м с наземными стенами, сделанными из дерева и камыша, и с центральным очагом в середине. На площади дома было обнаружено множество столбовых ям, но о характере перекрытия сказать что-нибудь трудно. В многочисленных хозяйственных ямах найдена типичная тазабагъябская керамика. Интересна глиняная фигурка лошади, найденная в одной из ям, сделанная в очень примитивной манере⁶.

Комплекс стоянок амирабадской культуры в районе замка Якке-Парсан, расположенных на берегах русловых протоков Акча-Дарьи, был открыт в 1957 г. археолого-топографическим отрядом экспедиции⁷.

В 1958—1959 гг. велась раскопки поселения Якке-Парсан 2⁸, насчитывающего около 20 домов, которые прослеживались на поверхности тақыра в виде прямоугольных пятен, лишенных каких бы то ни было находок.

Около этих пятен были обнаружены обильные россыпи керамики. Поселение вытянуто в меридиальном направлении и состоит из двух рядов домов и нескольких отдельно разбросанных жилищ⁹. Как удалось установить, поселение стояло на мысу, образованном двумя сливающимися к югу от поселения каналами. Они представляли собой, видимо, углубленные небольшие русловые протоки, отходившие от основного протока, на котором базировался весь комплекс яккепарсанских стоянок. Было раскопано семь жилищ. Они представляют собой полуземлянки, причем сохранившаяся глубина котлована иногда достигает 1 м. Наземную часть этих стен составляли каркасные конструкции из дерева и камыша, обмазанные глиной. В центре каждого дома располагался центральный очаг характерной удлиненной формы (до 3 м длиной), состоящий из системы двух-трех ям. Стенки его также обмазывались глиной. Входами жилища были обращены к воде. В земляном полу, особенно в половине жилища, противоположной входу, располагалось множество хозяйственных ям. Помимо них, на площади каждого дома удалось проследить столбовые ямы. Размеры жилищ колеблются в пределах от 75 до 115 кв. м.

К северу от дома 14 была произведена расчистка одной из упомянутых выше поверхностных россыпей керамики. Она дала культурный слой толщиной до 15—20 см и скопление хозяйственных ям и остатков очагов. Никаких контуров жилищ здесь не обнаружено. Надо полагать, что это остатки летних мест обитания жителей поселения, которые, как и современное население Средней Азии, большую часть времени летом проводили на воздухе.

Судя по керамическому материалу, эти россыпи существовали одновременно с полуземлянками.

Среди находок преобладает керамика. Сосуды лентные с примесью шамота, реже дровы в глиняном тесте. Внешняя поверхность их красноватая, коричневая или сероватая, в большинстве случаев залощена; часто лощение производилось по окрашенной красной краской поверхности сосуда. Часть сосудов орнаментирована резными крестиками, «решеткой», «елочкой». Орнамент наносился непосредственно под горлом сосуда. Основная форма их — горшки и миски с прямым коротким горлом, раздутым туловом и плоским или уплощенным дном. Встречаются сосуды с вороничковым венчиком и рельефным пояском в нижней части горла.

⁶ О раскопках стоянки Кават 3 см. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

⁷ С. П. Толстов, Ю. А. Рапопорт, М. Г. Воробьева. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4, М., 1960, стр. 5—8.

⁸ Состав отрядов в 1958 и 1959 гг. см. в статье М. А. Итиной в настоящем сборнике.

⁹ Подробно о раскопках поселения Якке-Парсан 2 см. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

Керамика представляет собой типичный амирабадский комплекс, датирующийся IX—VIII вв. до н. э.

Кроме керамики, на стоянке найдены кусочки красной охры, каменные и глиняные лоцила, бронзовые, круглые в сечении иглы с ушком, четырехгранные в сечении шилья в костяной рукояти, бронзовый серп со слегка выделенной рукоятью, листовидные втульчатые и черешковые наконечники стрел.

В доме 8 были найдены литейные формы для отливки листовидных втульчатых и черешковых наконечников стрел и обломков литейной формы для отливки серпа. Найденные на поселении наконечники стрел, которые, судя по находкам литейных форм, изготавливались здесь же на месте, имеют аналогию в комплексах, датирующихся началом I тысячелетия до н. э. Таким образом, датировка поселения Якке-Парсан 2 IX—VIII вв. до н. э., видимо, подтверждается.

По материалам раскопок можно констатировать, что население занималось земледелием, о чем свидетельствуют развитая арычная сеть, а также найденные на поселении серп и обломок зернотерки. Шурфы, заложённые на двух каналах, дали типичный агроирригационный слой. Многочисленные кости животных свидетельствуют о занятии населения скотоводством.

2

Большой интерес представляют начатые в 1956 г.¹⁰ раскопки на поселении архаического времени в урочище Дингильдже, близ крепости Дингильдже. Работы на поселении производились в течение двух сезонов (1959—1960 гг.)¹¹.

Поселение близ Дингильдже может быть датировано концом V в. до н. э. Оно расположено на развилке каналов того же времени и отличается большой продуманностью планировки. Здание, вытянутое с востока на запад, расположено в северо-восточном углу усадьбы и окружено глинобитной оградой толщиной свыше 2 м. Главный вход находился в середине южной стены и вел в центральный коридор, делящий здание на две части, — далекий прототип даласа — далана в современной народной архитектуре Хорезма¹². К востоку и западу от коридора вскрыт ряд помещений жилого, хозяйственного и парадного назначения. В жилых помещениях обнаружены очажные выкладки из квадратных и прямоугольных сырцовых кирпичей, крупные сосуды для хранения зерна и жидких продуктов, хозяйственные ямы.

¹⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 116—118; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. «Материалы ХЭ», вып. 1, М., 1959, стр. 15—17; М. Г. Воробьева. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. «Материалы ХЭ», вып. 1, стр. 70—80.

¹¹ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда М. Г. Воробьева, научный сотрудник С. А. Трудновская, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, В. С. Козлов, В. И. Матвеева, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотограф В. А. Родькин, хозяйственный И. Д. Саламайкин, шоферы экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков и Н. А. Хайлук. Состав отряда в 1960 г.: начальник отряда М. Г. Воробьева, научный сотрудник В. А. Лохович, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, А. Ф. Леонова, В. С. Козлов, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, художник В. А. Погансен, фотограф В. А. Родькин, старший лаборант М. И. Земская, техник-механик М. У. Юнисов, зав. складом И. Д. Саламайкин, шоферы экспед. автобазы АН СССР В. Б. Куныкин и И. П. Волков. В работе по обследованию окрестностей участвовали научные сотрудники, картограф Б. В. Андрианов и инженер-картограф Н. И. Игонин.

¹² М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. «Труды ХЭ», т. I, М., 1952, стр. 283, рис. 15 и стр. 284; К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды ХЭ», т. I, М., 1952, стр. 365, рис. 11; Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды ХЭ», т. I, стр. 536, рис. 16а; С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. I, стр. 13, рис. 1.

Особый интерес представляет конструкция колонн, на которых покоилось перекрытие одного из парадных помещений дома (помещение 8). Колонны представляют собой систему расположенных по кругу тонких вертикальных жердей, тщательно обмазанных алебастром. Ямки от жердей и следы алебастровой обмазки хорошо сохранились. Всего таких колонн было пять. Интересны также и подземные помещения, вскрытые в 1960 г. Они располагались за пределами дома, между его восточной стеной и стеной усадьбы и имели плоские перекрытия, находившиеся на уровне древней дневной поверхности. Функционировали они непродолжительное время, после чего были засыпаны. На территории усадьбы раскопан также большой прямоугольный бассейн.

Помимо большого количества керамики, которая при сохранении большинства архаических форм дает и переходные к раннекангуйским формы, среди находок на поселении можно отметить железный серп, бронзовые наконечники стрел скифского типа, обломки бронзовых шилев, игл и украшений, многочисленные поделки из камня.

В 1960 г. были раскопаны остатки небольшого святилища, расположенного в 1,5 км к северо-востоку от усадьбы и представляющего собой многоугольную выкладку из сырцового кирпича с чашевидным углублением в центре, заполненным золой. Керамический материал, собранный на поверхности святилища и на расположенном рядом разрушенном поселении, показывает, что святилище может быть отнесено ко времени несколько более раннему, чем усадьба близ Дингильдже, однако не выходит за рамки архаического периода.

В урочище Дингильдже в 1960 г. проведена также археолого-топографическая съемка, в результате которой на карту нанесено значительное количество разновременных памятников и ирригационных сооружений разных эпох.

В 1958 г. были продолжены раскопки на крупнейшем по площади городище Хорезма — Калалы-гыр 1¹³, расположенном в северо-восточной части Кара-Кумов в пределах Ташаузской области Туркменской ССР. Как было установлено работами предшествующих лет¹⁴, строительство крепостных стен и дворцового здания велось на рубеже V и IV вв. до н. э. и было внезапно прервано. После недолгого периода запустения в IV в. до н. э. во дворцовом здании были достроены и обжиты некоторые помещения. Во II — начале IV в. н. э. руины дворца использовались для оссуарных захоронений. Раскопки 1958 г. велись в течение месяца и были сосредоточены главным образом в двух помещениях, входящих в комплекс из шести залов средней величины, примыкающих к двум центральным дворам дворцового здания (рис. 5).

В одном из этих залов (помещение 12), расположенном в западной части дворца, раскопками обнаружены каменные базы колонн, состоявшие из массивного трехступенчатого плинта и устанавливавшейся на него торовидной части.

Таких баз, располагавшихся по длинной оси зала, было четыре, на них опирались деревянные колонны, несущие плоскую кровлю. Стены зала, как и других помещений дворца, до высоты около 1,5 м были пахсовыми, выше — сложенными из сырцового кирпича античного хорезмийского стандарта (40 × 40 × 10 см). Поверх сырцовой кладки шел слой алебастровых кирпичей, видимо, образовавших также и выступающий карниз. Высота стен больших помещений дворца достигала 6—8 м, о чем мы

¹³ Состав отряда см. в статье Ю. А. Рапопорта и М. С. Ланнирова-Скобло в настоящем сборнике.

¹⁴ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 197—200; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, М., 1958, стр. 153—167; см. также статью Ю. А. Рапопорта и М. С. Ланнирова-Скобло в настоящем сборнике, стр. 141—156.

Рис. 5. Городище Казалы-гыр I. Дворцовое здание.

можем судить по отдельным сохранившимся останкам и размерам баз колонн.

Помещение 12 в кангюйский период обжито не было, в первой половине I тысячелетия н. э. здесь было установлено несколько оссуариев.

По-прежнему было использовано помещение 23 — зал, расположенный слева от входа во дворец (его площадь — 140 кв. м).

Строительство этого помещения в период возведения дворца, видимо, закончено не было, о чем свидетельствует тот факт, что каменные базы колонн, обнаруженные здесь, окончательно не обработаны. Они так же, как и в помещении 12, должны были иметь трехступенчатые плиты, размером в основании 70×70 см и высоту 40 см. В помещении 23 было обнаружено шесть баз, располагавшихся в два ряда. Помещение было построено при заселении дворцового здания в IV в. до н. э., при этом, помимо деревянных колонн, которые были установлены на каменных базах, кровля опиралась на столбы, врытые вдоль стен. Следует сказать, что поверх кровли здания, видимо, были уложены алебастровые кирпичи. Этот прием использовался и раньше, в период основного строительства, о чем говорит характер завала в помещениях, не заселявшихся позднее. Жизнь в здании, как это было установлено еще раскопками 1953 г., прекратилась в результате какой-то катастрофы, окончившейся большим пожаром. Слой пожарница, достигающий полуметровой толщины, обнаружен и в помещении 23; эти обуглившиеся балки, столбы, обгорелые куски глиняной обмазки кровли и стен. Вскоре после пожара сохранившаяся коробка стен начинает использоваться как загон для овец. Что касается позднейших оссуарных захоронений, то они здесь либо не производились, либо попали в уровень разрушения и не сохранились. В целом следует отметить, что хотя сейчас раскопано не более одной шестой части

площади дворца (1750 кв. м из 10 460 кв. м), особенности его планировки достаточно ясны. Можно уже увидеть множество черт, сближающих ее с планами ахеменидских дворцов, прежде всего некоторых сооружений Персепольского комплекса. Об этом же свидетельствуют и некоторые архитектурные элементы, в том числе базы и капители колонн. Таким образом, раскопки 1958 г. дают новые материалы, подтверждающие наше предположение о том, что огромная крепость и дворец Калалыгырского городища возводились ахеменидским правительством накануне падения его власти в Хорезме¹⁵. Этот город должен был господствовать над важнейшим узлом ирригации левобережного Хорезма и, вероятно, служить оплотом ахеменидского сатрапа, подорвав значение расположенного неподалеку древнего хорезмийского центра — городища Кюзели-гыр.

3

В течение четырех лет (1958—1961 г.) экспедиция проводила исследование раннесредневековых афригидских памятников в древнем Беркут-калинском оазисе.

В 1958 г. экспедиция вела раскопочные работы на четырех замках — 8, 11, 28, 99, а также обследовала и снимала подробные планы еще пяти памятников (замки 14, 35, 68, 82 и усадьба в районе последнего)¹⁶.

Замок 8 — прямоугольный в плане, с высокими стенами и донжоном в середине восточной стены. Раскопки велись в юго-восточной части замка и в воротах, расположенных рядом с донжоном в восточной стене. Здесь было выявлено два строительных периода — афригидский, относящийся к VIII в. н. э., и средневековый, датирующийся X в. Судя по керамике и найденной в слое монете Абдаллаха (VIII в.), время постройки замка и функционирование его в афригидский период ограничиваются рамками VIII в. В X в. жилые помещения и ворота замка были перестроены.

В 1958 г. были закончены начатые в 1956 г. раскопки замка 92. Замок этот интересен своей планировкой. Он состоит из донжона и стоящих отдельно, расположенных в один ряд помещений. Наличие жилого нижнего этажа в донжоне и составляющей с ним одно целое угловой башни, а также отсутствие крепостных стен выделяют этот памятник среди остальных.

В результате раскопок установлено, что это сооружение построено не раньше VII в., однако уже в VIII в. помещения донжона были перестроены. При раскопках удалось выявить характер перестройки и ремонтов, произведенных в VIII в.

В замке 11 раскопками вскрыто одно из жилых помещений донжона, в культурном слое которого найдены остатки мягкой кожаной обуви, кошмы, глиняный амулет в виде лежащего льва, косточки урюка. По особенностям конструкции постройку донжона можно датировать временем не ранее VIII в.

Большие по объему работы были проведены на замке 28, расположенном у современного Кырккызского канала в 2 км к югу от Беркут-калы. Его раскопки были начаты в 1958 г. и продолжались в течение трех полевых сезонов. Завершение работ на территории замка 28 представляло большой интерес, так как оно давало возможность получить законченную и изученную во всех деталях схему планировки большого дома — «хаули» 1200-летней давности. В 1960 г. раскопки замка были закончены.

¹⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1955 гг., стр. 167.

¹⁶ Состав отряда в 1958 г.: начальник отряда Е. Е. Неразник, научные сотрудники В. Д. Берестов и Н. П. Лобачева, научно-технический сотрудник В. Ф. Белоколытова, архитектор Ю. В. Стеблюк, шоферы экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков и Б. В. Прокофьев.

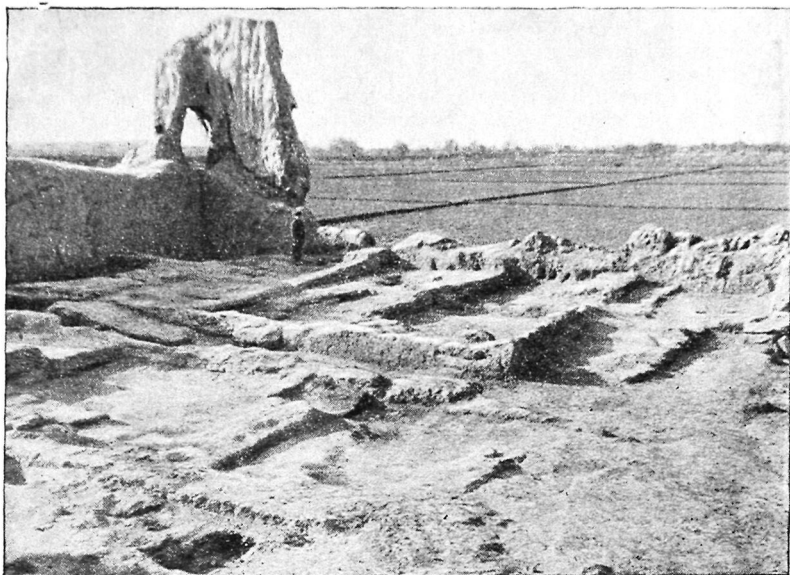

Рис. 6. Беркут-калинский оазис. Замок № 28. Общий вид двора после раскопок.

Замок отличается правильностью архитектурных пропорций и относительно малой площадью. Он почти квадратный в плане (26×24 м), имеет донжон (8×10 м), примыкающий к середине восточной стены и круглые башни по углам; стены замка прорезаны высокими щелевидными бойницами. Раскопками установлено, что остатки построек в пределах стен относятся к двум горизонтам, причем в верхнем наблюдается перестройка. Нижний горизонт не вскрывался, однако планировка его в этот период может быть в общих чертах восстановлена, так как выяснено, что стены помещений верхнего горизонта почти во всех случаях совпадают с нижними.

Внутренняя застройка (рис. 6) была разделена на две половины коридором, идущим от входа в восточной стене до двора в западной части. Каждая из них в свою очередь состояла из двух рядов помещений, вытянутых в направлении с севера на юг. Судя по остаткам гнезд от балок, расчищенных на участках западной и северной стен, перекрытия были плоскими, причем существовал либо легкий второй этаж, либо навесы над крышами первого этажа. Можно предполагать, что помещения верхнего этажа, как и в современных сельских домах, использовались как кладовые.

Как уже отмечалось, в верхнем горизонте была зафиксирована значительная перестройка здания. На месте предвратного сооружения был возведен донжон, а вход был прорублен в противоположной стене замка; за счет сокращения жилой застройки значительно увеличен двор.

Предположительно можно считать, что замок возник не позже VI в., а последний период его жизни датируется VIII в., в начале которого и была произведена перестройка.

Схема планировки, изученная при раскопках замка 28, характерна и для некоторых других замков Беркут-калинского оазиса (например, для

усадеб 19, одного из замков в районе Кырк-Кыза, обследованного в 1960 г. и др.). Видимо, эта схема прочно легла в основу народного строительства в Хорезме, ибо она прослеживается в жилых домах-усадебках вплоть до настоящего времени. Планы узбекских хаули — жилищ большой семьи — удивительно совпадают с планировкой, вышеописанных афригидских усадеб.

В 1959 г. были начаты раскопки крупного замка афригидской эпохи Якке-Парсан¹⁷, открытого и обследованного в 1940 г.¹⁸ Якке-Парсан представляет собой усадьбу прямоугольной формы, площадью 74 × 54 м, окруженную крепостной стеной. Каждая стена имеет четыре башни (считая и угловые). В середине южной стены расположен вход, фланкированный вытянутыми овальными башнями. В центре усадьбы находился возвышающийся на 15 м донжон — квадратный в плане, со стороной, равной 15,5 м. Стены донжона гофрированы полуколоннами, соединенными полукруглыми арками. Замок был окружен рвом.

Один из раскопов 1959 г. заложен во дворе между юго-западной башней и донжоном. Здесь расчищено несколько помещений, перекрытых некогда сводом и имеющих хозяйственное значение. В частности, в помещении 1 на нижнем полу расположены закрома для хранения зерна, где найдены семена проса.

Расчистка помещений (1, 2 и особенно 3) выявила довольно сложную стратиграфию. В помещении 3 разобраны три пола, причем ко времени существования верхнего пола относится надстройка старых стен, в результате чего площадь помещения уменьшилась. Третий пол этого помещения не является самым древним, в шурфе вдоль западной и южной стен вскрыт участок четвертого пола.

Во всех помещениях сделаны интересные находки. Помимо керамики, здесь найдено несколько костяных ножей и железный предмет, имеющий форму массивной вилки (помещение 1), обломки бронзового зеркала (помещение 2), несколько бронзовых монет (помещение 3).

Раскопки за пределами стен замка обнаружили край платформы, на которой сооружен замок, возвышающийся над окружающим такыром на высоту до 2 м. Выяснилось, что первоначально ширина рва, пересеченного траншеей, достигала 23 м, затем платформа была расширена за счет рва, который соответственно сузился до 18 м. Глубина рва в последний период существования замка превышала 2 м. Третий раскоп был заложен на донжоне, состоящем из восьми помещений, стены которых возведены на девятиметровом пахсовом цоколе. В центральном помещении в верхних слоях завала сохранились кольца сильно просевшего и опрокинувшегося купола с остатками трюма, состоящего из восьми полукруглых арок и кирпичей барабана. Глубина помещения — 4,4 м. Защищены два пола, к верхнему полу относится богатый находками культурный слой. Из него извлечена масса предметов из дерева, кости, глины. Особый интерес представляют фрагменты тканей — шерстяных, хлопчатобумажных, шелковых и кожаной обуви. Специального внимания заслуживают такие уникальные находки, как обрывок документа на коже с древнехорезмийской надписью, деревянная струганая палочка с надписью и деревянная большая печать с изображением павлина, держащего в клюве венки. Найдено большое количество семян садово-ягодных культур и костей животных.

Была раскопана также комната в юго-восточном углу, у западной стены которой находился колодец. При раскопках обнаружено два грабительских хода.

¹⁷ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Е. Е. Неразник, научные сотрудники Н. П. Лобачева, Р. Л. Садоков, научно-технический сотрудник Т. Б. Гладкова, студентка-практикантка Т. Н. Томина.

¹⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 125—126.

Раскопки замка продолжались в 1961 г.¹⁹, когда были целиком расчищены доикон и большая часть помещений западной половины застройки двора. В доиконе вскрыто еще семь помещений, в каждом из которых имелось два пола, причем назначение комнат менялось. Первоначально они были либо только жилые (помещения 3, 5) с кирпичными суфами вдоль двух или трех стен, либо только хозяйственными (помещение 6) с закромами, где хранились запасы продуктов. После настилки верхних полов все помещения, за исключением центрального, входного и помещения 6, стали одновременно и жилыми и хозяйственными, поскольку в каждом из них появились закрома и очаги для приготовления пищи. В комнате 6 вместо кирпичных закровов были вырыты две больших овальных ямы, а в юго-западном углу был сооружен тапдыр, не отличающийся по устройству от современных. Из находок, сделанных на доиконе в 1961 г., следует отметить остатки кошмы, тонкой хлопчатобумажной ткани и кожаной обуви, два деревянных гребня, использовавшихся для расчесывания шерсти при прядении, а также большое количество растительных остатков и керамики.

Во дворе раскопано около 20 помещений, причем общая площадь расчищенного участка превышает 940 кв. м при глубине помещений от 1,3 до 2,5 м. Установлено, что вдоль западной стены крепости и половины южной (от юго-западного угла до входа в замок) располагались сводчатые помещения хозяйственно-складского назначения, одно из которых было раскопано в 1959 г.

В одном из них (помещение 7) оказалось семь целых хумов, заполнявших почти все пространство комнаты. Сводчатые перекрытия этих помещений имели расклинку керамикой, что типично для памятников хорезмийской античности, но не характерно для строительства эпохи Афригидов.

Некоторые признаки разрушенного культурного слоя над просевшими кольцами свода свидетельствуют о наличии верхнего этажа.

Каждое из таких сводчатых помещений соединялось с жилым, имевшим кирпичные суфы вдоль стен и один или два очага. В них же найдено большое количество столовой и кухонной посуды — целой и в обломках.

Описанный горизонт является средним. Во всех помещениях имеются верхние полы, перекрывавшие закрома в хозяйственных комнатах, и суфы — в жилых. Помещения, относящиеся к последнему периоду существования замка, лишены каких-либо внутренних конструкций. Этот период четко датируется монетами Хангири началом VIII в. Средний горизонт, видимо, мало отличался по времени от верхнего, ибо керамика в обоих горизонтах однотипна.

Нижние полы еще нигде не вскрыты. Существование их установлено в небольшом шурфе, заложенном в помещении 4. Этот шурф, а также специальное обследование показали, что первоначально вдоль западной и южной стен замка шла сводчатая стрелковая галерея, лишь впоследствии перегороденная на ряд помещений, относящихся, как уже указывалось, к среднему горизонту. В тот же средний период в башнях были устроены закрома, так что они потеряли свое оборонное назначение, превратившись в зернохранилища, хранилища продуктов. Нижний горизонт и, следовательно, время постройки крепости определить пока трудно. Самые древние из вскрытых до сих пор слоев восходят, по-видимому, к V в. В пользу этого говорят некоторые ранние формы керамики,

¹⁹ Состав отряда в 1961 г.: начальник отряда Е. Е. Черзник, заместитель начальника экспедиции В. А. Лоховиц, научные сотрудники Р. Л. Садоков, Л. А. Фадеев, научно-технические сотрудники В. Н. Башилов, А. Ф. Леонова, С. А. Оленич, старший лаборант В. Д. Берестов, архитектор Ю. В. Стеблюк, фотограф В. А. Родькин, художник В. А. Иогансен, механик М. У. Юнисов, начальник снабжения В. Н. Егоров, шоферы экспед. автобазы АН СССР Ф. И. Гурков и А. И. Сапронов.

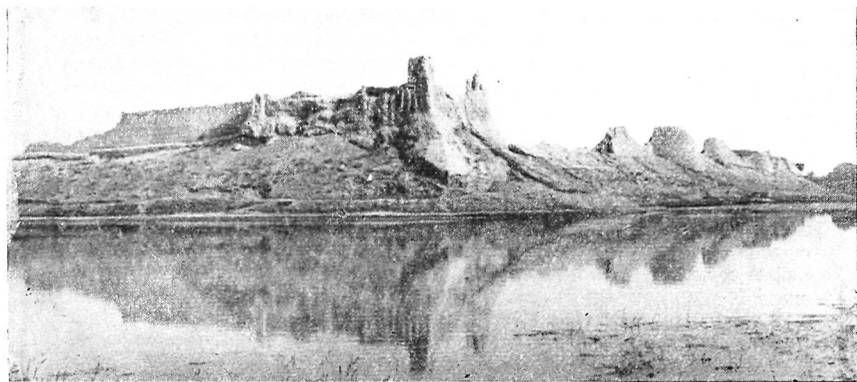

Рис. 7. Городище Хазарасп. Общий вид

видимо, пережиточно существующие в верхних слоях, а также находка на поверхности замка монеты чекана хорезмшаха Аскаджуvara (500 г. н. э.)^{19а}.

В 1958 г. Хорезмская экспедиция приступила к раскопкам археологических памятников древнего Хорезма, расположенных в современной культурной зоне.

Одним из них была крепость Хазарасп, расположенная на территории райцентра Хазарасп Хорезмской области Узбекской ССР (рис. 7).

Раскопки на территории Хазараспа — города, существующего на протяжении более двух тысячелетий, до сих пор не велись. В 1936 г. Я. Г. Гулямов обследовал крепость, предварительно датировав ее возникновение IV — III вв. до н. э.²⁰

Площадь Хазараспа равна 340×320 кв. м; у стен его широкая заболоченная низина — остатки древнего рва. Территория крепости застроена современными жилищами, за исключением небольших участков вдоль стен и юго-восточного угла, где возвышается бугор Дэв-Салган.

Стены крепости много раз перестраивались и ремонтировались. Самые поздние, местами прекрасно сохранившиеся, были построены, вероятно, в XIX в. Они поставлены на вал, образованный остатками более ранних крепостных сооружений. Стены усилены башнями: семь в северной стене, шесть в западной, в восточной сохранилось только четыре, в южной — одна. Башни неправильной, овально-вытянутой формы, они, как и крепостные стены, увенчаны зубцами. В середине южной стены, судя по остаткам выступающих за линию стен бугров из жженого кирпича, был въезд в крепость. Ворота Хазараспа XIX в., по рассказам очевидцев, были деревянными и имели высоту 16 м и ширину 8 м (т. е. 16 м между створками). Вдоль ворот были расположены сторожевые помещения, охранявшие въезд с двух сторон; из них открывался вход в башни. Недалеко от ворот находилось медресе XIX в., а немного подальше — ханака.

Раскопки городища Хазарасп, начатые в 1958 г., продолжались и в 1959—1960 гг.²¹

Уже разведочные работы 1958 г. показали, что культурные напластования на территории крепости сильно повреждены, а местами

^{19а} Раскопками 1962 г. вскрыт более древний слой с хорошо сохранившимися хумами, восходящими к кушанскому времени.

²⁰ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 82—83.

²¹ Составы отрядов в 1958—1960 гг. см. в статье М. Г. Воробьевой, М. С. Лапирова-Скобло и Е. Е. Неразик в настоящем сборнике.

полностью уничтожены позднейшими перекопами. Раскопки древнего Хазараспа осложняются также и еще двумя обстоятельствами. Во-первых, значительная часть территории крепости занята современными жилыми постройками (до 200 одноэтажных домов). Во-вторых, на городище очень высок уровень грунтовых вод. Ни один из раскопов не доведен до материка, так как уже на незначительной глубине от поверхности раскоп заливается водой.

Несмотря на все эти трудности, за три раскопных сезона удалось получить обширный и интересный археологический материал разных эпох и сделать ряд ценных наблюдений относительно истории строительства памятника, особенностей оборонительной архитектуры, материальной и духовной культуры населения города античной и средневековой эпох²².

Так, большой интерес представляют материалы раскопов, вскрывших остатки гончарного производства, существовавшего на городище на одном месте с IV в. до н. э. до XIX—XX вв. н. э. Здесь расчищены остатки керамических обжигательных печей и связанный с керамическим производством комплекс находок — ямы с песком, керамический брак, комочки белой глины, употреблявшейся для ангобирования и др.

В течение трех лет продолжались работы на раскопе XII, в результате которых вскрыто основание минарета золотоордынского времени и прилегающий к нему участок территории городища. Слой разрушения минарета оказался перекрытым завалом золотоордынского времени, что позволяет предполагать, что минарет был разрушен в конце золотоордынской эпохи.

Большие работы были проведены с целью реконструкции плана древнейшего городища. В 1958 и 1959 гг. был вскрыт участок стены с шпильстрани античного времени и установлено, что стены, опоясывавшие городище этого времени, находятся внутри современного вала крепостных стен. Удалось установить конструкцию древней стены. Она была пахсовой и стояла на выкладке из сырцового кирпича античного стандарта (40 × 40 × 10 см и 40 × 20 × 10 см), которая в свою очередь опиралась на паховое основание. Между пахсой и выкладкой, а также между рядами кирпичей был подсыпан желтый песок.

Проведенные в Хазараспе работы показали относительно неплохую сохранность нижнего горизонта древнего городища, что открывает широкие перспективы для изучения города античного времени. Однако непременными условиями проведения дальнейших работ на этом интереснейшем памятнике являются осушение окрестностей и освобождение его территории от современной застройки.

4

Археолого-топографические работы в левобережном Хорезме в 1958—1959, 1961 гг. были продолжением работ 1952—1954 гг., охвативших южную часть Сарыкамышской дельты (Чермен-яб, урочище Куна-Уаз).

В 1958 г.²³ исследования проводились севернее — в междуречье северного и центрального Даудана от Ярбекир-калы на западе до Кандумкалы на северо-востоке. Изучение древних приращенных систем показало, что на этой территории наиболее древние каналы (архаические и

²² Подробнее об итогах трехлетних работ на городище Хазарасп см. в статье М. Г. Воробьевой, М. С. Лапирова-Скобло и Е. Е. Неразик в настоящем сборнике.

²³ Состав отряда в 1958 г.: начальник отряда Б. В. Андрианов, архитектор Д. С. Витухин, студенты-практиканты Д. Буджавин и С. Н. Карпова, шофер экспед. автобазы АН СССР В. И. Сулов.

кангюйские), начинаясь непосредственно в Северном Даудане, шли преимущественно в меридиональном направлении. Напротив, кушанские и кушано-афригидские магистральные каналы брали свое начало значительно выше по течению протоков Даудана в пределах современной культурной зоны и были проложены в широтном направлении. Напомним, что точно такое же расположение кангюйских и кушанских магистральных каналов было зафиксировано в бассейне Чермен-яба.

Меридиональный магистральный канал, начинаясь у большой излучины Северного Даудана в 10 км к востоку от Мангыр-калы, имел общую ширину свыше 40 м, между береговыми отвалами около 20 м. Параллельно ему начинался другой, более узкий канал, рядом с которым было открыто большое архаическое укрепленное поселение, имевшее квадратную планировку. От укрепления сохранились бугры высотой до 2 м, усеянные обломками керамики архаической и кангюйской эпох, что свидетельствует о продолжительной жизни поселения.

Другое архаическое укрепленное поселение было открыто археолого-топографическим отрядом в 15 км к югу от Мангыр-калы в урочище Уаз. Это укрепление правильной ромбовидной формы (с периметром сторон $80 \times 81 \times 82 \times 80$ м) имело стены толщиной в 3,8 м, сложенные из сырцового кирпича размером $42 \times 42 \times 10$ см. На углах расположены округлые, далеко выступающие башни. Стены имели обходный коридор, шириной в 1,8 м. Керамика сосредоточена главным образом вдоль стен, где местами заметна планировка внутренних помещений.

Поселение расположено в низовье мощного архаического канала, который был прослежен еще в 1954 г. к югу от Куня-Уаза и Турпак-калы. Этот канал, начинаясь в окрестностях Куня-Уаза, шел вдоль Среднего Даудана и был ограничен от последнего дамбой, от которой сохранились отдельные звенья вала и своеобразные подковообразные фортификационные сооружения.

Более поздние кушанские и кушано-афригидские системы были изучены в окрестностях Ярбекир-калы и Мангыр-калы.

Средневековые системы проложены южнее в средней части между-речья Северного и Центрального Даудана. Они параллельны позднеантитичным и брали свое начало в пределах современной культурной зоны, возможно, от основного русла Аму-Дарьи. С ними в урочище Уаз тесно переплетаются наиболее поздние туркменские каналы системы Шамурата, забиравшие воду из Куня-Дарьи.

Хвостовые части средневековых систем достигают окрестностей Ярбекир-калы.

В урочище Уаз было обследовано большое ремесленное поселение монгольского времени, где было найдено значительное количество средневековой (золотоордынской) поливной и неполивной керамики, украшений и монет.

К северу от поселения, в зоне разрушенных такыров и подвижных песков были открыты развалины нескольких сельских усадеб, давших богатые находки золотоордынской керамики.

Археолого-топографические исследования в 1958 г. закончились в окрестностях Кандум-калы, где открыты раннесредневековые городища Огланлы-кала и Курганджик-кала. Развалины Кандум-калы — крупной кангюйской крепости — расположены на территории колхоза им. Чапаева. Ее мощные стены (с периметром сторон $296 \times 266 \times 290 \times 278$ м) достигают высоты 5 м при ширине у основания 6—7 м. Они сложены из сырцового кирпича размером $42 \times 42 \times 10$ см.

Городище покрыто толстой коркой пухлого солончака, и на поверхности его керамика сохранилась плохо. Однако при зачистке стен центрального комплекса были обнаружены обломки кангюйской керамики.

Параллельно небольшим отрядом под руководством О. А. Вишневской было проведено обследование средневековых сельских поселений в районе крепости Куня-Уаз и на Чермен-ябе.

Поселения в районе Куня-Уаза составляют довольно компактную феодальную земледельческую округу золотоордынского времени, базирующуюся на ирригационных сооружениях монгольского периода и объединяющую отдельные, видимо, родовые поселки, при которых часто были свои родовые кладбища. Исследованиями установлено, что в окрестностях этой античной в основе крепости, запустевшей окончательно в X, может быть, в начале XI в., в золотоордынское время вновь возродилась жизнь. Это, по-видимому, связано с разрушением монголами ирригационной сети Хорезма, в результате чего избыточные воды Аму-Дарьи прорвались по естественному уклону старых русел на запад в Сарыкамышское озеро и обводнили этот район.

Из обследованных в 1953 г. в районе Чермен-яба памятников наибольший интерес представляет усадьба с сохранившимися на ней остатками стекольного производства. Найденные фрагменты стеклянных изделий, датирующиеся керамикой хорезмшахского времени, можно сопоставить с аналогичными находками из комплекса шахсенемского стекольного производства²⁴.

Археолого-топографические изыскания в 1959 г.²⁵ проводились по расширенной программе: наряду с древними оросительными системами археологическому обследованию вновь подверглись три крупных средневековых городища — Замахшар, Даудан-кала и Ак-кала и около десятка средневековых сельских поселений.

Детально обследована территория между Замахшаром и Даудан-калой, густо населенная в эпоху хорезмшахов. Здесь было изучено несколько больших поселений XII—XIII вв. и остатки древних оросительных каналов системы Чермен-яб. Древнейшие каналы этой системы относятся к архаическому времени. Они брали свое начало из боковых протоков Даудана. Мощный 40-метровый широтный кангюйский канал был прослежен вдоль русла Даудана от Замахшара до окрестностей Даудан-калы. Кюнерли-кала базировалась на другом, более южном канале, истоки которого уходят в современную культурную зону. Средневековые оросительные системы были прослежены до низовий Газавата (на левом берегу Даудана) и Шавата (на правом берегу Даудана).

В междуречье Даудана (северного) и Дарьялыка изыскания охватили территорию от Мангыр-шардары до Бутен-тау, где открыты и изучены большое поселение хорезмшахского времени к западу от Мангыр-шардары и обширная феодальная усадьба в нескольких километрах к юго-западу от Каттагар-шардары. Кроме того, были обследованы несколько поселений золотоордынского времени, из которых наибольший интерес представляют: поселение в 4 км к юго-востоку от Ак-калы и поселение в 5 км к югу от колхоза «Большевик» на левом берегу Дарьялыка.

Поселения хорезмшахского времени по своей планировке (расположение жилищ вдоль малых арыков на некотором расстоянии друг от друга) напоминают хорошо известные нам поселения того же времени в Кават-калинском оазисе. Золотоордынские поселения отличаются большой компактностью застройки в центральных частях, где жилища тесно примыкают друг к другу.

²⁴ С. А. Трудновская. Стекло с городища Шах-Сенем. «Труды ХЭ», т. II, 1958, стр. 421—430.

²⁵ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Б. В. Андрианов, научные сотрудники Н. Н. Вактурская и О. А. Вишневская, инженер-картограф Н. И. Игонин, архитектор В. А. Лалин, фотограф В. А. Родькин, студент-практикант Т. Четырбок, шоферы экспед. автобазы АН СССР А. Е. Мозгалева и Н. А. Хайлук.

В 1961 г.²⁶ работы в районе Ак-калы были продолжены. В окрестностях Ак-калы были открыты и обследованы развалины средневекового городища Казаклы-аулие, на площади которого находились средневековое и позднесредневековое туркменские кладбища. На надгробных кирпичках последнего были обнаружены тамги йомутов. К югу и юго-западу от Казаклы-аулие было найдено множество средневековых поселений (XIV—XVII вв.).

Поселения XIV—XV вв., как правило, приурочены к берегам извилистых протоков и каналов с остатками весьма сложных водоподъемных сооружений (полуплотин, плотин и дамб) и сборных водохранилищ. По берегам каналов встречены редкие ямы (9×10 м) от чигирных установок, усеянные светлыми обломками чигирных кувшинов.

В этом же году в окрестностях Ярбекир-калы отряд обследовал и снял мензурный план территории с остатками крупного античного керамического производства.

К западу от Ярбекир-калы была открыта большая раннесредневековая сельская усадьба с очень правильной планировкой ограды и садово-паркового комплекса. Центральная жилая часть была укреплена мощной стеной. К востоку от нее располагались два многокомнатных дома, разделенных центральным коридором на две половины.

Наибольший интерес среди обследованных отрядом объектов представляют развалины средневекового города (или крупного ремесленного поселения), расположенного в 20 км к западу от Ярбекир-калы. На этом городище, называемом местным населением Шахрлик, было собрано свыше 400 медных монет, часть которых датируется XII—XIV вв.

Город насчитывал свыше 100 зданий, десятков ремесленных керамических мастерских, мастерских по производству стекла и т. п. В окрестностях города было открыто несколько крупных феодальных усадеб.

В процессе работ отряда в течение всех трех полевых сезонов были сняты топографические планы городищ и поселений, сделаны разнообразные архитектурные обмеры, составлены археологические карты на отдельные участки обследованной территории и собран большой подъемный керамический материал.

5

В 1958—1960 гг. в составе экспедиции работали три этнографических отряда: узбекский, каракалпакский и туркменский.

Узбекский этнографический отряд в 1958—1960 гг.²⁷ продолжал полевые исследования среди узбеков Хорезмской области Узбекской ССР (со стационарным изучением культуры и быта колхоза «Ленинград» Шаватского района Хорезмской области УзССР), а также в Тахтинском и Куня-Ургенчском районах Ташаузской области Туркменской ССР, Ходжейлинском и Бирунийском районах Кара-Калпакской АССР, где есть узбекское население. Основной задачей отряда был сбор материалов по реликтам домусульманских верований и обрядов у оседлого населения Хорезма. Кроме того, был проведен сбор материалов для картографирования по теме «Культовые сооружения и обряды» для Среднеазиатского историко-этнографического атласа.

²⁶ Состав отряда: начальник отряда Б. В. Андрианов, научный сотрудник Н. Н. Вактурская, аспиранты Ин-та истории, археологии и этнографии Туркменской ССР О. Бердыев, Е. Атакарыев, Х. Юсупов, шоферы экспед. автобазы АН СССР Н. С. Горин и И. П. Волков.

²⁷ Состав отряда: начальник отряда Г. П. Снесарев, архитектор Ю. В. Стеблюк, научно-технический сотрудник Г. С. Куртмуллаева (1958 г.), аспирант Х. Есбергенов (1959 г.), переводчик С. И. Салимов (1958—1959 гг.), шофер экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков.

Некоторые итоги исследований отряда, проведенных за эти годы, отражены в ряде публикаций²⁸.

Среди выводов, которые могут быть сделаны на основе анализа собранного материала, наибольший интерес представляет факт существования в Хорезме зоны склепных (наземных) захоронений, которые в других местах Узбекистана и Таджикистана прослеживаются сейчас уже с большим трудом.

Для выяснения генетических корней этого явления чрезвычайно важно то, что эта зона склепных захоронений совпадает с территорией расселения узбеков, не знающих родоплеменных делений. т. е. с той этнической средой, в этногенезе которой наиболее четко прослеживается древнехорезмийский компонент, что подтверждается многими элементами материальной и духовной культуры, данными антропологии и лингвистики.

Реликты домусульманских верований и культа в целом, имеющие место в агиологии, демонологии, в свадебных, погребальных, земледельческих и прочих обрядах, в легендах и мифах, выявлению которых в основном и посвящены данные исследования, дополняют материалы археологов в этой области и в будущем позволят совместными усилиями археологов и этнографов реконструировать облик духовной культуры жителей Хорезма на разных этапах его истории.

В комплексе исследуемых явлений имеются и другие интересные этнографические находки.

К ним в области социальных институтов прошлого относятся реликты своеобразных каст, в частности касты служителей погребального культа, совершенно отчетливо восходящей к зороастрийским «служителям мертвых»; остатки мужских союзов с их оригинальными обычаями и обрядами; в области агиологии — пережитки культа плодородия, в центре которого удаётся проследить образ Великой богини-матери, связанный с почитанием Аму-Дарьи, а также некоторые другие персонажи авестийского пантеона; в области шаманского культа — локальные особенности, восходящие к маздеистским верованиям. Много ценного в этом же плане дает материал легенд и мифов, носящих здесь особенно интенсивный отпечаток древнеиранских влияний.

Помимо работы в области религиозных верований и культа, Узбекский этнографический отряд за этот период, пользуясь сведениями, которые были получены в результате записи исторических преданий и легенд, обнаружил и обследовал ряд археологических памятников: Дауд-кала, Вайенган-кала, Кят-кала (Шаватская), Алма-атышкан-кала, Топрак-кала (Шаватская) и Топрак-кала (Хивинская), Чингиз-тепе, Алтын-кала, Абу-муслим-кала, Зайнели-булак и др. Некоторые из этих памятников были обследованы впоследствии вторично вместе с археологами.

Каракалпакский этнографический отряд экспедиции в 1958 и 1959 гг. продолжал начатое им в предыдущие годы изучение северных районов Кара-Калпакии — Муйнакского, Кунградского и Тахта-Купырского²⁹. Это — районы дельты Аму-Дарьи и южного побережья Аральского моря, в прошлом слабо заселенные вследствие неблагоприятных природных

²⁸ Г. П. Снесарев. Большевесейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. КСИЭ, вып. XXXIII, 1960, стр. 60—72; е го же. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма. «Материалы ХЭ», вып. 4, 1960, стр. 134—145; е го же. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия. «Материалы ХЭ», вып. 4, стр. 198—202; е го же. Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Ю. В. Стеблюк. Исмамут-ата (к типологии погребальных сооружений у народов Средней Азии). СЭ, 1959, № 3, стр. 89—97.

²⁹ Т. А. Ждаико. Работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4. М., 1960, стр. 146—171.

условий. Камышовые и тугайные заросли, озера, протоки перемежаются здесь с участками пустыни и болотистыми пространствами; с запада дельту ограничивает плато Устюрт, а с востока — песчаная пустыня Кызыл-Кум и возвышенность Бельтау. В годы советской власти дельтовые районы республики начали деятельно осваиваться. Здесь стали строиться новые рыбные заводы, возник ондатровый промхоз, звероводческие фермы, значительные пространства освоены под посевы хлопчатника и риса. Появились рабочие поселки, крупные рыбацкие колхозы, озелененные селения хлопководческих совхозов и колхозов. Этнографический облик местного населения — каракалпаков, казахов и других национальностей отличается большим своеобразием. У них сохраняются еще многие традиции, унаследованные от прежнего отсталого полукочевого быта исконных жителей дельтовой области и вместе с тем ярко, в национальной форме выражены черты нового быта и социалистической культуры.

В задачу отряда входило исследование современной культуры и быта населения северной Кара-Калпакии и сбор историко-этнографического материала, с полутным обследованием находящихся в изучаемых районах археологических памятников. Особой научной темой, в связи со спецификой национального состава населения этих районов, было выявление исторически сложившихся хозяйственных, бытовых и культурных связей между каракалпаками и казахами, издавна жившими в непосредственном соседстве на побережье южного и восточного Арала.

В 1958 г.³⁰ отряд проводил полевые исследования совместно с этнографами Каракалпацкого филиала АН Узбекской ССР. На Муйнаке были обследованы два рыболовецких колхоза — «Марат» и «40 лет Октября»; затем на разведочном морском сейнере отряд вышел в море и провел рейс в 370 км, с остановками для работы у пяти островов — Карабайлы, Ак-петке, Тайлак-джекен, Тасбескум и Мерген-атау, на которых расположены поселки рыболовецкого колхоза «Красный рыбак» и рыбоприемочные пункты Муйнакского консервного комбината. Население этих островов, численность которого превышает 1,1 тыс. человек, составляют казахи (преимущественно алимы) и каракалпаки (почти все муйнакцы). Эти группы казахов и каракалпаков — исконные насельники Приаралья, занимавшиеся комплексным хозяйством, сочетающим орошаемое земледелие (посевы риса, проса, бахчеводство) со скотоводством и рыболовством. Отрядом записаны их исторические предания и история их поселения на островах.

Многие из нынешних жителей помнят еще, как хозяйничали здесь до революции промышленники — владельцы рыбных промыслов, эксплуатировавшие рабочих и рыбаков. Бедняки рыбаковы, как правило, не имели своих лодок и сетей и вынуждены были отдавать промышленникам за пользование снастями значительную часть улова бесплатно. Желавшим соорудить свои сети промышленники давали авансом 1 фунт пряжи за 1000 штук рыбы. Колхоз «Красный рыбак» объединяет опытных рыбаков, знатоков моря. Колхоз получает большие уловы, преимущественно крупного частика и воблы; в лове участвуют как мужчины, так и женщины. Рыба сдается на Муйнакский консервный комбинат. Новая техника рыболовства — внедрение механизации, совершенствование орудий лова — в корне изменила характер промысла. Рыбаки пользуются морскими сейнерами, быстроходными мото-фелюгами, мотоботами, государство обеспечивает их усовершенствованными снастями. Рыбаки живут в очень суровых природных условиях. Плоские, песчаные,

³⁰ Состав отряда: начальник отряда Т. А. Жданко, научный сотрудник Н. П. Лобачева, фотограф Г. А. Арзырпуло, художник Т. В. Полетика, архитектор Ю. В. Стеблюк, инженер-картограф Н. И. Игошин, сотрудники Каракалпацкого научно-исследовательского ин-та (ныне филиал АН Узбекской ССР) У. Шалекенов А. Туреев, У. Калниязов, С. Аметов, студент-практикант А. Джарылганов.

безводные острова представляют собой небольшие участки пустыни, заброшенные в открытое, бурное море. Во время шторма аулы нередко затапливаются и даже сносятся волнами. Летняя жара и штормы сменяются зимой сильными морозами и снежными выгонами, но работа продолжается — идет подледный лов.

Отрядом собраны подробные историко-этнографические материалы, характеризующие методы рыболовства местных каракалпаков и казахов, описаны старые орудия лова, часть которых уже безвозвратно исчезла; изучена современная материальная культура и бытовые условия жизни колхозников-рыбаков. Здесь как и у казахов, так и у каракалпаков широко бытует юрта наряду с утепленными зимними домами — каркасными постройками с камышовым заполнением стен; для установки юрт на рыхлом, сыпучем песке предварительно устраивают круглые площадки из камышовых жгутов, обмазанные глиной. Пресную воду, которую раньше получали из льда, хранящегося все лето в ямах-холодильниках, обложенных камышом, теперь регулярно привозят на острова на больших плашкоутах; проектируется устройство артезианских скважин.

Колхозные и рабочие поселки хорошо снабжаются продуктами, промышленными товарами. Во всех поселках есть школы, клубы. Очень развито прикладное искусство, в частности процветает узорное ткачество; юрты выглядят чрезвычайно нарядно благодаря яркому традиционному внешнему и внутреннему убранству. Своеобразен общий облик поселков — на фоне яркого синего моря, у подножия песчаных гряд и барханов, на узкой береговой полосе располагаются группы домиков и юрт, большие здания рыбных заводов с холодильниками; у причалов стоят белые сейнеры и другие суда, весь берег окаймлен бесчисленным множеством небольших рыбацких лодок; в усадьбах развешаны сети, вентер и другие снасти, лежат, дожидаясь зимы, деревянные сани, употребляемые для перевозки снастей и рыбы во время подледного лова.

При изучении семейного быта местного населения оказалось, что здесь очень часты смешанные браки казахов и каракалпаков. В некоторых семьях они повторяются из поколения в поколение, так что трудно определить, к какой национальности относится данная семья.

Распространено предание, что у казахов-алим и каракалпаков-мюлтен был общий предок. Тесно связанные узами взаимного родства, с давних пор совместно преодолевающие трудности хозяйства и быта в суровых географических условиях, казахи и каракалпаки южного Арала представляют собой образец исторически сложившегося содружества двух национальных групп, вопреки распространявшимся еще недавно в исторической литературе неверным утверждениям о враждебности и расприях, якобы существовавших извечно между этими народами в присырдарьинских районах и низовьях Аму-Дарьи³¹.

В 1959 г.³² первую часть этнографического маршрута отряд прошел через Шуманайский³³ и Кунградский районы в Ургу, откуда на лодках через озера и камышовые заросли дельты Аму-Дарьи отправился в местность Кара-Джар, издавна населенную каракалпаками приморских родоплеменных групп (кыят, ашамайлы и др.).

³¹ Основные итоги полевой работы отряда, проведенной в 1958 г., см.: Т. А. Жданко. Быт колхозников рыболовецких артелей на островах Южного Арала. СЭ, 1961, № 5, стр. 27—43.

³² Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Т. А. Жданко, научный сотрудник Н. П. Лобачева, аспиранты ИЭ Р. Джарылгасиянова и Х. Есбергенов, научно-технические сотрудники М. И. Земская и Т. Н. Томина, студентка-практикантка И. В. Котовская, архитектор Ю. В. Стеблюк, художник Т. В. Полетика, фотограф Г. А. Аргироуло, экономист М. Аралбаев (Каракалпакский педагогический ин-т), шоферы автобазы АН СССР Н. С. Горин и В. В. Цветков.

³³ Ныне Шуманайский район входит в состав укрупненного Кунградского района Кара-Калпакской АССР.

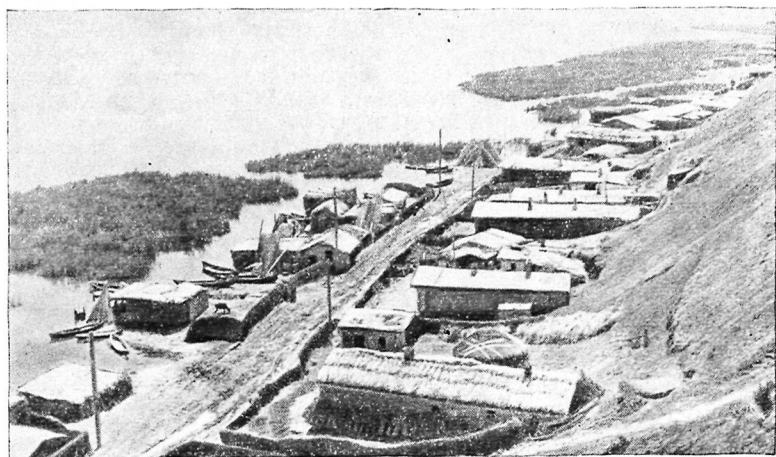

Рис. 8. Рабочий поселок Урга. Общий вид

В Кунградском районе отряд изучал корейский рисоводческий совхоз «Раушан», расположенный на осваиваемых землях дельты³⁴. В Муйнакском районе этнографические работы проводились в поселке Урга, центром которого является крупный рыбный завод. Население поселка — казахи, русские, украинцы; первые — преобладают. В быту казахов, рабочих рыбного завода и рыбаков, сохранилось много национального своеобразия. В поселке, живописно расположенном у самого берега, на крутом мысе Урга, благоустроенные домики с двускатными крышами перемежаются со стоящими на территории усадьбы юртами (рис. 8). В жилище и утвари украинцев сочетаются черты местных форм материальной культуры с их национальной культурой. В Кара-Джаре работы велись в двух каракалпакских селениях (колхозный поселок Таза-Коньс рыболовческой артели им. Калинина и собственно Кара-Джар — рыбачий поселок, расположенный близ рыбзавода), а также в смешанном по национальному составу поселке Арша, где находится большой промхоз, занятый ловом ондатры и звероводством: здесь имеются зверофермы чернобурых лисиц и норки. Населенные пункты в этой дельтовой местности отрезаны друг от друга бесчисленными протоками, озерами и необозримыми камышовыми зарослями; основной вид транспорта — лодка; лишь поселок Арша имеет другие виды связи. Помимо рыболовства, местные каракалпаки занимаются на небольших приусадебных участках земледелием. Нам удалось обнаружить в поселке Таза-Коньс старинное водоподъемное сооружение — «кол-серпне», давно исчезнувшее в остальных районах Кара-Калпакии и сохранившееся в виде реликта древней ирригационной техники лишь в этой отдаленной от центров республики местности.

Отряд обнаружил во время своих работ ряд археологических памятников, в большинстве — средневековых. На пути к Кунграду, на территории совхоза им. Кирова близ Устюрта, обнаружена расположенная на бугре крепость Кетенлер-кала (рис. 9, 1), занимающая подпрямоугольную площадь размером 264 × 198 м. Юго-восточная и юго-западная стены крепости с угловой башней между ними сохранились местами на

³⁴ Р. Джарылгасинова. Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР. КСИЭ, вып. XXXV, 1961, стр. 54—63.

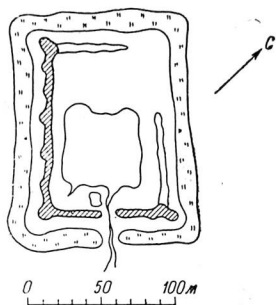
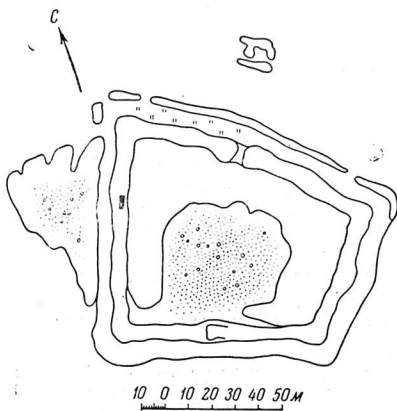
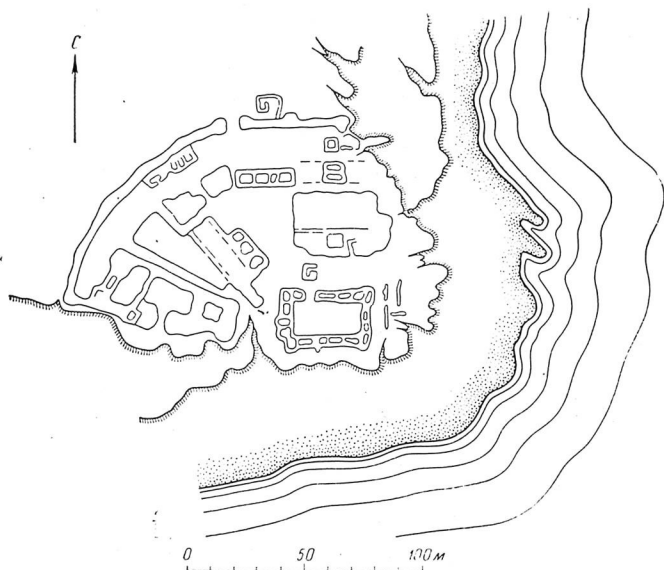

Рис. 9. Средневековые крепости.

1 — Кетендер-нала; 2 — Урга-нала; 3 — Топран-нала

высоту до 10 м. Останцы стен пахсовые. Ее окружает широкий ров, в настоящее время засеянный по дну джугарой. Хорошо прослеживается вход в крепость, находящийся в юго-восточной стене.

Подъемный материал облен, преобладает средневековая серо-глиняная и поливная керамика IX—XIV вв. Очевидно, памятник многослойный.

Во время пребывания на Урге отряд обнаружил остатки другой средневековой крепости хорезмшахского времени — Урга-кала, расположенной в верхней части склона мыса Урга, недалеке от сторожевой башни того же времени (рис. 9, 2).

Стены крепости были сложены из плит известняка; они разобраны населением для строительных нужд; на месте стен сохранились валы, позволяющие проследить в общих чертах ее прежнюю планировку и внутреннюю застройку. Собран большой подъемный материал.

Еще две средневековые крепости обследованы на территории Кунградского района, близ современных кладбищ Маштак-ата и Бурахан-ата. Городище Маштак-ата — небольшое, квадратной формы со стороной в 50 м. Стены размыты, но хорошо прослеживаются. Пухлый солончак внутри городища мешает выявить внутреннюю планировку. Среди находок — керамика, гончарные шлаки, кирпич. В северо-восточном углу крепости найден большой фрагмент венчика черного хума, богато украшенного резным орнаментом. Городище датируется XII—XIII вв.

Городище Бурахан-ата³⁵, прямоугольное в плане, сохранило валы, башни, в северной части крепости прослеживается вход, с юга к городищу примыкает кладбище. На территории крепости подъемный материал редок, но близ нее на кладбище много находок, в том числе чрезвычайно интересные раннесредневековые хумы с рельефным орнаментом под венчиком в виде арочек и лепной бахромой на горловине.

Среди населения сохранились предания, связывающие крепость и кладбище с именем Богра-хана, «жившего тысячу лет назад, которому некогда подчинялись Ургенч, Кунград и весь Хорезм». По преданию, население часто восставало против Богра-хана и он, хотя и успел породниться с жителями Хорезма (дочь его была замужем за узбеком Хаким-ата), вынужден был, превратившись в верблюда (бура), уйти на свою родину в Кашгар, где и находится его могила. Не исключено, что в этой легенде сохранились далекие отзвуки событий, связанных с походами в Среднюю Азию в конце X в. караханидского правителя Богра-хана и с подданством Хорезма в начале XI в. Караханидскому государству.

В конце своего маршрута в Кунградском районе отряд, после обследования и фиксации ряда надгробных сооружений знаменитого казахского кладбища Дауд-ата, посетил развалины средневековой (IX—XIV вв.) крепости Топрак-кала (рис. 9, 3), открытой еще в 1946 г. Хорезмской экспедицией, не успевшей тогда, однако, за отсутствием времени снять ее план и собрать подъемный материал; это и было сделано каракалпакским отрядом в 1959 г.

В Тахтакупырском районе отряд работал стационарно в селениях двух совхозов: «Тахта-Купыр» и им. Ленина.

В отделении совхоза «Тахта-Купыр» — «Коммунизм», где живут почти исключительно каракалпакско-мюйтены, родственные жителям обследованных в 1958 г. островов южного Арала, отряд провел сплошное полевое этнографическое обследование нескольких аулов, фиксируя местный тип расселения, жилище, утварь, одежду, прикладное искусство и т. д.

³⁵ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 151—152. Автор полагает возможным отождествить это городище (Хаванд по Мунису и Агехи) с упоминаемым Истахри городом X в. Медминией.

Отсюда отряд выезжал к расположенному невдалеке от поселка Кара-Узьяк большому каракалпакскому кладбищу Отегул-аулия, где находится могилы популярного исторического деятеля середины XIX в. Ораз-аталыка и его сына Ауэз-аталыка. На этом старинном кладбище встречаются разные типы могил (в том числе групповые — большесемейные, окруженные высокими оградками из битой глины, с резным узором и угловыми башенками «конгра»).

Несколько другого характера работы проводились в совхозе им. Ленина, расположенном в исторической местности, называвшейся урочищем (низменностью) Даукара. Еще в конце XIX в. здесь существовали большие озера (Кара-Терень, Кунград и др.), в настоящее время пересохшие; сейчас сохранилась лишь небольшая часть озера Кара-Терень. Это вытянутое в меридиональном направлении соленое озеро находится под обрывистым склоном западного отрога возвышенности Бельтау. К югу от него простораются хлопковые поля совхоза.

У жителей окрестностей озера Кара-Терень записано много связанных с ним легенд, в том числе и легенды о происхождении озера. Согласно одной из них, низина, на которой впоследствии образовалось озеро, до этого затопливалась периодически водами как Аму-Дарьи, так и Сыр-Дарьи. В центре этой низины, по преданию, находился город. Сначала низина была затоплена водами Аму-Дарьи, но воды было не очень много, и город уцелел. Вторичное затопление было вызвано прорывом вод Сыр-Дарьи; вода хлынула по руслу Жаны-Дарьи и на этот раз затопила всю низину, так что город погиб. «До сих пор рыбаки находят в озере Кара-Терень следы погибшего города — жженный кирпич, казаны, разную бытовую утварь», — заключил рассказывавший легенду старик.

Известно, что главное русло Жаны-Дарьи делает поворот к северо-востоку и впадает в Аральское море восточнее озера Кара-Терень; тем не менее, нельзя не отметить, что эта легенда в какой-то мере подтверждает археологические данные о существовании в древности смыкания дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи; отголосок этого, видимо, сохранился в народной исторической традиции у местного населения. К юго-западу от озера Кара-Терень, на территории совхоза им. Ленина, отряд провел обследование местности Манатай, некогда представлявшей собой остров на озере Кара-Терень, заселенный каракалпаками; этот остров существовал еще в 70-х годах XIX в. и отмечен на карте А. В. Каульбарса, который сообщает, что жившие на этом острове каракалпаки занимались, наряду со скотоводством и рыболовством, земледелием³⁶. Отряд действительно обнаружил на бывшем острове следы ирригации с разнообразными типами орошения полей. В окрестных поселках совхоза записано много сведений о конструкции водоподъемных сооружений, которыми в прежнее время воды озера направлялись в каналы и на поля. Такими сооружениями были преимущественно «кол-серпне» — большие треноги с подвешенными к ним черпаками, при помощи которых работающий на «кол-серпне» человек перебрасывал воду из озера или водоема в расположенный выше арык. Как оказалось, в данной местности устраивались целые системы расположенных ступенями «кол-серпне», подымавших воду, — такие сооружения назывались «астып-устине» (снизу — вверх).

Существовал и другой способ использования озерной воды для орошения — самотечный: прямо из озера проводили арык в близлежащие низинки, в которых располагались посевы (главным образом проса). Такие поля называли «аяк жери», т. е. орошаемые самотеком, «аячные» земли.

³⁶ А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. «Зап. Русск. Географ. об-ва по общей географии», т. IX. СПб., 1881, стр. 93.

В окрестностях Кара-Тереня, как и в других районах работ 1958—1959 гг., отряд собирал большой этнографический материал не только среди каракалпакского, но и среди местного казахского населения, почти не отличавшегося по своему прежнему хозяйственно-бытовому укладу от каракалпаков и пользовавшегося теми же способами орошения полей, ловли рыбы и др.

Во время работ в Тахта-Купырском районе отряд выявил небольшую (около 25 хозяйств) группу киргизов, живущих на территории этого района, в местности «Ешки улген», уже около 100—125 лет (четыре — пять поколений). Осведомление этой этнографической группы представляет большой научный интерес.

Туркменский этнографический отряд в 1959—1960 гг. работал в Калининском, Тельманском и Тахтинском районах Ташаузской области Туркменской ССР.

Наибольшее внимание в 1959 г. уделялось сбору материала среди туркмен-йомутов, живущих в Тельманском и Тахтинском районах Ташаузской области, особенно — изучению самой восточной группы ташаузских йомутов — туркмен-карайылгынылы³⁷.

В 1959 г.³⁸ было начато стационарное изучение культуры и быта населения колхоза «Коммуна» Тахтинского района.

В 1960 г.³⁹ работа была сосредоточена преимущественно в этом и соседних колхозах.

Колхоз «Коммуна» расположен в юго-западной части района на границе с песками. Населяют эту территорию туркмены-йомуты, в прошлом принадлежавшие к тем же племенным группам, что и йомуты других районов Ташаузской области — салах, окул, орсукчи. В восточной части района живут йомуты-ушаки, которые не встречаются почти ни в одном из других районов Ташаузской области. Они живут компактно в нескольких колхозах (колхозы «Победа», им. Москвы, им. Крупской и др.), составляя в них большинство населения, и до сих пор отличаются от других групп туркменского населения по ряду элементов материальной и духовной культуры.

Интересны предания о времени поселения йомутов на территории нынешнего Тахтинского района и родине их предков.

Некоторые из информаторов утверждают, что они исконные жители этой местности, большинство же родиной йомутов считает западные районы — Мангышлак, Устюрт и Южную Туркмению (территория приатрекских степей и берега реки Атрека).

Сведения большинства информаторов о времени поселения йомутов в Хорезме не расходятся с письменными источниками, свидетельствующими о частичном переселении этого племени в Хорезм в первой поло-

³⁷ Общие результаты работ отряда за предыдущие годы см.: Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. «Труды ХЭ», т. I. М., 1952, стр. 427—460; е е же. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг. «Материалы ХЭ», вып. 1. М., 1959, стр. 168—189; е е же. Объяснительная записка к этнографической карте Ташаузской области и карты. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. «Труды ИЭ», новая серия, т. XLVIII, 1960; Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Изв. АН Туркменской ССР», 1957, № 2, стр. 99—106.

³⁸ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Г. П. Васильева, научные сотрудники Т. Н. Томина, К. Ниязклычев, архитектор Ю. В. Стеблюк, художник Т. В. Полетика, фотограф В. А. Родькин, аспирант Ин-та этнографии АН СССР Д. Е. Еремеев, шоферы автобазы АН СССР Н. А. Хайлук и И. П. Зинюков.

³⁹ Состав отряда в 1960 г.: начальник отряда Г. П. Васильева, научные сотрудники Т. Н. Томина, В. Н. Басилов, Х. Пирмедов, художник Т. В. Полетика, фотограф Г. А. Аргиропуло, лаборант И. Хангельдыев, сотрудник краеведческого музея АН Туркменской ССР (г. Ашхабад) В. М. Арбузова, шоферы автобазы АН СССР В. Б. Куякиш, А. И. Сапронов.

Рис. 10. Юрта чоудоров. Ташаузская область

вине XVIII в. Живущие в Тахтинском районе туркмены — потомки первых нукеров, привлеченных хивинскими ханами на военную службу и наделенных за эту службу земельными наделами (атлык).

Все живущие в западной части района туркмены-йомуты связаны узами родства с йомутским населением Куля-Ургенчского, Ленинского и других районов Ташаузской области. Однако в хозяйстве местных йомутов земледелие издавна решительно преобладало над скотоводством, которое традиционно считалось основным занятием туркмен-йомутов.

На самом деле подавляющее большинство хорезмских йомутов вело комплексное хозяйство, сочетая занятие скотоводством с поливным земледелием.

Большая роль земледельческого хозяйства в жизни тахтинских йомутов, многие земледельческие обряды и обычаи, сохранившиеся до последнего времени, свидетельствуют, вероятно, об этнической связи современных туркмен этого района с древним земледельческим населением Хорезма. Особенно заметна эта связь в культуре населения восточной части района — йомутов-ушаков, многие из которых считают себя исконными обитателями занимаемой территории.

Центр расселения ухаков — местности Бузгумен (Муз — кумган хивинских хроник) и Ак-Сарай, где находится небольшой «динг» (сторожевая башня). В хивинских хрониках, сообщениях восточных авторов XVIII—XIX вв. эти названия местностей упоминаются неоднократно при перечислении районов обитания йомутов.

Интересны полученные в полевой сезон 1959 г., а затем проверенные в 1960 г. сведения о дойомутском туркменском населении этого района, называемом йомутами «алборикли». Потомки этих туркмен живут сейчас в нескольких километрах к югу от города Ургенча. Они сохраняют еще особый диалект туркменского языка, но в остальном почти ничем не отличаются от окружающего узбекского населения. Их самоназвание «ал-ойлукли» (чужedomные). Старики помнят свое туркменское проис-

хождение и связывают себя с салорами, покинувшими оазис в конце XVII в.

Основное внимание в период полевых работ 1960 г. было обращено на изучение современной культуры населения Тахтинского района. Материальная культура сохраняет здесь свои национальные формы и некоторое своеобразие, присущее в прошлом туркменам-йомутам Ташаузской области. Вместе с тем возросшее благосостояние колхозного крестьянства, рост культуры и крепнущие связи с городом внесли много нового в быт туркмен. Значительно укрепились элементы культуры, присущие в советское время всем народам Средней Азии.

В 1960 г. отряд изучал также религиозные верования и их пережитки, степень и формы сохранения последних.

На территории колхоза, в непосредственной близости от центральной поселка, расположен мазар Исмамут-ата, об истории которого собраны интересные сведения.

Рис. 11. Старинный праздничный наряд чоудорских женщин

Важное место в работе отряда 1959 и 1960 гг. занимал также сбор материала для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

Уже сейчас на основании исследований отряда можно составить типологическую карту распространения среди ташаузских туркмен видов постоянного глинобитного жилища и типов юрт. Юрты сохраняются почти во всех районах, особенно в Куня-Ургенчском, Калининском и Тахтинском, в качестве летнего жилища и делятся на два типа: со сферическим, уплощенным куполом, бытующие в большей части районов у йомутов, и с коническим верхом, по типу приближающиеся к каракалпакским, северо-восточным казахским и северным киргизским. Этот тип юрты зафиксирован у чоудоров (рис. 10) и отличается от юрты первого типа, кроме указанного основного признака, характером внешнего оформления и внутреннего убранства.

Собирая материалы для атласа, отряд провел обследование туркменчоудоров, живущих в Калининском и примыкающих к нему колхозах Тельманского и Ильялинского районов.

Чоудоры — одно из древнейших туркменских племен, издавна связанное с Мангышлаком и приаральскими степями; из Аральского владения в Хивинское ханство чоудоры, по данным хивинских хроник, переселились в 1810 г.⁴⁰ До настоящего времени они отличаются по культуре от других туркмен Ташаузской области и имеют некоторые общие черты с северными узбеками и каракалпаками.

Этнографически эта группа еще не исследовалась и детальное изучение ее, видимо, выявит общие этнические элементы с названными выше народами.

Большим своеобразием отличаются старинные женские головные уборы, халаты и платья из красного сукна, богато украшенные вышивкой (рис. 11). Все эти старинные чоудорские вещи вышивались тамбурным швом, который в настоящее время употребляется туркменами редко.

⁴⁰ МИТТ, т. II, М., 1938. стр. 378.

Характер вещей, их орнаментация и исполнение тамбурным швом — все это находит аналогии у родственных чоудорам туркмен-игдыр, ходжа и шихов, живущих на побережье Каспийского моря севернее Красноводска, а в орнаменте много общих элементов с каракалпакским и казахским орнаментом западных областей⁴¹. Ковровые изделия чоудоров по орнаменту и окраске также отличаются большим своеобразием. Серебряные украшения сходны с распространенными у туркменского племени арабачи и старинными гокленскими.

Туркменский отряд собрал для атласа также материал по обычаям и обрядам. Старый свадебный обряд у отдельных групп тапаузских туркмен (Йомутов, чоудоров, емрели, карадашлы и др.) и у некоторых йомутских родовых подразделений отличался во многих деталях, иногда весьма существенных.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ДРЕВНИХ РУСЛАХ СЫР-ДАРЫИ

1

В 1958—1961 гг. Хорезмская экспедиция продолжала начатые ею ранее планомерные разведочные и стационарные археологические работы по изучению древних русел Сыр-Дарьи и истории заселения их человеком⁴². Исследования, проводившиеся с широким применением авиаметодов на древних сухих руслах Сыр-Дарьи, важнейшие из которых известны сейчас под названием Куван-Дарьи и Жаны-Дарьи, показали, что этот район, являющийся сейчас пустыней, изобилует многочисленными памятниками первобытной эпохи, античности и средневековья (рис. 12). По обилию и значительности памятников район не уступает участкам пустыни, непосредственно окружающим Хорезмский оазис, т. е. участкам, исследование памятников которых легло в основу обобщений по истории древнего Хорезма, первобытной, античной и раннесредневековой эпохи.

В течение трех полевых сезонов (1958—1960 гг.), каждый из которых продолжался 2,5—3 месяца, экспедиция продолжала стационарные раскопки на городище Чиряк-Рабат — древней столице апаснаков и на комплексе памятников, известных под названием Бабиш-Мулла, принадлежащих также к памятникам культуры апаснаков⁴³.

С 1958 г. было начато планомерное обследование южного протока Жаны-Дарьи — Инкар-Дарьи. Разведка 1958⁴⁴ и 1959 гг.⁴⁵ охватила нижний и средний участки этого русла — его западную часть, от района колодцев Жаллак (отрезок, расположенный к северу от Жаны-Дарьи) до бугров к югу от развалин крепости Кум-кала.

⁴¹ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 154, 156. Особенно близок к чоудорскому орнаменту узор на сундукках.

⁴² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева и Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4, М., 1960, стр. 15—62, там же дана библиография.

⁴³ Подробно об этих раскопках см. ниже.

⁴⁴ Состав отряда: начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. А. Итина, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, старший научный сотрудник Ин-та географии АН СССР А. С. Кесь, научные сотрудники Н. Н. Вактурская, А. В. Виноградов, инженер-картограф Н. И. Игонин, фотограф Г. А. Аргиропуло, врач А. А. Воронов, шоферы экспед. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. П. Волков, Б. В. Прокофьев.

⁴⁵ Состав отряда в 1959 г.: начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда Б. В. Андрианов, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, научный сотрудник Н. Н. Вактурская, архитектор Ю. В. Стеблюк, аспирант ИЭ АН СССР Л. М. Левина, студент-практикант Т. Четырбок, врач А. А. Воронов, шоферы экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков, Н. С. Горин, Н. А. Хайлук, В. В. Цветков. На втором этапе работ, помимо вышеуказанных сотрудников, участвовали научные сотрудники М. А. Итина, Е. Е. Неразник, Р. Л. Садоков, архитектор В. А. Лапнев, фотограф В. А. Родькин, студент-практикант С. Припоров и четырнадцать рабочих.

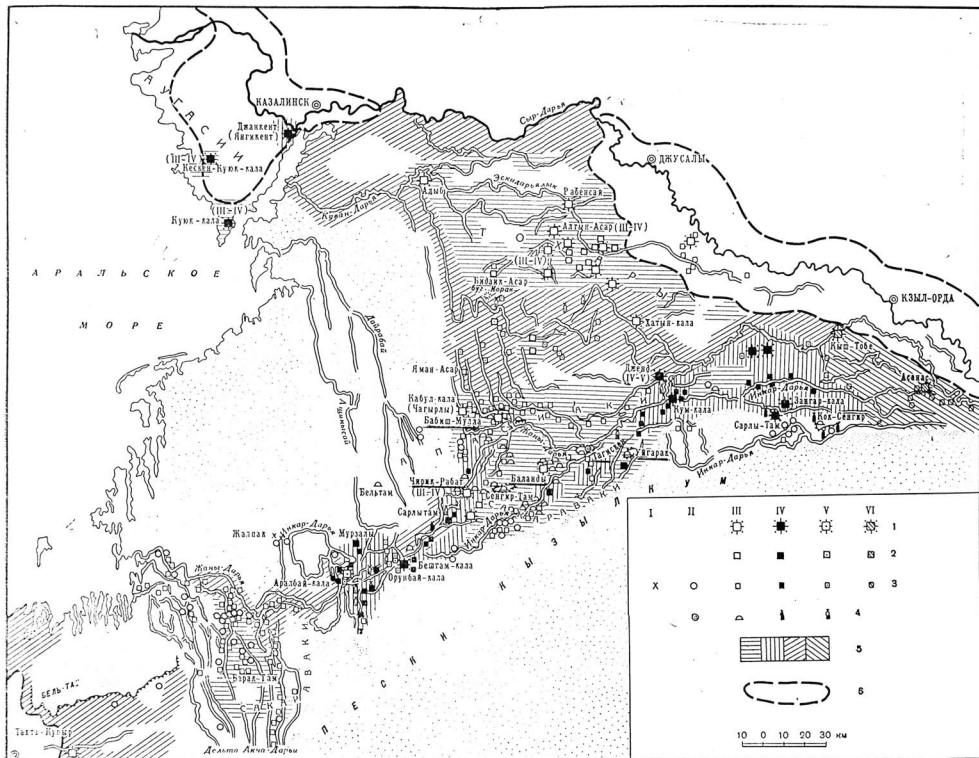

Рис. 12. Карта работ Хорезмской экспедиции на древних протоках Сыр-Дарьи:

I — неолит; II — бронза; III — античные памятники; IV — средневековые памятники; V — поздние памятники; VI — недавние памятники; (III — IV) — указание на многослойность памятника; 1 — города и крупные крепости; 2 — большие поселения и отдельные укрепления; 3 — небольшие поселения и стоянки; 4 — погребальные сооружения (курганы, здания, могилы); 5 — земли древнего орошения с остатками ирригационных сооружений; 6 — современные орошаемые земли

В 1960—1961 гг.⁴⁶ эти работы были продолжены и русло с прилегающей территорией было обследовано дальше на восток, вплоть до культурной полосы к западу от Кзыл-Орды.

Если на Жаны-Дарье мы не встретили памятников первобытной культуры, то на Инкар-Дарье в первый же сезон таковые были открыты.

В 1958 г. в низовьях Инкар-Дарьи в урочище Жалпак были обнаружены поздненеолитические стоянки, а на среднем отрезке ее течения, в урочище Камысты, были найдены небольшие стоянки бронзового века керамика которых позволяет отнести их к культуре степной бронзы.

Помимо этого на широтном отрезке Инкар-Дарьи было открыто античное городище, синхронное Чирик-Рабату, и развалины большого средневекового поселения, названного нами Иркибай-кала (XII—XIV вв.).

В 1959 г. был обследован участок русла от колодцев Камысты до урочища Кос-Тюбе. В урочище Баян обнаружено свыше десяти разветвленных стоянок, часть которых относится к эпохе бронзы, другие оставлены сакским населением и датируются IV—II вв. до н. э.

Здесь же была найдена курганная группа неизвестного до сих пор типа, отличительной особенностью которой является обрамление каждого кургана кольцом из больших глыб керамического шлака, изготовленного, видимо, специально для этой цели. Курганы эти названы «шлаковыми», датируются VI—V вв. до н. э. и содержат трупосожжение. Большой интерес представляет обнаруженное в урочище Баланды групповое захоронение с труположением (Баланды 4), которое датируется IV—II вв. до н. э. Помимо остатков асиакских поселений, в урочище Баланды был открыт небольшой асиакский городок Баланды 1 с примыкающей к нему деревней с разветвленной пригационной сетью.

Рядом с ним стоит погребальное круглое здание с купольным перекрытием — Баланды 2, датируемое тем же временем, что и городище.

В 1,5 км к востоку от этих памятников расположено еще одно погребальное сооружение — Баланды 3, представляющее собой тип так называемых крестовин (см. ниже), для которых характерно трупосожжение.

Двигаясь далее к северо-востоку, маршрутный отряд открыл погребальное сооружение из сырцового кирпича и пахсы, названное «Красный курган», ибо его развалины обращают на себя внимание своим красным цветом — результат совершенного здесь трупосожжения.

Интересным открытием 1959 г. является курганная группа на плато Тагискен, обнаруженная с воздуха; она при предварительном наземном обследовании была отнесена к эпохе поздней бронзы.

Наконец, в 35 км к востоку от бугра Тагискен, близ бугра Уйгарак было обнаружено крупное средневековое поселение Уйгарак, давшее очень богатый подъемный материал и датируемое XII—XIV вв.

В конце полевого сезона на таких объектах, как Тагискен, Баланды 2, 3 и 4, были проведены рекогносцировочные раскопки.

В 1960 г., помимо стационарных работ на Чирик-Рабате и Бабиш-Мулте, раскопки велись на курганной группе Тагискен и на Баланды 2. Рекогносцировочные раскопки были проведены на городище Баланды 1, на

⁴⁶ Состав отряда в 1960 г.: начальник экспедиции С. П. Толстов, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, научные сотрудники Б. В. Андрианов, Н. Н. Вактурская, научно-технические сотрудники М. И. Земская, аспирант ИЭАН СССР Л. М. Левина, архитектор Г. Ушаев, фотограф Г. А. Павлиди, студент-практикант Н. Н. Созина, врач А. А. Воронов, шоферы экспед. автобазы АН СССР Н. С. Горин, Н. Н. Кузнецов, П. Ф. Кузнецов и четверо рабочих; в 1961 г.: начальник экспедиции С. П. Толстов, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, научные сотрудники Б. В. Андрианов, Н. Н. Вактурская, Е. Е. Неразник, фотограф Г. А. Аргироуло, врач А. А. Воронов, студенты-практиканты Е. В. Соколов и Б. В. Луныков, шоферы экспед. автобазы АН СССР А. А. Бабичев, Н. С. Горин, Ф. В. Елифанов. В работах разведывательного отряда участвовала также старший научный сотрудник Ин-та географии АН СССР А. С. Кесь.

средневековом поселении Уйгарак и на курганной группе Уйгарак, открытой во время авиамаршрута 1959 г.

В 1961 г. были продолжены раскопки могильника Тагискен, где наряду с некрополем эпохи поздней бронзы был открыт большой сакский могильник, расположенный к югу от последнего. В этом же году были начаты стационарные раскопки сакского могильника на бугре Уйгарак.

Кроме того, на городище Баланды 1 были продолжены рекогносцировочные раскопки, начатые в 1960 г.; раскопки были также проведены на погребальных сооружениях — «крестовинах» Асар и Чирик 2. Во время маршрута на бугре Кок-Сенгир были обнаружены, а позднее раскопаны три кургана позднесарматского типа (II—III вв.).

Маршрутное обследование было продолжено дальше на восток. Среди открытых памятников следует отметить ряд поселений (одно из них неподалеку от Уйгарака), давших керамический материал, в известной степени сходный с керамикой из тагискенских погребальных сооружений. Свидетельством оседлости племен, оставивших эти поселения, и знакомства их с ирригационным земледелием являются остатки жилищ оседлого типа и каналы, отведенные от находящегося поблизости большого русла. Помимо этих поселений, предположительно относимых к эпохе поздней бронзы, в урочище Зекет были обнаружены развешенные сакские стоянки. Однако основная масса памятников на этом восточном отрезке русла относится к средневековью. Среди них в первую очередь следует назвать комплексы Кум-кала, Сарлытам, Зангар-кала, на описании которых мы остановимся ниже.

Работы археолого-топографического отряда экспедиции (начальник отряда Б. В. Андрианов) в 1958 г. проводились в бассейне Жаны-Дарьи и к северу от Куван-Дарьи. Основной задачей отряда было исследование пограничной зоны между памятниками бабшмуллинского типа, базировавшихся на водах Жаны-Дарьи и памятниками античного земледелия в урочище Джеты-Асар, ирригационные системы которых питались водами Куван-Дарьи. Отряд зафиксировал множество апаснакских сельских поселений и городищ асарского типа, что позволило уточнить территорию расселения племен, оставивших эти памятники.

Кроме того, юго-западнее Чирик-Рабата, в бассейне Жаны-Дарьи, было открыто крупное средневековое поселение хорезмшахского времени (XII—XIII вв.), расположенное в низовьях одного из русел в урочище Мурзалы.

Отряд вновь обследовал городище того же времени Джан-Кала, расположенное в 115 км к западу-юго-западу от Кзыл-Орды, на правом берегу Жаны-Дарьи (на древнем боковом протоке в 4 км от основного русла), отождествляемое нами с городом Дженд⁴⁷.

Наконец, отрядом были обследованы позднесредневековые ирригационные системы каракалпаков, базировавшиеся на водах Жаны-Дарьи.

Таким образом, рекогносцировки и раскопки, которые велись экспедицией на древних сырдарьинских руслах в течение ряда последних лет, дали нам возможность, также, как и по отношению к древним руслам Аму-Дарьи⁴⁸, попытаться восстановить историю этих русел, историю заселения их человеком⁴⁹. Более того, полученные при этом данные способствовали дальнейшему углублению наших знаний в области истории древних сакских племен, их культуры и территории расселения каждого из них в этом районе. Видимо, наиболее древним из главных дельтовых

⁴⁷ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 59—61.

⁴⁸ См.: Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения человеком). «Материалы ХЭ», вып. 3, М., 1960.

⁴⁹ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4, стр. 114—119; его же. Приаральские скифы и Хорезм. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

русел Сыр-Дарья было самое южное из них — Инкар-Дарья. Расположение археологических памятников показывает, что Жаны-Дарья, функционировавшая, несомненно, в античное время (начиная с V в., а может быть, и с VI в. до н. э.), о чем свидетельствуют многочисленные поселения античного времени на ее берегах, в эпоху первобытности еще не существовала. В непосредственном соседстве с этим руслом мы не имеем ни одной стоянки эпохи неолита или бронзового века. Напротив, на Инкар-Дарье, которая течет параллельно Жаны-Дарье, но имеет более сложную конфигурацию и, сильно меандрируя, несколько раз пересекает Жаны-Дарью, мы открыли памятники неолита (в нижнем ее течении) и эпохи бронзы на всем ее протяжении. Видимо, на рубеже первобытного и раннеантичного, архаического, периодов, т. е. между VII и V вв. до н. э., произошло спрямление извилистого русла Инкар-Дарьи и сформировалось русло Жаны-Дарьи. Те отрезки Инкар-Дарьи, которые при этом выпали из постоянного течения нового русла, превратились в старицы и озера, постоянно заполнявшиеся водой, о чем свидетельствуют обнаруженные нами в 1959 г. на берегах Инкар-Дарьи следы ирригации примитивного озерного типа и значительное число поселений античного времени.

Примерно в это же время действовало другое, более северное русло, называемое нами условно Пра-Куван-Дарьей. Это идущая параллельно современным руслам нижней Сыр-Дарьи, к югу от нее, система обрывков древних русел — «дарьялыков», которая впоследствии, но уже значительно позднее, также была спрямлена и объединилась в русло Куван-Дарьи. На этих «дарьялыках» Пра-Куван-Дарьи расположен тоже большой комплекс античных памятников, но другой культуры, отличной от характерной для Жаны-Дарьи (комплекс Джеты-Асар)⁵⁰.

Собственно Куван-Дарья была заселена значительно позднее. Вдоль нее расположены каракалпакские памятники (селения и ирригационные системы) XVIII—XIX вв. Такого же типа ирригация была обнаружена и на Жаны-Дарье, где она перекрывает в ряде районов памятники античности и средневековья.

Но история Жаны-Дарьи была сложнее. Видимо, примерно, через несколько столетий после ее возникновения, еще в период поздней античности, постоянное течение по ее руслу прекратилось, в то время как Пра-Куван-Дарья продолжала действовать и, более того, стала основным направлением Сыр-Дарьи на нижнем участке ее русла. С тех пор постоянного течения на Жаны-Дарье не было на протяжении нескольких столетий, включая раннее средневековье. Но несколько позднее, в XI—XVI вв. наступил новый период обводнения этого русла, на нем возникают многочисленные средневековые города и поселения.

Очевидно, в древности и раннем средневековье главное русло Сыр-Дарьи на участке ниже района нынешней Кызыл-Орды шло не там, где оно находится в настоящее время. В эпоху первобытности главным направлением ее течения была Инкар-Дарья, а в ранней античности Жаны-Дарья и Пра-Куван-Дарья, причем последняя была обводнена дольше Жаны-Дарьи, вплоть до раннего средневековья (об этом говорят «золотые городища» эфталитов и гузов в ее низовьях⁵¹).

Что же касается более позднего времени — XI—XIV вв., то новые материалы дали возможность предположить, что в этот период основным

⁵⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 125—140; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. I, 1952, стр. 16—29; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, стр. 235—252.

⁵¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1947, № 2, стр. 180—

протоком сыр-дарьинской дельты снова стала Жаны-Дарья, и именно она ниже города Отрара являлась руслом, которое арабоязычные авторы средневековья называли «Сейхун». По нынешнему своему руслу, самому восточному дельтовому протоку, Сыр-Дарья, видимо, устремилась сравнительно недавно, во всяком случае позднее, чем по перечисленным выше юго-западным протокам.

После этого небольшого, но необходимого вступления, перейдем к подробному обзору открытых и исследованных памятников.

2

Изучение памятников первобытной культуры на древних руслах Сыр-Дарьи в ее нижнем течении находится еще на начальном этапе, но уже сейчас некоторые результаты наших исследований позволяют заключить, что данный район представляет огромный интерес для понимания пред-ыстории и истории формирования сакских племен Среднеазиатского Междуречья.

Из наиболее ранних памятников до недавнего времени были более или менее известны стоянки позднекельтеминарской культуры в низовьях сыр-дарьинской дельты, опубликованные А. А. Формозовым⁵² и частично обследованные в 1955 г. А. В. Виноградовым⁵³. Начавшиеся в 1958 г. разведочные работы на Инкар-Дарье сразу же обнаружили на нижнем ее отрезке, в урочище Жалпак, к северу от колодца Чабан-Казган, скопления неолитических кельтеминарских стоянок с кварцитовым и кремневым микролитическим инвентарем⁵⁴. В этом же районе были открыты стоянки бронзового века с керамикой тазабакъябского типа. Две стоянки бронзового века и единичные находки неолитических каменных орудий были найдены и на средней Инкар-Дарье, к юго-западу от колодца Камысты.

Работы 1959 г. значительно дополнили наши находки памятников эпохи бронзы на Инкар-Дарье. Уже в начале разведочного маршрута, к юго-западу от колодцев Баян, было найдено несколько стоянок этого времени. Однако наиболее интересной оказалась группа курганов на возвышенности Тагискен.

Могильник Тагискен находится примерно в 200 км к юго-западу от города Кызыл-Орда (Кзыл-Ординская область, Казахская ССР). Он расположен на высоком обрывистом берегу одного из южных протоков Жаны-Дарьи — Инкар-Дарьи, в том месте, где река образует излучину, огибая возвышенность Тагискен. Могильник был найден и обследован Инкар-дарьинским отрядом Хорезмской экспедиции в 1959 г. и подвергнут стационарным раскопкам в 1960—1961 гг.⁵⁵ Погребальные сооружения имели вид курганов, которых первоначально было найдено 11, а впоследствии было установлено, что их более 70 (рис. 13). Довольно отчетливо выделяются две курганные группы: одна из них — северная и меньшая,

181; его же. Города гузов, СЭ, 1947, № 3, стр. 57—71 и сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 210—213.

⁵² А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестник Казахстанского филиала АН СССР, 1945, № 2, стр. 6—8; его же. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. Там же, 1946, № 5, стр. 24 и сл.; его же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58; его же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 141—147.

⁵³ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской в 1955 г. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 7, 1959, стр. 75—85.

⁵⁴ О стоянках в урочище Жалпак см. статью А. В. Виноградова в настоящем сборнике.

⁵⁵ Состав отряда 1960 г.: начальник отряда М. А. Итина, научные сотрудники А. В. Виноградов, О. А. Вишневская, В. А. Лоховиц, Ю. А. Рапопорт, научно-технические сотрудники А. Ф. Леонова, С. А. Оленич, А. М. Хазанов, архитектор

открытая в 1959 г., вторая — южная, содержащая наибольшее количество насыпей. Южная группа, кроме сооружения 1, содержит сакские курганные захоронения, датируемые VI—V вв. до н. э. (см. ниже). Северная группа менее однородна в хронологическом отношении, ибо содержащиеся в ней погребальные сооружения датируются большим периодом, охватывающим, видимо, почти все I тысячелетие до н. э. Кроме того, основная масса погребальных сооружений северной группы курганами в собственном смысле слова не является, хотя внешне до раскопок они имели вид круглой насыпи высотой от 0,2—0,4 м до 1,5 или выделялись на заросшей поверхности плато в виде белесых пятен, круглых в плане. Лишь на поверхности сооружений 1, 2, 5 и 6 были видны следы сырцового кладки.

Наибольший интерес представляет обнаруженный здесь некрополь эпохи поздней бронзы (рис. 14а), датируемый нами IX—VIII вв. до н. э., возможно с незначительным отклонением в ту или другую сторону. Это комплекс погребальных сооружений из прямоугольного сырцового кирпича, которые принадлежат, безусловно, к одной культуре, но среди них можно выделить уже более ранние и более поздние. В 1959—1961 гг. были раскопаны погребальные сооружения 4, 4 а—в, 5, 5 а—е, 6, 7 а—д — все они, кроме 5, относятся к указанному времени^{55а}.

Наиболее ранними сооружениями являются мавзолей 4, 5а и 7, построенные из прямоугольного сырцового кирпича (54 × 28 × 10 — 12, 48 × 32 × 10 — 11 см) рыжеватого цвета, сделанного из местной коренной породы⁵⁶. Основой планировки этих сооружений является круг (диаметр 14 м), вписанный в квадрат внешней стены (рис. 14а), ориентированной сторонами по сторонам света (длина стороны — 17,5—18 м). По кольцу на расстоянии 1,6 м от внешней стены располагаются 8 или 12 прямоугольных кирпичных колонн (1,2 × 1,4 м) максимально сохранившаяся высота которых приближается к 2 м (мавзолей 5а, рис. 14). Далее к центру, на расстоянии 1,3 м от этого кольца, располагаются 4 или 8 таких же колонн, но образующих в плане прямоугольник. По одной такой колонне имеется в каждом из четырех углов сооружения. Колонны первого, большего кольца соединены между собой тонкой кирпичной (мавзолей 5а) или плетневой (мавзолей 4) стенкой, покрытой обмазкой. С внутренней стороны к этой стенке пристроены скамейки (мавзолей 5а), занимающие все пространство между двумя рядом стоящими колоннами, так что тонкая стенка является как бы их спинкой.

Колонны второго ряда между собой никак не соединялись. Таким образом, системой этих колонн погребальное сооружение делится на внешний коридор, следующий за ним, тоже круглый, внутренний коридор и, наконец, расположенную в центре прямоугольную камеру.

Вход в мавзолей располагался в восточной стене и вел прямо во внутренний коридор. Во внешний коридор попасть было невозможно, так как он был перегороден двумя тонкими стенками, между которыми и располагался проход.

Ю. В. Стеблюк, инженер-картограф Н. И. Игонин, фотографы Г. А. Павлиди и В. А. Родькин, механик М. У. Юнисов, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Прокофьев и 16 рабочих-землекопов. Состав отряда в 1961 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. А. Итина, заместители начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко и В. А. Лоховиц, зам. начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники О. А. Вишневская и Ю. А. Рапопорт, научно-технические сотрудники Э. Б. Вадепкая, А. Ф. Леонова, С. А. Оленич, А. В. Оськин, А. М. Хазанов, архитектор Ю. В. Стеблюк, фотограф В. А. Родькин, студенты-практиканты Б. В. Луньков и Е. В. Соколов, механик М. У. Юнисов, врач А. А. Воронов, бухгалтер Н. В. Григорьева, зав. складом В. Н. Егоров, шоферы экспед. автобазы И. П. Волков, А. А. Бабичев, Ф. И. Гурков, Н. С. Горин, Ф. В. Епифанов, А. И. Сапронов, А. Ю. Миндов, Е. Л. Музыкантов.

^{55а} Погребальное сооружение 5 было вырублено в стене мавзолей 5а и содержало захоронение с сакскими черепами. Впускные сакские захоронения обнаружены также в мавзолеях 4 и 6. Все они датируются второй половиной I тысячелетия до н. э.

⁵⁶ Раскопками комплексов мавзолеев 4 и 5а руководил В. А. Лоховиц.

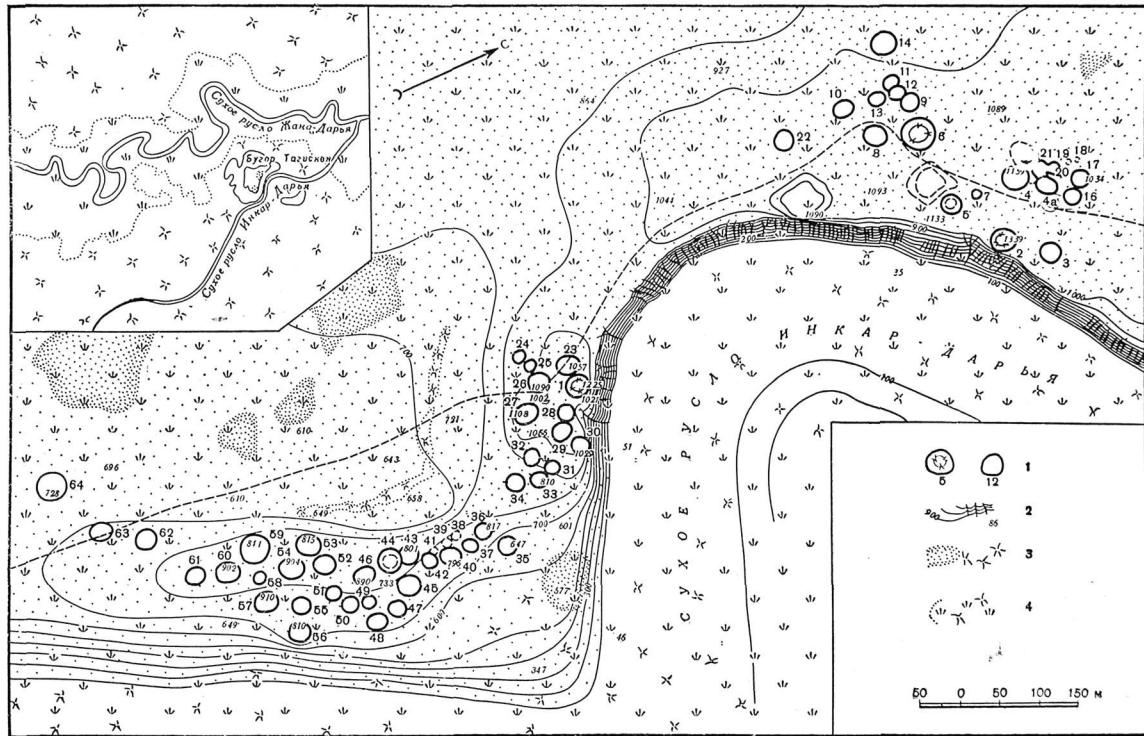
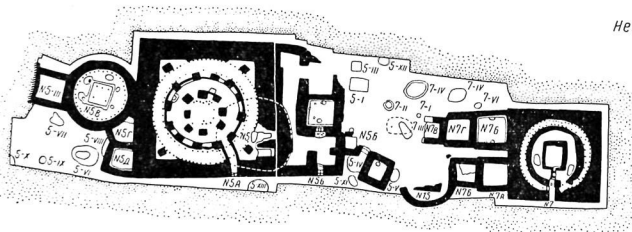
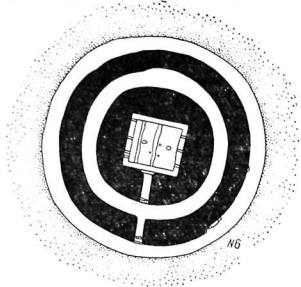

Рис 13 Могильник Тагикскан. План.

1 — курганы; 2 — горизонталы; 3 — ямы и таныры; 4 — заросшие таныры

Некрополь Тагискен
→ С

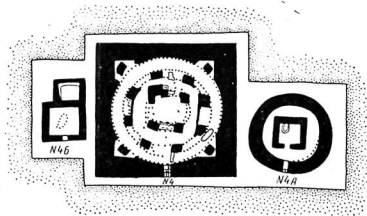

Рис. 14 а Некрополь Тагискен. План раскопанных сооружений

Рис. 14. Тагиксен. Мавзолей 5а

Пол представляет собой поверхность материкового песка, в котором по внешней и внутренней стороне колонн, равно как и по внутренней стороне внешней стены мавзолея, концентрическими окружностями располагаются столбовые ямы диаметром 15—20 см (рис. 14, 15). С конструктивной точки зрения никакой прямой необходимости в создании здесь столбовой конструкции не было, так как наличие кирпичных колонн вполне обеспечивало прочную опору для перекрытия. Видимо, это объясняется тем, что погребальное сооружение всегда подражает тому дому, в котором жил покойный. Надо полагать, что жилые дома тагиксцев были круглыми и имели столбовую конструкцию, которая в погребальное сооружение для мертвого была перенесена уже чисто традиционно. Немаловажную роль играло и то, что такое обилие дерева давало к тому же и прекрасный горючий материал, столь необходимый для тагиксенского ритуала. В мавзолеях совершалось трупосожжение, но оно предполагало не только сжигание покойника в центральной камере, но и кольцо огня вокруг нее.

В центральной камере и во внутреннем коридоре располагался погребальный инвентарь: керамика, орудия из бронзы, бронзовые и золотые украшения и прочее.

Необходимым элементом погребального ритуала было захоронение вместе с умершим костей животных. Ямы с костями животных встречались как внутри погребальных сооружений, так и рядом с ними. Osteологический материал могильника еще не обработан, но уже сейчас можно сказать, что в нем преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, в частности коз.

Коридоры и камеры мавзолея были перекрыты, причем есть основания предполагать, что мавзолеи представляли собой цилиндро-конические

Рис. 15. Тагискен. Мавзолей 4

сооружения из сырцового кирпича и дерева, обрамленные квадратом внешней стены-ограды. Для понимания этой конструкции большую роль может сыграть сравнительный этнографический материал. На территории Восточной Африки, в Эфиопии, в значительной части Судана и на юге Африки господствует цилиндрико-конический тип жилищ, построенных из дерева, травы и прутьев, обмазанных глиной⁵⁷. Основой планировки такого дома являются расположенные по кольцу деревянные столбы, окружающие центральное жилое помещение, а в центре устанавливаются два, четыре или восемь столбов, на которых держится рама конического перекрытия. Главный дом часто окружают внешние галереи или коридор, тоже окаймленный деревянными столбами. Всё сооружение окружено двором, который бывает квадратной, круглой или овальной формы. В Эфиопии и в ряде других мест эта планировка была использована при строительстве дворцовых и даже церковных сооружений, но уже с применением кирпича⁵⁸.

Разумеется, мы далеки от мысли проводить прямые аналогии между африканскими жилищами и жилищем населения нижней Сыр-Дарьи в эпоху поздней бронзы, но вероятное сходство обеих конструкций основано прежде всего на наличии сходных форм хозяйства у этих племен (скотоводческо-земледельческое) и известном сходстве климатических условий. При этом характерно, что на территории Средней Азии цилиндрико-коническая форма жилища тоже бытует на протяжении веков, а один из великолепных средневековых мавзолеев Куны-Ургенча — мавзолей Текеша — имеет именно такую форму.

⁵⁷ J. Cunningham. Uganda and its peoples, 1905; L. Frobenius. Das unbekannte Afrika. München, 1923.

⁵⁸ Deutsche Aksum-Expedition, Bd. III, Profan-und Kultbauten Nordabessinien. Berlin, 1913.

Рис. 16. Тагиксен. Образцы керамики

Как мы уже говорили, в Тагиксене господствовал обряд трупосожжения. В момент совершения обряда горело все здание. Вопрос о том, в каком виде оно продолжало существовать в дальнейшем, — остается открытым. Дело в том, что эти мавзолеи служили местом захоронения вождей, причем вокруг каждого из них группировались более скромные по масштабам погребения членов их семьи и приближенных. Эти погребения пристраивались к основному, образуя с ним единый комплекс (см. рис. 14а). Сплошная зачистка площади между указанными мавзолеями в северном и южном направлениях, которая далеко еще не закончена, дала вокруг мавзолея 5а — шесть сооружений, с южной стороны мавзолея 7 — пять сооружений, вокруг мавзолея 4 — три. При такой ситуации предположение о том, что после совершения обряда над мавзолеем насыпался курган — отпадает. С другой стороны, сомнительно, что здание так и оставалось стоять в разрушенном виде. Возможно, что после совершения обряда мавзолеем заново перекрывался, причем в этом случае непосредственной опорой для перекрытия служили кирпичные колонны. Более поздние, пристроенные погребения, представляют собой прямоугольные ограды из голубовато-белого сырцового кирпича, поставленные на древней дневной поверхности, причем могильная яма заглублена в материке на 60—80 см. Площадь оград колеблется от 35 до 50 м², причем при их сооружении часто использовалась стена мавзолея, к которой они пристраивались. Среди сооружений этого типа особое место занимает комплекс 5б, который пристроен к северной стене мавзолея 5а, но конструктивно с ним не связан. В центральной его камере находилось, видимо, женское захоронение, сопровождавшееся набором сосудов и украшениями (золотые и сердоликовые бусы, массивная золотая серьга, бронзовая булавка). К западу от камеры располагалось помещение, в котором вокруг очага стояло около сорока сосудов различных форм и раз-

Рис. 17. Тагиксен. Мавзолеем 6

меров. Это погребальное сооружение, как впрочем и все погребения Тагискена, было ограблено еще в древности.

В этот, относительно более поздний период появляются сооружения, являющиеся упрощенным вариантом древних мавзолеев, но сохранившие все основные принципы их конструкции. Это прежде всего сооружения 4а и 5в. Здесь отсутствует внешний квадратный контур, внешняя стена мавзолея круглая и между ней и прямоугольной камерой располагается кольцевой коридор. Вход по-прежнему в восточной стене, система столбовых ям та же, но колонн нет и столбы уже играют в конструкции активную роль. Так же, как и в мавзолее 7, место трупосожжения обрамлено канавкой и имеет вид как бы земляного стола.

Видимо, наиболее поздним среди погребальных сооружений этой культуры является мавзолеем 6, раскопанный в 1960 г.⁵⁹ На его поверхности до раскопок были видны следы сырцово-кирпичной кладки, найдены куски керамического шлака и обломки сосудов сделанных на гончарном круге. Диаметр холма достигал 50 м, максимальная высота его около 1,8 м. Как показали раскопки, бугор заключал в себе развалины круглого в плане погребального сооружения диаметром около 25 м (рис. 17). Оно состоит из цилиндрического центрального массива, сложенного из сырцового кирпича размером 50—60 × 25—30 × 10 см со вписанной в него квадратной погребальной камерой. Массив этот охвачен кольцом внешней стены, между ним и последней располагается коридор шириной в 2,05 м. С востока как внешняя, так и внутренняя стены, прорезаны проходом, примерно метровой ширины. Система столбовых ям отсутствует. Они здесь и не нужны, так как внешняя стена была, видимо, оградой. Камера ориентирована сторонами по странам света, ее площадь 7,3 × 6,9 м. Она заглублена на 1,3 м

⁵⁹ Раскопки вели Ю. А. Рапопорт и О. А. Вишневецкая.

ниже уровня древней дневной поверхности, и таким образом нижняя часть ее стен образуется вертикальным срезом материкового грунта. Выше шла кирпичная кладка, положенная на тонкий слой камыша. Заслуживают внимания две ямы, вырытые в земляной части западной стены, до возведения кладки. Одна из них уходит не менее чем на 2 м под стену и содержит множество костей, а возможно, и скелетов крупного рогатого скота. Видимо, здесь мы имеем дело с так называемой «жертвой закладки». Стены камеры были обложены толстым слоем камыша и веток, пол был покрыт тонкой глиняной обмазкой, поверх которой положены циночки. Вдоль стен по периметру камеры прорыта канавка шириной 60—70 см и глубиной до 30 см. Таким образом, центральная часть камеры оказывалась как бы приподнятой. В центральной части камеры в полу были обнаружены две столбовые ямы, что заставляет предполагать, что камера была перекрыта, причем концы балок перекрытия, видимо, упирались в гнезда, проделанные в кладке стен. Был ли перекрыт кольцевой коридор, — сказать трудно, однако, судя по тому, что его заполнение состоит из слоя натеков, внешняя стена мавзолея была просто оградой.

В камере совершалось трупосожжение. На полу удалось проследить пятно со следами интенсивного горения и немногочисленными мелкими обломками человеческих костей. Погребальный инвентарь был обнаружен в основном в камере. По ее углам стояли группы сосудов, причем в каждой из них были сосуды определенного назначения. Кроме того, здесь были найдены бронзовые серповидный ножичек и скобель, бронзовые иглы, поделки из золота (рис. 18, 5, 8, 10). Большой интерес представляет находка более ста бронзовых гвоздей, прямоугольных в сечении, имеющих круглую плоскую шляпку и уплощенный конец (рис. 18, 9).

Точно такими же гвоздями прикреплялись кошмы к стенам погребальных камер второго и пятого Пазырыкских курганов⁶⁰. Гвозди здесь вбивались в пазы между бревнами сруба, чем, видимо, и объясняется наличие у них уплощенного, а не круглого заостренного конца. На Тагпскене ими также, видимо, прибывались к стенам камеры ковры или кошмы, но здесь сруба не было и гвозди вбивали в швы между кирпичами. Наконеч, в камере мавзолея 6 были найдены обломки глиняной жаровни прямоугольной формы со скругленными углами.

Мавзолей 6 — погребение очень знатного лица, так что, хотя записка вокруг него и не велась, надо ожидать, что и тут будут обнаружены постройки. О знатности погребенного в кургане 6 покойника говорит и необыкновенно богатая коллекция посуды (здесь было более 60 сосудов). Примерно $\frac{1}{3}$ керамики сделана на круге, в то время как в других погребениях таких сосудов было значительно меньше. Несмотря на то, что погребение было в древности ограблено, до нас дошли обломки золотых вещей, которых первоначально, очевидно, было много. Возможно, здесь погребена была знатная женщина. Находки иголок, как правило, связываются с женскими погребениями. Очень заманчиво, по аналогии с савроматскими погребениями женщин — жриц в Приуралье⁶¹ — видеть в нашем погребении нечто подобное, тем более, что у нас, как и там, была найдена прямоугольная жаровня, может быть, игравшая роль жертвенника.

Надо сказать, что некоторое отличие погребального инвентаря мавзолея 6 от инвентаря мавзолеев 4, 5а и 7 связано и с тем, что он сооружен позже, чем последние (хотя все эти постройки, несомненно, принадлежат к одной культуре). Доказательством несколько более поздней даты мавзолея 6 служит не только характер керамического комплекса мавзо-

⁶⁰ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 47, 49, рис. 23.

⁶¹ В. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 106—110.

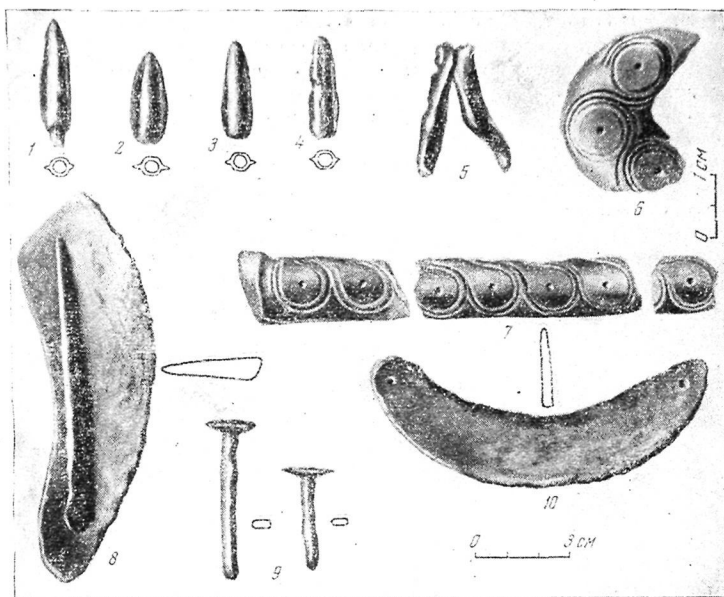

Рис. 18. Тагискен. Изделия из бронзы, золота и кости

1, 3 — бронзовые наконечники стрел (мавзолей 7); 2, 4 — бронзовые наконечники стрел (мавзолей 4); 5 — фрагмент фигурки из золота (мавзолей 6); 6, 7 — подделки из кости (мавзолей 4 и 4а); 8 — бронзовый серповидный нож с припаявшейся к нему иглой; 9 — бронзовые гвозди; 10 — бронзовый скобель (?) (8—10 — из мавзолеев).

лея, но и то, что он так же, как и более поздние пристройки, сооружен из белого кирпича; в то время как мавзолей 4, 5а и 7 сложены, как уже говорилось, из кирпича ржавчатого цвета.

На плане некрополя (см. рис. 14а) мы видим, что крупные круглые мавзолеи с квадратным контуром внешних стен обращены входами на восток и образуют ряд, вытянутый в меридиальном направлении. При этом есть основания полагать, что самый северный из них древнее южного. Мавзолей 6 расположен к западу от комплекса 5 и, возможно входит в систему второго ряда мавзолеев, вероятно, более позднего.

На расчищенной площади вокруг мавзолеев были обнаружены грунтовые ямы без оград. Некоторые из них, возможно, дадут более ранний материал, чем ямы с оградами, так как иногда последние их перекрывают.

Тщательная обработка материалов всех сооружений могильника даст возможность значительно уточнить их относительную хронологию.

Предварительная обработка материалов могильника позволила все же прийти к некоторым заключениям. Материалом для датировки тагискенских курганов служит прежде всего керамика (рис. 16)⁶².

В целом керамика всех погребальных сооружений довольно однотипна. В кургане 6, правда, ее гораздо больше, но все основные встреченные там типы были найдены в других сооружениях.

⁶² Трудную и очень важную работу по реставрации тагискенской керамики провели О. А. Вишневецкая и М. Ф. Грошева.

Среди лепной керамики тагискенских сооружений очень четко выделяются две группы сосудов. Первая — это сосуды типа открытых горшков, или мисок, стенки которых сплошь покрыты резным орнаментом, спускающимся в виде фестонов, причем его основными элементами являются треугольники, ромбы, меандр и т. д. (рис. 19). Таким образом, эта

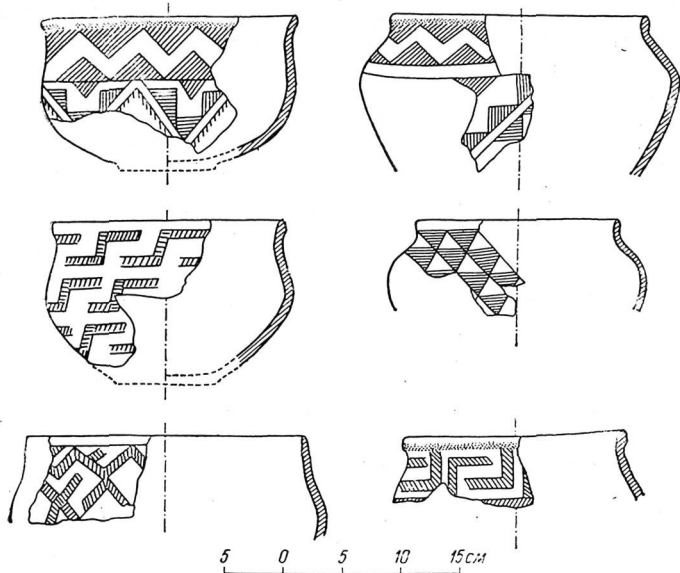

Рис. 19. Тагискен. Мавзолей 4. Образцы керамики

посуда андроновского типа, но по форме тулова и по наличию на некоторых экземплярах подтреугольного венчика она может быть отнесена к позднеандоновскому времени.

Вторая группа сосудов — небольшие горшки с коротким прямым или слегка отогнутым горлом, сильно раздутым, часто сферическим туловом, и небольшим плоским, иногда уплощенным, иногда округлым дном. Они великолепно залощены и покрыты орнаментом или в виде фестонов, или покрывающим сплошь всю поверхность сосудов. Орнаментальные мотивы и способы их нанесения (различные штампы) чрезвычайно многообразны. В ряде случаев резные узоры заполнялись белой пастой (рис. 16).

Эта керамика находит себе подчас прямые аналогии в дындыбаевско-бегазинских комплексах Центрального Казахстана (Бугалы II, некоторые комплексы Бегазы; Дындыбай, курган 11)⁶³, все они датируются началом I тысячелетия до н. э., не позднее VII—VI вв. до н. э., причем верхнюю дату дают бронзовые наконечники стрел скифского типа⁶⁴, которых, однако, ни в одном погребении на Тагискене не найдено.

Этой датировке не противоречат и бронзовые наконечники стрел — листовидные, со скрытой втулкой и очень узким пером, найденные в ряде

⁶³ Р. Л. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 126—136; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, вып. XVI, 1952, стр. 137—141, рис. 5—9; Авторы приносят благодарность К. А. Акишеву, любезно познакомившему их со своими зарисовками материала с этих памятников.

сооружений (рис. 18, 1—4). Наконечники такого типа известны для памятников Северного⁶⁵, Восточного⁶⁶ и Центрального Казахстана⁶⁷, где они датируются IX—VIII вв. до н. э.

Среди посуды, сделанной на круге, выделяются короткогорлые сосуды с округлым туловом и небольшим плоским дном, покрытые горизонтальным рифлением. Этот тип посуды широко распространен и встречен во всех сооружениях. Характерными для комплекса из мавзолея 6 и мавзолея 5б являются узкогорлые кувшины без ручек, с очень сильно раздутым туловом, украшенным великолепным геометрическим орнаментом с пастовым заполнением; иногда они покрыты горизонтальным рифлением. Наконец, в мавзолее 6 было обнаружено два хума, которые имеют уже характерное для античной эпохи глиняное тесто. Поверхность хумов рифленая, а у дна они имеют перегиб, типичный в более угловатых формах для античной керамики архаического периода Хорезма⁶⁸, поселений в дельте Мургаба (Яз-тепе)⁶⁹, городищ Кобадияна⁷⁰.

Таким образом, отличительной особенностью тагискенской культуры является сочетание в ней двух элементов. С одной стороны, в ней проявляются традиции, уводящие нас в эпоху бронзы, в круг андроновской, а затем дындыбаевско-бегазинской культур Центрального Казахстана⁷¹. С другой, в ней присутствует еще один компонент, свидетельствующий в пользу того, что своими корнями она связана с высокой южной цивилизацией. Мы имеем в виду великолепные сосуды, сделанные на гончарном круге, и примененные в строительстве сырцового кирпича.

На данном этапе наших исследований истоки этих влияний еще совсем ясны. В ближайших присырдарьинских районах памятники этого времени мало исследованы и почти не опубликованы. Некоторые аналогии нашим сосудам мы найдем в формах из кандинского комплекса на Большом Чуйском канале, где встречены фрагменты лощеных сосудов с горизонтальным рифлением⁷².

Приведенные выше аналогии из раннеантичных южных памятников, датирующихся VII—VI вв. до н. э., во-первых, не прямые, а во-вторых, во всех этих комплексах имеются уже трехперые скифские наконечники стрел, в то время как в наших памятниках их нет (таким образом, с точки зрения хронологической VIII в. до н. э. представляется сейчас наиболее убедительной верхней датой тагискенского комплекса).

К северо-востоку от Инкар-Дарьи, на Куван-Дарье, в керамическом комплексе с городища Джеты-Асар 3 встречаются сосуды с тройными напелами, подобные найденным в мавзолее 6, и сосуды, украшенные рез-

⁶⁴ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Указ. соч., стр. 132, рис. 42, 1.

⁶⁵ С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, вып. 53, 1954, рис. 23, 7.

⁶⁶ Его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 231, табл. XXXVI, 4, 5.

⁶⁷ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 3, 26, Пб.

⁶⁸ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ», т. IV, 1959, стр. 71, 72.

⁶⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, табл. XXXVII и сл.

⁷⁰ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). МИА, № 37, 1953, стр. 280—281, рис. 18, 19.

⁷¹ Здесь уместно обратить внимание на то, что в тагискенских комплексах проявляются традиции андроновской культуры, в то время как на наиболее западных отрезках Инкар-Дарьи мы встречали стоянки с тазабатгабской керамикой. Видимо, нижнее течение Инкар-Дарьи было зоной контакта андроновских и тазабатгабских племен, основная масса которых селилась по Акча-Дарье, а ее восточные протоки были не так уж далеко от Инкар-Дарьи.

⁷² Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XXXI, 3, 4.

ным орнаментом, заполненным белой пастой⁷³. Такая керамика обнаружена в нижних слоях этого многослойного памятника, датирующихся второй половиной I тысячелетия до н. э.

Можно предположить, что ареал тагискенской культуры охватывал в древности и эту территорию — тогда мы непременно должны найти здесь такие памятники. С другой стороны, может быть, эти пережиточные явления, наблюдающиеся в асарских керамических комплексах, — результат культурных влияний, которые оказывало древнее население Инкар-Дарьи на племена, селившиеся на Куван-Дарье. Большой интерес представляет проблема более отдаленных северо-западных связей тагискенской культуры с памятниками, приписываемыми киммерийцам, и гальштатскими памятниками. Но этот вопрос требует специального исследования.

Вопрос об историко-культурной принадлежности тагискенского некрополя должен рассматриваться на фоне широкого круга не только археологических, но и исторических проблем. По ряду данных мы можем предположить, что тагискенские погребальные сооружения — наиболее ранний из известных нам памятников, принадлежащих одному из самых южных сакских племен — сакаравакам (см. ниже). Основная территория их расселения, по имеющимся данным, находилась южнее и восточнее. Вопрос о северной границе этих племен требует еще уточнения. Быть может, южная локализация этих племен и связанная с ней возможность их более близких контактов с населением южных районов Средней Азии, находящимся на более высокой ступени развития, и объясняет появление гончарного круга и сырцового кирпича в культуре Тагискена. Эта культура, подвергаясь сильному влиянию высокой цивилизации более южных районов, сохраняет, и довольно явно, черты культуры местной степной бронзы. Однако тагискенские погребальные сооружения представляют большой интерес еще и потому, что, как мы увидим в дальнейшем, они дают ключ к пониманию ряда элементов культуры сакских племен середины — второй половины I тысячелетия до н. э., населявших область нижнего течения Сыр-Дарьи. Вопросам их истории, выяснению территории их расселения, характеру их культуры посвящена работа одного из авторов настоящей статьи⁷⁴.

3

Мы знаем сейчас территорию расселения и характер культуры не только афаснаков, но и других сакских племен, упоминаемых Птолемеем при описании нижнего течения Сыр-Дарьи и игравших важную роль в движении саков на юг⁷⁵, в Бактрию, на восточные окраины Парфянской империи и далее в Индию, в связи с чем они упоминаются Трогом Помпеем и другими античными авторами. По всем данным⁷⁶, самым южным из сакских племен, принимавших участие в движении на юг, было племя сакараваков — искаженная форма сакаравлы — имя, восходящее к «сака хаумаварга» древнеперсидских надписей, в некоторых из которых, видимо, то же племя выступает под именем «сака пара Сугдам» — «скифы за Согдом». Саки амюргии раннеантичных авторов, несомненно, один из вариантов написания того же этнического имени.

Есть все основания предполагать, что открытая во время маршрута 1959 г. на Инкар-Дарье культура «шлаковых курганов» принадлежит именно сакаравакам.

⁷³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. I, М., 1952, стр. 23, рис. 12.

⁷⁴ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4, стр. 114—146.

⁷⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948. Экскурсе I, стр. 231—247; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 140—143; его же. Огузы, печенеги и море Даукара, СЭ, 1950, № 4, стр. 51—54.

⁷⁶ W. W. T a g n. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 291 и др.

Для всех шести обследованных курганов характерно расположение их на берегу русла Инкар-Дарьи, наличие шлакового кольца вокруг насыпи, находки обожженных человеческих костей и бронзовых трехлопастных раннескифских стрел VI—V вв. до н. э. (рис. 20). Яркой отличительной чертой курганов и близлежащих поселений этой культуры является

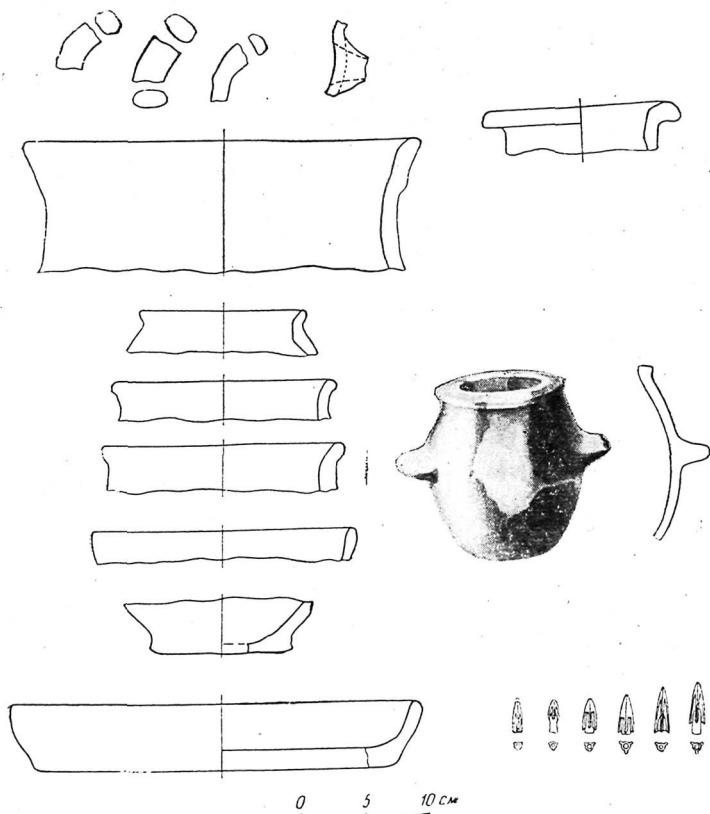

Рис. 20. Керамика и наконечники стрел сакараваков (инвентарь «шлаковых» курганов).

отсутствие находок кварцитового инвентаря, столь обильного на апаснакских памятниках⁷⁷.

Раскопки одного из шлаковых курганов (рис. 21). дали возможность выяснить некоторые особенности погребального обряда. Не вызывает сомнения, что это было трупосожжение. Сначала выкапывали кольцевой ров, шириною около 1 м, глубиною до 20 см. Ров окружал площадку диаметром около 10 м. Затем ров засыпали комьями глины и над ним возводили круг из глыб шлака, высотой около 1 м. Пространство внутри круга засыпалось песком с примесью мелких комьев глины. На этой засыпке, ве-

⁷⁷ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., стр. 46—47, рис. 36.

роятно, и происходило трупосожжение, ибо близ ее центра было обнаружено четко локализованное прокаленное пятно красного цвета. Здесь же были найдены фрагменты небольшого сосудика котлообразной формы, грубой ручной лепки и множество мелких фрагментов обгорелых человеческих костей. После совершения обряда насыпался курган, причем насыпь состояла из тех же компонентов, что и засыпка — песок с примесью глины.

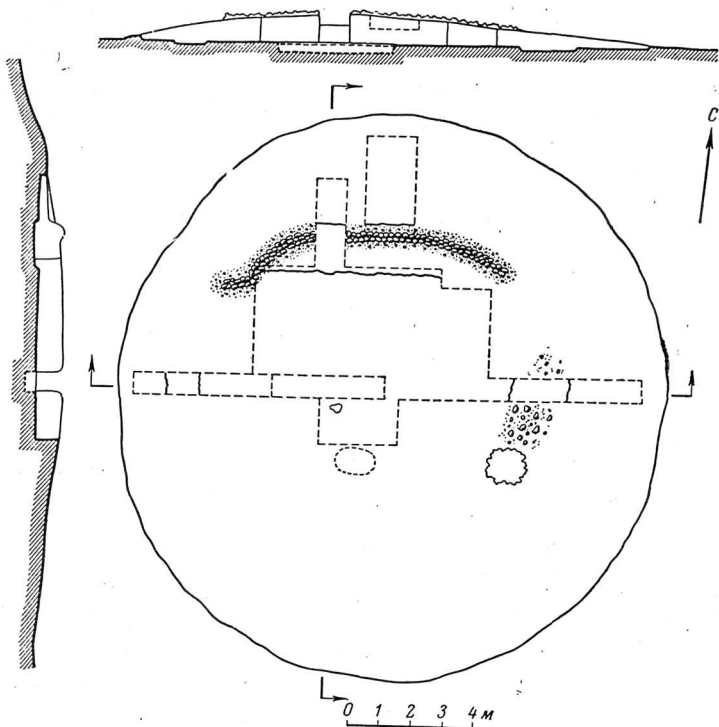

Рис. 21. Шлаковый курган № 4.

Оригинальный обряд, при котором кольцо вокруг курганов возводилось из глыб шлака, возможно, говорит о роли культа огня в жизни племени, воздвигнувшего эти курганы, причем племя это достигло довольно высокого экономического развития, так как производство таких огромных глыб шлака требовало умения получать в гончарных печах очень высокие температуры.

Самый большой шлаковый курган был обнаружен на памятнике Сегир-там, открытом нами еще в 1946 г.⁷⁸ Здесь на каменной возвышенности близ колодца Баян внутри круглого в плане архитектурного сооружения в виде кирпичной стены, которая даже сейчас возвышается на 5.7 м над окружающей поверхностью, был расположен опромный шлаковый курган, диаметр которого равен примерно 34 м, в то время как диа-

⁷⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 177—182.

метр обычных шлаковых курганов не превышает 8—10 м. Надо полагать, что здесь похоронен один из сакаравакских вождей.

Обряд трупосожжения, большая роль огня в этом ритуале и, наконец, наличие кольцевой стены вокруг погребального сооружения — все это наводит на мысль о каких-то связях между тагискенскими и «шлаковыми» курганами, хотя последние и датируются VI—V вв. до н. э. Как мы уже отмечали, у нас нет доказательств того, что кольцевой коридор мавзолея 6 был перекрыт. Судя по характеру его заполнения (песчано-глинистые натёки), он мог быть открытым, и тогда внешняя стена коридора являлась стеной, окружающей погребальное сооружение, т. е. картина та же, что и на Селгир-таме.

Таким образом, мы можем предположить, что тагискенские погребальные сооружения — самый ранний из известных нам сакаравакских памятников, в материалах которого еще сохраняются, и довольно сильно, черты культуры степной бронзы, подвергшейся сильному влиянию высокой цивилизации более южных районов. Тогда мы сможем не только понять столь высокий уровень открытой нами культуры, но и наметить путь дальнейших поисков, касающихся прежде всего выявления основной территории расселения сакараваков. Работы 1961 г. на Тагискене (особенно на южной группе) и на находящемся в 25 км к востоку от него могильнике Уйгарак, содержащем 81 курган, дали прекрасный материал по ранним погребальным сооружениям саков, в которых продолжают, как это удалось проследить, традиции тагискенской культуры как в ритуале (трупосожжение), так и в конструкциях погребальных сооружений.

Несомненно, генетически восходит к тагискенским сооружениям типа мавзолея погребальное сооружение 2, раскопанное на бугре Тагискен. Оно тоже имеет круглую кирпичную стену, окружающую на расстоянии 3,5 м центральное круглое здание. Последнее представляет собой доколь высотой 1,15 м, на котором сооружены две взаимопересекающиеся стенки, образующие четыре камеры. Камеры соединены между собой входами. Вход в здание помещался в юго-восточной его части и шел через пересекающий коридор пандус.

Интереснейшей особенностью этого сооружения является то, что коридор был буквально забит глыбами гончарного шлака и кусками ошлакованных кирпичей. Здесь происходило основное горение при совершении обряда трупосожжения. Погребение было ограблено. Среди находок — один кувшин, золотые пронизки, каменные грузила.

Материала для датировки недостаточно, но как керамика, так и характер погребального сооружения позволяют отнести его к середине I тысячелетия до н. э. Кольцо шлаков вокруг места погребения связывает этот тип погребальных сооружений со «шлаковыми курганами». С другой стороны, планировка погребальных камер, сооружение их на круглом доколе — все это заставляет вспомнить о целой серии погребальных сооружений, известных под именем «крестовин» (см. ниже), возможным прообразом которых является мавзолей 2.

Линию тагискенских погребальных сооружений с деревянной столбовой конструкцией продолжают сакские курганные захоронения, обнаруженные в основном на бугре Уйгарак⁷⁹.

Это курганы 8, 77, 66. Они имеют насыпь диаметром 20—24 м и высотой 0,7—1,2 м. Она перекрывала древнюю дневную поверхность, в которой были вырыты одно или два кольца столбовых ям. В центре помещался покойник, причем его клали на подстилку из травы и камыша и

⁷⁹ Состав отряда в 1961 г.: начальник отряда О. А. Вишневская, научный сотрудник Р. Л. Садоков, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, А. М. Хазанов, инженер-картограф Н. И. Игонин, зав. складом И. Д. Саламайкин, шофер эсклэд. автобазы АН СССР Б. В. Прокофьев.

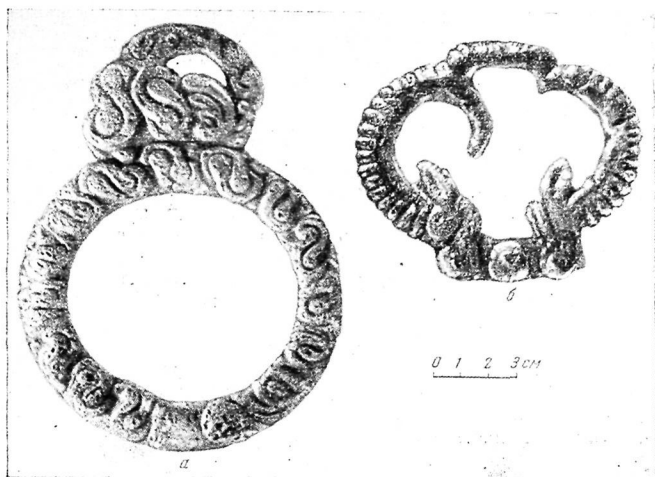

Рис. 22. Могильник Уйгарак. Бляхи из конского убора (бронза)

таким же слоем с примесью хвороста он был покрыт. Кроме кургана 66, где имеются явные доказательства того, что деревянное сооружение на столбах было воздвигнуто и при совершении обряда сожжено, во всех остальных случаях столбовые ямы имели чисто ритуальное значение. Покойников клали на спину, ориентация была неопределенной. Среди погребального инвентаря — предметы конского убора, причем особо выделяются две бронзовые бляхи, выполненные в прекрасном «зверином стиле» (рис. 22). Одна из них украшена стилизованными головками грифонов, вторая — изображениями двух архаров с загнутыми рогами.

Среди находок — бронзовые двуперые и трехперые втульчатые наконечники стрел, трехдырчатый псалий, стремевидные удила и т. д. В целом эти курганы датируются VI—V вв. до н. э. с возможным отклонением к VII в. Второй тип сакских курганов, открытых в этом году, представлен как на Тагискене (курганы 29 и 54 в Южной группе), так и на Уйгараке (курган 61). Они имеют насыпь диаметром 20—22 м и высотой 1—1,6 м, под которой была вырыта в материке грунтовая прямоугольная яма глубиной 1,5—2 м. На дне ямы по стенкам вырыта канавка, так что покойник лежал как бы на земляном столе. Дно ямы было устлано подстилкой, поверх покойника также клали плетенку из травы и камыша, сверху покрытую деревом. Яма не засыпалась, а перекрывалась слоем дерева и камыша, на который насыпался слой земли толщиной в 30—40 см. Поверхность этой насыпи выравнивалась и перекрывалась еще одним слоем дерева и камыша, после чего окончательно насыпался курган.

Погребение 61 на Уйгараке разграблено, там найден лишь чернолощевый узкогорлый кувшинчик, аналогии которому в скифском мире нам пока не известны. Погребение 54 на Тагискене, принадлежавшее, судя по ведущему в него 12-метровому дромосу, знатному лицу, разграблено частично, что дает возможность сделать некоторые заключения.

Покойник лежал по диагонали могилы, головой на восток, причем его ноги были согнуты в коленях и образовывали в плане ромб. Среди находок удалось обнаружить верхнюю часть железного меча очень плохой

сохранности, который, видимо, имел овальное навершие и бабочковидное перекрестие. Там же был найден бронзовый двухшершневый наконечник стрелы с выступающей втулкой, причем, по классификации К. Ф. Смирнова, стрелы этого типа датируются VI—V вв. до н. э.⁸⁰ Этим же временем датируются и два маленьких сосудика с округлым туловом и высоким горлом.

Все это позволяет отнести курган 54 к VI—V вв. до н. э.

Вышеописанная конструкция захоронений в сочетании с положением покойника по диагонали ямы позволяет видеть в этих погребениях типичные для Среднего Поволжья II в. до н. э. диагональные погребения, которые К. Ф. Смирнов, на наш взгляд, вполне основательно связывает с одним из сарматских племен — роксоланами⁸¹.

Что приводимым им же данным античных авторов, движение роксолан шло в западном направлении: в конце II в. до н. э. они селились между Доном и Днепром, а во II в. н. э. их земли простираются до границ Дакии.

Таким образом, курганы с диагональными погребениями в бассейне Нижней Сыр-Дарьи являются самым восточным комплексом из ранее известных. Диагональные погребения были обнаружены К. Ф. Смирновым и на реке Илеке, причем одно из них также датируется V в. до н. э.⁸²

Совершенно очевидно, что восточная группа этих захоронений оказывается древнее западной, и это еще раз заставляет высказаться в пользу гипотезы о восточном происхождении роксолан.

К позднесарматскому времени, точнее ко II—III вв. н. э., относятся три курганных погребения на возвышенности Кок-Сенгир, расположенной в 150 км к юго-востоку от Уйгарака. Они были раскопаны в 1961 г.⁸³ Диаметры курганных насыпей — 16—18 м, высота их в древности достигала, видимо, 2—3 м. Так же, как и в более ранних курганах, могильная яма, вырытая в материке, перекрывалась слоем дерева и камыша, камыш устилал и дно ямы. Курганы 2 и 3 были разграблены, однако, можно полагать, что покойники лежали головами на север. Из погребального инвентаря этих курганов почти ничего не сохранилось, если не считать обломков железного меча и кинжала, железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, чернолощеного кувшина, от основания ручки которого отходят два налечных валика, образующих две закругленные кнizu спирали, и некоторых других находок.

Наибольший интерес представляет курган 1, оказавшийся не разграбленным. Его диаметр около 16 м, высота 0,5—0,6 м. Могильная яма помещалась под центром курганной насыпи, имела овальную форму, площадью 3,5 × 1,5 м вверх и 2,4 × 0,6 м вниз, при глубине около 2 м. На глубине 1,5 м от уровня древней дневной поверхности в стенках были обнаружены заплечики, служившие опорой для перекрытия из дерева и камыша. Покойник лежал в легком гробу из деревянных планок и камыша, на спине, головой на север. С левой стороны около покойника находился железный меч позднесарматского типа в ножнах из дерева и материи, причем в месте, где к ним прикреплялись ремни, они были украшены двумя золотыми головками верблюдов с инкрустацией из бирюзы. У рукоятки меча лежала золотая ворворка, неподалеку — предмет из белого камня в виде пряслица. У правой руки погребенного найден четырехгранный в сечении железный стержень с заостренным концом.

Поверх покойника был положен длинный лук, от которого сохрани-

⁸⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, табл. 1, стр. 43.

⁸¹ Е. Г. же. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—219.

⁸² К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 258.

⁸³ Курган 1 был раскопан сотрудниками маршрутного отряда, курганы 2 и 3 раскопали О. А. Вишневецкая и Ю. А. Рапопорт.

лись костяные обкладки, в ногах лежали железные трехлопастные черпковые стрелы, датируемые II—III вв. до н. э.

В могиле были найдены, кроме того, кости козы и остатки кожаного мешка или сосуда. В головах и ногах покойного стояло по одному керамическому сосуду типа кувшинов, которые находят себе аналогии в позднесарматских памятниках Приуралья.

4

Как уже говорилось, экспедиция продолжала исследование памятников, оставленных одним из крупнейших сакских племен — апасиаками. Продолжались раскопки поселений и погребальных сооружений, начатые ранее⁸⁴, были открыты новые памятники. В 1958—1960 гг. велась раскопки столицы апасиаков — Чирик-Рабата⁸⁵.

Были закончены раскопки самого раннего сооружения на территории городища Чирик-Рабат — кургана на площади древней цитадели, в северо-восточной ее части⁸⁶. Его конструкция рисуется следующим образом (рис. 23 и 24).

Насыпь кургана имела диаметр около 60 м и сохранившуюся высоту 3,5 м над уровнем окружающей равнины. Курган был ограблен еще в древности. Раскопками вскрыты погребальная камера и дромос. Могильная камера была вырублена в плотном песчаном материковом слое с известковыми включениями и представляла собой в плане почти правильный квадрат (7,5 × 7,2 м). Сохранившаяся высота стен ее равнялась 2,5 м, они так же, как и пол камеры, были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. В северо-западной части камеры, в полу, вырыта неглубокая (около 35 см) овальная яма, по-видимому, связанная с ограблением кургана. Никаких следов человеческих костей в камере не оказалось. Вход в нее оформлен в виде шести крутых широких ступеней, также вырубленных в материковом грунте, которые выводили на горизонтальный пол дромоса, чей уровень был на 0,5 м выше уровня пола камеры. Пол и стены дромоса также покрыты тонким слоем глиняной обмазки. После того как умерший помещался в погребальную камеру, она, видимо, засыпалась. Дромос и могильная камера покрывались мощным камышовым настилом, который над коридором сохранился *in situ*. Он состоял из шести слоев камыша, положенных друг на друга, причем толщина каждого из них равна 2—3 см. Как уже говорилось, курган был

⁸⁴ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 23—40; см. также библиографию, стр. 23.

⁸⁵ Состав отряда в 1958 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда Ю. А. Рапопорт, заместитель начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко, заместитель начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники А. В. Виноградов, Р. Л. Садоков, С. А. Трудновская, В. Н. Ягодина (Каракалпакский научно-иссл. ин-т), архитектор Л. С. Витухин, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, А. Ф. Леонова, В. А. Лоховиц, С. А. Оленич, В. П. Орлова, фотограф Г. А. Аргиропуло, художник Г. И. Улько, студенты-практиканты М. Н. Елизарова, А. И. Мамсина, В. Е. Щербачков (историч. ф-т Горьковского университета), С. Н. Карпова (МГУ), механик М. У. Юнисов, зав. складом В. Н. Егоров, бухгалтер Л. П. Соловьева, секретарь-машинистка М. Х. Сытдекова, шофер экспед. автобазы АН СССР Я. И. Здонов; в 1959 г.: начальник отряда С. А. Трудновская, научные сотрудники Н. Н. Вахтурская, Е. Е. Неразик, Р. Л. Садоков, научно-технические сотрудники Т. Н. Томина, архитектор В. А. Лапин, аспирант ИЭ АН СССР Л. М. Левина, студент-практикант В. Е. Щербачков, фотограф В. А. Родькин, механик М. У. Юнисов, бухгалтер Л. П. Соловьева, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Цветнов; в 1960 г.: начальник отряда С. А. Трудновская, научные сотрудники Н. Н. Вахтурская, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотограф В. А. Родькин, коллектор Я. А. Штейнберг, механик М. У. Юнисов, зав. складом И. Д. Саламайкин, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Прокофьев.

⁸⁶ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 25—27.

разграблен, так что вещей в нем сохранилось очень мало. Это прежде всего несколько фрагментов керамики, по-видимому, остатков кувшинов, лепных и изготовленных на круге. Здесь же был найден железный меч с плоской рукоятью, вероятно, овальным навершием, бабочковидным перекрестьем и массивным широким лезвием, сходный с типичными скифскими мечами. Аналогии этому мечу мы встретили в Западном Казахстане

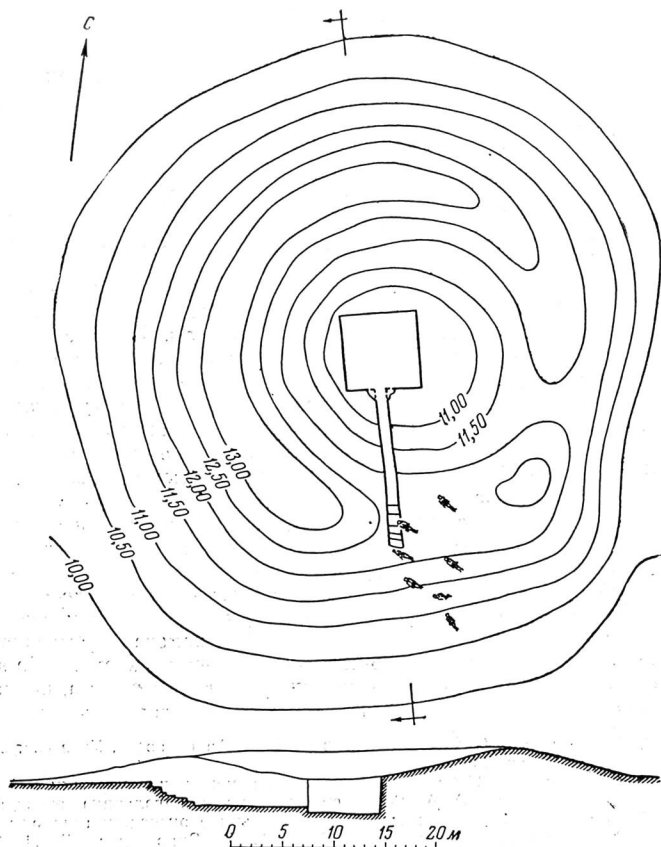

Рис. 23. Чирик-Рабат. Курган. План и разрез

(могильник Кара-Оба)⁸⁷, в Приуралье (поселок Нежинский, Оренбургской обл.)⁸⁸, а также в Европейской части СССР среди находок из курганов на реке Псел⁸⁹. Кроме того, железные мечи такого типа, но не с прямым навершием, были встречены в савроматских погребениях

⁸⁷ И. В. Сяницын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XIV, 1952, стр. 67, рис. 27, 1.

⁸⁸ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 148, рис. 1.

⁸⁹ В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 237, рис. 2, 1.

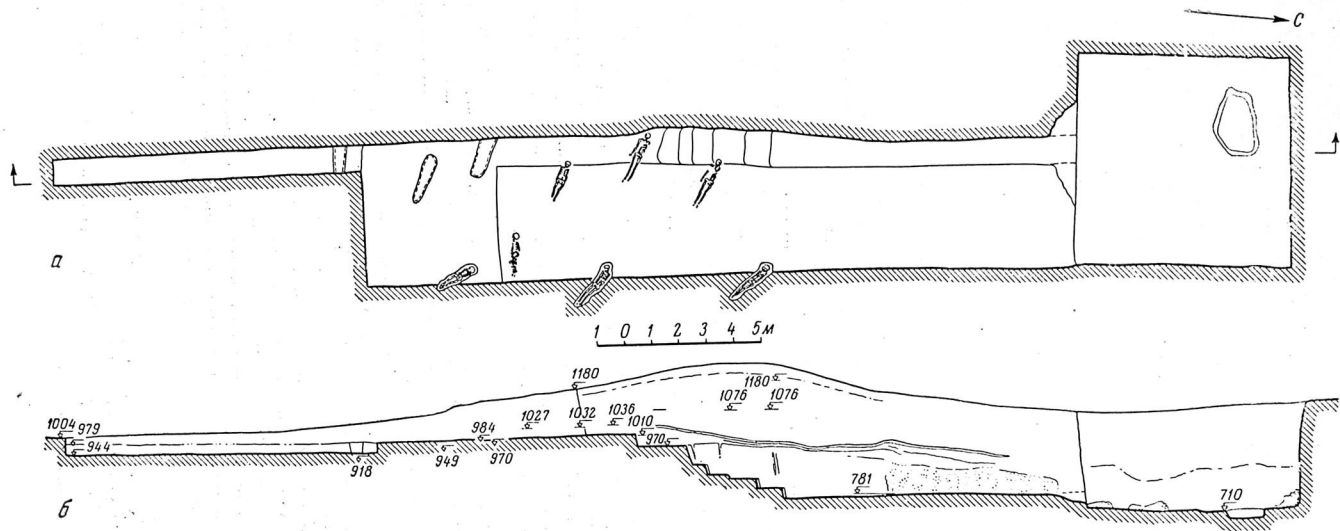

Рис. 24. Чирник-Рабат. Курган.

а — план камеры и части насыпи с выпускными погребениями; б — разрез

II Бережновского могильника⁹⁰ и кургана у станции Сайхил⁹¹ (степное Заволжье). Все эти находки определенно датируются V—IV вв. до н. э. Следует также отметить втульчатый бронзовый наконечник стрелы скифского типа⁹² и небольшую поделку из золота — обкладку какого-то цилиндрического предмета⁹³.

Следует еще подчеркнуть, что среди находок в кургане были обнаружены два отщепы из кварцита. Как известно, кварцит играл большую роль в инвентаре апаспакских племен вплоть до конца I тысячелетия до н. э.

Судя по находкам, курган может быть датирован V—IV вв. до н. э., а его конструкция напоминает курган 54 на Тагискене.

В юго-западной части городища Чирик-Рабат расположены сильно оплывшие остатки прямоугольного укрепления с башнями, видимо, цитадели. В ее юго-западном углу, неподалеку от угловой башни, был заложен раскоп площадью $15,1 \times 4,2$ м. Зачистка показала, что западная стена цитадели сохранилась на высоту 0,5—0,6 м и состоит из двух стен толщиной 2,3 м каждая с заключенным между ними коридором шириной 1,25 м. Стены сложены из сырцового кирпича, который, судя по размерам торцов (23—25—30 \times 9—10 см), был прямоугольным. Стена эта стоит не на материке, а на зольстом культурном слое с керамикой, причем последняя датируется IV—II вв. до н. э. Таким образом, цитадель была сооружена не раньше этого времени.

На расстоянии 4,2 м к востоку от стены цитадели подстилающий ее зольстый слой примыкает к стене еще более раннего сооружения, юго-западный угол которого был зачищен. Его стены толщиной 1,1 м сложены из квадратного сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см и уходят внутрь на 2,35 м. Они возведены непосредственно на красноватом материковом песке с известковыми стяжениями. Зольстый слой с керамикой IV—II вв. до н. э. примыкает к этим стенам извне, так что они, видимо, были возведены еще раньше. Шурф внутри этого сооружения показал, что цоколя оно не имело. Его заполнение — плотный замыйтый глинистый грунт с прослойками ила. Находок нет, кроме нескольких маловыразительных фрагментов керамики. Таким образом, не исключено, что постройка эта, каково бы не было ее назначение, синхронна описанному выше курганному погребению.

Любопытно, что и близ тагискенских курганов и близ Сенгир-тама были обнаружены прямоугольные ограды-валы. Такие ограды-валы сопровождают и апаспакские курганы. Можно высказать предположение, что угол открытой нами древней постройки является углом именно такой прямоугольной ритуальной ограды.

Помимо кургана, на городище Чирик-Рабат были закончены раскопки двух погребальных зданий. Одно из них, круглое в плане, расположено в юго-восточной части городища⁹⁴. Его развалины имеют в диаметре 38,5 м и сохранились на высоту около 8 м. Внутри здание разделено двумя ориентированными точно по странам света и пересекающимися в центре стенами двухметровой толщины на четыре погребальные помещения каждое площадью $5,9 \times 5,9$ м. Вдоль стен каждой комнаты были сделаны суфы, выложенные из сырцового кирпича и покрытые глиняной обмазкой. Северные помещения сообщались с южными проходами, между южными камерами также был проход. Вход в здание расположен в южной

⁹⁰ И. В. Сяницын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 126.

⁹¹ Там же, стр. 143, рис. 48, 3; стр. 197.

⁹² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 27, рис. 18, 2.

⁹³ Там же, стр. 27, рис. 18, 4.

⁹⁴ Там же, стр. 27—29.

стене юго-восточного помещения и представлял собой девятиметровый коридор шириною 1,7 м. В северо-восточной части здания, на высоте 7,25 м, обнаружены остатки коридорчика, который когда-то опоясывал всю внутреннюю планировку.

На суфах в помещениях сохранились обломки кальцинированных человеческих костей и уцелевшие после грабежа предметы погребального инвентаря. Здесь был совершен обряд трупосожжения.

Множество находок, сделанных во всех четырех камерах, позволили датировать этот памятник IV в. до н. э.

Мы не будем останавливаться на результатах раскопок этого сооружения — они освещены в специальной статье, посвященной этому памятнику⁹⁵.

Второе погребальное здание, стоящее к юго-западу от курганов, дало несколько иную планировку и иной обряд⁹⁶. Оно было почти квадратным в плане (19,5 × 19 м) и имело стены (5,5 м толщиной) из сырцового кирпича. Мощная стена (толщина 3,9—4,0 м) делит здание на два помещения — северо-западное и юго-восточное, которые соединены между собой проходом. В помещении 1 (северо-западное) в середине его, на полу, было обнаружено беспорядочное скопление человеческих костей и три черепа. Здесь, несомненно, побывали грабители. В помещении 2, под полом из сырцового кирпича, была обнаружена яма, на дне которой найден женский череп и небольшое количество костей скелета. Видимо, костяк лежал головой на северо-восток. Погребение было также разграблено, но там были все же найдены поделки из золота, фрагменты бронзового зеркала, трехгранный черешковый железный наконечник стрелы, бусы из стекла, агата, обломки костяного гребня и т. д. Эти находки и найденная в здании керамика позволяют датировать его III—II вв. до н. э.

Особенно интересно то, что здесь в разграбленном женском погребении был найден наконечник стрелы. Очень может быть, что перед нами погребение женщины-воина, подобное тем, которые были описаны Б. Н. Граковым⁹⁷. Мы не знали до сих пор находок такого рода на территории Средней Азии, но зато нам хорошо известны свидетельства античных авторов, в которых настойчиво подчеркивалась матриархальная традиция у саков Средней Азии, что выражалось, в частности, в участии женщин в военных действиях.

В южной части городища был еще в 1946 г. вскрыт участок жилой застройки, примыкающей с внутренней стороны к оборонительной стене⁹⁸. В 1958 и 1959 гг. площадь этой, вначале стратиграфической, траншеи была расширена. Здесь было обнаружено шесть полов, сооружение которых, судя по найденной на них керамике, укладывается в рамки IV—II вв. до н. э.⁹⁹ Все эти слои перекрывал средневековый слой, который датировался XII—XIII вв. н. э.

Итоги раскопок столицы аспакинов позволяют наметить основные этапы истории этого городища. Возникновение его, видимо, относится к V в. до н. э., может быть, к концу VI в. до н. э. Самыми древними его компонентами являются курганы. Эти погребальные сооружения, воздвигнутые на вершине холма, были центром, вокруг которого развивалось все

⁹⁵ См. статью С. А. Трудновской в настоящем сборнике.

⁹⁶ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 31—32. Подробно о раскопках этого здания см. статью В. А. Лоховица в настоящем сборнике.

⁹⁷ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 112 и сл.

⁹⁸ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 32, 33, рис. 24, 24а.

⁹⁹ Там же, стр. 32—40.

строительство городища. Возможно, что к этому же времени относится древнее сооружение, раскрытое к юго-западу от курганов. Видимо, непосредственно вслед за сооружением этих курганов-погребений скифских вождей или царей для их охраны появилось поселение воинов, развившееся затем в крупный населенный пункт, окруженный овалной стеной с башнями и рвом. Стена эта датируется, видимо, IV в. до н. э. В ту же эпоху возникает прямоугольная цитадель, расположенная к юго-западу от курганов, очевидно, ставка апасиакских «царей».

Ко времени существования этих древних фортификационных сооружений относятся и более поздние, чем курганы, погребальные здания — цилиндрическое и подквадратное. Подквадратное здание расположено на поле одного из курганов, а цилиндрическое входит в систему поздней оборонительной стены, относящейся к последнему этапу существования городища — III — началу II вв. до н. э. Видимо, в это время оказалось невозможным оборонять всю огромную территорию городища. В связи с этим юго-западная часть его была отделена вновь построенной стеной, а, судя по сохранности остальных стен этой части Чирик-Рабата, последние были отремонтированы.

Итак, жизнь на городище прекратилась около середины II в. до н. э. Лишь более тысячи лет спустя, на небольшом участке юго-западного конца городища возникло небольшое хорезмийское поселение XII в., известное в средневековых источниках под именем Саг-Дере¹⁰⁰.

Вероятно, к этому времени относятся многочисленные мусульманские погребения в насыпи кургана 1 (см. рис. 24).

Два погребения были обнаружены в насыпи над дромосом (над камышовым настилом). Костяки лежали в вытянутом положении на спине головой на северо-запад, без погребального инвентаря. В курганной насыпи, примыкающей к восточной стене дромоса было вскрыто еще восемь костяков, из них четыре погребены собственно в насыпи, четыре — в узких ямах, пробитых в древнем такыре. Большинство костяков (7) ориентировано на северо-запад, два смещены в северном направлении, а один ориентирован на запад. Последний лежит на правом боку с согнутыми в коленях ногами. При погребенных никаких вещей не найдено.

Ориентировка костяков и отсутствие погребального инвентаря свидетельствуют о средневековом происхождении этих погребений¹⁰¹.

5

Вторым крупным объектом наших исследований был комплекс апасиакских памятников — Бабиш-Мулла¹⁰². Он состоит из городища Бабиш-Мулла 1, погребального сооружения Бабиш-Мулла 2 и множества сельских поселений. Последние были описаны нами ранее¹⁰³. Остановимся на первых двух памятниках, раскопки которых продолжались¹⁰⁴.

¹⁰⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 61; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. Тексты. СПб., 1898, стр. 41.

¹⁰¹ Антропологическую характеристику этих погребений см. в статье Т. А. Трофимовой в настоящем сборнике.

¹⁰² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 40—60.

¹⁰³ Там же, стр. 41—45.

¹⁰⁴ Состав отряда в 1958 г.: начальник отряда М. Г. Воробьева, научные сотрудники Б. И. Вайнберг, М. И. Земская, научно-технические сотрудники В. Ф. Белокопытова, С. А. Оленич, архитектор Ю. В. Стеблюк, фотографы Г. А. Аргиропуло и В. А. Родькин, коллектор И. Д. Саламайкин, шофер экспед. автобазы АН СССР Т. М. Демидов; в 1959 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. Г. Воробьева, заместитель начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко, заместитель начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники Б. И. Вайнберг, Н. П. Лобачева, И. Ф. Хоро-

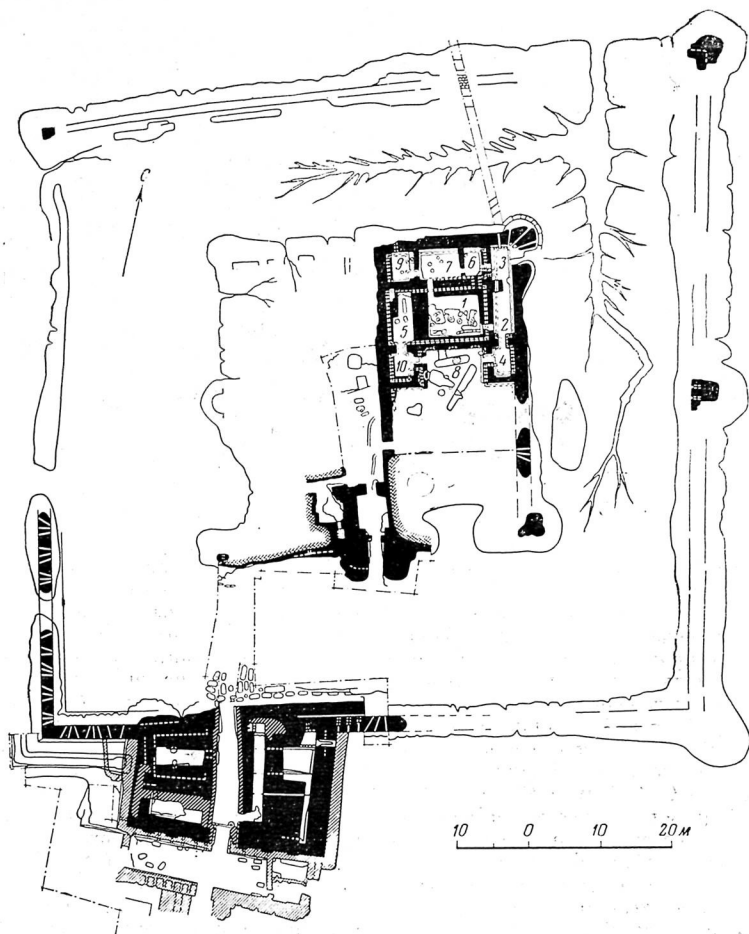

Рис. 25. Бабиш-Мулла 1. Цитадель. План

Городище Бабиш-Мулла 1 — это укрепленный город значительно меньших размеров, чем Чирик-Рабат. В северной его части расположена квадратная цитадель (100 × 100 м), обнесенная паховыми стенами с небольшими округлыми башнями по углам и в середине восточной стены

шева, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева и М. И. Земская, архитектор Ю. В. Стеблюк, студенты-практиканты Т. Б. Гладкова и И. Н. Иванов, зав. складом И. Д. Саламайкин, шоферы экспед. автобазы АН СССР А. Е. Мозгалева и Н. Н. Колесников; в 1960 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. Г. Воробьева, заместитель начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко, заместитель начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина, М. М. Рожанская, С. А. Трудновская, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, М. И. Земская, А. М. Хазанов, фотограф В. А. Родькин, художник В. А. Погансен, архитектор Ю. В. Стеблюк, студенты-практиканты Л. В. Абатуров, Н. И. Виноградова, И. Н. Иванов, Я. А. Штейнберг, зав. складом И. Д. Саламайкин, шофер экспед. автобазы Ю. Е. Горшков.

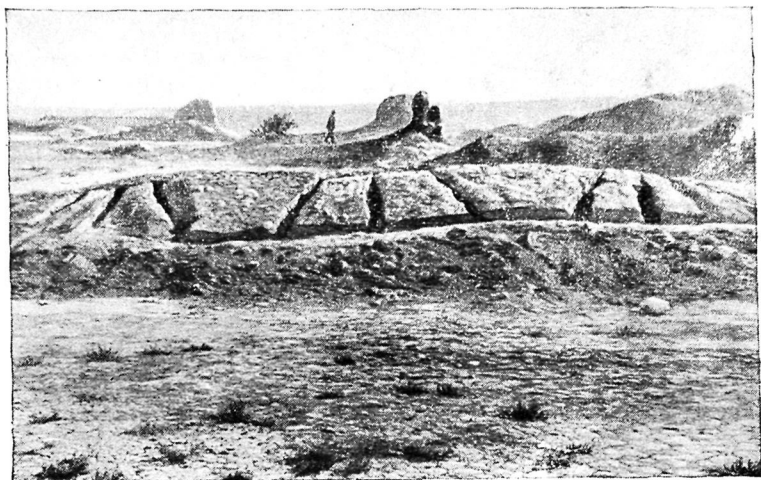

Рис. 26. Бабиш-Мулла 1. Западная стена цитадели с бойницами

(рис. 25). В квадрат цитадели включено квадратное здание — «Большой дом», размером 44×44 м. В стенах цитадели и «Большого дома» прорезаны тройные, веерообразно расходящиеся, стреловидные бойницы хорезмийского типа (рис. 26). Близ юго-западного угла цитадели к ее стене извне примыкают развалины здания, условно именуемого нами донжоном (площадь 30×30 м), стены которого сохранились на высоту 4—5 м. С юга к донжону и цитадели примыкает территория города, обнесенная мощной стеной (толщиной до 5,3 м) с полукруглыми башнями. Последние представляли собой конструкцию, имеющую в основании пахсовый доколь, на который опирались стены из сырцового кирпича ($39-40 \times 39-40 \times 11$ см и $43-44 \times 35 \times 9$ см), прорезанные стреловидными бойницами. Внутри города вдоль южной стены прослеживается застройка в виде остатков столбовых конструкций. В южной части города, при помощи аэрофотосъемки, было обнаружено крупное здание (18×40 м), причем при наземном обследовании выяснилось, что его наружные стены достигают толщины 4 м, внутренние — 1,5 м и сложены они из пахсовых блоков. Здесь были раскопаны три помещения, в одном из которых обнаружены остатки обжигательной печи, а около нее — в ямах — фрагменты бракованных женских статуэток того же типа, что и найденные ранее на одном из поселений¹⁰⁵. Здесь же в углу стоял хум с вырезанным на его стенках знаком. В центре двух помещений располагались выкладки с очагами в них. Весь комплекс дал большое количество керамики, фрагментов бронзовых изделий, костей животных. По времени он соответствует продолжительности существования городища в целом.

Было выяснено, что крепость имеет несколько строительных периодов, не выходящих за рамки IV—II вв. до н. э. Эти периоды наиболее полно удалось проследить при раскопках донжона¹⁰⁶, где выделены три строительных периода, внутри каждого из которых прослежены периоды перестроек и ремонтов. Во время первого строительного периода на месте донжона существовало предвратное сооружение цитадели.

¹⁰⁵ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 45—46, рис. 34.

¹⁰⁶ Раскопки велись под руководством Б. И. Вайнберг.

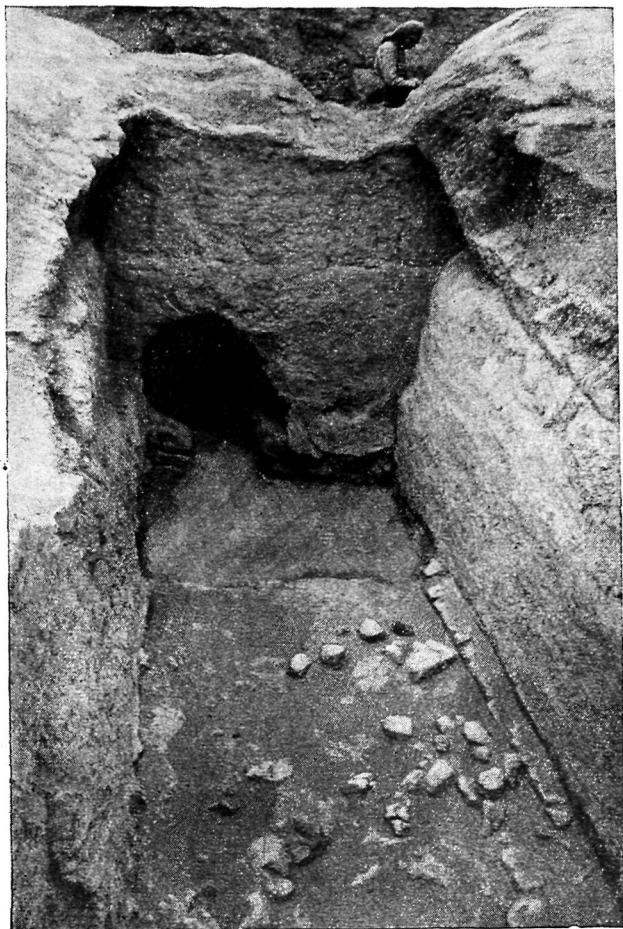

Рис. 27. Бабиш-Мулла 1. Донжон. Сводчатое помещение

От сооружений первого периода сохранились основания стен со стрельчатыми бойницами. Во втором строительном периоде на месте предвратного сооружения возникло хорошо укрепленное здание со сводчатыми помещениями (рис. 27) и центральным открытым коридором, делящим здание на восточную и западную половины. Через этот коридор попадали в крепость, в него же выходили арочные проходы из помещений.

В западной половине было два помещения, вытянутых с запада на восток, в восточной — три, образующие в плане букву «П». Стены комнат сложены из чередующихся слоев кирпичной и пахсовой кладки — прием, широко применявшийся позднее в афригидском Хорезме и в раннесредневековых памятниках других районов Средней Азии. Стандарты кирпича: $45 \times 45 \times 10$ см и $40-45 \times 31-38 \times 10-12$ см.

Перекрытия были сводчатыми, своды одинарные и двойные. Они выкладывались наклонными поперечными отрезками из трапециевидных

(клинчатых) кирпичей. Кривая свода трехцентрового построения имеет очень высокий подъем. Стены и своды изнутри покрыты слоем саманно-глиняной питукатурки. Внешний, южный, фасад доджона был в это время украшен неглубокими (около 20 см) пилястрами, выступающими на плоскости стены на 20 см по три с каждой стороны от входа. Это наиболее ранний из известных нам памятников среднеазиатской античности, украшенный таким образом.

Все помещения были жилыми. В них обнаружены хозяйственные ямы, выкладка для установки жернова, остатки проса, керамика, кости. Для керамики типичны хумы с оттянутым внутрь венчиком и плоским бережком, характерные для предпарфянских и раннепарфянских комплексов.

Видимо, в этот период доджон был центром обороны крепости, и конец его существования связан с ее военным разгромом. Так, западная стена одной из сводчатых комнат доджона, являвшаяся и частью внешней стены города, была пробита стенобитным орудием — тараном, наносившим удар наклонно снизу вверх.

В следующем, третьем строительном периоде, сводчатые помещения были забутованы и поверх них возведены помещения позднего доджона, сохранившиеся только в его западной половине. В эти помещения попадали следующим образом: проход в южной части восточной стены центрального коридора вел на узкий крытый пандус, поднимавшийся в северной стене доджона параллельно центральному коридору, где на уровне 5,45 м над современной поверхностью такыра была небольшая площадка; отсюда по подъемному мостику, перекидывавшемуся через центральный коридор, проходили в комнаты западной половины доджона. Остаток веревки, служивший для подъема мостика, был обнаружен между кирпичами кладки у конца пандуса. Центральный коридор продолжал существовать, но из-за того, что и он в нижней части был забутован, уровень его повысился, и он приобрел форму двустороннего пандуса, спускающегося как в сторону города, так и в сторону цитадели. У южного выхода сохранились пазы от балок коробки ворот и деревянный подпятник, на котором вращались ворота. Ворота закрывали вход в доджон и цитадель со стороны города. Вход в город и к этим воротам шел также по пандусу, вдоль западной половины доджона. В последний период существования доджона этот пандус с юга был ограничен стеной, поставленной в 5 м от доджона, в которой сохранилась нижняя часть бойниц для стрельбы с колена. С внешней стороны эта стена была украшена невысоким глиняным рельефом. В этой же стене против центрального коридора доджона был проход в город.

Среди керамики из верхнего слоя доджона встречены бокалы, аналогичные раннеантичным сосудам из Южной Туркмении, Кобадияна и ряда других комплексов Таджикистана, датирующихся III—II вв. до н. э.¹⁰⁷ Кроме того, на пандусе был обнаружен наконечник стрелы скифского типа, датирующийся II в. до н. э.

Следует отметить, что описанное нами здание не напрасно названо доджоном. История его постройки удивительно напоминает все те строительные этапы, через которые проходили доджоны афригидских замков Хорезма в VII—VIII вв. н. э.¹⁰⁸ (постройка доджона на месте предвратного укрепления, постройка сводчатых помещений, их забутовка и возведение на этом цоколе поздних помещений).

Как мы уже говорили, другим объектом раскопок был «Большой дом». Это квадратное в плане здание (44 × 44 м) со стенами ориентирован-

¹⁰⁷ М. М. Дьяконов. Археологические работы на нижнем течении р. Кафирнигана. МИА, № 37. 1953, стр. 289, рис. 20.

¹⁰⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 138—143; его же. По следам..., стр. 195.

Рис. 28. Бабиш-Мулла 1. Большой дом. Комната 3. Скопление астрагалов около бараньих черепов

ными по странам света (см. рис. 25). По углам и в середине стен находились полукруглые в плане башни. Угловые башни не имеют внутри помещений, они как бы усиливают углы дома.

В них, а также в наружных стенах обнаружены приземистые треугольные (в башнях) и стреловидные (в стенах) бойницы, расположенные по три, веером. Вход в здание находится в южной стене и оформлен двумя полукруглыми башнями, сложенными из сырцового кирпича. Проход во внутренние помещения (ширина около 2 м) сужен пилонами. Раскопана восточная половина здания, отделенная от западной стеной, в южной части которой был проход в восточные помещения. Вскрыто семь помещений нижнего горизонта. Центральное место занимает комната, по сторонам которой располагаются длинные и узкие помещения, а с юга к ней примыкает айван, открывающийся во двор, расположенный еще южнее. Стены сложены из квадратного сырцового кирпича со сторонами 40—45 см. В айване и кое-где в боковых помещениях обнаружена побелка на штукатурке. В стенах айвана на высоте 90—93 см от уровня пола находились симметрично расположенные ниши (три в северной стене и по одной в боковых стенах к югу от проходов). Боковые их стенки сделаны в виде трех прямоугольных уступов. Ниши были побелены. Стены помещений сохранились на высоту 0,6—1,3 м, причем при перестройке они были забутованы и тогда же была срублена верхняя часть ниш. Ни культурного слоя, ни каких бы то ни было следов последующего запустения в этих помещениях обнаружено не было. Можно предположить, что забутовка была произведена непосредственно после постройки нижней части здания.

Среди помещений среднего строительного горизонта интересно помещение 10, почти всю площадь которого занимает очаг, и помещение 8 — внутренний дворик. В северной части последнего обнаружены остатки топочных камер гончарных печей, которые были вырублены в забутовке помещений нижнего горизонта. Создается впечатление, что к моменту создания полов среднего горизонта гончарные печи и соответствующая им жилая поверхность были срублены. Ко времени существования этих печей относится гончарная печь близ западной части входа, примыкающая изнутри к стене здания. Обжигательная камера, в отличие от хорезмийских, прямоугольная в плане (1,6 × 1,1 м), топка находится в ее

северной части и по форме аналогична топкам печей из северо-восточной части здания. В камере сохранилась загрузка в виде сильно раздавленных кувшиновидных сосудов и чаш хорошего качества, покрытых красным ангобом.

В верхнем горизонте здание было отремонтировано и частично перестроено. Однако кладка стен часто хаотична, сырцовый кирпич комбини-

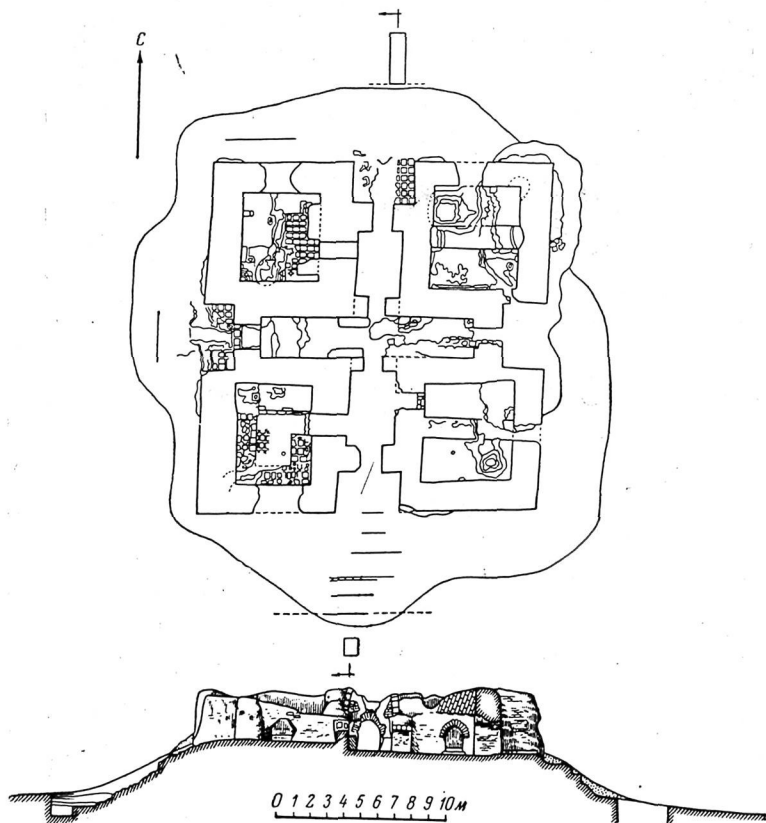

Рис. 29. Бабиш-Мулла 2. План и разрез

руется с пахсой, применяются приставные стенки и т. д. Уже после того как здание было заброшено, оно служило случайным убежищем для людей и скота.

Основные находки были сделаны на нижнем полу верхнего горизонта. Это окрашенная в красный цвет поделка из трубчатой кости домашнего животного, похожая на крышку пенала; фрагмент деревянной чаши с бронзовой обкладкой по краю; фрагмент стенки бронзового «скифского» котла с орнаментом в виде ложного жгутика; бусы; наконечники стрел скифского типа, один из них костяной; железные панцирные бляшки и т. д. В помещении 3 были обнаружены два черепа барана с лежащими около них астрагалами (рис. 28) с подшлифованными боковыми поверхностями (в одном скоплении — 42 шт., в другом — 63 шт.). Это остатки

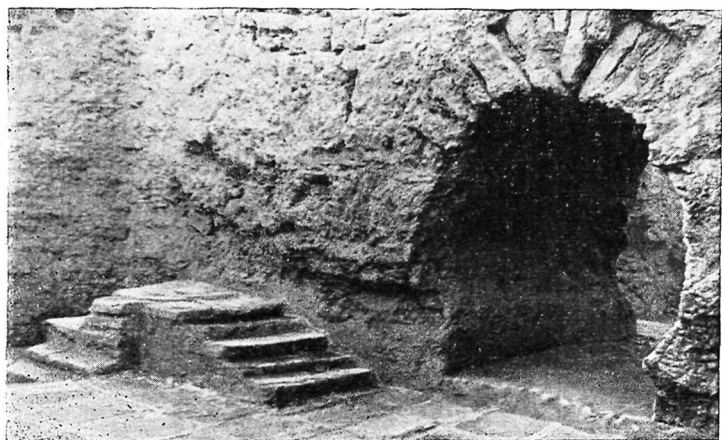

Рис. 30. Бабиш-Мулла 2. Северо-западная камера

хорошо известной и попыне игры в бараньи астрагалы, только в отличие от современной игры в древней какая-то роль была отведена бараньим черепам. Помещение 7 служило складом, в нем находились сосуды для хранения запасов.

Были продолжены и закончены раскопки погребального здания Бабиш-Мулла 2¹⁰⁹. Теперь его окончательный план уже ясен (рис. 29). Это квадратное в плане здание, его основная часть площадью 21×21 м возвышается на высоту до 7 м над современной поверхностью такыра. Основанием сооружения служил сложенный из шести рядов пахсовых блоков цоколь, площадью более чем 30×30 м и высотой около 3,5 м от уровня древней дневной поверхности. На этом цоколе и было возведено здание, сложенное из квадратного сырцового кирпича. Оно имело крестообразную планировку, основу которой составляли два перескакивающие коридора, ориентированные по странам света, и четыре угловых погребальных камеры. Все камеры, кроме одной, имели выход во внутренний коридор. По внешнему периметру здания шел узкий коридор. В середине каждой стены внутренний крестообразный коридор заканчивался арочным проходом, ведущим во внешний коридор, который перед каждой аркой образывал небольшую площадку. В месте скрещения внутренних коридоров, впритык к их стенам, были поставлены арки. Погребальные помещения и коридоры перекрывались сводами, сложенными из клинчатого сырцового кирпича, причем для расклинки употреблялась керамика. Стены помещений были покрыты слоем алебаstra.

Угловые погребальные камеры имели размеры от $4,4 \times 5$ м до $5,3 \times 6$ м. Две из них — северо-восточная и юго-восточная были разделены посередине поперечными стенами, ориентированными с востока на запад. Здание сильно пострадало от действий грабителей, особенно это относится к его восточной половине.

Северо-западная и юго-западная камеры сохранились лучше. В северо-западном помещении пол был выложен крупным прямоугольным обожженным кирпичом ($34-40 \times 28-31 \times 5$ см), покрыт алебастровым раствором и раскрашен в красные и белые цвета, чередующиеся в шахматном порядке (рис. 30).

¹⁰⁹ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 46—51.

Вдоль северной, южной и восточной степ из того же материала были сделаны ступенчатые выкладки шириною 1,3 м и высотой 0,5 м. Ступени через одну были раскрашены красной и белой краской. Фасады выкладок были красного цвета, понижу шла черная полоса, переходящая на пол.

Вдоль восточной и южной стен помещения были поставлены приставные стенки, потребность в которых возникла, видимо, вскоре после постройки здания в связи с просадкой сводов. В древности помещение было ограблено: остатки костяков и два черепа были найдены в завале прохода и в грабительской яме. Юго-западная погребальная камера была вымощена сырцовым кирпичом. Здесь погребение было также ограблено. Обнаружены остатки по крайней мере трех скелетов. Вероятно, погребения совершались прямо на полу, а может быть, на деревянных погребальных носилках или помостах, остатки которых в изобилии встречались в завале. Здесь найдено много золотых полусферических бляшек, пронизок, встречены золотые бусы, в том числе одна из янтаря и одна из сердолика. На полу около прохода в коридор был найден железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы.

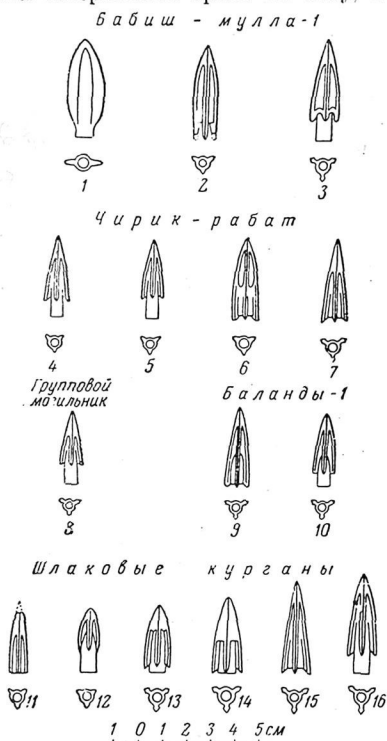
Бабиш-Мулла 1 и 2, несомненно, синхронны, в чем убеждает и анализ керамики, проведенный ранее¹¹⁰.

Полученные материалы — трехперые скифские наконечники стрел IV—II вв. до н. э. (рис. 31. 1—3), керамика, близкая хорезмийской IV—II вв. до н. э., бусы этого же времени — позволяют датировать весь комплекс Бабиш-Мулла IV—II вв. до н. э.

В 1959 г. было открыто, а в 1960 г. частично раскопано погребальное сооружение неизвестного до сих пор типа — Бабиш-Мулла 6. Оно расположено на небольшом естественном возвышении (2,7 м над современной дневной поверхностью). Это вырытая в древнем такыре площадка квадратной формы (5,5 × 5,5 м) со ступенчатыми краями, ориентированная углами по странам света.

Захоронения располагались на «ступеньках». Было обнаружено шесть детских (младенческих) захоронений в крупных горшкообразных сосудах грубой ручной лепки, причем четыре из них найдены около углов площадки и два примерно в середине каждой из сторон. Вскрыто три погребения в ямах близ стенок центральной площадки. Одно из них — погребение взрослого, лежащего в скорченном положении на правом боку, головой на запад; второе принадлежит

Рис. 31. Наконечники стрел, найденные на сакских памятниках

110 С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Ранопорт. Указ. соч., стр. 51—53. Новые керамические материалы принципиально ничем не отличаются от уже описанных.

подростку, лежащему вытянуто на спине, головой на северо-запад, в головах у него стоял небольшой сосуд с округлыми боками и узким горлом. Третье погребение также принадлежало взрослому, костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на юго-восток, сопровождающих погребение находок не было. Судя по заполнению могильных ям, есть основания предполагать, что это ступенчатое погребальное сооружение было перекрыто насыпью диаметром 18—20 м.

По-видимому, перед нами погребальное сооружение, служившее для захоронения рядовых членов бабиш-муллинской общины.

6

И наконец, наше внимание привлёк ещё один комплекс аспасиакских памятников, расположенный в 40 км к югу от Чирик-Рабата в урочище Баланды¹¹¹. Это прежде всего крепость Баланды 1 с прилегающим сельским поселением (рис. 32). Укрепление Баланды 1 — прямоугольное в плане (80 × 130 м), его стены сложены из сырцового кирпича античных размеров, имеют по углам полукруглые башни и по две башни на юго-западной и северо-восточной стенах. Стены и башни были прорезаны стреловидными бойницами. Вход находился в северо-западной стене. Внутри крепости планировка не прослеживается, поверхность такыра внутри стен явно приподнята над уровнем окружающей местности и покрыта россыпями керамики бабиш-муллинского типа.

Надо сказать, что Баланды 1 — один из тех памятников местных степных племён, где строительные приемы хорезмийских зодчих по-своему, «варварски» интерпретируются.

Реконструированный раскоп был заложен в северо-восточном углу крепости, где было частично вскрыто два помещения. В одном из них найдены обломки выточенной из кости основы шкатулки, деревянные стенки которой были покрыты тонким слоем слюды и поверху расписаны (сохранились лишь пятна алого цвета и следы позолоты). Здесь же были найдены костяные поделки с пропильями, заполненными синей пастой, бронзовые поделки в виде стилизованных в античной манере листьев — все это, видимо, детали шкатулки. Найдены также обломки золотых и серебряных изделий, жемчужины и фрагменты маленьких стеклянных блюдец, украшенных черной росписью и позолотой, а в некоторых случаях рельефным орнаментом в виде розеток. Очевидно, это все содержимое шкатулки.

В 1961 г. помещении, в котором обнаружены указанные предметы, было полностью раскопано. Оно оказалось довольно большим по площади, полностью лишённым внутренних конструкций. В том же году здесь было найдено большое бронзовое зеркало с невысоким ободком по краю, несколько костяных пластинок, украшенных тонкой резьбой, фрагменты стеклянных небольших сосудов, уже известных по находкам 1960 г., железные пряжки и пластинки, видимо, от поясного набора и, наконец, крупное изображение какого-то зверя, сделанное из кварцита (рис. 33). В этом же помещении в пол были вскрыты два хума, один из которых по форме подобен хумам, характерным для керамики из соседних крепостей — Чирик-Рабата и Бабиш-Муллы. Указанные находки, особенно бронзовое зеркало, близко напоминающие аналогичные предметы из сар-

¹¹¹ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Е. Е. Неразик, научный сотрудник Р. Л. Садоков, архитекторы В. Л. Лапин и Ю. В. Стеблюк, фотограф В. А. Родкин, аспирант Л. М. Левина, студент-практикант С. В. Припоров; в 1960 г.: начальник отряда Е. Е. Неразик, научный сотрудник Р. Л. Садоков, научно-технический сотрудник А. М. Хазанов, архитектор М. С. Лапирев-Скобко, студент-практикант И. И. Иванов, шоферы экспед. автобазы И. И. Кузнецов и Н. П. Колев; в 1961 г.: начальник отряда Е. Е. Неразик, научный сотрудник О. А. Вишневецкая, научно-технический сотрудник С. А. Оленич, шофер экспед. автобазы Б. В. Прокофьев.

матских курганов прохоровской стадии этой культуры, уточняют датировку памятника, ограничивая ее IV—II вв. до н. э. Находки дают основание предполагать далекие торговые связи местных жителей, так как оказалось, что шкатулка сделана из слоновой кости индийского происхождения. Оттуда же, видимо, вывезен и найденный здесь морской жемчуг. Описанное помещение входило, как показали раскопки 1961 г., в богатый жилой комплекс, включавший помимо него комнаты, украшенные цветной штукатуркой, к сожалению, очень плохой сохранности.

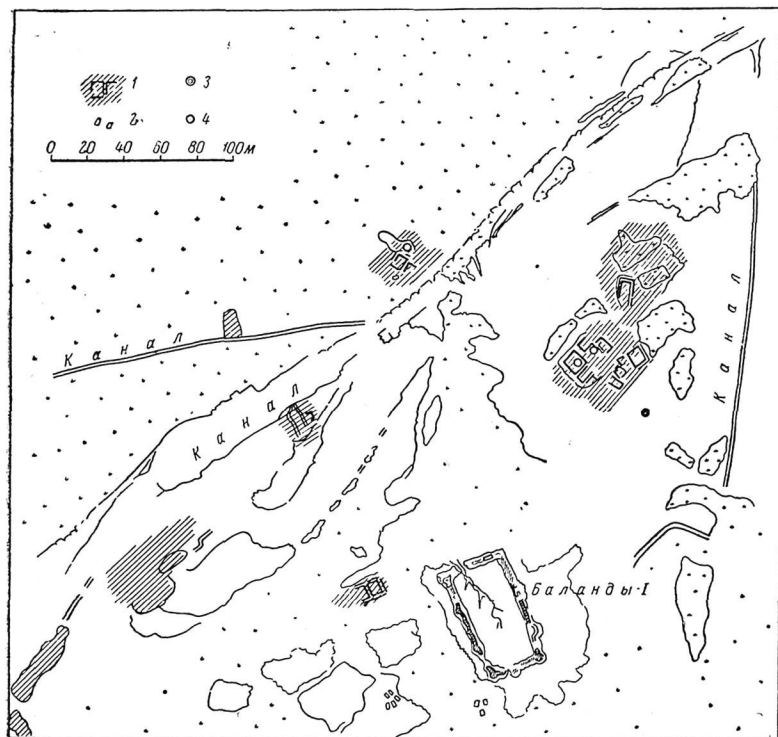

Рис. 32. Городище Баланды 1 с окрестностями. План.

1 — следы планировок; 2 — могилы; 3 — хум; 4 — очаг

С севера и северо-запада к крепости примыкает поселение, состоящее из отдельных домов, которые сохранились в виде бугров, усыпанных фрагментами керамики и обломками кварцита. Между домами видны следы оград и арки, бравшие начало от небольшого канала, огибавшего поселение с северной и северо-западной стороны, ширина канала не превышает 10 м. На крепости, кроме керамики бабшмуллинского типа, встречаются бронзовые наконечники стрел IV—II вв. до н. э., изделия из кварцита, подвески, бусы из стекла и сердолика.

Однако наибольший интерес представляет погребальное здание Баланды 2 (рис. 34), имевшее купольное перекрытие до сих пор для античных памятников Средней Азии неизвестное. Это круглое в плане сооружение диаметром около 16 м, стены его возвышаются над современным уровнем такыров на 4,5 м. Внешне памятник представляет собой низкий

цилиндр, обработанный 25 выступающими треугольными лопатками, образующими грани. Это явно декоративный прием. Вход в здание расположен в южной его части и оформлен в виде намечающегося портала с арочным проемом. Центральную часть здания занимает круглое помещение диаметром 5,5 м, перекрытое куполом, вершина которого обрушилась. На сохранившейся высоте купол является ложным, так как образован напуском верхних рядов кирпичей по отношению к нижним. Он опирается на кирпичные стены, построенные со значительным уклоном, у основания толщина их равна 1,60—1,65 м, а на высоте 1,5 м от пола,

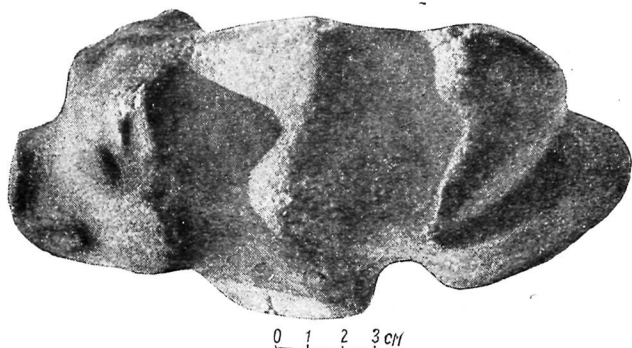

Рис. 33. Баланды I. Фигурка фантастического зверя

там, где начинается купол, она уменьшается до 1,25 м. Стены, как и купол, покрыты слоем саманной обмазки. Пол круглого зала земляной, в центре его отмечена просадка на участке площадью примерно $2,5 \times 2$ м. Внешняя кольцевая стена здания отстоит от внутренней (стены круглого зала) на 2,3 м. Расположенные между ними семь помещений, разделенные радиальными стенками друг от друга, сообщались между собой посредством проходов (рис. 35). Сквозного прохода по всему кольцу комнат не было — глухая радиальная стена, расположенная на противоположной от входа стороне, делила обходный коридор на две, примерно равные, половины. Одно из помещений, прилегающее к входу, играло роль вестибюля. Все четыре его стены имели арочные дверные проемы: в южной находился вход в здание, в северной — вход в центральный купольный зал, в восточной и западной — входы в соседние комнаты кольца помещений, опоясывающих зал.

В одном из углов вестибюля сохранились следы белого алебастра, которым были, видимо, покрыты когда-то его стены. Стены остальных кольцевых помещений покрыты глиняной обмазкой с саманом. Перекрытия этих помещений сводчатые. Высота пят сводов над уровнем пола — 1,56 м. Кладка сводов отличается от хорезмийской. Так, например, переход от различных участков округлых стен, на которые опирается свод, делается здесь при помощи особых форм клинчатого трапециевидного кирпича, совершенно неизвестного в Хорезме. Для расклинки сводов употреблялась тонкостенная, красноангобированная керамика. Это осколки кувшинообразных сосудов, чаш и небольших хумчей тех же форм, что и посуда Бабиш-Муллы, датирующихся IV—II вв. до н. э.

Здание было разграблено еще в древности, однако совершенно очевидно, что в некоторых кольцевых помещениях находились захоронения. На полу устанавливались сделанные из дощечек и брусьев гробы или

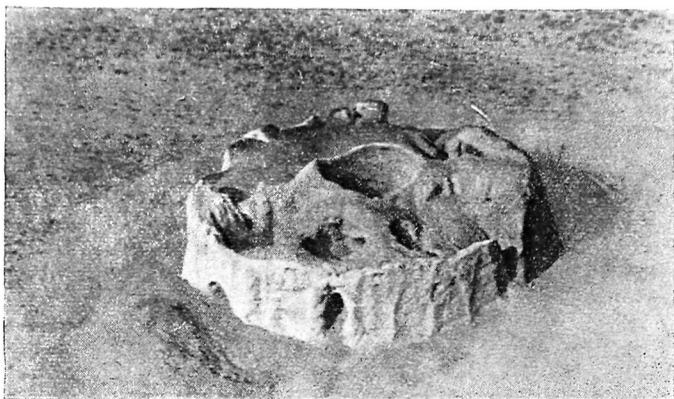

Рис. 34. Баланды

носилки, конструкцию которых, возможно, удастся восстановить после реставрации. Сходные деревянные детали были найдены при раскопках Бабиш-Мулла 2 (см. выше).

В центральном зале следов погребения не найдено. Возможно, что здесь было наиболее богатое захоронение, которое полностью расхищено, может быть, здесь было святилище, связанное с каким-то погребальным культом. Из находок отметим рукоятку из резной кости, по технике обработки очень близкую к костяным поделкам с городища Баланды 1, обрывки кожаного изделия, украшенного золотом, железный нож и фрагменты тонких хлопчатобумажных тканей простого плетения. Ткани окрашены в красный и желтый цвет и расписаны черными, синими и темно-красными полосами.

Анализ конструкций Баланды 2, в особенности его купола, приводит к интересным результатам. Характер кривой заставляет предполагать, что замковая часть купола была сведена в виде настоящего купола, если только в центре не было отверстия. Если подтвердится первое решение, то купол Баланды 2 будет первым историческим примером такого типа сооружений. Как известно, первые археологические памятники этого типа встречались до сих пор лишь в Риме во второй половине I в. до н. э. на рубеже поздней республики и ранней империи.

Первое описание настоящего купола мы находим у Витрувия, жившего в это время¹¹². Встает вопрос о происхождении этой, не имеющей никаких корней в предшествующей культуре классического Средиземноморья, архитектурной формы. Правда, в архаической Греции и в других районах Средиземноморья того же периода имеются погребальные сооружения, перекрытые ложным куполом (достаточно упомянуть знаменитую гробницу в Микенах), однако в дальнейшем развитии классической архитектуры Средиземноморья эта форма исчезает бесследно, и ее появление в позднем Риме требует своего объяснения.

Возникает гипотеза, что Рим мог заимствовать эту архитектурную форму из Парфии, так как с ней у него были не только военные столкновения, о чем много говорится в источниках, но и тесные культурные связи. Очень возможно, что куполом, а не деревянной шатровой конст-

¹¹² Витрувий. Об архитектуре. Десять книг, перевод, редакция и введение А. В. Мишулина. М., 1936, кн. IV, гл. VIII.

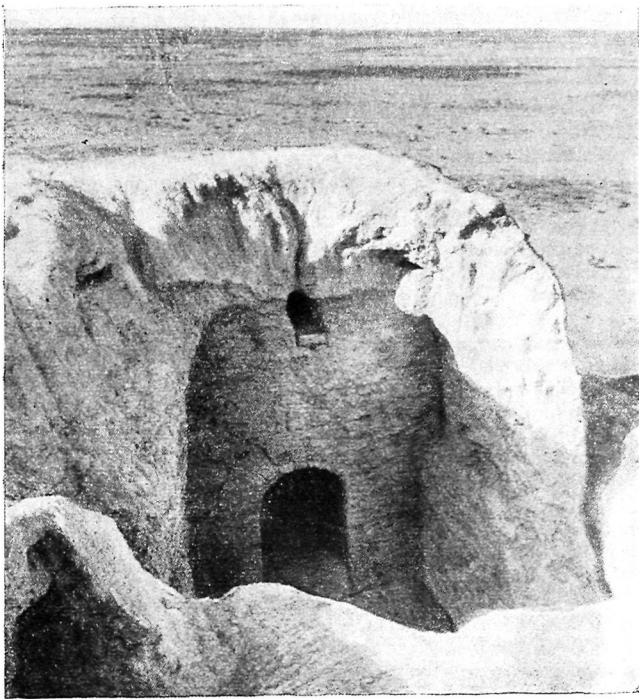

рис. 35. Баланды 2. Одно из кольцевых помещений

рукцией, как полагает Г. А. Пугаченкова¹¹³, был перекрыт «круглый зал» во дворце парфянских царей в Нисе (I—II вв. н. э.). Парфяне же в свою очередь могли заимствовать эту форму у скифских племен Средней Азии, к которым некогда принадлежали и их предки и у которых, если верно наше предположение, эта форма датируется гораздо более ранним временем — IV в. до н. э. Как бы то ни было, совершенно бесспорно, что купол из сырцового кирпича появляется в Хорезме лишь в раннем средневековье, где ложные купола в различных формах широко представлены в замках VII—VIII вв. — Кум-Баскан-кала, Беркут-кала, замок № 36 и др.¹¹⁴ Это еще один вклад древних степных племен в раннесредневековую культуру Хорезма. Надо еще иметь в виду, что купольные гробницы характерны для степных племен на протяжении всего средневековья и сохраняются у них почти до наших дней. Есть все основания предполагать, что эта форма, имитирующая формы древнего переносного жилища степняков, и зародилась здесь, в центре степного мира.

Третий памятник урочища Баланды — Баланды 3 так же, как и находящиеся неподалеку развалины, известные под именем Асар, оказались погребальными сооружениями знакомого нам типа «крестовин», к

¹¹³ Г. А. Пугаченкова. Пути архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и эллинизма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 101.

¹¹⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. стр. 145—148; его же. По следам..., стр. 198; В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. «Труды ХЭ», т. I, 1952, стр. 98—99.

которым относятся также развалины Чагырлы 2, Чирик-Рабат 2¹¹⁵, Бельтам 1 и др. Это очень распространенный вид погребальных сооружений в бассейне Жаны-Дарьи, на территории апасиаков. Все они небольшие, круглые в плане, сложены из сырцового кирпича, имеют крестовидную планировку внутренних помещений.

Баланды 3 возвышается над такыром на 2,8 м; внутренний диаметр здания — 6,6 м, внешний — 8,6 м. Сохранились лишь остатки внешней стены, однако совершенно ясно, что стены были поставлены на полтора-метровый пахсовый цоколь. Внутри сооружение делилось пополам стеной в 80 см толщиной, имеющей направление север-юг. В ней был проход шириною 1,1 м. Перпендикулярно первой стене была поставлена вторая стена, которая почти не сохранилась, однако, перед нами, несомненно, крестовидная планировка. На утоптанной поверхности цоколя обнаружены человеческие кости — фрагменты трех черепов, пять нижних челюстей, фрагмент тазовой кости и др. Все кости обгорелые. Там же, в северо-восточном секторе сооружения, оказались два красноглиняных круговых сосуда. Пол и обмазка стен здесь были покрашены обожженым. Судя по всему, тут происходил обряд трупосожжения. Следов перекрытия не обнаружено, возможно, здание было открытым.

Судя по керамике, Баланды 3 можно датировать последними веками до н. э.

Раскопанные в 1961 г. сооружения Чирик 2 и Асар дают ту же конструкцию. Это круглые погребальные сооружения на высоком цоколе, кольцевая стена которого сложена из пахсовых блоков и кирпича, а изнутри он забутован комками глины. В одном случае на этом цоколе было сооружено двухкамерное помещение (Асар), в другом — трехкамерное (Чирик 2). Любопытно, что в последнем случае с юга в камеры вел пандус, т. е. планировка несколько напоминает мавзолей 2 на Тагискене (см. выше). В Чирик 2, как и в Баланды 3, был совершен обряд трупосожжения, в мавзолее Асар — труположение того же типа, что и в Баланды 2. При раскопках Асара были обнаружены остатки двадцати человеческих скелетов и деревянные обломки, возможно, от погребальных носилок, обломки деревянных сосудов, остатки плетеных корзинок, костяные бусы, два бронзовых накопечника стрел IV—III вв. до н. э. На сооружении Чирик 2 была найдена керамика, датирующаяся примерно этим же временем.

В непосредственной близости от урочища Баланды был открыт и раскопан групповой могильник Баланды 4, где были, очевидно, похоронены рядовые жители одного из находящихся поблизости апасиацких поселений. На левом берегу вала Инкар-Дарьи расположена могильная яма овальных очертаний (длина осей 5 и 3 м), глубина которой сейчас не превышает 40 см. Здесь было обнаружено семь скелетов, лежавших на спине и ориентированных головой на юго-восток. При погребенных найдено 11 сосудов, железные ножи и кинжалы, бронзовые втульчатые накопечники стрел IV—II вв. до н. э., а также различные украшения — спиралевидное кольцо, стеклянные подвески и бусы и т. д.

7

Многочисленные погребальные памятники, открытые нами в междуречье Аму- и Сыр-Дарьи, позволяют сделать целый ряд заключений.

Прежде всего изучение памятников материальной культуры среднеазиатских саков, равно как и европейских скифов и сарматов, особенно их погребальных сооружений и погребального ритуала, показало, что в основе культуры этих племен лежит культура степных племен позднего бронзового века. Так, например, К. Ф. Смирнов убедительно показал, что

¹¹⁵ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 60—61.

культура савроматов в Нижнем Поволжье и в Южном Приуралье сложилась на базе срубной и андроновской культур эпохи бронзы¹¹⁶.

Данные, собранные Хорезмской экспедицией на Нижней Сыр-Дарье, подтверждают этот тезис и на среднеазиатском материале. Могильник позднебронзового века (IX—VIII вв. до н. э.) Тагискен (Инкар-Дарья) дает нам погребальные сооружения из сырцового кирпича, в основе планировки которых лежит круг, искусно разделенный на кольцевые коридоры системой кирпичных колонн, соединенных между собой каркасной или кирпичной стенкой. Однако, помимо этих колонн, существовала еще система столбовых ям, видимо, кооперирующая ту, которая применялась при строительстве жилых домов.

Эту же каркасную конструкцию мы встречаем в сакских погребальных сооружениях IV в. до н. э. (Чирик-Рабат), причем планировка их пная, но самый прием продолжает сохраняться, являясь чисто традиционным. В сакских курганных погребениях VI—V вв. до н. э. (Уйгарак) мы встречаем ту же кольцевую систему столбовых ям, так же свидетельствующих о сохранении традиций бронзового века. К этой же категории явлений относится камышовая прокладка между рядами кирпичей в погребальных сооружениях Чирик-Рабата (IV—II вв. до н. э.), слой камыша над погребальной камерой кургана на Чирик-Рабате (V—IV вв. до н. э.) и, наконец, камышовая прокладка, положенная на материковом грунте в основании кладки кирпичных стен погребальной камеры мавзолея 6 на Тагискене (VIII—VII вв. до н. э.).

Примечательно применение при строительстве сакских погребальных сооружений (IV—II вв. до н. э.), наряду с характерным для культурных центров Средней Азии этого времени античным квадратным кирпичом, кирпичей прямоугольных стандартов, которые на данной территории впервые были применены при строительстве Тагискенских мавзолеев.

Важным моментом в системе наших рассуждений является то, что на данной территории очень устойчиво сохраняется обряд трупосожжения, который корнями своими уходит, несомненно, в эпоху поздней бронзы (Тагискен).

Удивительная устойчивость наблюдается и в планировке погребальных сооружений, дающей непрерывную линию развития, исходным пунктом которой являются мавзолеи Тагискена. Сначала это древнейшие мавзолеи типа 5а (IX в. до н. э.), имеющие в основе своего плана круг, вписанный в квадрат внешних стен. Позднее они этот квадратный внешний контур теряют и остается только круг с вписанной в него прямоугольной камерой (погребальное сооружение 5в, VIII в. до н. э.) или (уже на следующем этапе) круг, окруженный еще и кольцевой стеной (мавзолей 6, VIII—VII вв. до н. э.). Несомненно к античному времени относится мавзолей 2 (Тагискен), где планировка походит на предыдущую, но внутренняя площадь круга разделена двумя перекрещивающимися стенами на четыре камеры. Такую же планировку, но без внешнего кольца стен, дает нам цилиндрическое здание на Чирик-Рабате (рубеж III и II вв. до н. э.), вариантом ее являются, видимо, «шлаковые» курганы, окруженные в основании насыпи кольцом гончарных шлаков так же, как в сооружении типа мавзолея 2 на Тагискене; в то же время «шлаковый» курган знатного лица — Сенгир-там имел еще и внешнюю кольцевую стену. Последним этапом в этой цепи являются «крестовины» (III—II вв. до н. э.), которые являют собой простейшие двух-трех или четырех-камерные сооружения, по-прежнему вписанные в круг. Большинство этих сооружений было связано с обрядом трупосожжения.

Параллельно этому обряду в низовьях Сыр-Дарьи существовал обряд

¹¹⁶ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 3—19.

трупоположения, уходящий своими корнями также в эпоху бронзы и известный нам по материалам тазабагъябского могильника Кокча 3, а также по андроновским погребениям степей Казахстана.

Эти две самостоятельные традиции сосуществовали в низовьях Сыр-Дарьи по крайней мере в течение всего I тысячелетия до н. э.

С VI в. до н. э. параллельно сырцовым погребальным сооружениям появляются захоронения под курганными насыпями на дневной поверхности (в этом случае встречается неполное трупосожжение) и захоронения в грунтовых ямах с дромосом (в богатых курганах) и без него. Для последних характерно трупоположение и целый ряд особенностей ритуала и предметов погребального инвентаря, сближающих их со скифо-сарматскими погребениями Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Однако в IV—II вв. до н. э., наряду с курганными захоронениями и обрядом трупоположения, мы встречаем связанные с этим же обрядом погребальные сооружения с четырехкамерной планировкой (Бабиш-Мулла 2) и с круглой (мавзолей Балаиды 2). Видимо, здесь для погребения знатных лиц была заимствована традиционная для этой территории планировка погребальных сооружений. К этому же типу памятников может быть отнесен и мавзолей Асар.

Отметим, что процесс взаимопроникновения элементов культуры апаснаков и сакараваков начался уже довольно рано. По-видимому, в области материальной культуры возобладали апаснакские элементы. В непосредственном соседстве с поселениями культуры «шлаковых курганов» появляются поселения, видимо, оставленные тем же народом, но дающие характерную для Бабиш-Муллы и других апаснакских памятников материалы. Напротив, в области погребального обряда и, вероятно, вообще в области духовной культуры преобладание получили сакаравакские традиции. Первым, несомненно апаснакским, памятником, сочетающим характерные черты других апаснакских погребальных сооружений, в которых еще продолжают традиции обряда ингумации, с чисто сакаравакским обрядом кремации, является цилиндрическое здание Чприк-Рабата. Завершение этого процесса мы наблюдаем на примере «крестовиш», расположенных на апаснакской территории, но являющихся памятниками коллективного трупосожжения.

Накопленные экспедицией материалы позволяют по-новому поставить вопрос об уровне социального развития сакских племен исследуемого района. Это тем более важно, что вопрос об общественном строе степных племен Средней Азии и Казахстана в античный период до сих пор является дискуссионным¹¹⁷. Сейчас не остается сомнений в том, что перед нами общество, далеко продвинувшееся вперед в своем развитии и имеющее, помимо скотоводческого хозяйства, своеобразные, но по-своему высоко развитые формы ирригационного земледелия и высоко развитое ремесло (гончарство и металлургия железа, меди, золота и серебра). Это был народ, живший прочным оседлым бытом, сочетавшимся, однако, в сложном единстве с кочевым бытом пастухов и связанной с ним легкой подвижностью всего населения в случае, если того требовала необходимость. Эта подвижность вырабатывалась веками и определялась прежде всего характером ирригационного земледелия районов дельты Сыр-Дарьи, русла которой часто меняли свое направление, вынуждая земледельцев покидать свои поля и насиженные места обитания в поисках новых мест, где бы они могли опять строить каналы, создавать деревни и города¹¹⁸.

¹¹⁷ Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 136—146.

¹¹⁸ С. П. Толстов Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102; Т. А. Жданко. Патриархально-феодалыые отношения у полуседлого населения Средней Азии. Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте, 4—11 июля 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 628—638; е е же. Проблема полуседлого

Характер апасиакского вооружения свидетельствует о высоком развитии военного искусства и соответственно военной организации. Об этом же говорят дальние походы присырдарьинских саков во II в. до н. э., завоевавших Бактрию, а затем и значительную часть Индии. Грандиозные оборонительные и погребальные сооружения, как и все вышеупомянутое, несовместимы с первобытнообщинным строем в его классической форме и могли быть созданы только силами общества, разделенного на классы. Для этой эпохи могло быть только рабовладельческое общество. Однако оно несло на себе следы предшествующего, первобытнообщинного строя, наиболее ярким материальным свидетельством которых является наличие кварцитовых орудий на всем протяжении истории апасиакских племен. Сохранение многочисленных племенных названий сакских племен у античных авторов подтверждается археологическими данными и позволяет говорить о наличии у них племенной организации в период всей античной эпохи. Все это дает возможность отметить специфические черты рабовладельческого строя у приаральских саков и свидетельствует об архаическом характере этого строя, который может быть охарактеризован как патриархально-рабовладельческий. Антропологический материал — черепа с Чирик-Рабата (кроме черепов из насыпи кургана), Бабиш-Мулла и могильника Баланды 4 на Инкар-Дарье показывает, что в основе антропологического типа местного населения в античную эпоху лежит андроновский тип, характерный для андроновской и тазабагыбской культур бронзового века, однако подвергшийся грацилизации и брахикефализации. В целом наши памятники дают антропологический тип, занимающий промежуточное положение между андроновским и современным типом Среднеазиатского Междуречья¹¹⁹. Любопытно, что на некоторых черепах прослеживается уже монголоидная примесь — факт впервые зарегистрированный для столь раннего времени. Мы не можем обойти молчанием вопрос о тесных культурных связях, существовавших между населением интересующих нас областей и Хорезмом. В пользу этого свидетельствует прежде всего материал по апасиакской фортификации и градостроительству. На апасиакских памятниках мы можем наблюдать известную «варваризацию» приемов хорезмийских фортификаторов IV—II вв. до н. э., а иногда и непонимание назначения тех или иных конструкций, механически воспроизводимых строителями апасиакских крепостей. Стены Чирик-Рабата с внутренней стрелковой галереей, открывающейся наружу многочисленными стреловидными бойницами, полностью повторяют характерную для классического Хорезма планировку и конструкцию. Стена, как и в Хорезме, оборонялась расположенными на расстоянии 25 м друг от друга подпрямоугольными выступающими башнями с бойницами того же типа и расположенными по хорезмийскому образцу. Об удивительном сходстве некоторых апасиакских крепостей с хорезмийскими мы уже писали, приводя в качестве примера апасиакскую Кабул-калу и хорезмийскую Джанбас-калу¹²⁰. Еще более интересна система обороны цитадели Бабиш-Мулла. Здесь мы имеем широкое использование характерной для Джанбас-кала системы тройных бойниц. Однако, если в Джанбас-кала эти тройные бойницы обслуживались одним стрелком и использовались для флангового и фронтального поражения противника, располагаясь лишь на ответственных участках обороны, соответствующих местоположению башен на других крепостях, то здесь тройные бойницы тянутся вдоль всех стен, что сильно сокращает количество бойниц, предназначенных для фронтального поражения неприятеля на дальних и ближних подступах к

населения в истории Средней Азии. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

¹¹⁹ Подробно об этом см. статью Т. А. Трофимовой в настоящем сборнике.

¹²⁰ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч. стр. 15—16

крепости. Аналогичное отступление от хорезмийских фортификационных приемов мы имеем и в системе пристенных башен всех крепостей, кроме Чирик-Рабата. Как пристенные, так и угловые «башни» Бабиш-Муллы и Балаанды — это просто массивные выступы стен, не имеющие внутренних помещений и обслуживаемые стрелками, находящимися в той же галерее, что и стрелки обслуживающие обычные бойницы. Такие башни являются не только бессмысленными, но и нецелесообразными, так как они значительно увеличивают длину бойниц, а соответственно сильно сокращают поле поражения каждой такой бойницы.

Вместе с тем апасиакские влияния на Хорезм также несомненны.

В 1961 г. на Тагискене был раскопан мавзоль 1. Это цилиндрическое здание диаметром 16,3 м. Основой его являлся цоколь высотой 0,9 м, который, вероятно, так же, как и цоколь мавзолея 2, состоял из кирпичной кольцевой стены, забутованной изнутри. На цоколе были возведены стены погребальных помещений, причем полы и стены их были обмазаны глиной с саманом и покрыты слоем алебаstra.

Центральное помещение 1 проходило по оси северо-восток-юго-запад и имело в длину 10,8 м при ширине 1,6 м. К нему с юго-востока и северо-запада примыкали помещения (№ 2 и № 3), каждое площадью 3,2×2,6 м. Помещения были перекрыты сводами, причем в качестве расклинки использовалась керамика. В помещении № 2 находилось, видимо, основное погребение, причем покойник захоронен в подобии кирпичного саркофага. Последний был разрушен грабительской ямой, пробившей пол и ушедшей на глубину 1,8 м в цоколь. Находок почти нет, если не считать фрагментов керамики из расклинки, которые датируются IV—II вв. до н. э., поделками из кости и разбросанных в помещении № 1 детских костей.

Таким образом, в основе плана этого сооружения — крест, вписанный в круг. Принцип планировки чрезвычайно походит на принцип планировки более крупного сооружения этого типа в Хорезме — Кой-Крылган-кала. Правда, здесь, видимо, отсутствует внешняя стена, окружавшая такие здания.

К этой же категории явлений относится и появление среди керамики этого памятника форм, явно ведущих свое происхождение с северо-востока. Многие приемы апасиакских зодчих проявляются в хорезмийской архитектуре значительно позже. Сюда относится комбинированная кладка из чередующихся слоев пахсы и кирпича, сооружение «донжонов» — ранне-средневековых «жилых башен» Хорезма, прототипом которых является донжон Бабиш-Муллы и т. д.

Возвращаясь к культуре апасиаков, можно предположить, что и строительство крепостей и городов, и изготовление ремесленной посуды, свидетельствующей о значительном развитии общественного разделения труда, могло производиться не столько руками апасиаков, сколько руками рабов иноплеменного происхождения. Отступление от хорезмийских стандартов в архитектуре и керамическом производстве позволяет предположить, что если в их числе и были хорезмийцы, то в очень незначительном количестве. Рабы — мастера в своей основной массе, видимо, происходили из южных областей Средней Азии. Напомним, что Полибий рассказывает о набегах апасиаков на области Гиркании и Парфии¹²¹. Однако предметами подражания для апасиакской знати служили хорезмийские образцы — образцы культуры могущественного народа, с которым апасиаки находились в тесном союзе¹²².

То, что рабы-мастера вынуждены были подражать образцам культуры им чуждой, и объясняет не только упрощение и огрубение хорезмийских образцов, но и применение мастерами их собственных приемов.

¹²¹ Полибий, XI, 34.

¹²² О вхождении Хорезма в конфедерацию массагетских племен см., например, W. W. Tarn. *Greeks in Bactria and India*, L., 1938, стр. 80—81.

Остается вкратце остановиться на дальнейшей истории племен, оставшихся исследованные нами памятники.

Как мы уже писали, жизнь в области расселения апаспакских и сакаравакских племен в середине II в. до н. э. почти полностью прекращается. Это, видимо, связано с широким наступательным движением сакских племен на юг против Греко-Бактрийского царства. Какая-то часть апаспакско-сакаравакских племен проникает и в Хорезм, о чем свидетельствует, в частности, известная варваризация керамики позднеантичного периода, начинающегося в середине II в. до н. э. Движение саков на юг не было вызвано стихийными причинами или перенаселением, оно определялось глубоким политическим кризисом государства греко-македонских завоевателей и стремлением народных масс этого государства получить помощь в борьбе с завоевателями со стороны северных племен, с которыми на протяжении веков они были тесно связаны. Не все сакское население ушло из сырдарьинских районов. На всей территории осталась, очевидно, большая часть куандарьинских тохаров и приаральских аугасиев. Однако большинство сакараваков и апаспаков действительно переместилось на юг. Некоторая их часть, объединившись, осталась в бассейне Жаны-Дарьи, но их было так мало, что они не смогли поддерживать приращивание земледелия. Возможно, что с этим связан поворот вод Жаны-Дарьи по более северным руслам, так как человек ее уже больше не контролировал. Оставшиеся апаспаки перешли к кочевому скотоводческому образу жизни (материал периода позднего загустения Бабип-Муллы). Часть апаспаков создала новые поселения на стыке Акча-Дарьи и Жаны-Дарьи, к числу которых относится исследованный нами комплекс Барак-там¹²³, датируемый уже IV—V вв. н. э.

8

В эпоху средневековья Жаны-Дарья периодами пересыхала вовсе или частично, не достигая моря и обводняя лишь прилегающие к ее верхнему течению районы. Во всяком случае у нас есть серьезные основания предполагать, что в раннем средневековье произошло длительное прекращение течения вод по руслу Жаны-Дарьи. Напомним слова создателя первой научной истории Аму-Дарьи — ал-Бируни о том, что древнейшее из северных русел Аму-Дарьи — русло Фахми («русло стоячих вод») шло по направлению к Фарабу, т. е. к району современной Кызыл-Орды. Другими словами, Бируни под этим названием явно подразумевал самое восточное из древних русел Аму-Дарьи — Акча-Дарью и смыкающееся с ней в 100 км от Арала русло Жаны-Дарьи.

Жаны-Дарья не имела постоянного течения, но часто затоплялась паводками Сыр-Дарьи. Вероятно, именно отсутствие постоянно текущих вод привело Бируни к ошибочному заключению, что Жаны-Дарья — древнее русло Аму-Дарьи. Однако, видимо, уже тогда, в XI в., произошел новый длительный прорыв вод по Жаны-Дарье. На ее берегах сохранились многочисленные памятники городских и сельских поселений XII—XIV вв., в том числе развалины большого города Дженда (современная Джан-кала и ее более ранний пригород Кум-кала, см. ниже), хорошо известного из средневековых письменных источников как крупнейший центр огузского племенного союза и как пункт, связанный с одним из эпизодов героической

¹²³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1945 г. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 1, стр. 83—86; его же. По следам... стр. 21, 53 и сл.; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 127—130; М. А. Орлов. Барак-там (новые памятники позднеантичной архитектуры северо-восточного Хорезма). «Труды ХЭ», т. 1, М., 1952, стр. 135—152; Е. Е. Пералик и М. С. Лавириков-Скобло. Раскопки Барак-там 1 в 1956 г. «Материалы ХЭ», вып. 1, М., 1959, стр. 81—95.

борьбы полководца Хорезмшаха Тимур-Мелика с монгольскими захватчиками. Течение воды по Пра-Куван-Дарье, очевидно, прекратилось значительно раньше. Памятники джеты-асарской культуры не заходят позднее VIII в. н. э. Что же касается Инкар-Дарьи, то, по последним археологическим данным, она была частично обводнена в IX—XII вв.: нами обнаружено множество памятников — ирригация, сельские поселения, крепости и погребальные сооружения, принадлежавшие судя по всему полукочевым племенам огузов, жившим здесь в раннем средневековье до хорезмшахского времени, т. е. в период, когда берега пересохшей Жаны-Дарьи были почти пустынным.

Есть все основания предполагать, что окончательное формирование современного русла нижней Сыр-Дарьи может быть датировано временем около XV в., когда снова прекращается течение воды по руслу Жаны-Дарьи. Однако и после того как сформировалось современное русло Сыр-Дарьи, течение воды по древним южным протокам ее дельты периодически возобновляется, особенно в XVIII — начале XIX в., когда весь обширный и ставший к тому времени пустынным район бассейнов Куван-Дарьи и Жаны-Дарьи заселяется трудолюбивым народом полусоседлых ирригаторов пустынных дельтовых областей — каракалпаками. Следы своеобразных каракалпакских ирригационных сооружений, их поселения, крепости и мазары являются последними по времени массовыми памятниками этого района.

О том, что жизнь человека на обширной территории между дельтами Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи полностью не прекращалась ни в эпоху поздней античности, ни в раннем средневековье, свидетельствует преемственность культуры древних и средневековых племен этих областей, выявленная нами на основании археологических данных, чего не могло бы быть при полной смене населения.

Одним из авторов этой статьи в ряде работ была уже обоснована связь этногенеза туркмен и каракалпаков с древним и средневековым населением Приаралья¹²⁴. Потомки древнего населения низовий Сыр-Дарьи продолжали играть значительную роль в этнической истории Приаралья. В конце античности и в раннем средневековье культура сакских племен подвергается все большему влиянию восточных, сначала гуннских, а затем тюркских племен. В раннем средневековье, после арабского завоевания и исламизации Средней Азии на территории апаснаков, в частности, появляется уже тюркское племя печенегов, имя которых восходит через ряд переходных форм к имени апаснаков. Как известно, огузы, имя которых восходит к древнему этнониму аугаснев, обитавших в низовьях Пра-Куван-Дарьи, составили основное ядро в этногенезе туркмен. Наконец, печенеги, вместе с частью огузов, влились в состав формировавшегося в Приаралье каракалпакского народа.

Археологическое исследование памятников аугаснев-огузов было начато Хорезмской экспедицией еще в 1946 г. на городищах янгикентской группы и развалинах Джанкента (Янгикента), названных нами в совокупности «болотными городищами»; все они расположены недалеко от Казалинска на плоской, низменной, влажной равнине треугольного полуострова или точнее острова, ограниченного на севере Сыр-Дарьей, на западе — Аральским морем и на востоке — полосой болот и камышовых плавней, в которую впадает староречье Куван-Дарьи. Это — исконный район обитания огузов. Ряд исторических источников свидетельствует, что расположенный в низовьях Сыр-Дарьи город Янгикент был в X—XI вв. резиденцией «царя гузов».

¹²⁴ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. КСИЭ, вып. II, 1947, стр. 69—75; его же. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102; его же. Огузы, печенеги, море Даукара (заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья), СЭ, 1950, № 4, стр. 49—54.

В 1959 и 1960 гг. в бассейне Инкар-Дарьи была открыта и обследована еще одна группа огузских памятников, ранее совершенно неизвестная. Исследование которой значительно расширило круг наших представлений о хозяйстве, культуре и быте этого народа. Центром расселения этой южной группы огузов, видимо, пришедших в IX—XI вв. с севера на Инкар-Дарью, в связи с ее обводнением в этот период, была область восточного участка русла; на западных участках его, изучавшихся нами в 1958 и 1959 гг., господствующее место занимают памятники первобытности и античного времени, хотя и там были встречены следы деятельности средневекового населения. Восточнее, где наблюдается разветвление русла Инкар-Дарьи на северный и южный участки, средневековые археологические памятники становятся уже господствующими. Здесь много средневековых каналов, причем ирригация сохраняет примитивный характер, типичный для неустойчивого земледелия полусоседных дельтовых районов; встречаются переуглубленные древние каналы, системы водосмов-бассейнов, плотины из ветвей и глины; по берегам Инкар-Дарьи на ее северном отрезке обнаружено множество развалин крестьянских усадеб, сохранившихся в виде квадратных или круглых планировок. Примером может служить квадратная планировка (поиск 15), площадью 60×60 м, стены которой сохранились в виде валов шириной около 2 м. Северная стена непосредственно примыкает к руслу, в него же упираются концы внешней ограды, имеющей очертания неправильного круга, обрамляющего квадратную планировку с трех сторон. Внутри квадратной планировки к ее стенам, видимо, примыкали жилые помещения — на валах много фрагментов средневековой керамики, лепной и ремесленной, и обломки печины; на других подобных же планировках обнаружены и развалины жилых помещений, расположенных по периметру стен. По всей вероятности, эти жилища бытовали одновременно с юртами, установленными во внутреннем дворе, теперь густо заросшем травой и кустарником. Внешний двор, примыкающий к жилому комплексу квадратной планировки, очевидно, служил загонem для скота. Неподалеку от таких укрепленных усадеб сельского типа, как правило, находятся каналы, отведенные из Инкар-Дарьи. Другой тип укрепленных сельских усадеб этого района имеет в основе очертания не квадрата, а круга, диаметром около 100 м; жилые помещения в круглых усадьбах также примыкают задней стеной к ограде (поиск 17), оставляя свободной внутреннюю часть огороженной площади.

В 1961 г. изучение памятников этого типа было продолжено. Во время маршрута были открыты укрепленные поселения Ходжа-Казган 2 и Ходжа-Казган 3. Оба они расположены на большом, хорошо сохранившемся средневековом магистральном канале, входящем в ирригационную систему северного отрезка Инкар-Дарьи в его восточной части. На одном из участков этого канала был обнаружен большой ирригационный узел с бассейнами и чигирными ямами.

Поселение Ходжа-Казган 2 сохранилось плохо, лучше сохранилось поселение Ходжа-Казган 3. Его прямоугольная площадь размером 60×60 м находится примерно в 40 м от восточного берега канала, внешняя стена обрамляет городище неправильным полукольцом, вытянутым с севера на юг, упираясь на северо-западе и юго-западе в русло канала, который таким образом на протяжении около 200 м входит в систему обороны поселения. Высота валов цитадели — около 1,5 м, толщина их у основания 8—9 м. Центральная часть площадки цитадели заглублена, заросла саксаулом и тамариском, планировка незаметна; на стенах местами россыпи печины. Внешний вал сохранился на высоту 0,75—1 м, ширина его — около 5 м.

Керамики на городище много, особенно около цитадели и к югу от нее. Еще обильнее россыпи керамики за внешней стеной, к юго-западу от городища — там, очевидно, было обширное поселение. Преобладает лепная посуда, наряду с ней фрагменты круговой раннесредневековой (светло-

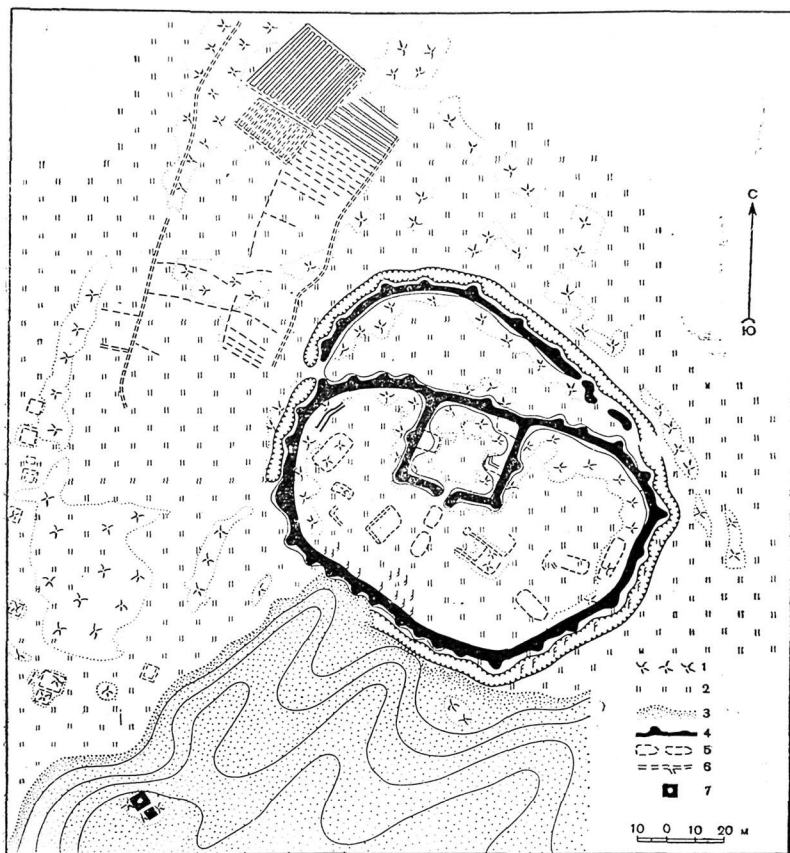

Рис. 36. Городище Сарлы-там-кала.

1 — тапчыры; 2 — тапчыры, поросшие биюргуном; 3 — песчаные гряды; 4 — стены городища; 5 — остатки зданий; 6 — следы мельной оросительной сети; 7 — мазар

тесто, прочерченный волнистый и линейный орнамент). Среди лепных сосудов — крышки с резным орнаментом, очень много сосудов черного геста с пальцевыми защипами под венчиком.

Помимо этих небольших усадеб в районе между северным и южным руслами Инкар-Дарьи, в урочище Сарлы-там и близ бугра Зангар-тюбе открыты два крупных отузских городища, названные нами Сарлы-там-кала и Зангар-кала.

Комплекс памятников урочища Сарлы-там включает крепость, прилегающее к ней поселение и мазар, стоящий на высоком песчаном бугре близ крепости. Городище Сарлы-там-кала (рис. 36) имеет в плане неправильную округлую форму, диаметром около 250 м. В северной части его находится квадратная цитадель, обращенная входом на юг; городская стена окружает ее с трех сторон, примыкая двумя концами к северной стене цитадели. Площадь цитадели — 70×70 м; стены ее укреплены башнями, две из них обрамляют вход, четыре располагаются по углам и,

Рис. 37. Мазар Сарлы-там (Инкардарьинский)

кроме того, по одной башне находится в середине каждой из остальных трех стен. Башня в северной стене цитадели против ворот выделяется своей величиной — ее высота 5 м. В цитадели прослеживается планировка трех зданий. Городская стена имеет вид большого вала, сохранившегося на высоту в среднем до трех метров, в ней 26 башен; в юго-западной части стены находились ворота — сохранились остатки предвратного сооружения. Внутри городища, как и в цитадели, прослеживаются остатки строений с густыми россыпями керамики. С севера к крепости непосредственно примыкает пригород, также обнесенный стеной с семью башнями. По контурам пригород приближается к полукругу. Стены его примыкают к северной стене города не вплотную, образуя здесь широкие проходы со следами конструкций ворот.

За пределами стен городища, к западу от него, расположено поселение, площадь которого около 300×400 м. Многочисленные бугры усыпаны керамикой. Помимо остатков домов, здесь различаются следы разных ремесленных производств: гончарных печей, печей для обжига кирпича; много шлаков, обломков криц. На окраине поселения сохранились развалины нескольких небольших мазаров. С восточной стороны городища хорошо видны участки полей с поливными бороздами.

В 250 м к юго-западу от крепости возвышается мазар Сарлы-там (рис. 37). Это чрезвычайно изящное архитектурное сооружение; хорошо сохранился высокий портал, украшенный резными терракотовыми плитами. Этот тип декора, как известно, характерен для караханидского времени (XI—XII вв.). В плане здание мазара имеет квадратное очертание, длина сторон его около 10 м. Стены сложены из жженого кирпича размером $27 \times 27 \times 4,5$ см и $23,5 \times 12,5 \times 4,5$ см; перекрытие — купольное. По углам мазара выложены из кирпича круглые пилястры, диаметром около 40 см. Внутри мазара ведет вход со стрельчатой аркой; в стенах находятся ниши, на ганчевой штукатурке — следы росписей. Девять могил расположены в два ряда на полу мазара.

Сарлы-там-кала и прилегающее к ней поселение датируются по находкам керамики XI—XII вв. Наиболее распространены горшки с шейкой, украшенной наклепным валиком с защипами. Гончарные изделия ремесленного изготовления датируются преимущественно X—XII вв. Более поздняя керамика, например серые кувшины с высокой округлого сечения ручкой, датируемые в Хорезме XII—XIII вв., видимо, относятся

здесь к более раннему времени; весьма вероятно, что эта форма изделий пришла в Хорезм из северо-восточных степей и была заимствована местными ремесленниками, как и некоторые другие формы материальной культуры и искусства, у соседних степенных племен. Поливной керамики на Сырлы-там-кале найдено мало и датируется она тем же периодом.

Городище Зангар-кала находится всего в трех километрах северо-восточнее Сарлы-тама и относится к тому же историческому периоду. В планировке его много черт, сходных с Сарлы-там-калой: квадратная цитадель, округлые очертания городища, диаметр которого достигает 300 м, пригород, примыкающий к северной стене цитадели. Однако здесь есть вторая внешняя стена, охватывающая обширное пространство окружающей местности, с орошенными полями и строениями. Все стены Зангар-калы сильно размыты; подъемный керамический материал идентичен сарлытамскому по соотношению лепной и ремесленной поливной керамики. Найденные фрагменты поливных сосудов датируются X—XI вв.

Третьим памятником этого типа является крепость Ходжа-Казган 1, расположенная на правом берегу Жаны-Дарьи в ее верхнем течении. Памятник представляет собой квадратную в плане цитадель, обрамленную внешней стеной, имеющей в плане форму прямоугольника. Крепость ориентирована почти строго по странам света. Цитадель довольно обширна — размер ее 120 × 120 м (по внешней линии стен). Стены, имеющие вид огромных валов, с очень крутыми скатами сохранились на высоту до 4 м. На стенах следы восьми башен, сильно размытых. Под стенами находился ров, шириной 8—9 м, глубиной до одного метра от уровня такыра. Ров зарос саксаулом. Внутренняя часть цитадели также заросла саксаулом, на ней выделяется большой бугор, расположенный асимметрично, ближе к восточной стене, видимо, это остатки центрального здания. Вход в цитадель находился в южной стене, он обозначается выступом с пандусом. Керамики внутри цитадели мало, возможно, что культурный слой почти не размыт. Внешняя стена, обрамляющая цитадель, находится от последней на расстоянии 50—70 м. Прямо на юг, на протяжении около 100 м, вплоть до самого русла Жаны-Дарьи, тянулось поселение. Здесь между редкими кустами саксаула располагаются бугры — остатки домов, густо усыпанные фрагментами керамики; много гончарного шлака, кирпичи. На берегу русла сохранились фундаменты мазаров из жженного кирпича.

Средневековая керамика, лепная и ремесленная, встречается примерно в равном соотношении. Среди ремесленной керамики найдены фрагменты чигирей. Фрагменты поливной посуды (с голубой поливой) — единичны. Среди лепной керамики очень много сосудов, сделанных из темного теста с пальцевыми защипами под горлом. Из других находок можно назвать целое бронзовое кольцо, две бусины, обломки монеты.

По своему архитектурному облику и характеру подъемного материала Ходжа-Казган-кала входит в круг раннесредневековых «огузских» городищ бассейна Инкар-Дарьи, имея много общих черт с Сарлы-там-калой, Зангар-калой и резкой отличается от более поздних, расположенных ниже по Жаны-Дарье, средневековых городищ (Кум-кала и пр.).

Анализ планировки раннесредневековых огузских городищ, открытых нами в 1960—1961 гг. на верхнем и среднем течении Инкар-Дарьи, приводит к выводу, что она восходит к планировке античных «болотных городищ» низовьев Пра-Куван-Дарьи — важный новый аргумент в пользу нашего вывода об исторической преемственности культуры аугасиев и огузов.

В эпоху Великих хорезмшахов, государство которых простиралось далеко на северо-восток от центральных областей Хорезма, охватывая частично и правобережье средней Сыр-Дарьи с такими крупными городами как Сыгнак, Отрар и др., ожили прилегающие к Жаны-Дарье районы. Поселения хорезмшахского времени зарегистрированы вдоль ее русла по

всему среднему течению и в верховьях; немало здесь памятников монгольского времени и более поздних, датируемых XV—XVII вв.

Полоса средневековых культурных оазисов вдоль Жаны-Дарьи, пересекающая мертвые пески пустыни Кызыл-Кум, имела большое историческое значение, соединяя и сближая две обширные культурные области низовий великих среднеазиатских рек. Примером местного типа сельского поселения хорезмшахского времени может служить открытое в 1958 г. отрядом под руководством Б. В. Андрианова поселение близ колодца Мурзалы. Оно расположено у большого естественного русла, ширина которого достигала 60 м. Русло это использовалось в качестве магистрального канала, его берега были укреплены дамбами, а по дну был проложен арык. Поселение состояло из главного, вытянутого вдоль канала, жилого массива площадью 70×50 м и отдельных усадеб, состоящих из основного здания и расположенной рядом капгар-ханы — сооружения, как известно, чрезвычайно характерного для хорезмшахского времени¹²⁵.

Главный жилой массив поселения сохранил следы внутренней планировки, на развалинах здания собрано множество фрагментов серой, поливной и неполивной керамики XII—XIII вв., сходной с хорезмийской. Но в то же время лепные сосуды украшены под шейкой разнообразными налепами (часто в виде рогов), характерными лишь для этих мест.

Другое сельское поселение, датируемое XII—XIV вв., было открыто экспедицией в 6 км к юго-востоку от колодца Иркиябай.

Это отдельные постройки и усадьбы, расположенные вдоль большого арыка. Стены домов сложены из квадратного сырцового кирпича размером $27 \times 27 \times 9$ см и в ряде случаев сохранились на высоту до 1—1,2 м. Кое-где видны следы оград, окружавших усадьбы. В этом поселении, наряду с поливной керамикой хорезмшахского и золотоордынского времени, встречается лепная грубая варварского кочевнического типа керамика с рельефным лепным и резным узором, изготовленная, видимо, местными сельскими мастерами. Среди других находок можно отметить бусы, монеты, поделки из золота.

В урочище Ак-Мамбет и к югу от мазара Зангар также были обнаружены группы средневековых поселений, датирующиеся XII—XIV вв.

В урочище Ак-Мамбет на развалинах средневекового городища сохранились бугры — остатки построек, причём в одном случае удалось проследить типичную для средневекового хорезмского дома планировку: коридор делит здание на две половины, по обеим сторонам коридора расположены комнаты. В окрестностях селения — поля с густой оросительной сетью, питавшиеся водами Жаны-Дарьи. На развалинах и полях обильны находки керамики, в том числе глазурованной, с бирюзовой и белой с синим поливой, с черной подглазурной росписью.

Одним из наиболее интересных и своеобразных средневековых поселений в бассейне Жаны-Дарьи является открытое и обследованное экспедицией в 1959 г. большое поселение, расположенное в 6 км к югу от бугра Уйгарак. Поселение Уйгарак (рис. 38) занимает площадь около 500×400 м и расположено на большом канале, подходящем к нему с запада. На поселении прослеживаются ряды строений, располагающихся вдоль русла и отходящих от него каналов. Наиболее крупные из них имеют вид бугров, поднимающихся над современной поверхностью на 1,5—2 м, остальные дома, от которых остались лишь основания, судя по следам планировки поселка, составляли почти сплошную застройку, тесную и беспорядочную. Более свободно стояли дома на окраинах. Поселение Уйгарак можно отнести к типу ремесленных полугородских центров. Здесь существовали развитые производства: железоделательное, гончарное и др., на что указывают обнаруженные на поселении

¹²⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 161, рис. 98.

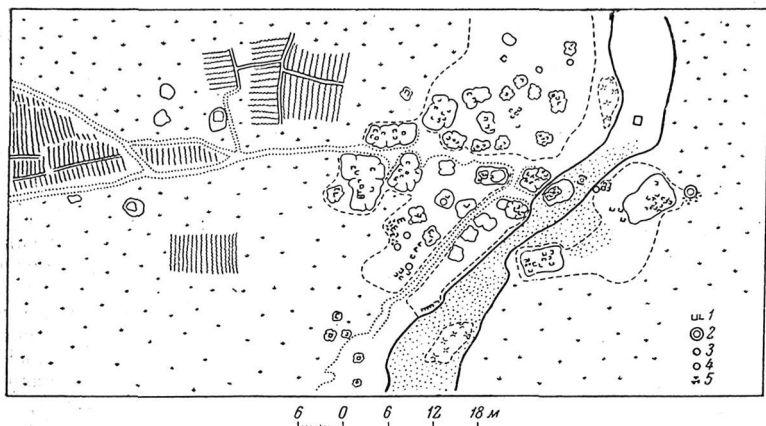

Рис. 38. Поселение Уйгарак.

1 — следы планировки; 2 — раскопанная печь; 3 — печь; 4 — тандыр; 5 — шлаки

остатки гончарных печей и многочисленные находки медных и керамических шлаков, железных криц. Керамические сосуды встречаются здесь как высококачественного ремесленного изготовления, так и грубые, лепные. Ремесленные схожи с хорезмийскими сосудами хорезмшахского и золотоордынского времени. Лепные очень оригинальны, они богато украшены разнообразными налпами, пальцевыми вдавлениями, зашипами; аналогичная керамика найдена на поселениях у колодцев Мурзалы и Иркибай. Один из светильников имеет ручку в виде фигурки животного, похожего на медведя. В одном из кувшинов, найденных в целом виде, сохранились семена дыни. Кроме керамики, на поселении найдены железные предметы — серп, обломки железных ножей, а также бронзовые зеркала с рельефным узором на обратной стороне, различные ювелирные украшения — каменные и стеклянные бусы, кольца, браслеты из стеклянной пасты. Найдено также много медных монет, в основном датированных XIV в. Большой материал с поселения позволяет датировать его XII—XIV вв. — эпохой монгольского завоевания и несколько более поздним периодом. Наиболее интересной особенностью поселения Уйгарак является, однако, то, что к нему непосредственно примыкают прекрасно орошенные поля, на которых видны следы усадеб полуоседлого типа, состоявших из юрт (сохранились круги их земляной обвалки), полуземлянок и небольших хозяйственных помещений, непосредственно примыкающих к жилью и, видимо, состоявших из загонов и землянок для домашнего скота. Эти жилые комплексы, расположенные на окраинах отдельных тщательно обработанных участков (как можно судить по следам планировки и оросительной сети полей), принадлежали, видимо, населению другого этнического происхождения, чем жители ремесленных кварталов городка. Вероятнее всего предположить, что городское население было хорезмийским, а полуоседлые скотоводы-земледельцы, составлявшие основной массив населения его окрестностей, были огузами, входившими в состав Джендского владения; огузские племена, как известно, издавна населяли этот район; до перенесения в XI в. ставки огузских правителей — ябгу в Янгикент административным центром огузов был Дженд, от которого селение Угайрак находится лишь в 150 км к юго-западу. Не исключено, однако, что жители окрестностей Уйгарака принадлежали к одной из групп печенежских племен.

Мы полагаем, что сочетание здесь хорезмийских форм ремесленной керамики со стенными можно объяснить именно этими особенностями этнического состава населения Уйгарака, так как многие типы сосудов могли выполняться ремесленниками по заказам кочевого и полукочевого населения окружающих степей и поэтому, естественно, соответствовали традиционным формам и вкусу степняков.

Характеристика сельских поселений бассейна Жаны-Дары хорезмшахского и золотоордынского времени может быть значительно дополнена после обследования расположенных к востоку от крепости Кум-Кала двух групп развалин — восточной, или второй Кум-калы и Мартык-калы. Восточная Кум-кала — крупная, но не укрепленная феодальная усадьба с примыкающим к ней селением. Усадьба состоит из большого жилого комплекса, представляющего в плане прямоугольник размером 200×155 м, с развалинами жилого дома, в котором сохранились комнаты и коридоры, расположенные в ряд; с севера к дому примыкали айваны, а с юга — двор. Конструкция стен, окружающих двор, как и самого дома, низкого качества: это перемежающиеся слои сырцового кирпича нестандартных размеров и битой глины.

К северу от жилого комплекса усадьбы раскинулся большой участок внешнего двора или сада, огороженный глиняной стеной типа дувала без каких бы то ни было следов фортификации; ворота были в северной стене. Близ восточной стены в саду находилась постройка размером около 35×22 м, от которой сохранился лишь продолговатый бугор в 1,5 м высоты. Вероятно, это был дом для приема гостей, возможно, каптар-хана; прямо перед ним, в центре сада, располагался небольшой квадратный водоем — хауз.

С юга и юго-запада к усадьбе феодала, видимо, владельца здешней округи, примыкают остатки кварталов большого поселения. На многих участках найдены шлаки и крицы — следы ремесленного производства. В этом же районе встречаются круглые бугры, высотой около 2 м, диаметром до 12 м, служившие, очевидно, площадками для установки юрт. Они очень напоминают аналогичные бугры на полях близ Уйгарака и, возможно, также являются остатками жилья местного полукочевого населения. За селением располагались поля, сады, окруженные оградой, многочисленные пригационные каналы.

Обильная керамика с Восточной Кум-калы имеет общие черты с уйгаракской; здесь много глазурованной посуды, датированной по аналогии с хорезмийской керамикой XII—XIV вв.; среди неполивной керамики есть и лепные изделия — разнообразные котлы, орнаментированные крышки, ульевидные очажки, светильники.

В двух километрах к северу от Восточной Кум-калы находятся развалины Мартык-калы — поселения из маленьких, компактно расположенных домов-усадоб, среди которых выделяется своими размерами (18×18 м) и хорошей сохранностью дом, принадлежавший, видимо, владельцу селения. Планировка дома очень любопытна: в нем было девять помещений, в том числе центральный квадратный «зал» с четырьмя узкими проходами-коридорчиками по углам, ведущими в «вестиюли», выходящие на северный и южный фасады здания, возможно, они были открытыми, типа айванов. Кладка стен здесь аналогична типу кладки Восточной Кум-калы. Керамика преимущественно ремесленная, сходная и синхронная восточно-кумкалинской, и относящаяся, в основном к XII—XIV вв. Мартык-кала, представляющая собой развалины небольшого селения с домом мелкого помещика-феодала, по своему социальному содержанию памятник того же типа, что и Восточная Кум-кала, но в миниатюре.

Найденная керамика очень разнообразна: сероглиняная, красноватая, светложелтая без поливы, поливная керамика также нескольких видов.

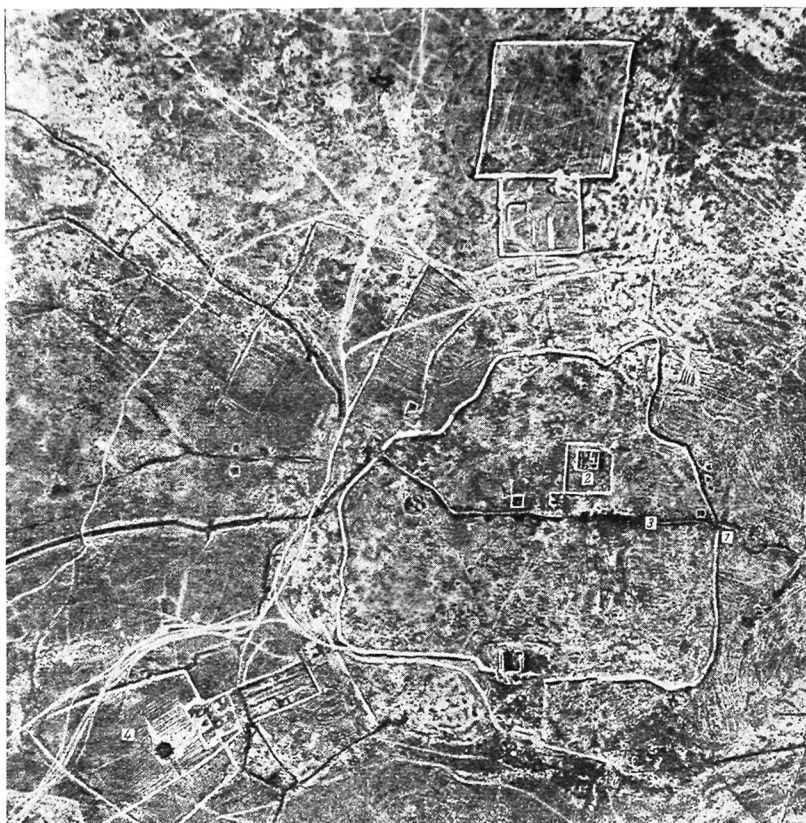

Рис. 39. Городище Джап-кала — древний Дженд
1 — стена и ров; 2 — цитадель; 3 — канал; 4 — садово-парковый комплекс

Основная масса керамики датирует крепость XII—XIII вв., но встречаются и фрагменты монгольского времени. Интересен тип лепной посуды с рельефным и резным узором. Много бус с голубой поливой из пасты, с инкрустацией. Очень много металла, стекла, встречаются фрагменты каменных сосудов, характерных для хорезмшахского времени в Хорезме, и обломки сфероконусов. Много криц, гончарных шлаков.

Из городских средневековых поселений на Жаны-Дарье наиболее крупными являются Бештам-кала¹²⁶ и Джан-кала (средневековый Дженд).

В 1946 г. Хорезмская экспедиция обследовала развалины большого средневекового города Джан-калы (рис. 39), в результате чего была установлена тождественность этого памятника с известным по письменным источникам Джендом¹²⁷, крайним восточным форпостом средневе-

¹²⁶ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 16—20.

¹²⁷ С. П. Толстов. По следам..., стр. 60—61.

кового Хорезма до его превращения в мировую державу в конце XII—начале XIII в. В 1958 г. один из отрядов экспедиции под руководством Б. В. Андрианова вторично был в Дженде. Это центр обширного района, густо заселенного в XII—XIII вв. Следы средневековой ирригации, усадеб, укрепленных тыпущей отсюда вдоль южного берега Жалы-Дарьи почти до края современной, прилегающей к Сыр-Дарье, культурной полосы, на 40—50 км к востоку. В этом большом оазисе Джан-кала (Дженд) — самый крупный и наиболее интересный памятник. Дженд упоминается многими средневековыми авторами¹²⁸, значение его с XI в. до монгольского нашествия было так велико, что даже Аральское море называли Джендским¹²⁹. В 1220 г. монголы захватили Дженд, в нем долго находилась ставка Джучи, который лишь на следующий год отправился отсюда на осаду Ургенча. Во второй половине XIII в. Дженд посетил среднеазиатский ученый Джемал Карши, который сообщает об упадке этого прежде очень богатого города, ставшего, по его словам, «ничтожным»; однако в Дженде и в ту пору «оставался оживленный базар и купцы продолжали туда ездить с расчетом на прибыль»¹³⁰.

Дженд находится в 115 км к западу-юго-западу от Кызыл-Орды, на правом берегу Жалы-Дарьи, в четырех километрах от основного русла на ее древнем боковом протоке, в густом сакасуловом лесу.

Развалины, сохранившиеся на территории Дженда, разновременны, здесь даже можно видеть остатки каракалпакских поселений (залитые землянки, крупные основания и зацгтные валики от юрт, загоны для скота). К этому времени относятся также центральная цитадель с одинокой сторожевой башней и городская стена, сохранившаяся в виде насыпного двухметрового вала с буграми на нем (видимо, остатками башен), за стеной — глубокий ров. Здание цитадели сложено из сырцового кирпича и разделено коридором на две половины, каждая из которых состоит из 8—10 помещений. Башня, восьмиугольная в плане, сохранилась на высоту около 7 м, она построена из пахсы и сырцового кирпича. Стена имеет неправильную конфигурацию. Окруженная ею часть городища вытянута с северо-востока на юго-запад и имеет площадь примерно 600 × 500 м. В это укрепление включены развалины средневекового здания (площадью 20 × 30 м), построенного из обожженного кирпича размером 28 × 28 × 4,5 см. Обильные средневековые постройки примыкают главным образом к большому каналу, пересекающему центральную часть городища, и представляют собою или большие бугры, усеянные керамикой, или основания стен из жженого кирпича. К западу от основной части городища располагается эффектный садово-парковый комплекс с трапезничной в плане оградой¹³¹. Это, очевидно, развалины загородного дворца правителя Дженда. Здание было поставлено на возвышенной прямоугольной площадке из сырцового кирпича.

Керамика с городища относится к нескольким историческим периодам. Большую группу составляют изделия типологически близкие к бытовавшим в Хорезме в XIII—XIV вв. Это кувшины серого обжига с ручкой округлого сечения, узкогорлые кувшины с плечами, украшенными орнаментом, и поливные каменные сосуды нескольких видов: с бирюзовой глазурью и черной росписью, с двуцветной, синей и темно-серой или зеленоватой росписью по белому фону и др.¹³² Кроме этих, известных в Хорезме типов керамики, обнаружены изделия, не встречающиеся там,

¹²⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 150 и сл.

¹²⁹ Там же, стр. 150.

¹³⁰ Там же, стр. 153.

¹³¹ М. А. Орлов. Памятники садово-паркового искусства средневекового Хорезма. «Труды ХЭ», т. 1, стр. 166—171.

¹³² П. И. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма. «Труды ХЭ», т. IV, 1960, стр. 300—328.

например серые горшки ремесленного производства с массивными горизонтальными ручками, поливные открытые чаши с глазурированной облицовкой на неангобированной красноватой поверхности, иногда украшенные росписью. Эта керамика еще не датируется достоверно, но имеет аналоги среди материалов с хорезмшахского поселения у колодцев Мурзалы. Третья группа керамики близко напоминает позднесредневековые изделия Хорезма; это — толстостенные сосуды светло-серого обжига, украшенные прочерченным линейным узором, и поливная керамика с низкокачественной бирюзовой поливой, покрывающей внутреннюю сторону сосудов. Наконец, на городище найдены образцы хорошо известных люстровых сосудов XV—XVI вв., селадоновых и фарфоровых чаш (типа кобальт) XVI—XVII вв., импортировавшихся в Среднюю Азию из Ирана и Китая.

Кум-кала, расположенная в 12 км от Дженда, на самом берегу (левом) Жаны-Дарьи, русло которой делает здесь крутой меандр и заполнено сбросовой сырдарьинской водой, живописно возвышается над голубой рекой, ее мощные, хорошо сохранившиеся стены с массивными башнями образуют неправильный прямоугольник и окружены глубоким рвом; внутри территория крепости густо заросла высокими кустами саксаула, мешающими восстановить во всех деталях планировку зданий и улиц. Общие размеры городища 300×400 м. На стенах крепости, в ее северо-восточном углу воздвигнут мазар, более позднего времени, чем крепость. Памятник, впервые обследованный Хорезмской экспедицией в 1946 г., хорошо датируется обильным подъемным материалом, относящимся преимущественно к XII—XIII вв. Наиболее значительные скопления керамики были обнаружены в северной части крепости.

Из культовых памятников средневековой в бассейне Жаны-Дарьи наибольший интерес представляет мазар Сарлы-там (Жаныдарьинский)¹³³.

В 1961 г. маршрутный отряд обследовал расположенное в верховьях Инкар-Дарьи средневековое городище Асанас (Ашанас), давно заинтересовавшее нас своей планировкой во время визуальных наблюдений с самолета. Сведения о нем имеются в источниках, описывающих монгольское завоевание. Город Ашанас, по Джувейни («Тарихи Джахангуша»), был взят в 1219 г. Джучи, на пути из разрушенного им Сыгнака в Дженд¹³⁴. Бартольд соглашается с исследователями, отождествляющими развалины Асанас со средневековым городом «Ашанас», или «Эшнас»¹³⁵. Городище расположено к северо-востоку от бугра Кок-Сенгир, в 20 км от современного русла Сыр-Дарьи, вблизи от культурной полосы, прилегающей к левому берегу (в 48 км к юго-востоку от Кызыл-Орды).

Городище Ашанас представляет собой развалины большого укрепленного средневекового города, окруженного мощной стеной с башнями; примерные размеры городища 480×450 м (по длинной оси около 530 м). В плане городище неправильной овальной формы. Стена сохранилась в виде огромного вала высотой до 5 м, ширина ее достигает у основания 15 м. В трех местах на стене удалось проследить следы фундаментов более поздних мазаров. Ворота, укрепленные предвратным сооружением, находятся в северной, восточной и западной стенах, кроме того, имеется вход и с юга, но не столь укрепленный. Снаружи городище опоясывает большой ров. В восточной части городища возвышается цитадель, в виде бугра с круглыми склонами, площадью 40×50 м. Остальная площадь городища заросла саксаулом, но между кустарником прослеживается множество бугров, усыпанных фрагментами керамики. Заросли

¹³³ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 20—22.

¹³⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 446.

¹³⁵ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 150—151.

мешают проследить планировку города, однако в восточной его части близ цитадели, застройка была, видимо, более плотной и компактной.

К западной части городища примыкает кладбище, давно заброшенное. На нем выделяются два мазара: один — без портала, с хорошо сохранившимся сферическим куполом, второй — с порталом, типа близкого к Инкардарьинскому Сарлы-таму, но со следами разрушения и позднейшего ремонта.

К восточной стене городища снаружи примыкают землянки и загоны, очевидно, построенные уже в новое время скаковыми казаками или каракалпаками.

Среди находок преобладает ремесленная керамика, но много и лепной, формы которой нам известны по огузским раннесредневековым городищам полуседлого типа. Это — венчики сосудов, украшенные пальцевыми зажимами или валиками с ногтевыми вдавлениями и косыми насечками, котлы с орнаментированными ручками, крышки с резным прочерченным рисунком.

Среди ремесленной керамики много поливной, преобладает поздняя, XIV—XVI вв. Из других находок — бусины, конические пряслица, много фрагментов стеклянных сосудов.

Обследование городища Ашанас убедительно показало, что жителями этого города были не согдийцы, а местное огузское население, связанное корнями своей культуры (архитектура, керамика) с окружающим коренным населением присырдарьинских районов и бассейна Инкар-Дарьи, обводненной частично в домонгольский период.

Близ Ашанаса было обследовано еще несколько средневековых городищ, в том числе укрепленное двумя рядами валов и рвов большое поселение на берегу Ашанас-узьяка.

Археологическое исследование средневековых памятников, расположенных на руслах древней сырдарьинской дельты, продолжается. Обилие и своеобразие этих памятников является залогом того, что в ближайшие годы появится возможность пополнить многими новыми данными сложный исторический процесс, протекавший в этой обширной области с разнородным населением, образ жизни, хозяйство, культура и быт которого в значительной степени обусловливались неустойчивым режимом водных источников — обводненностью или пересыханием основных русел и дельтовых протоков великой среднеазиатской реки — средневекового Сейхуна.

Новый комплекс археологических памятников XVIII — первой половины XIX в. был открыт экспедицией в 1961 г. в бассейне Майли-Узьяка — меридианального протока, соединявшего русла Жапы-Дарьи и Куван-Дарьи и широко использовавшегося для ирригации. На правом берегу Майли-Узьяка, в 30 км к северу от Джан-калы были обследованы интересные развалины Бузук-кала — крепости, построенной по типу хорошо уже нам известных каракалпакских крепостей западной части бассейна Жапы-Дарьи. Ниже по течению Майли-Узьяка, в местности, пересеченной бесчисленными каналами и остатками аулов полуседлого типа (с кругами от обваловки юрт), расположенных среди полей, оказался целый комплекс крепостей, носящих общее название Хатын-кала. Наибольший интерес представляет крупнейшая из этих крепостей Хатын-кала 1, занимающая площадь около 6 га. Крепость имела прямоугольную цитадель, в центре которой находилось массивное высокое укрепленное здание, мощные стены которого достигают и сейчас 4 м высоты и 7 м толщины. Городище находится на самом берегу Майли-Узьяка и внешняя стена его так же, как на раннесредневековых городищах

Инкар-Дарьи, образует неправильный круг, примыкающий двумя концами к руслу.

Очень сложна система обороны западного угла цитадели, где находился большой выступ — бастион, господствовавший над подходом к крепости со стороны реки и входивший в систему обороны ворот цитадели. Интересно, что близ этого бастиона найдено несколько небольших железных ядер, видимо, от фальконета — вещественные следы вражеского штурма. Сопоставляя локализацию Хатын-калы с данными ряда карт низовий Сыр-Дарьи, составленных в первой половине и середине XIX в., мы имеем все основания отождествлять эти развалины с хивинской крепостью Ходжа-Нияз, о которой имеются сведения в исторических источниках. В связи с распространением в начале XIX в. кокандского влияния на казахское население района, расположенного между Куван-Дарьей и Сыр-Дарьей, издавна находившегося под суверенитетом Хивинского ханства, и постройкой ряда кокандских крепостей на средней Сыр-Дарье, правительство Алла-Кули-хана хивинского решило возвести несколько укреплений на берегу Куван-Дарьи для противодействия кокандцам. Одним из этих укреплений, самым крупным, была Ходжа-Нияз-кала, основанная в 30-х годах XIX в. Около 1840 г. эту крепость после длительной борьбы захватили кокандцы, но в результате дипломатических переговоров вскоре возвратили Хиве. И только после взятия русскими войсками Ак-мечети в 1853 г. и оттеснения имп. кокандцев от Сыр-Дарьи хивинские войска покинули крепости на Куван-Дарье, в том числе (в 1856 г.) и Ходжа-Нияз-калу.

Детальное обследование Хатын-калы 1 (Ходжа-Нияз-калы) позволяет нам внести существенное дополнение в скудные сведения исторических источников.

По-видимому, первоначально на этом месте существовала более старая крепость, построенная местными раннесредневековыми племенами. Средневековая крепость существовала, вероятно, в виде хорошо сохранившихся развалин или даже функционировала в XVIII в., когда бассейн Куван-Дарьи был заселен и освоен каракалпаками, занимавшимися здесь, как известно, земледелием и скотоводством. Когда же возникла необходимость срочно построить в этом районе хивинские укрепления, естественно, что для них целесообразно было использовать местные старые крепости, в значительной степени сохранившие свои фортификационные сооружения — стены, рвы и пр. Так что есть все основания предполагать, что Ходжа-Нияз-кала, игравшая такую интересную роль в истории кокандско-хивинских отношений, была построена на месте традиционного для присырдарьинских районов раннесредневекового укрепления, повторяя его конфигурацию.

* * *

Таковы итоги работ Хорезмской экспедиции за отчетные четыре полевых сезона, охватывающие весьма большой хронологический период и весьма значительный круг проблем.

А. В. Виноградов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. РАЗВЕЯННЫЕ СТОЯНКИ В СЕВЕРНЫХ КЫЗЫЛ-КУМАХ

Открытие в послевоенные годы многочисленных памятников кельтеминарской культуры в староречье Акча-Дарьи, а также в районах северо-западного Приаралья поставило на повестку дня поиски памятников эпохи неолита и энеолита на промежуточных территориях, в районах сырдарьинских староречий Ишкар-Дарьи, Куван-Дарьи и Жаны-Дарьи, где до последнего времени памятники этих эпох не были изучены¹. Случайные и отрывочные сведения о неолитических находках на этих обширных территориях были недостаточны для выяснения основных вопросов истории населения Южного Приаралья в эпоху неолита и энеолита.

В связи с перенесением главного центра работ Хорезмской экспедиции на восточные, пограничные с Хорезмом области здесь было открыто и в различной степени изучено большое количество памятников первобытной эпохи. Археологические исследования, как и прежде, производились Хорезмской экспедицией в тесном контакте с геоморфологическим изучением этих областей.

В настоящей статье публикуются материалы нескольких небольших разветвленных стоянок эпохи позднего неолита или энеолита, обнаруженных разведками Хорезмской экспедиции в 1954 и 1958 гг. Одна из них была открыта в 1954 г. во время совместных археолого-геоморфологических работ Хорезмской экспедиции и Института географии АН СССР в районе среднего течения сухого русла Куван-Дарьи.

Стоянка была обнаружена на одном из холмов Есен-Тюбе (западном). Два холма Есен-Тюбе представляют собой массивные останцы коренных пород, господствующие над окружающей аллювиальной равниной. Склоны их и плоские вершины покрыты мелкой окатанной галькой и сильно заросли травой. По материалу и формам изделия из камня, собранные на стоянке Есен-Тюбе, близки находкам из неолитических и энеолитических стоянок северо-восточного Приаралья.

Основной поделочный материал — серый кварцит различных оттенков. Изредка встречаются кремневые отщепы серого, черного и красного

¹ Наиболее полная сводка о находках неолитического и энеолитического времени имеется в опубликованной Институтом истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР работе «Археологическая карта Казахстана» (Алма-Ата, 1960 г.). В ней содержатся сведения о мелких стоянках и отдельных находках из районов среднего течения Жаны-Дарьи и междуречья Куван-Дарьи и современной Сыр-Дарьи. Материал этот не опубликован и хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Стоянки, материалы которых публикуются в этой статье также нашли отражение в карте.

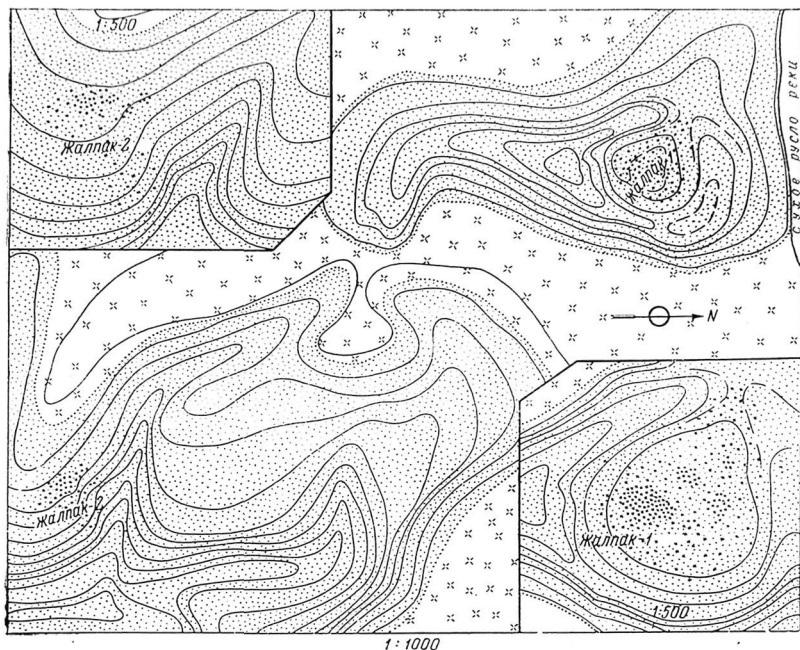

Рис. 1. План стоянок Жалпак 1 и 2

цветов. Почти все орудия сделаны из ножевидных пластин (концевые скребки, пластины с ретушью). На отщепе изготовлен только один скребок. В коллекции имеется маленький пулевидный нуклеус. Найденные здесь мелкие кварцитовые чешуйки указывают на изготовление изделий на месте.

Небольшое количество керамики, собранной на вершине холма, можно разделить на две основные группы: черную лепную керамику, широко распространенную на средневековых городищах Жаны-Дарьи (Кум-кала и др.); лепную керамику плохого обжига с грубой примесью в тесте, плоскодонную, неорнаментированную. Датировать эту керамику затруднительно. Возможно, что и вторая группа керамики не имеет отношения к изделиям из камня.

Несколько небольших развешанных стоянок было обнаружено в 1958 г. во время работ разведочного отряда Хорезмской экспедиции в районе среднего течения Инкар-Дарьи, наиболее древнего из северных русел, бывшего, как показывает анализ расположения стоянок неолита и бронзового века, в III—II тысячелетиях до н. э. главным протоком древней дельты Сыр-Дарьи².

Стоянки Жалпак 1—6³ были обнаружены в непосредственной терри-

² С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1950, стр. 4.

³ Стоянки Жалпак 4 и 5, расположенные рядом (возможно, что это одна стоянка), судя по небольшому числу найденных здесь обломков орнаментированной керамики, можно датировать эпохой ранней бронзы. Материал, собранный здесь, крайне скуден и не заслуживает подробного описания.

ториальной близости друг от друга в районе колодцев Жалпак, от которых они и получили свое название.

Стоянки расположены по берегу одного из протоков Инкар-Дарьи, расположенного несколько севернее Жаны-Дарьи. Русло Инкар-Дарьи в этом месте образует довольно широкую (до 0,5—0,7 км) долину. Коренной берег, вдоль которого расположены стоянки, образован мощными песчаными грядами. Стоянки примыкают к крутому изгибу русла. В месте

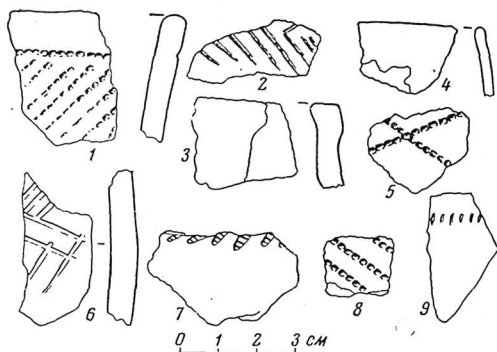

Рис. 2. Керамика со стоянок Жалпак 1 (1—4) и Жалпак 2 (5—9)

поворота в долине русла песчаными наносами образована большая гряда, в моменты затопления долины превращавшаяся в остров. Песчаная гряда, вытянутая в меридиональном направлении, постепенно повышается и расширяется к северу. На северном склоне ее, заросшем кустами саксаула, находится большая котловина, открытая на север и северо-запад. Большая часть котловины свободна от зарослей, кусты саксаула рассредоточены в основном по ее периферии. В этой котловине и была обнаружена стоянка Жалпак 1, наиболее крупная в этом районе (рис. 1). Находки собраны на дне и на склонах котловины, на поверхности песка. Они были распределены примерно равномерно по всей территории котловины и встречались по ее склонам почти до самого верха. В северной, северо-восточной и северо-западной частях котловины, наиболее низких и открытых, находки, правда, значительно более редкие, были сделаны и за пределами котловины, на противоположных склонах. Осмотр стоянки, а также характер собранного материала показал, что разрушение культурного слоя произошло давно, поэтому сбор материала производился не по квадратам. При съемке топографического плана стоянки была сделана попытка выделить на нем отдельные скопления находок (рис. 1, нижняя врезка). Однако эти скопления, вследствие длительного пребывания находок в открытом состоянии, являются лишь результатом механического смещения материала и распределения его по естественным неровностям почвы и не могут отражать структуры стоянки.

Стоянка была обнаружена по обломкам керамики, лежавшим на песке; при более внимательном осмотре были найдены и многочисленные мелкие ножевидные пластины, отщепы и готовые изделия из камня.

Керамику, собранную на стоянке, нельзя отнести к единому хронологическому комплексу. Наибольшее количество ее — грубую лепную неорнаментированную керамику с крупной примесью дресвы в тесте — можно предположительно датировать античным временем. В коллекции также имеется несколько черепков средневековой ремесленной керамики. Довольно четко по тесту, обжигу и характеру обработки черепка выделяется

небольшое количество более ранней керамики, которую можно отнести к тому же археологическому комплексу, что и изделия из камня. Керамика сильно окатана, обломки очень мелкие. Орнамент нанесен отпечатками зубчатого штампа и прочерчиванием; по композиции он очень прост: косые полосы зубчатых вдавлений (рис. 2, 1), «елка» (рис. 2, 2). Интересен небольшой обломок венчика тонкостенного сосуда (толщина

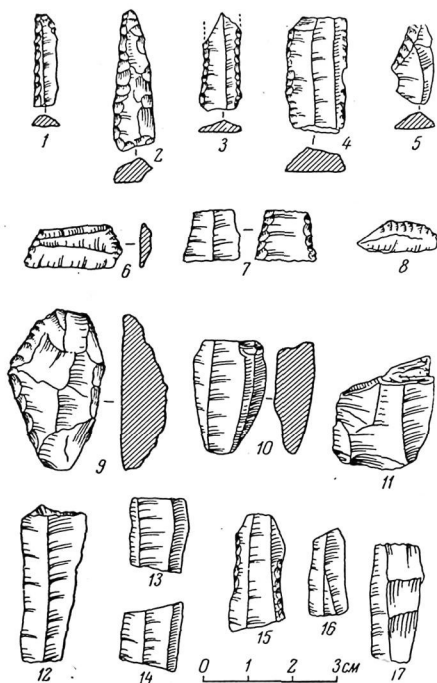

Рис. 3. Изделия из кварцита и кремня со стоянки Жалпак 2

стенки 0,3—0,4 мм) со следами лощения по наружной поверхности черепка. Насколько можно судить по мелким обломкам венчиков, формы сосудов не дают ничего нового по сравнению с другими кельтеминарскими стоянками. Это — большие вертикальные сосуды (рис. 2, 1) и полусферические чашки (рис. 2, 4). В материале имеются фрагменты круглых и плоских дна.

На стоянке собрано свыше 150 ножевидных пластин и отщепов, в том числе 12 законченных изделий. Среди них вкладыш с притупленной спинкой и скошенным притупляющей ретушью концом, проколка, или сверло, ножевидные пластины с выемками, скребки концевые и на отщепках. Интересен миниатюрный округлой формы скребок, сделанный из плоской, сильно окатанной кремневой гальки белого цвета в изломе. Все изделия, кроме последнего, изготовлены из серого мелкозернистого кварцита. Необработанные ножевидные пластины и отщепы

преимущественно очень мелкие. В коллекции имеется небольшой обломок зернотерки, сделанной из плотного коричневатого-серого песчаника, однако принадлежность его к описываемому раннему комплексу не может быть доказана, хотя и очень вероятна.

Стоянка Жалпак 2 найдена в непосредственной близости от стоянки Жалпак 1. Песчаная грядка-остров, на которой расположена стоянка Жалпак 1, по-видимому, была связана когда-то с песками коренного берега, с мысом, на котором расположена стоянка Жалпак 2. Невысокая песчаная перемычка, соединявшая их, была впоследствии размыта (см. рис. 1).

По характеру и составу находок стоянка Жалпак 2 очень близка к только что описанной. Среди керамики, собранной на стоянке, большую часть занимает грубая лепная неорнаментированная керамика, по-видимому античного времени, однако, как и в предыдущем случае, хорошо выделяется небольшой более ранний комплекс. Среди этой керамики заметную роль играют обломки тонкостенных лощеных сосудов коричневатого-серого обжига. Черепок у таких сосудов плотный, примеси невооруженным глазом не заметны. Все эти обломки не имеют орнаментации.

Орнаментированы фрагменты толстостенных сосудов, сделанных из грубоватого теста с крупными примесями дресвы или шамота. Орнамент по композиции простой и нанесен отпечатками зубчатого штампа, вдавливанием, насечками (рис. 2, 5—9). Один небольшой обломок имеет орнамент отпечатком гусеничного штампа (рис. 2, 7). Он имеет аналогии Саксаульская 2⁴.

Каменный инвентарь представлен в основном изделиями из серого и коричневато-серого кварцита. Единично встречаются изделия из галечного кремня, серого и коричнево-красного цвета. На стоянке найдено 11 законченных в обработке изделий (рис. 3). Среди них ножевидные пластины с ретушью, выемчатые пластины (рис. 3, 4, 15), вкладыш с притупленной спинкой (рис. 3, 1), скребки на отщепях (рис. 3, 8, 9). Особого упоминания заслуживает изделие трапециевидной формы, изготовленное из тонкой ножевидной пластины (рис. 3, 6). Торцовые концы его обработаны тонкой ретушью. Необработанные ножевидные пластины и отщепы так же, как и на стоянке Жалпак 1, очень мелкие (рис. 3, 12—14, 16).

К востоку от вышеописанных стоянок, на том же берегу, на участке, где русло идет в широтном направлении, пески коренного берега образуют широкий залив, открытый к северу, в сторону русла. На склоне гряды, опоясывающей залив с восточной стороны, обнаружены еще четыре стоянки первобытной эпохи. Находки собраны на склонах песчаных котловин, открытых в сторону залива. На всех стоянках хорошо прослеживаются границы подтопления, выше которых, как правило, располагаются находки. Стоянка Жалпак 3 — самая северная из них. Небольшое количество находок собрано на склоне котловины, открытой на северо-запад. В отличие от вышеописанных стоянок, керамический комплекс стоянки Жалпак 3 не содержит примесей. Большинство собранных на стоянке фрагментов керамики — это обломки тонкостенных сосудов со следами лощения на внешней и внутренней поверхностях черепка. В расслоившихся частях керамики прослеживаются следы органических примесей, выгоревших при обжиге. Два небольших обломка имеют прочерченный орнамент, композиция которого не ясна.

Изделий из камня очень мало. Из четырех полностью обработанных орудий три сделаны из галечного кремня различного цвета. В коллекции имеются два небольших обломка шлифованных орудий.

Жалпак 6 — южная стоянка, расположена на восточном склоне котловины, отделенной от залива с севера невысокой песчаной перемычкой. Сле-

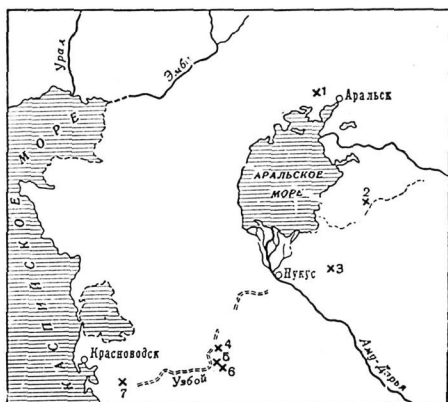

Рис. 4. Схематическая карта находок изделий трапециевидной формы в Приаралье и Северной Туркмении

1 — Саксаульская 1; 2 — Жалпак 2; 3 — Джангельды
4 — Ортаную; 5 — Бала-Ишим 8; 6 — Бала-Ишим 9;
7 — Джебел

⁴ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской в 1955 г. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР». Алма-Ата, 1959, т. 7, стр. 80, рис. 4, 8.

ды подтопления хорошо заметны и здесь: граница подтопления — в виде полосы серого уплотненного песка — опоясывает котловину. Большинство находок было сделано выше границы подтопления. Изделий из камня на стоянке не найдено. Керамика представлена небольшим числом мелких, сильно окатанных расслаивающихся обломков, часть которых имеет орнаментацию. Орнамент нанесен отпечатками зубчатого штампа и вдавливанием.

Как видно из описания, материал публикуемых стоянок крайне беден.

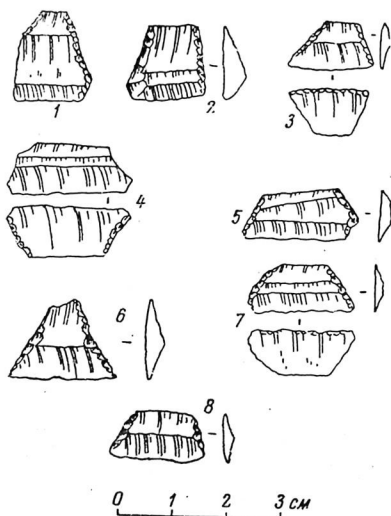

Рис. 5. Изделия трапециевидной формы с неолитических стоянок Приаралья и Северной Туркмении.

1 — Бала-Ишем 8; 2 — Бала-Ишем 9; 3 — Орта-кую; 4 — Джангельды; 5 — Жалпак 2; 6 — 8 — Саксаульская 1

Малочисленность материала, в особенности керамического, затрудняет датировку стоянок. Отсутствие в материале признаков, характерных для раннекельтеминарских стоянок, не позволяет датировать инкардарьинские стоянки ранее середины III тысячелетия до н. э. Более вероятно, на наш взгляд, их датировка — конец III, а возможно, и начало II тысячелетия до н. э.

В заключение кратко остановимся на отмеченной выше находке — изделии трапециевидной формы со стоянки Жалпак 2, представляющем определенный интерес. До недавнего времени считалось, что изделия геометрических форм не характерны для инвентаря неолитических памятников к востоку от Каспийского моря. Однако уже раскопки пещеры Джебел, произведенные А. П. Окладниковым, дали целую серию изделий трапециевидной формы⁵. На карте, приведенной в одной из работ А. А. Формозова, опубликованной в 1953 г., отмечено уже пять пунктов находок изделий подобной формы к востоку от р. Урал, на территории Западного Казахстана (стоянки Агипсе, Казалинск, Баштекуль, Кайран-куль, Касы-куль)⁶. Приведенная в работе А. А. Формозова карта распространения изделий геометрической формы может быть в настоящее время несколько уточнена. За последние годы благодаря работам Хорезмской экспедиции количество подобного рода находок на территории северных областей Средней

⁵ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ». Ашхабад, 1956, т. VII, стр. 194.

⁶ А. А. Формозов. Из истории передвижений группы первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ. 1953, № 1, стр. 194.

Азии и в Западном Казахстане не только увеличилось, но и, что важнее всего, значительно расширилась территория их распространения (рис. 4, 5). Отметим прежде всего стоянку Саксаульская 1, где в результате наших работ 1955 гг. найдены три небольших изделия трапециевидной формы⁷. В северных Кызыл-Кумах, к югу от Аральского моря, кроме описанной выше находки на стоянке Жалпак 2, подобная же находка имеется в материалах стоянки Джнигельды 6, открытой в 1954 г. в районе северной Акча-Дарьи. Несколько изделий трапециевидной формы обнаружено в 1951—1952 гг. во время работ Хорезмской экспедиции в районе Узбой. Это находки в районе колодцев Орта-Кую и на стоянках Бала-Ишем 8 и Бала-Ишем 9⁸.

За исключением отдельных случаев (Джебел, Агиспе, Саксаульская 1), находки изделий трапециевидной формы на вышеупомянутых стоянках являются единичными, в отличие от других, характерных для стоянок этих районов типов изделий из камня, составляющих, как правило, значительные серии. Кроме того, на многие десятки позднеолитических стоянок, обнаруженных здесь, приходится всего несколько находок. Поэтому было бы преждевременным относить эти районы — верхний Узбой и северные Кызыл-Кумы — к числу районов распространения геометрических форм кремневого инвентаря. Однако не подлежит сомнению, что в результате дальнейших исследований количество этих находок возрастет.

Исследования пещеры Джебел показали, что изделия трапециевидной формы более характерны здесь для слоев раннеолитического и мезолитического времени. В частности, в четвертом слое Джебела, синхронном, как нам кажется, стоянке Джанбас 4, найдена только одна трапеция, в то время как в четырех нижележащих слоях их уже насчитывается десять экземпляров⁹. По-видимому, единичные находки изделий трапециевидной формы на кельтеминарских стоянках являются лишь реликтом более древней микролитической техники.

2. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В РАЙОНЕ ДЖАНБАС-КАЛЫ

В числе первобытных стоянок, большая группа которых обнаружена в 1939 г. в районе крепости Джанбас-кала, имеется несколько стоянок эпохи неолита. Одна из них, Джанбас 4, была раскопана под руководством С. П. Толстова в 1939—1940 и 1945 гг. Материал ее частично опубликован¹⁰. Материалы других неолитических и энеолитических стоянок использованы в работе С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации»¹¹.

Район расположения неолитических стоянок впоследствии неоднократно обследовался сотрудниками экспедиции. В местах разрушения такыров и на дне песчаных котловин проводились сборы материала, который, как нам представляется, заслуживает внимания и должен быть опубликован¹².

Интересны материалы из сборов 1953 г. На окружающих стоянку Джанбас 4 такырах и особенно на поверхности песка, в котловинах выдувания собрано значительное количество обломков керамики, изделий из кремня, раковинных украшений.

⁷ А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 76.

⁸ М. А. Ития. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбой. «Труды ХЭ», М., т. II, 1958, стр. 268, рис. 3, 4; стр. 299, рис. 10, 9; стр. 300, рис. 11, 2.

⁹ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 194.

¹⁰ Библиографию этих работ см. С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СЭ, 1957, № 4, сноска 10 на стр. 38.

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 67—74.

¹² Сборы в районе Джанбас 2 производились в 1953 и 1956—1958 гг. Материал хранится в фондах Хорезмской экспедиции.

Особого внимания заслуживают сборы на такырах в районе стоянки Джанбас 4. Здесь найдена в основном керамика, в том числе обломки двух почти полностью реконструируемых сосудов. Керамика, как правило, тонкостенная (0,3—0,5 см), коричневого, иногда красновато-коричневого и светло-серого обжига.

В керамическом тесте наблюдается сильная примесь песка, реже — шамота. В последнем случае черепок толще и для него характерен темный цвет в изломе. Как удалось установить по обломкам, здесь представлены следующие формы сосудов: большие остро- или круглодонные сосуды, вертикально вытянутые, со слегка намеченной шейкой; чашки полусферической формы, иногда со слегка намеченной шейкой; сосуды ладьевидной формы. Найдены также обломки сосудов с шаровидным туловом. Орнаментом, как правило, покрыта только верхняя часть сосуда. Преобладает елочный орнамент, нанесенный насечками (рис. 6, 6, 12), встречающийся и в сочетании с другими видами орнамента (рис. 6, 3).

Прочерченный орнамент встречается в форме повторяющихся горизонтальных волнистых линий, а также в форме решетки с ячейками в виде ромбов (рис. 6, 8). Единичны орнаменты, нанесенные трубчатым штампом (рис. 6, 13) и качалкой (рис. 6, 4). Венчики сосудов обычно оформлены поясками ямок овальной формы (рис. 6, 2) или косых насечек (рис. 6, 1).

Особо следует отметить фрагменты двух остродонных сосудов, орнаментированных насечками и прочерчиванием. У одного из них (рис. 7, 3)

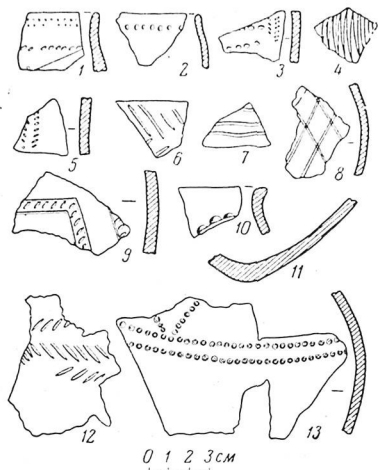

Рис. 6. Неолитическая керамика из сборов в районе Джанбас-калы

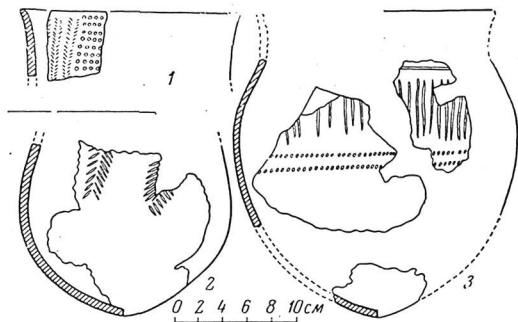

Рис. 7. Неолитическая керамика из сборов в районе Джанбас-калы

верхняя часть тулова оформлена широкой полосой, состоящей из небрежно нанесенных вертикальных линий, ограниченных снизу двойным пояском косых насечек, а сверху горизонтальной прочерченной линией (возможно,

несколькими). Верхняя часть второго сосуда (рис. 7, 2) украшена насечками в форме «елочек», спускающихся от горла сосуда. К сожалению, ни у того, ни у другого сосуда не известна форма и характер орнамента венчика.

Здесь же найдены кремневые изделия — обломки ножевидных пластин, нуклеус конической формы, а также обломок бусины со сверленным отверстием, изготовленной из раковины.

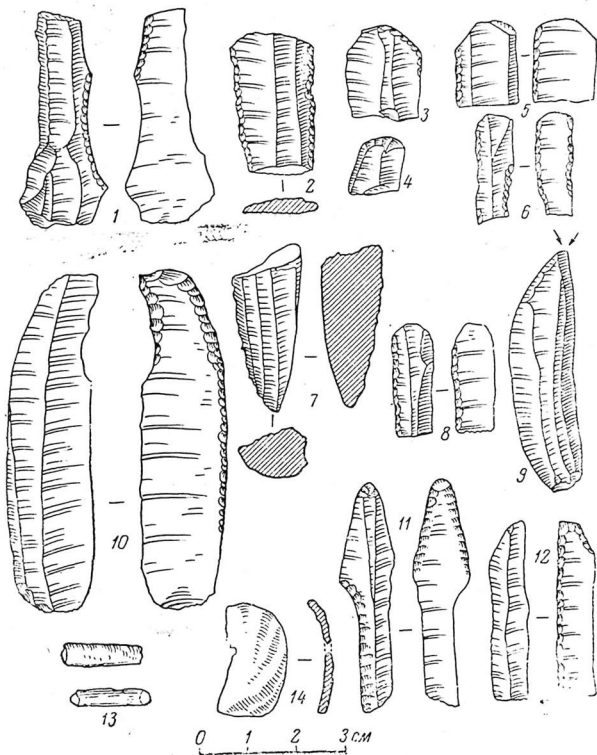

Рис. 8. Изделия из кремня и раковинные украшения из сборов 1953 г. в районе Джанбас-калы

В 1953 г. небольшие сборы были произведены еще в нескольких пунктах, в частности в районе стоянки Джанбас 5 и в районе древнего джанбас-калинского канала. Сборы проведены на поверхности песка в котловинах выдувания. Здесь было найдено некоторое количество керамики, изделия из кремня и раковин.

В районе джанбас-калинского канала собрана небольшая коллекция изделий из кремня. Преобладает материал молочно-белого и желтовато-белого цвета. Найдено около сорока предметов, из них около десяти орудий. Среди изделий — ножевидные пластины с выемками (рис. 8, 1), концевые скребки (рис. 8, 3—4), нуклеус (рис. 8, 7). Интересна массивная ножевидная пластина, один из концов которой оформлен двумя аккуратными резцовыми сколами (рис. 8, 9). Здесь же найден обломок бусины из раковины (рис. 8, 14) и несколько неорнаментированных черепков

с грубой примесью шамота, очевидно, более позднего времени, чем изделия из кремня. Пункт находок условно обозначен как «стоянка В».

На территории обнаруженной еще в 1939 г. стоянки Джанбас 5 в 1953 г. сделаны повторные сборы. Найдено небольшое количество кремневых пожевидных пластин, среди которых несколько пластин с краевой ретушью (рис. 8, 8, 12) и один наконечник стрелы кельтеминарского типа (рис. 8, 11).

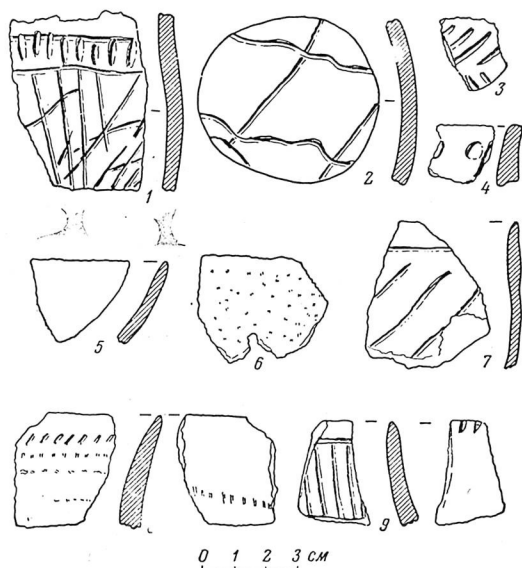

Рис. 9. Неолитическая керамика из сборов в районе Джанбас-калы

Недалеко от стоянки Джанбас 5 обнаружено еще одно небольшое скопление керамики (условное название — «стоянка 5а»). В числе находок несколько орнаментированных обломков сосудов. Интересен большой обломок венчика сосуда, украшенного, по-видимому, только в верхней части орнаментом, состоящим из вертикальных елочек, образованных мелкими насечками, и неглубоких неправильно-овальной формы вдавлений (рис. 7, 1).

Из отдельных находок в этом районе особый интерес представляет найденное в том же году примерно в 150 м к югу от «стоянки 5а» изделие из кремневой пластины молочно-белого цвета. Один конец пластины оформлен широкими фасетками пологой ретуши, нанесенными с брюшка, и образует клювовидное острие. Несомненно, это орудие типа резца (рис. 8, 10).

Во многих пунктах этого района найдены многочисленные цилиндрической формы пронизки белого цвета, сделанные из раковин Dentalium (рис. 8, 13).

Интересная коллекция изделий из кремня и керамики была собрана в пункте «стоянка 5а» и в 1958 г. Керамика отчетливо делится на две примерно равные группы. Первую группу составляют мелкие, сильно окатанные фрагменты, относящиеся, судя по внешнему виду и по тесту,

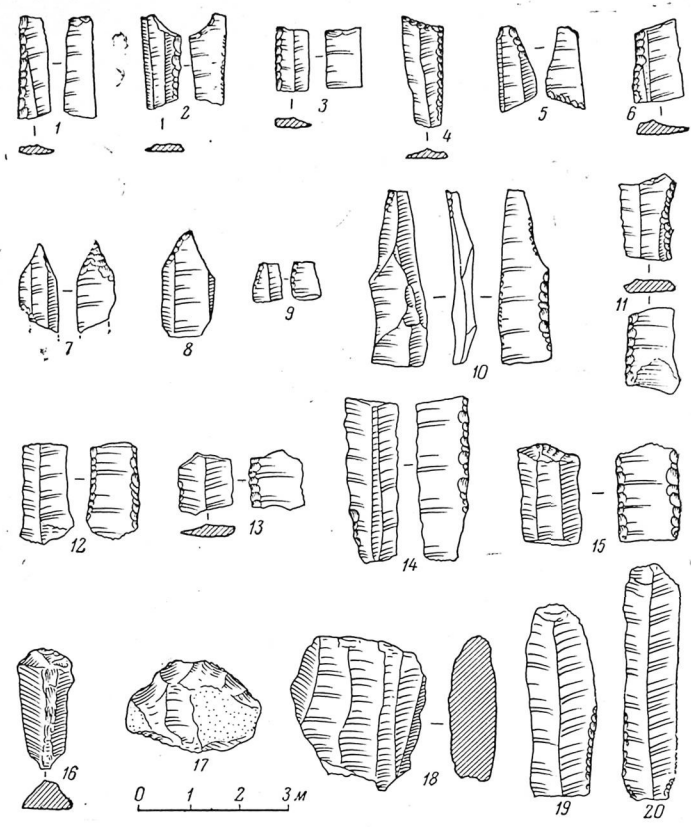

Рис. 10. Изделия из кремня из сборов 1958 в районе Джанбас-калы

а также по находке небольшого обломка плоскодонного горшка, к эпохе бронзы. Вторая группа — это неолитическая керамика, в большинстве случаев орнаментированная. Неорнаментированная керамика представлена лишь несколькими мелкими обломками тонкостенных сосудов, изготовленных из теста с сильной примесью песка, среди которых имеется фрагмент венчика полусферической чашки (рис. 9, 5). Здесь следует отметить, что поверхность черепка, изготовленного из так называемого песочного теста, более подвержена воздействию климатических условий, чем черепок из теста другого состава. Мы наблюдали это и на ряде других развешенных стоянок. Этим, в частности, можно объяснить наличие полустертого, плохо прослеживаемого орнамента на некоторых черепках описываемой коллекции (рис. 9, 6, 8).

Из орнаментированных фрагментов можно отметить в первую очередь обломки сосудов, украшенных волнистым прочерченным орнаментом. Один из них имеет сверху горизонтальный пояс, образованный двумя волнистыми линиями и вертикальными насечками между ними, ниже — орнаментальное поле, заполненное системой прямых и волнистых прочерченных линий (рис. 9, 1). Другой — представляет собой диск, сделанный из обломка орнаментированного сосуда. Орнамент — ромбическая ре-

шетка, образованная волнистыми линиями (рис. 9, 2). Наряду с прочерченным орнаментом встречен и елочный, образованный насечками (рис. 9, 3).

В том же пункте, наряду с керамикой, собрано много изделий из кремня, заготовок и отходов кремневого производства — всего около двухсот предметов.

Преобладает кремень коричневых, коричнево-серых и красновато-коричневых тонов, а также непрозрачный кремень молочно-белого цвета¹³. Необработанных ножевидных пластин в коллекции около пятидесяти, обломков, отщепов и мелких кремневых чешуек — более сотни. Законченных изделий, целых и в обломках, найдено около тридцати, т. е. примерно $\frac{1}{6}$ часть всего собранного кремневого материала. Почти все изделия изготовлены на ножевидных пластинах. Количественно преобладают пластинки-вкладыши с притупленной спинкой (пять экземпляров, рис. 10, 1—5). Четыре из них имеют скошенный и притупленный торцовый конец.

В коллекции имеются также: обломки наконечника стрелы кельтеминарского типа (рис. 10, 7), несколько пластин с ретушью с брюшка и со спинки (рис. 10, 12—14, 19—20), несколько пластин (в обломках) с легкими выемками (рис. 10, 6, 11), два обломка изделий типа проколов (рис. 10, 8—9), два концевых скребка (рис. 10, 15—16) и несколько высоких скребков на отщепах неправильной формы (рис. 10, 17) и другие изделия.

Небольшая коллекция была собрана в том же году в районе раскопанного жилища Джанбас 4. В составе ее около десяти кремневых орудий хорошо известных нам типов и несколько обломков орнаментированных керамических сосудов (рис. 9, 4, 7, 9).

Мы не имеем возможности датировать находки из каждого пункта в отдельности, так как они крайне незначительны по объему. К тому же следует учитывать, что отнесение каждой из описанных коллекций к определенному пункту в некоторой степени является условным, так как материал не связан с культурным слоем. Общий обзор собранного в районе Джанбас-калы материала показывает, что в нем представлены почти все характерные для кельтеминарской культуры формы изделий из кремня, а также формы и приемы орнаментации керамики. В числе находок нет ни одной, которую можно было бы даже предположительно относить ко времени более раннему, чем время Джанбас 4. Более того, весь материал, за небольшими исключениями, может быть отнесен к позднему этапу кельтеминарской культуры, представленному в этом районе стоянками Джанбас 5 и др. Об этом, в частности, свидетельствует преобладание в орнаментике узоров, нанесенных насечками и вдавливанием, и незначительная роль прочерченного орнамента.

¹³ Кремень, из которого изготовлены орудия неолитических стоянок Акча-Дары, несомненно был доставлен сюда из огромной кремневой мастерской Бурлы 3, открытой в 1960 г. в юго-восточных отрогах Султан-Уиз-дага. Весной 1961 г. были проведены разведочные раскопки мастерской, выявившие наличие слоев неолитического времени. См. статью С. П. Толстова, Т. А. Жданко и М. А. Итиной в настоящем сборнике, стр. 6—8.

М. А. Итина

РАСКОПКИ СТОЯНКИ КАВАТ 3 В 1958 г.

В 1958 г. были закончены раскопки жилища на тазабагтябской стоянке Кават 3, начатые еще в 1956 г.¹ В 1956—1957 гг. раскопана была северная половина полуземлянки, в 1958 г. — южная².

В результате раскопок выявилась общая площадь жилища, равная 12×11 м. Оно представляет собой полуземлянку (рис. 1), стены которой строго ориентированы по странам света. Вход располагался в южной стене и представлял собой несколько сдвинутый к западу коридор шириною в 1—1,1 м. Жилище имело столбовую конструкцию, но столбовые ямы расположены беспорядочно и по ним трудно судить о характере наземной части стен и перекрытия.

Наиболее обжитая часть дома — площадь вдоль его стен, где сосредоточено большое количество хозяйственных ям и сделаны основные находки хозяйственной утвари и орудий труда. Эти хозяйственные ямы являются ярким свидетельством того, что жилище за все время своего существования не оставалось неизменным. Помимо того, что большинство ям не раз перекапывалось и расширялось, количество их менялось. Вряд ли 213 раскопанных нами ям (сюда входят и столбовые) существовали одновременно. Вероятно, часть их закапывалась, рядом выкапывали другие, но проследить этот процесс по периодам сейчас не представляется возможным.

О том, что жившие в этом доме люди заботились о своем благоустройстве, свидетельствуют и тонкие наслоения серой супеси на полу типа натеков, которые являются, видимо, остатками разных полов, отделенных друг от друга, судя по их толщине и однородности керамического материала, небольшим отрезком времени.

В центре дома, против входа, располагался центральный очаг, представлявший собой яму, площадью $1,8 \times 1,6$ м и глубиной 20—25 см. Ее заполнение состоит из нескольких слоев: слой пепла, перемешанного с серой супесью и с вкраплениями углей (12 см), слой чистого серого пепла (8 см), тонкий слой (2—3 см) красного прокаленного суглинка (это уже материнская порода, в которой была вырыта яма).

В северо-восточном углу очага обнаружены фрагменты большого хозяйственного сосуда, покрытого слоем копоти (рис. 2, 4). Напомним, что

¹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. «Материалы ХЭ», вып. 1, 1959, стр. 13—15; М. А. Итина. Раскопки стоянок тазабагтябской культуры в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4, 1960, стр. 92—103.

² Отряд работал с 3 по 15 сентября в составе: начальник отряда М. А. Итина, научные сотрудники А. В. Виноградов, О. А. Вишневская, В. Н. Ягодин (Жаркалпакский научно-исследовательский ин-т), фотограф В. А. Родькин, шофер В. И. Сулов, три рабочих-землекопа.

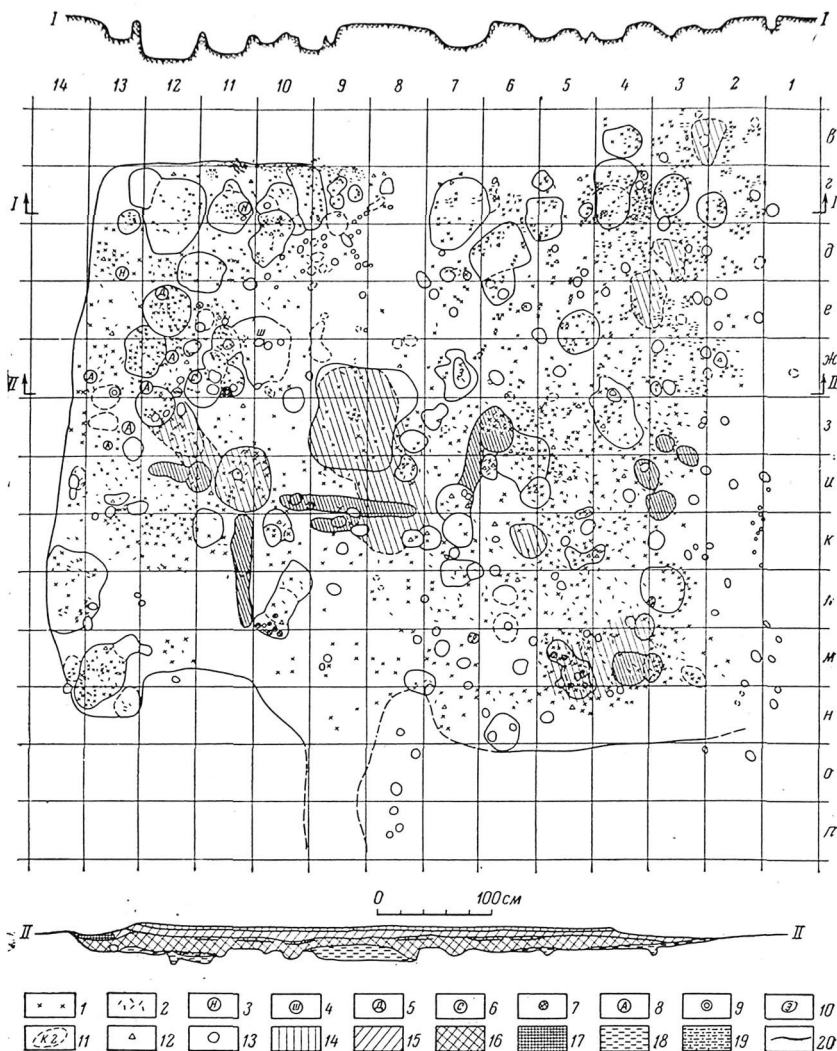

Рис. 1. Стоянка Кават 3. План дома 1.

1—керамика; 2—кости, 3—бронзовый нож; 4—бронзовое шило; 5—каменный наконечник дротика; 6—*Cardium edule*; 7—куски красной обожженной глины; 8—*Anodonta*; 9—сосуд; 10—зернотерка; 11—нострише; 12—камни; 13—яма; 14—такыровидный суглинок; 15—рыхлая серая супесь с золистыми и углистыми примесями; 16—плотная серая супесь с находками (культурный слой); 17—черный углистый слой; 18—белый пепел с вкраплениями углей; 19—красноватая пережженная супесь; 20—прослойка истлевшего камыша

еще раньше, в 1957 г. в яме 52 у северо-восточного угла очага была найдена каменная зернотерка.

Дом на стоянке Кават 3 является типичным жилищем эпохи бронзы, в котором основной жилой частью была половина, противоположная входу,

наиболее от него удаленная и изобилующая хозяйственными ямами и паходками. Площадь дома близ очага в основном была свободна от ям.

В южной половине дома близ очага встречены очень интересные ямы. Это длинные, узкие и неглубокие (8--9 см) ямы типа щелей с волнистым

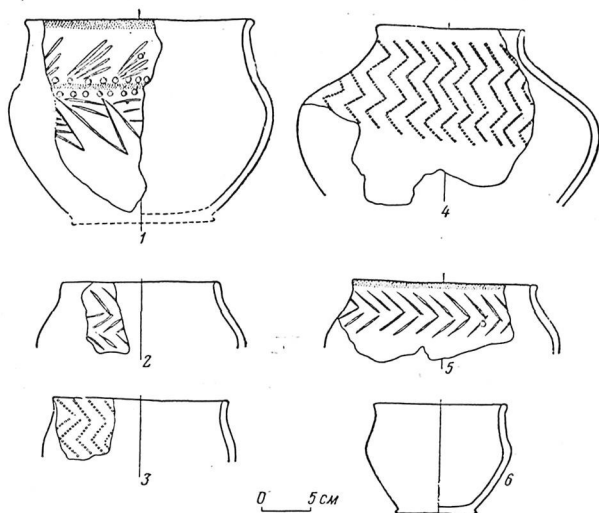

Рис. 2. Стоянка Кават 3. Керамика из южной половины дома 1

заполнением. Может быть, они служили для обогрева и на них, подстелив шкуру, люди спали, как и теперь спят в пустыне, на золе отгоревших костров.

В южной половине дома керамики найдено меньше, но она совершенно ничем не отличается от ранее опубликованной³.

Примечательной находкой является найденная в яме 210 (юго-западный угол дома 1) фигурка лошадки, сделанная из светлой необожженной глины в весьма примитивной манере (рис. 3). Ее длина (от морды до кончика хвоста) около 8 см, высота — 3,5 см. Она вылеплена целиком из одного куска глины. Ноги заострены книзу, головка неестественно мала, морда заострена, хвост лошадки как бы развеивается на ветру. В том, что это действительно изображение лошади, нас убеждает очень выразительно выполненный экстерьер и грива, сделанная при помощи защипа, в котором проткнуты дырочки.

Среди многочисленных фигурок животных, найденных в большом количестве на памятниках земледельческого юга Средней Азии, аналогий нашей фигурке мы не нашли.

В то же время весьма схожа с ней глиняная фигурка лошадки с отломанными ногами, найденная в Южном Зауралье на 2-й Мысовской стоянке⁴. Находка эта датируется серединой I тысячелетия до н. э., но по изобразительной манере очень походит на нашу, причем это особенно касается головы лошадки — она такая же маленькая, с заостренной мордой.

³ М. А. Итина. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры в 1957 г., рис. 10—14.

⁴ П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы. Тюменский округ Уральской области. «Труды секции археологии РАНИОН», IV, 1928, стр. 196 и табл. XII, 7.

О том, что жители стоянки Кават 3 знали лошадь, было известно раньше, так как среди костей в культурном слое были обнаружены кости лошади (*Equus caballus*)⁵. Находка статуэтки еще одно, и весьма веское, доказательство в пользу этого.

Большинство исследователей, основываясь на находке костей лошади в афанасьевских и раннеандроновских погребениях Западной Сибири и

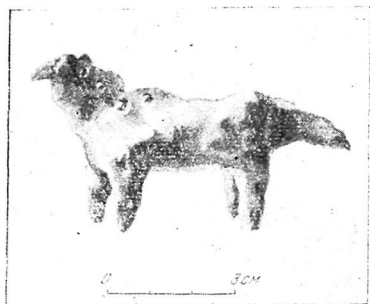

Рис. 3. Стоянка Кават 3. Фигурка лошади (глина)

Приуралья, полагают, что центром приручения и разведения домашней лошади были южно- и западно-сибирские степи⁶. Во второй половине II тысячелетия до н. э., судя по археологическим находкам, лошадь хорошо известна андроновским племенам Южной Сибири и Казахстана⁷, племенам срубной культуры Поволжья⁸, причем находки псапшев в срубных погребениях этого времени говорят о том, что она использовалась уже и для верховой езды⁹. О. А. Кривцова-Гракова полагает, что срубное население получило лошадь от своих восточных соседей — андроновцев¹⁰. Что же касается тазабаявских племен, то их тесные контакты со срубными и андроновскими племенами и воз-

можное их происхождение из зоны контакта этих племен — Оренбургских степей — допускает вероятность того, что лошадь они привели с собой в Южное Приаралье в середине II тысячелетия до н. э.

В. И. Громова, когда писала о проникновении лошади из западно-сибирских степей в Среднюю Азию¹¹, имела в виду южную подгорную полосу Туркмении, зону распространения земледельческих культур типа Анау. Очень может быть, что роль посредников в этом случае сыграли тазабаявские племена, о продвижении которых на юг во второй половине II тысячелетия до н. э. у нас имеются свидетельства¹². Это тем более вероятно, что до появления лошади в южных районах там был широко распространен домашний кулан, который, по мнению В. И. Громовой, был приручен на месте¹³.

Предложенная нами ранее датировка стоянки Кават 3 третьей четвертью II тысячелетия до н. э. никаких сомнений у нас не вызывает.

Таковы краткие итоги наших работ на стоянке Кават 3.

⁵ Определены Е. Л. Дмитриевой (Ин-т палеонтологии АН СССР).

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 71; В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. 1. М.—Л., 1940, стр. 111; F. Hancsár. Das Pferd in Prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien — München, 1956, стр. 398.

⁷ Г. П. Сосновский. К истории скотоводства в Сибири. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. 1, стр. 142.

⁸ К. Ф. Смирнов. О погребении с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 215.

⁹ С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 38.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 71.

¹¹ В. И. Громова. Указ. соч., стр. 111.

¹² С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблема суряганской культуры. СА. 1960, № 1, стр. 29—30.

¹³ В. И. Громова. Указ. соч., стр. 111.

М. А. Итлина

**ПОСЕЛЕНИЕ ЯККЕ-ПАРСАН 2
(РАСКОПКИ 1958—1959 гг.)**

Поселение Якке-Парсан 2 было открыто в 1957 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР (начальник отряда Б. В. Андрианов) на территории древнего Кават-калинского оазиса, в двух километрах к юго-западу от раннесредневекового замка Якке-Парсан (Турткульский р-н Кара-Калпакской АССР). Предварительное обследование, проведенное на поселении, позволило заключить, что оно относится к амирабадской культуре, памятники которой были ранее открыты на территории Правобережного Хорезма¹. Как удалось установить, основная масса амирабадских стоянок располагается на территории Южной Акчадарынской дельты Аму-Дарьи, в зоне русел, расположенных в направлении современного канала Амирабад, от которого эти стоянки получили свое название.

Маршрутное обследование 1957 г. выявило между системой канала Гавхорэ и магистральным Якке-Парсанским каналом засыпанное местами песком меридиональное русло в виде тақырной полосы шириною в 50—70 м. Его берега, увенчанные барханными и грядовыми песками, возвышаются над уровнем дна на 1—2 м. На всем протяжении этого русла, начиная от окрестностей Кум-калы и кончая окрестностями Якке-Парсана, были открыты стоянки эпохи развитой и поздней бронзы², относящиеся к тазабагыябской и амирабадской культуре.

Одним из крупных амирабадских поселений, базировавшихся на водах этого русла, было поселение Кават 2³.

К юго-западу от крепости Якке-Парсан, кроме поселения Якке-Парсан 2, была открыта группа амирабадских стоянок, расположенных на западном берегу одного из меридиональных протоков. Интересно, что на многих из этих стоянок в отдельных местах сохранился культурный слой. Стоянки эти расположены на небольших озеровидных тақырах и сохранились в виде огромных россыпей керамики, обработанных (молоты, зернотерки) и необработанных камней. По предварительным данным некоторые из них содержат материал, несколько отличающийся от комплекса Якке-Парсан 2, но с несомненностью принадлежащий к одной с ним культуре. Это позволяет надеяться на то, что проведение специальных работ

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 68—70; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 89—90; «Низовья Аму-Дарьи. Сарыкамыш. Узбой». «Материалы ХЭ», вып. 3. М., 1960, стр. 133—136.

² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4, М., 1960, стр. 5.

³ См. статью В. Н. Ягодина в настоящем сборнике.

на этих поселениях даст возможность изучить амирабадскую культуру на всех этапах ее существования.

Поселение Якке-Парсан 2 находилось в нижней части небольшого, возвышающегося над окрестными такырами сухого русла, берега которого были дамбированы. Оно начиналось в меридиональном главном русле в 3,8 км к юго-западу от Якке-Парсана, имело ширину 15 м, длину 1,8 км и заканчивалось веерообразной системой небольших арыков, сохранившихся теперь на местности в виде узких (2—3 м ширины) такырных полосок, окаймленных растительностью.

Поселение расположено на такырах, кое-где пересыпанных невысокими барханами; оно вытянуто в меридиональном направлении более чем на 250 м, в широтном — примерно на 100 м. Почти на всей площади поселения были обнаружены обильные россыпи керамики, но, кроме того, на такыре четко прослеживались лишённые керамики пятна, выделяющиеся по цвету и имеющие примерно прямоугольную форму. Их форма, известная система в их расположении заставила нас предположить, что перед нами остатки домов, причем, судя по отсутствию керамikki на поверхности таких пятен, культурный слой здесь должен был полностью сохраниться. Последнее предположение подтвердил небольшой шурф, заложенный на доме 12, и тогда стало ясно, что все эти пятна — действительно остатки древних жилищ и, судя по залеганию слоев в шурфе, жилищ заглубленных. Наличие на поселении Якке-Парсан 2 около 20 таких домов, явные следы древней пригационной сети на площади поселения, а также то обстоятельство, что поселений амирабадской культуры столь хорошей сохранности мы до сих пор не знали — все это заставило избрать его объектом для больших стационарных раскопок.

В 1958 г. раскопки велись под руководством С. П. Толстова и автора⁴, в 1959 г. — под руководством автора⁵.

Работы на поселении еще далеко не закончены, однако предварительная публикация их результатов представляет, на наш взгляд, большой интерес.

Прежде всего остановимся на планировке поселения (рис. 1). Как уже говорилось, оно вытянуто в меридиональном направлении и представлено двумя отчетливыми рядами домов. Восточный ряд состоит из семи домов, причем два дома — 13 и 12 — с северного конца, несколько выдвинуты из ряда к востоку. Дома западного ряда расположены не против домов восточного ряда, а юго-западнее их. У всех домов в обоих рядах входы обращены в одну сторону — к западу.

Отличаются от общей планировки дома 14, 24, 25. Дом 24 стоит совсем на отлете, к северу от поселения и входом обращен на юго-запад. Дома 14 и 25 находятся к востоку от домов восточного ряда, причем входы их обращены на юго-запад (дом 14) и юго-юго-восток (дом 25).

⁴ Отряд работал с 1 августа по 3 сентября в составе: пачальник отряда — М. А. Итина, научные сотрудники — А. В. Виноградов, О. А. Вишневская, В. Н. Ягодин (Каракалпакский научно-исслед. ин-т), научно-технические сотрудники — М. Елизарова (Горьковский гос. ун-т, историч. фак-т), А. Ф. Леонова (Московский историко-архивный ин-т), С. А. Оленич, фотографы — Г. А. Аргиропулю и В. А. Родькин, инженер-картограф — Н. И. Игонин, врач — А. А. Воропов, завхоз — И. Д. Соломайкин; шоферы — И. П. Волков и В. И. Сулов, 20 рабочих-землекопов. Кроме того, в работах отряда в течение десяти дней участвовали научные сотрудники Хорезмской экспедиции Б. И. Ваинберг, Н. Н. Вактурская, Н. П. Лобачева, М. Ф. Грошева.

⁵ Отряд работал с 1 августа по 25 сентября в составе: начальник отряда — М. А. Итина, научные сотрудники — А. В. Виноградов, О. А. Вишневская, В. А. Лоховиц, В. П. Ягодин (Каракалпакский научно-исслед. ин-т), научно-технические сотрудники — С. А. Оленич, А. Ольшанская (Московский библиотечный ин-т), С. Н. Припоров (Горьковский гос. ун-т, историч. фак-т), фотограф — В. А. Родькин, инженер-картограф — Н. И. Игонин, завхоз — В. Н. Егоров, шоферы — И. П. Зилюков и Н. Н. Колесников, 20 рабочих-землекопов.

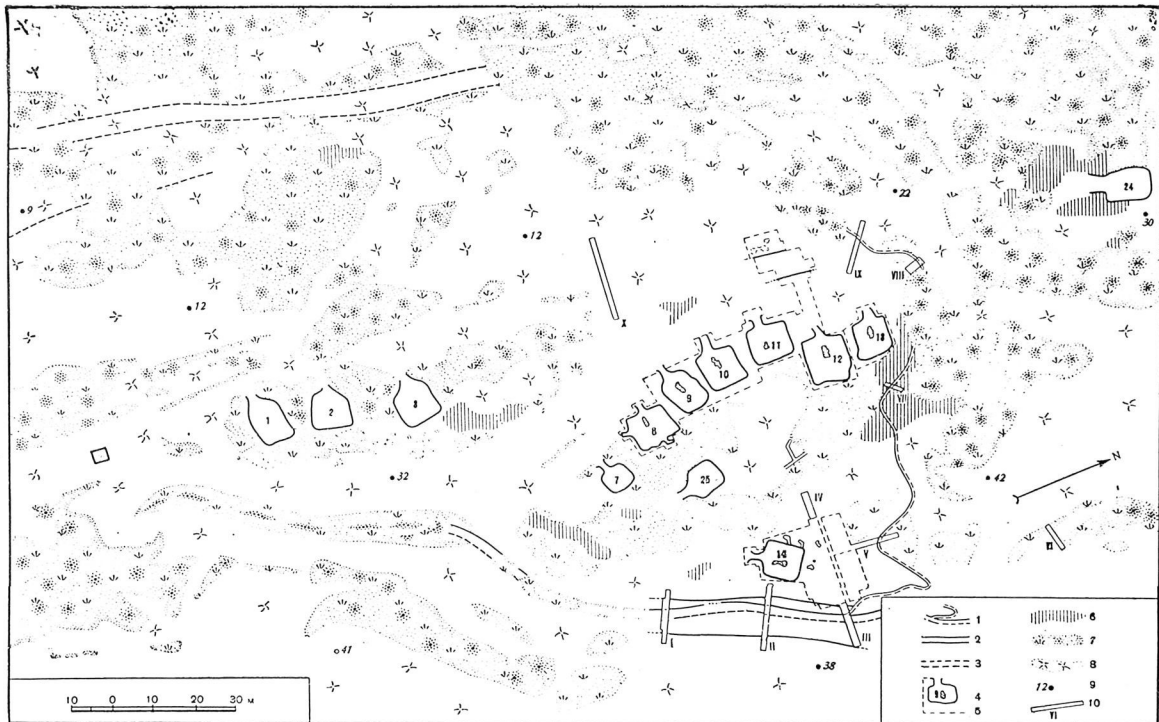

Рис. 1. Поселение Якке-Шарсан 2. План.

1 — ирригация архаического периода; 2 — ирригация амирабадского времени; 3 — следы древней ирригации; 4 — дом; 5 — граница раскопов 1958—1959 гг; 6 — осколки керамики; 7 — заросшие пески; 8 — тагирь; 9 — отметки (в см.); 10 — шурф

Этот кажущийся разноречивым находит довольно простое и логичное объяснение.

Как уже говорилось, на площади поселения были обнаружены следы ирригационной сети, причем особенно четко выделялся (в виде полосы такрыра шириной около 3 м, вытянутой с северо-востока на юго-запад) канал к востоку от поселения. Траншеи I, II, III, прорезавшие этот канал, показали, что он вырыт в отложениях более раннего канала, ширина которого достигала 10—10,1 м (рис. 2, б). В отложениях более древнего канала были обнаружены фрагменты амирабадской керамики.

Раскоп, заложенный к западу от входа в дом 12 по направлению к предполагаемым остаткам гончарной печи, совершенно неожиданно дал в разрезе линзу канала (рис. 2, а), на дне которого был обнаружен культурный слой тоже с фрагментами амирабадской керамики. Судя по раскопанному отрезку этого канала, его ширина приближалась к 9 м, он имел на данном участке меридиональное направление; к каналу обращены входы домов восточного и западного рядов. В сторону канала, но уже восточного, обращены входы домов 14 и 25. Создается впечатление, что поселение Якке-Парсан 2 располагалось как бы на мысу, так как каналы, судя по их направлению на известном нам участке, сливались где-то к югу от поселения.

Выяснилась еще одна подробность. Шурф (VII), прорезавший арык, находящийся в северном конце поселения и выделяющийся на современной поверхности в виде слегка приподнятой рыхлой такрырной полоски, показал, что арык этот в свою очередь прорезает культурный слой поселения к востоку и северо-востоку от дома 13 и, следовательно, является по времени более поздним. Это подтверждает траншея III, в стенке которой ясно видны и линза позднего восточного канала и впадающий в него вышеупомянутый арык (см. рис. 2, б).

Сейчас еще трудно сказать с уверенностью, к какому времени относятся следы этой более поздней ирригации, но можно предположить, что они датируются раннеантичным временем, так как восточный канал тянется дальше в северо-западном направлении, где подходит к остаткам кюзельгырского поселения.

На поселении Якке-Парсан 2 в течение двух полевых сезонов были раскопаны дома 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14; расчищен участок площадью $20 \times 10,3$ м, примыкающий с севера к дому 14. Заложены раскоп к западу от дома 12 площадью 30×10 м.

Прежде всего следует заметить, что контуры домов, прослеженные по поверхности до раскопок, в целом совпали с их контурами, выявленными раскопками. Все раскопанные нами дома показали единую стратиграфию, дающую очень ясную картину истории поселения и, кроме того, характеризующую те изменения в географических условиях, которые переживал в древности этот район. Все дома, представлявшие собой полуземлянки, были вырыты в серой пылеватой супеси, являющейся здесь материнской породой. Степень их заглубленности разная, но в среднем, если не считать дом 9, она колеблется от 0,85 до 1,1 м (от современной дневной поверхности).

На полу, т. е. на утоптанной поверхности все той же серой супеси, лежал культурный слой (рис. 3), состоящий опять-таки из серой супеси, насыщенной золой, остатками сгоревших деревянных конструкций наземной части дома, кусками глиняной обмазки, находками. Мощность его невелика — 15—20 см в центральной части и 35—40 см у стен. Надо сказать, что на поселении Якке-Парсан 2 так же, как и на тазабатгыбских стоянках, мощность культурного слоя по мере приближения к стенам увеличивается, что связано, очевидно, с тем, что наиболее обжитой частью дома была именно его пристенная часть, причем это особенно относится к половине дома, противоположной входу. Кроме того, именно у

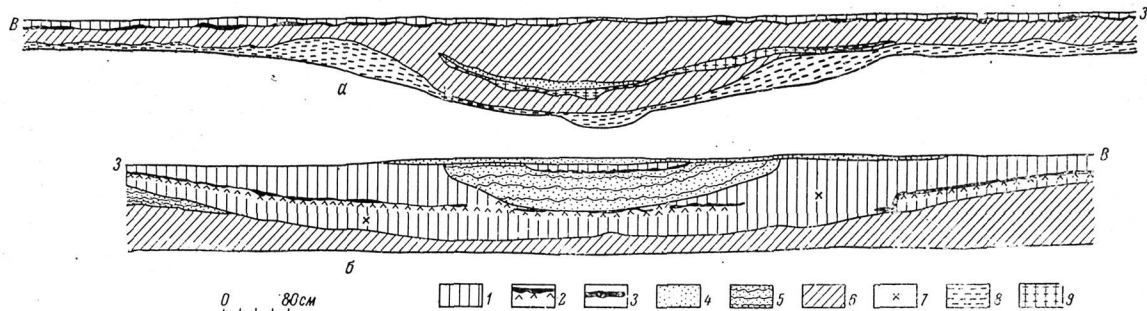

Рис. 2. Поселение Якке-Парсан 2. а — разрез по дну западного канала; б — разрез через восточный канал.
 1—суглинок; 2—болотный горизонт; 3—песок; 4—серый песок; 5—серая сунесь; 6—керамика; 7—серая сунесь с редкими находками;
 8—прослой плотного коричневого суглинка

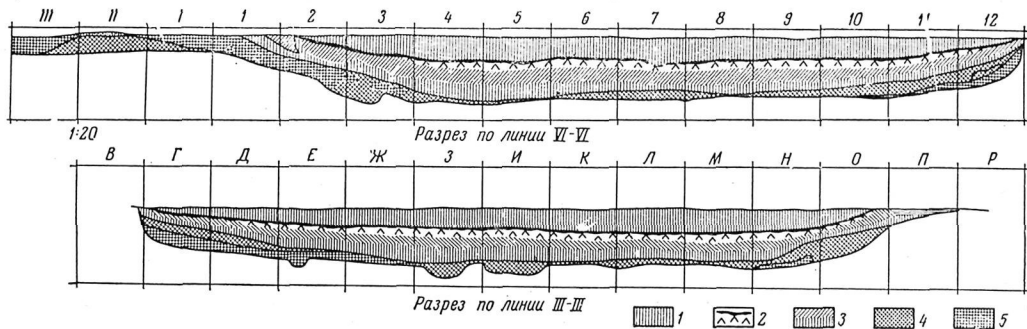

Рис. 3. Поселение Якке-Парсан 2. Дом 14. Осевые разрезы (квадраты через 1 м).
 1—суглинок; 2—болотный горизонт; 3—супесчаный слой, переходящий в суглинок; 4—культурный слой; 5—кальцево-желтый слой

стен концентрируются сгоревшие деревянные конструкции жилища. Видимо, именно так можно объяснить аналогичное утолщение культурного слоя у стен в землянках Садчиковского поселения, отмеченное О. А. Кривцовой-Граковой, сделавшей несколько иные выводы⁶.

Культурный слой перекрыт естественными отложениями толщиной в 80—95 см. Они состоят из непосредственно перекрывающего культурный слой плотного суглинка с включениями раковин *Limnaea* и плотной комковатой супеси (толщина этого слоя 35—40 см; четкой границы между суглинком и супесью проследить не удастся), а также голубовато-черного слоя болотных отложений с многочисленными растительными остатками (5—7 см). Эти два слоя являются свидетельством происшедшего подтопления, а в дальнейшем и заболачивания этих мест. В этот период жилища представляли собой серию ям, заполненных стоячими водами. Собственно этот голубой болотный горизонт, который у стен ямы выходит на поверхность, и дал возможность по разнице в окраске такыра проследить еще до раскопок контуры полуземлянок.

В дальнейшем произошло вторичное подтопление местности, которое было, очевидно, очень сильным. Так, например, оно почти уничтожило северо-западный угол дома 13. Стратиграфически это подтопление, которое было последним, представлено слоем плотного суглинка; мощность последнего колеблется в зависимости от глубины жилищ и в наиболее глубоких полуземлянках достигает толщины 50—60 см. В дальнейшем, под действием воды и ветра, такыр на площади стоянки совершенно с nivelировался и дает сейчас почти повсюду нулевую отметку, если не считать некоторого уклона в сторону западного русла (разница в отметках не превышает 5 см).

Площадь жилищ колебалась в пределах 75—110 м². Как уже говорилось, жилища представляли собой полуземлянки (рис. 4) с наземными стенами, которые были, видимо, сделаны из дерева и камыша, а поверху эта конструкция обмазывалась глиной. При раскопках вдоль стен внутри жилищ были обнаружены сгоревшие деревянные палки диаметром до 8 см вместе с камышовым плетением. Здесь же вдоль стен были сконцентрированы куски глиняной обмазки с большой примесью самана в глиняном тесте.

При раскопках дома 8 по линии его северной стены, особенно в ее северо-восточной части, на краю котлована было обнаружено множество сброженных обломков песчаника. Очень может быть, что этими камнями была укреплена снизу наземная часть северной стены, причем такая мера представляется весьма разумной, если учесть, что господствующим направлением ветров и в ту эпоху было северное и северо-восточное.

Среди множества ям, имеющих в каждом доме, можно выделить круглые (диаметр 18—20 см) столбовые ямы глубиной 20—25 см, но уловить какую-то систему в их расположении нам пока не удалось. Поэтому сейчас мы ничего не можем сказать о системе перекрытия, но несомненно, что оно было деревянным в своей основе. Каждый дом имел проход, обращенный в сторону русла, ширина прохода равна примерно 1,5 м, причем располагался он иногда по центральной оси, иногда был несколько сдвинут. В доме 8, кроме прохода в западной стене, были обнаружены две канавки в восточной и южной стенах (см. рис. 1). Это приподнятые над полом на 8—10 см и вдающиеся в стену длинные (1,8—2,0 м) ямы, с максимальной глубиной до 0,5 м постепенно сужающиеся (ширина их от 2 до 0,5 м) и заполненные культурным слоем. Культурный слой насыщен золой и угольками и содержит фрагменты керамики и главным образом обломки камней. Такие же канавки, заполненные куль-

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) МИА, № 21, 1951, стр. 160.

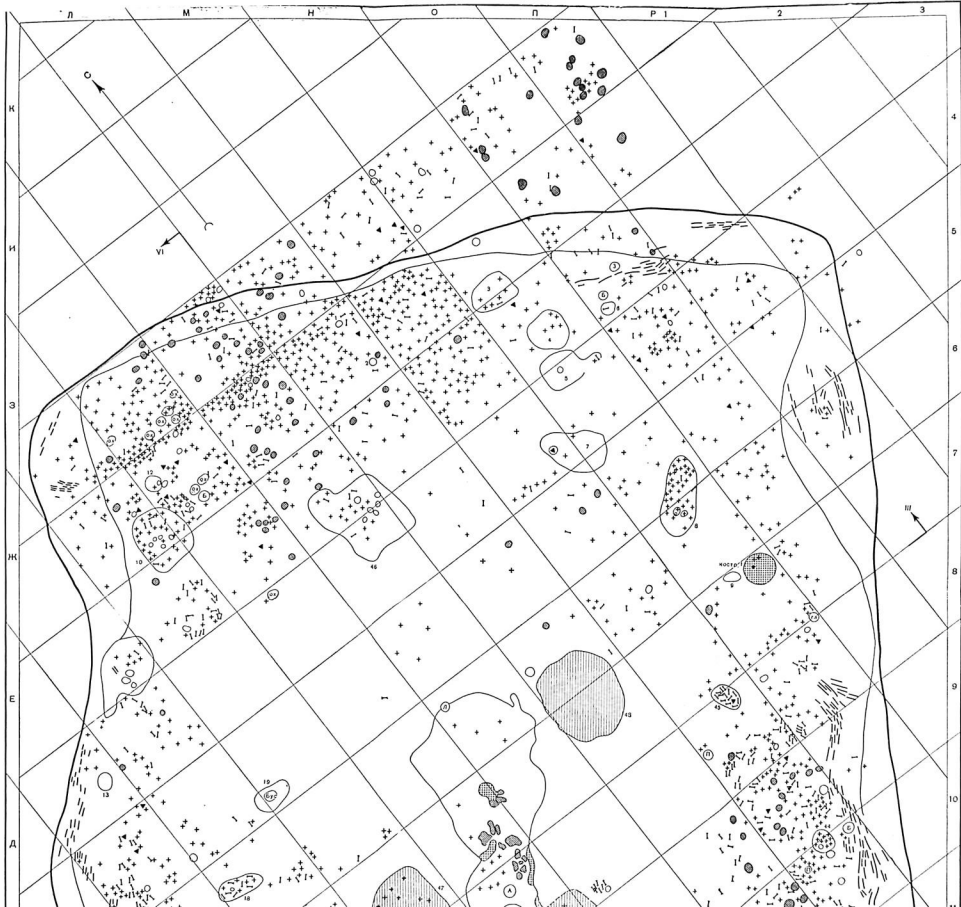
Рис. 4. Изометрия Иши-Вороны 2. Дюм 15. Нива.

1 - известняк; 2 - известняк с раковинами; 3 - известняк с раковинами; 4 - известняк с раковинами; 5 - известняк с раковинами; 6 - известняк с раковинами; 7 - известняк с раковинами; 8 - известняк с раковинами; 9 - известняк с раковинами; 10 - известняк с раковинами; 11 - известняк с раковинами; 12 - известняк с раковинами; 13 - известняк с раковинами; 14 - известняк с раковинами; 15 - известняк с раковинами; 16 - известняк с раковинами; 17 - известняк с раковинами.

Рис. 4. Поселение Яне-Пырені 2. Дом 14. План.

1 — керамика; 2 — керамика; 3 — кости; 4 — угли; 5 — равнина Ашотоба; 6 — дощак; 7 — обожженный камень; 8 — кирпич; 9 — куски глины; 10 — бусти; 11 — вострание; 12 — лям, заповешенная резьбой; 13 — лям с выщелом контуром; 14 — лям с обожженным заповешением; 15 — фрагменты брусны; 16 — верховатка; 17 — изломанная ограда

турным слоем, были обнаружены в северо-западном углу дома 14 и в центре западной стены.

Наличие таких канавок или углублений, существовавших помимо входов в жилища эпохи бронзы, было отмечено многими исследователями, но толкуют их по-разному.

На Максюттовском поселении, где углубления эти больше по размерам, И. В. Сияидын рассматривает их как внутрискенные очаги⁷. Канавки, обнаруженные при раскопках землянок на поселении Карташиха 1⁸, землянок близ хутора Ляпичева⁹ исследователи толкуют как входы. Возможно еще один вариант, который более подходит к нашему случаю (особенно это касается дома 14). Эти канавки, которые были проделаны в толще стены под ее наземной частью, могли служить для выброса мусора из жилища. Возможно, что для этого служили некоторые канавки на Алексеевском поселении¹⁰ и что таким же образом может быть объяснено то обстоятельство, что на Кинельском селище в доме 2 зольник, занимающий угол жилища, выходил за его пределы¹¹.

Площадь всех жилищ усеяна ямами. О столбовых ямах мы уже писали. Большинство ям, судя по их заполнению, были хозяйственными, некоторые служили небольшими временными очажками. Ямы эти разной величины и глубины, но имеют в большинстве случаев прямоугольную, часто удлиненную форму, иногда овальную, реже круглую. Как и всегда в первобытных жилищах, они, видимо, не раз перекапывались. Кроме того, в пределах сравнительно короткого отрезка времени, в течение которого существовал дом, количество ям менялось, т. е. не все они функционировали одновременно. Большинство ям располагалось в половине жилища, противоположной входу.

Каждый дом имел один большую центральный очаг, расположенный по оси восток — запад, прямо против входа. Центральный очаг — это длинная (до трех метров) яма, шириной около одного метра и глубиной в 20—30 см. Такая большая длина очажной ямы связана с тем, что она представляет собой систему по крайней мере двух ям, причем ее восточная часть более широкая и более глубокая, а к западу она постепенно сужается и делается мельче (рис. 5).

На дне очагов и у стенок сохранились куски прокаленной глиняной обмазки, а на стенках очага в доме 8 обмазка сохранилась полностью. Совершенно очевидно, что стенки очагов обмазывались глиной. И надо полагать, что большая куча прокаленной обмазки на западном берегу канала к западу от дома 12, принятая нами сначала за остатки гончарной печи, просто груда мусора, результат очистки очагов. Заполнение очагов составляют: прокаленный докрасна песок, белый пепел и серая супесь, насыщенная золой. Как правило, в них почти не обнаружено хозяйственных остатков, так что может быть они служили в основном для обогрева, а пищу готовили на маленьких очажках.

Еще в 1957 г. наше внимание привлекли россыпи керамики, в расположении которых наблюдалась явная закономерность: все они концентрировались вокруг жилищ, прослеживаемых на такыре в виде пятен¹².

⁷ И. В. Сияидын. Древние памятники в бассейне Иргица по раскопкам 1938—1939 гг. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XVII, 1947, стр. 138; его же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 199—200.

⁸ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Прикавказском Поволжье. МИА, № 42, 1954, стр. 171—172.

⁹ М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 140.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1948, стр. 78.

¹¹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 104.

¹² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., стр. 6, рис. 1.

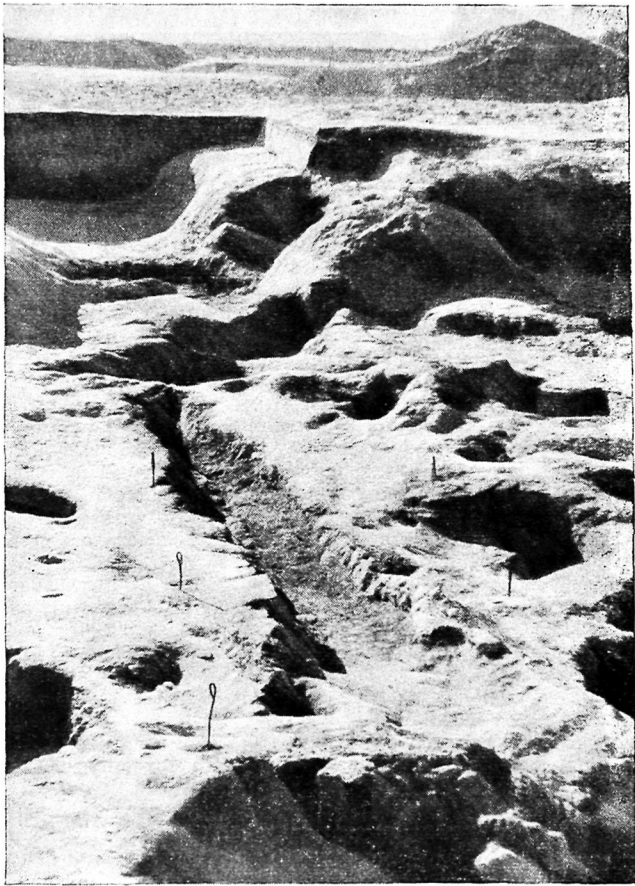

Рис. 5. Поселение Якке-Парсан 2. Дом 12. Центральный очаг и вход.

И если пятна жилищ отличаются от окружающей поверхности такыра более светлой окраской, то керамические россыпи располагаются на такыре сизо-серого цвета, имеющем вздутую рыхлую поверхность. Поскольку пятна на такыре без керамики являются остатками жилищ с сохранившимся культурным слоем, естественно предположить, что эти россыпи — остатки жилищ с развеянным культурным слоем, сохранившимся лишь на полу. Современная поверхность такыра на площади стоянки дает в целом почти нулевую отметку, следовательно, предположение о возможном смыве тех жилищ, которые хуже сохранились, отпадает. Могло возникнуть предположение о разновременности тех и других жилищ, но материал россыпей относится к тому же амирабадскому комплексу, что и материал из полуземлянок.

Для выяснения первоначального вида площади с россыпями керамики на одной из них, прилегающей к северо-восточной стене дома 14,

были поставлены раскопки. Была вскрыта площадь 20×10 м, давшая культурный слой толщиной в 15—20 см. Он лежал на древней дневной поверхности (такырный суглинок); в толще суглинка было прорыто множество хозяйственных ям, основания которых находились уже в слое серой супеси. Культурный слой в ямах и вне их представляет собой серую пылеватую супесь, насыщенную сажей, угольками, обломками керамики, кусками обожженной обмазки и камней. Расположение ям и площадь распространения культурного слоя никаких границ жилища не дает (рис. 6).

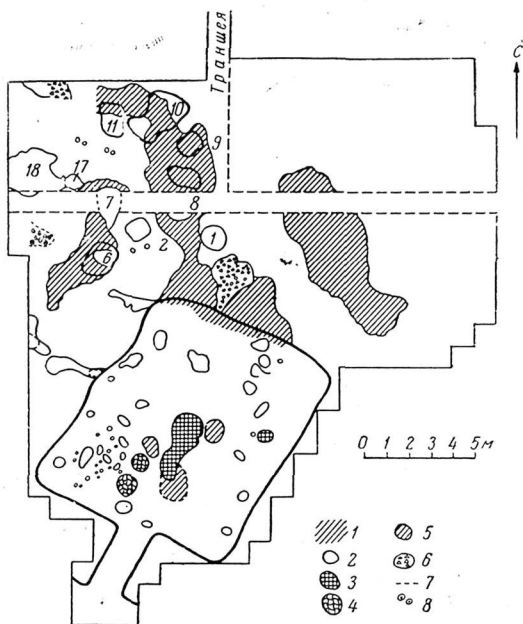

Рис. 6. Поселение Якке-Пагсан 2. Дом 14 и россыпь В (схематический план).

1 — скопления обмазки и золы; 2 — ямы; 3 — очаги; 4 — ямы с суглинистым заполнением; 5 — ямы с золистым заполнением; 6 — скопления камней; 7 — линия бровки; 8 — куски обмазки

Вероятнее всего предположить, что расчищенная площадь, равно как и остальные россыпи вокруг полуземлянок — обжитое пространство близ домов, жизнь на котором в основном протекала летом. Подтверждением такого предположения является и то, что это обжитое пространство расположено у северо-восточной стены дома, где, если учесть его наземную часть, бывала в жаркое время дня тень. В Средней Азии и по сей день в летнее время люди большую часть времени проводят во дворах около своих домов.

Наличие обжитого пространства между домами на поселениях бронзового века — явление обычное, причем некоторые исследователи толкуют его так же, как и мы¹³. Другие считают, что это зольники¹⁴. Думается,

¹³ П. А. Дмитриев. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы МИА, № 21, 1951, стр. 15.

¹⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, стр. 166; К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX, 1954, стр. 246.

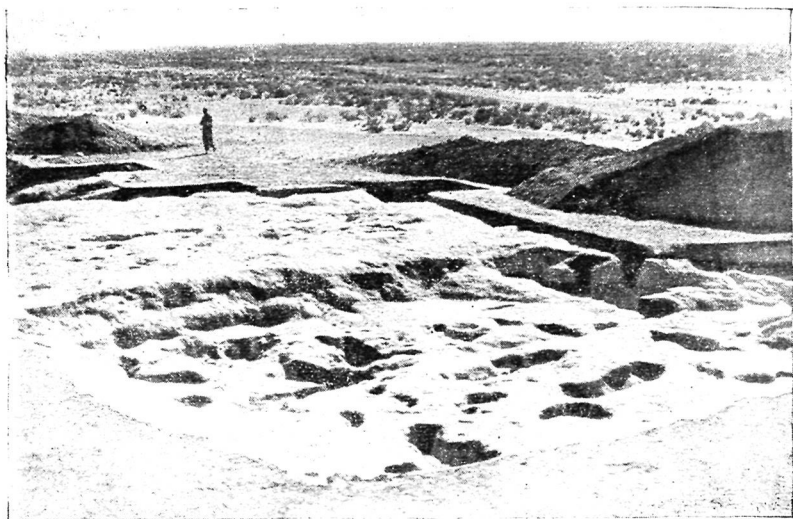

Рис. 7. Поселение Якке-Парсан 2. Дом 10 и 9 (слабозаглубленный). Вид с северо-востока

что в каждом случае вопрос этот следует решать в зависимости от конкретных условий, в частности климатических.

На Кипельском селище такие скопления культурного слоя и ям на пространстве между полуземлянками были истолкованы К. В. Сальниковым как наземные жилища, причем более ранние, чем полуземлянки¹⁵. На поселении Якке-Парсан 2 есть жилище (дом 9), сохранившаяся глубина которого в центральной части не превышает 35 см, т. е. практически его тоже можно считать наземным (рис. 7). Однако то, что этот дом стоит в одном ряду с остальными заглубленными домами, а также однородность керамического материала всех домов этого ряда заставляют нас считать дом 9 современником этих домов.

Среди многочисленных находок на поселении преобладает керамика. Сосуды все лепные и имеют в качестве примеси в глиняном тесте шмот, реже дресву. Примесь в виде толченых раковин, столь характерная для керамики тазабагьябской культуры, встречается здесь в единичных случаях. Глиняное тесто кухонных сосудов довольно грубое, в нем отчетливо видны крупные куски примесей, которые при обжиге проступают на поверхности, делая ее подчас неровной, даже несмотря на заглаживание. Столовая посуда, напротив, отличается хорошо отмученным тестом и тщательностью отделки. Степень обжига тоже различна, но даже при изготовлении столовой посуды он неровный — на поверхности сосудов очень часто наблюдаются пятна. Внешняя поверхность сосудов светло- или темно-коричневая, красноватая, реже серая, обычно тщательно затерта, заглажена или залощена. Для этого применялись специальные глиняные лощила (рис. 8, 1—2), которые были найдены во всех домах, иногда по несколько штук.

В ряде случаев поверхность сосудов была предварительно окрашена в красный цвет, а затем залощена. Окраска производилась красной охрой; куски охры были также найдены во всех раскопанных домах, а в

¹⁵ К. В. Сальников. Кипельское селище. СА, XXVIII, 1957, стр. 200—206.

доме 13 был найден сосудик, в котором хранилась эта краска¹⁶. Орнамент, как правило, наносился под горлом и на плечах сосуда, горло и даже венчик обычно не украшались. Чаще всего это резная «елочка», «решетка», крестики. В каждом доме встречается до десятка черепков, на которых орнамент нанесен гребенчатым, редко мелкозубчатым штампом. При этом характерно, что этот архаический орнаментальный прием обычно связан со старыми, тазабагъябскими формами, которые здесь еще в виде исключения встречаются. Среди приемов, употреблявшихся яккепарсанскими мастерами, был разрыв орнаментального пояса с оставлением неорнаментированного пространства между отрезками этого пояса (рис. 9, 5, 6, 8). Расположение орнамента двумя поясами, столь характерное для керамики тазабагъябской культуры, здесь почти не встречается.

Сосуды поселения характеризуются в целом наличием короткого прямого или изогнутого горла, раздутого тулова и плоского или уплощенного, иногда почти круглого дна.

Надо сказать, что керамика поселения по формам довольно единообразна, каждый дом имеет набор совершенно определенных типов посуды, причем разница между керамическими комплексами отдельных домов сводится лишь к тому, что в одних домах сосудов больше, в других — меньше.

Любопытно, что в отличие от более ранних керамических комплексов тазабагъябской культуры, керамика поселения Якке-Парсан 2 уже четко делится по своему назначению.

Прежде всего появляются хумы — сосуды для хранения запасов. Это — большие толстостенные сосуды, хорошо обожженные, имеющие красный черепок, приближающийся по качеству к раннеантичным образцам. Диаметр горла этих сосудов достигает 40 см, диаметр дна — 28 см. О форме их сказать что-нибудь трудно, так как сохранились лишь фрагменты горла или днища, но надо полагать, что они повторяют одну из существовавших на поселении форм. Еще одним нововведением является разделение посуды на кухонную и столовую. Характерно, что при изготовлении кухонной посуды иногда применялась в качестве примеси древесина, при изготовлении столовой — никогда. При изготовлении столовой посуды, как уже говорилось, глиняное тесто тонко отмучивалось, посуда эта, как правило, была залощена до блеска, в то время как кухонная посуда затиралась и заглаживалась. Наконец, единственным орнаментальным украшением на столовой посуде был рельефный поясок при переходе от горла к плечам, в то время как кухонная посуда была в большинстве случаев покрыта орнаментом.

Среди кухонных горшков четко выделяются открытые сосуды с прямым очень коротким горлом и венчиком, имеющим или утолщение по краю и в нижней части, или треугольную форму в сечении (рис. 9, 1—3,

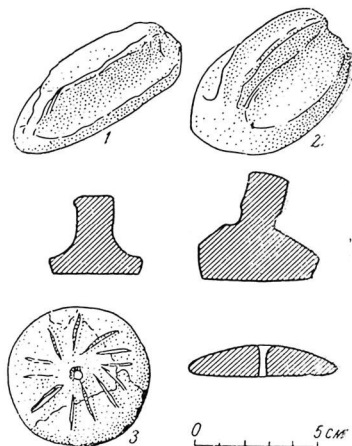

Рис. 8. Поселение Якке-Парсан 2. Изделия из глины

1 — 2 — лопила (дома 8 и 14); 3 — прислице (дом 9)

¹⁶ Как нам любезно сообщили геологи, месторождения красной охры имеются как раз неподалеку от поселения в горах Султан-Уиз-даг.

5—6). Тулово таких сосудов раздуто, дно плоское, но без уступчика. Характерно, что диаметр горла у них колеблется от 16 до 20 см (если не считать крупные экземпляры, которые довольно редки), а диаметр дна не превышает 9 см. Именно эти сосуды украшены орнаментом.

Помимо этой формы существовали еще горшки с коротким прямым или слегка изогнутым горлом, очень четко выделенными плечами, округлым туловом и плоским дном (рис. 9, 7—8). Вариант этой формы дают

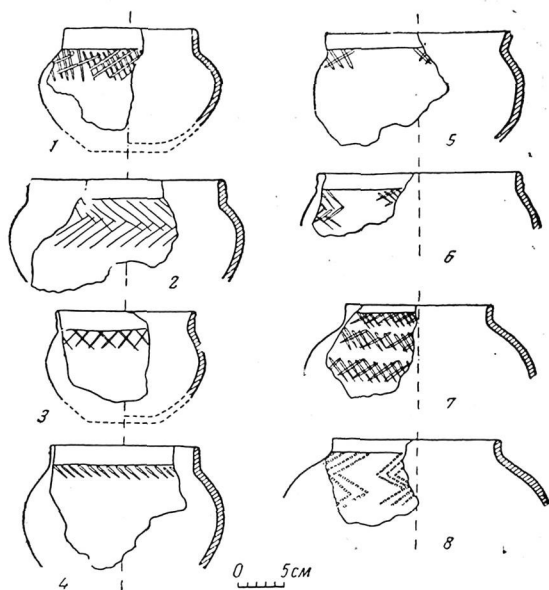

Рис. 9. Поселение Якке-Парсап 2. Керамика из домов:

1, 3 — дом 14; 2 — дом 11; 4, 6 — дом 9; 5 — дом 8; 7 — россыпь В; 8 — дом 10

сосуды с более пологими плечами. Эта группа сосудов имеет те же размеры, что и вышеупомянутая, и для нее также характерно наличие на сосудах орнамента (рис. 9, 4).

Основной формой столовой посуды являются открытые миски или чашки с коротким прямым или изогнутым горлом, очень сильно раздутым туловом и уплощенным или округленным дном. Они обычно заглажены до блеска и в ряде случаев украшены рельефным пояском (рис. 10, 1—2, 5). Наиболее распространенный диаметр устья этих сосудов — 26 см. В виде исключения встречаются очень большие сосуды этой формы, видимо, тазы.

Вариантом этой формы являются открытые сосуды, более глубокие, с уплощенным или плоским дном. Они также залощены (рис. 10, 3—4). Довольно часто встречаются открытые сосуды с коротким изогнутым горлом, округлым туловом и небольшим плоским дном. Переход от горла к плечам украшен обычно рельефным пояском. Эти сосуды не всегда залощены, иногда они просто заглажены (рис. 10, 6—8).

Большой интерес представляют узкогорлые сосуды, имеющие округлое, расширяющееся книзу тулово и плоское дно, диаметр которого равен примерно диаметру горла (рис. 11, 1—3). Эта форма представляется

нам переходной к кувшинам, тем более, что фрагменты кувшинов были нами в ряде случаев уже встречены (рис. 11, 4—7). Правда, удалось обнаружить лишь горловую их часть, причем характерно, что все они еще без ручки.

Помимо этих четко выделяющихся форм, во всех домах на поселении найдены маленькие чашечки различных видов, а в доме 10 обнаружена чашечка типа пиалы. Кроме того, во всех домах встречаются обломки

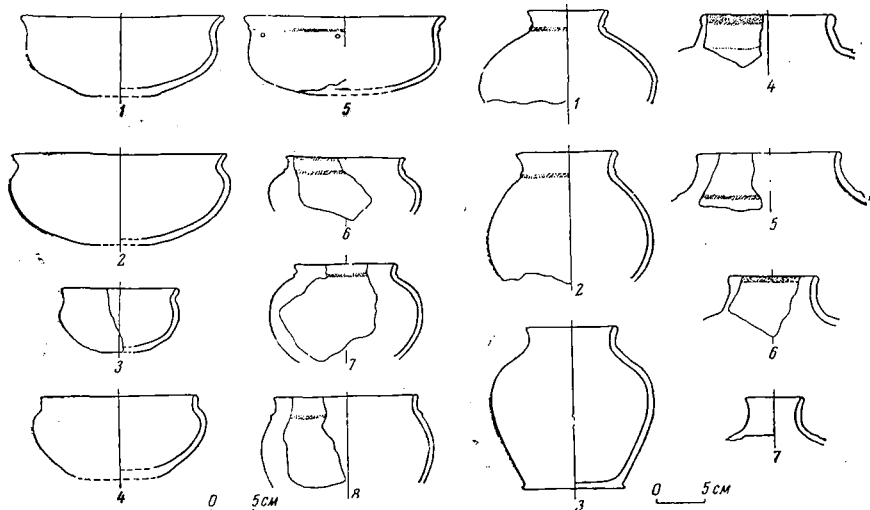

Рис. 10. Поселение Якке-Парсан 2.
Керамика из домов:

1, 3, 4—дом 9; 2, 7—дом 10; 5, 8—дом 12;
6—дом 11

Рис. 11. Поселение Якке-Парсан 2.
Керамика из домов:

1—дом 9; 2—дом 12; 3—дом 8; 4—дом 14;
5—7—дом 11

плоских керамических блюд, или жаровен, сделанных из глины с примесью самана и характерных тем, что они имеют заглаженную желтовато-красноватую поверхность, явно прокаленную, но без всяких признаков копоти. Об их форме по имеющимся фрагментам судить трудно, не менее затруднительно с уверенностью судить об их назначении¹⁷.

Таков в самых общих чертах керамический комплекс из раскопанных домов поселения Якке-Парсан 2. Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что керамика из культурного слоя и хозяйственных ям обжитой площади к северу от дома 14 ничем не отличается от керамики из домов.

Те немногие аналогии яккепарсанским сосудам, которые мы можем назвать, уводят нас на юг. Так, аналогии нашим чашкам или мискам с уплощенным или округлым дном и кувшинообразным сосудам мы находим на Чустском поселении¹⁸, в керамических комплексах Тахирбай 3 и Яз 1 в дельте Мургаба¹⁹. Аналогии нашим сосудам с изогнутым, относи-

¹⁷ Такие блюда были найдены, например, на Дальверзинском поселении, где они тоже интерпретируются как жаровни. Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М., 1960, т. IV, стр. 171, 174, рис. 6, 5.

¹⁸ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 45, рис. 12, 2, 10.

¹⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргяны. МИА, № 73, 1959, стр. 173, табл. V, 4; стр. 194, табл. XXVI, 4.

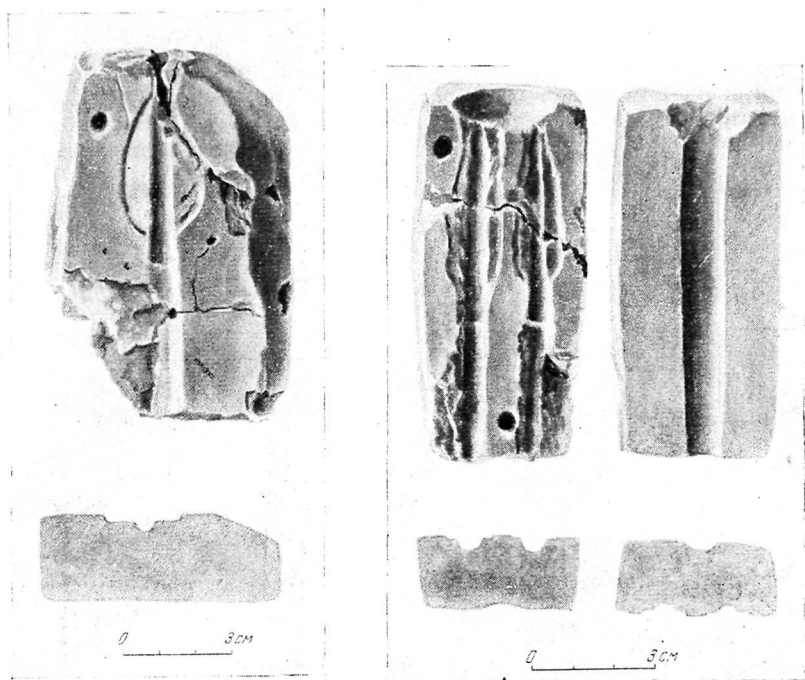

Рис. 12. Поселение Якке-Парсан 2. Дом 8. 1—3 — каменные формы

тельно узким горлом и рельефным пояском в его нижней части дают находки В. М. Массона из первого яруса шурфа, заложенного на одном из североатрекских памятников — Мадау-тепе²⁰. Все эти памятники датируются началом 1 тысячелетия до н. э. Мы уже высказывали предположение о продвижении позднесуярганских племен на юг в самом конце II тысячелетия до н. э.²¹ Может быть, наличие сходных форм в несколько более поздних, но очень близких по времени комплексах, говорит в пользу их некоторой сходной культурной основы. Имеются факты появления амирабадских форм и в более северных областях. Так, на поселении у озера Сарайдин близ Джангалы (Западный Казахстан) И. В. Сяницын обнаружил миску, о которой он пишет, что «этого рода сосуды среди керамики Нижнего Поволжья неизвестны»²², но которая по форме и по технике изготовления аналогична амирабадским²³.

Но это единичная находка. А в недавно открытом Хорезмской экспедицией могильнике Тагискен (Кзыл-Ординская обл.), который датируется также началом 1 тысячелетия до н. э., обнаружены сходные с амирабадскими миски и открытые горшки с рельефным пояском²⁴.

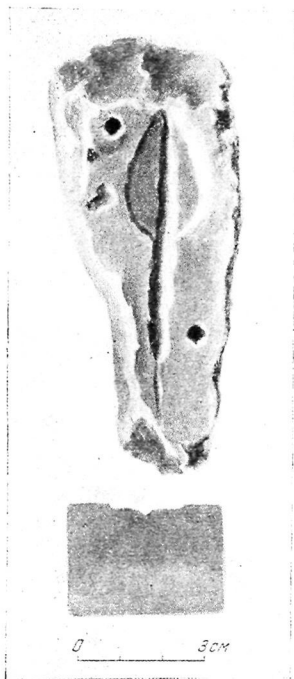
²⁰ В. М. Массон. Археологические работы на Мисрианской равнине. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 69, рис. 23 (правый крайний ряд).

²¹ С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СА, 1960, № 1, стр. 31—32.

²² И. В. Сяницын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западной Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 101.

²³ Там же, стр. 100, рис. 35, 3.

²⁴ С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи. СА, 1962, № 4, стр. 134 и сл., рис. 9—11.

для отливки наконечников стрел; 4 — каменная форма для отливки серпа

В целом керамический комплекс поселения еще раз подтверждает выдвинутый ранее тезис о том, что амирабадская культура последнего этапа эпохи бронзы и перехода к раннему железу представляет собой дальнейшее развитие суярганской культуры (на ее позднем каундинском этапе) на территории Хорезма²⁵. Все описанные формы, кроме ведущей формы кухонных сосудов и кувшинов, уже встречались в суярганских комплексах, но были выявлены там еще не столь четко²⁶. С другой стороны, яккепарсанский комплекс подтверждает и правильность предположения о происшедшем еще в конце II тысячелетия до н. э. процессе поглощения суярганской культурой тазабагъябской²⁷.

Элементы тазабагъябской культуры, отмечаемые в этом комплексе; единичны и дело здесь не только в более позднем времени.

Вспомним, что в керамике замараевского этапа андроновской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана, в керамике Садчиковского поселения и соответствующей по времени керамике Восточного Казахстана — всюду очень явно проявляются черты, характерные для предшествующего этапа развития андроновской культуры на этих территориях. В Хорезме такая преемственность тоже наблюдается, но только между позднесуярганской и амирабадской культурами, в то время как тазабагъябские элементы существуют лишь в виде отдельных пережитков.

²⁵ С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблемы суярганской культуры; стр. 33.

²⁶ Там же, стр. 24—25, рис. 7—8.

²⁷ Там же, стр. 23.

121

Среди находок на поселении Якке-Парсан 2 особый интерес представляют изделия из бронзы. Довольно разнообразный их ассортимент уже сам по себе свидетельствует в пользу их местного изготовления, а находки в доме 8 совершенно убеждают нас в правильности такого предположения.

Дом 8 мы назвали «домом литейщика», так как в нем были найдены четыре каменных (сланцевых) формы для отливки бронзовых орудий и фрагменты глиняного сосуда с капельками бронзы на дне. Три из упомянутых форм служили для отливки наконечников стрел (рис. 12, 1—3),

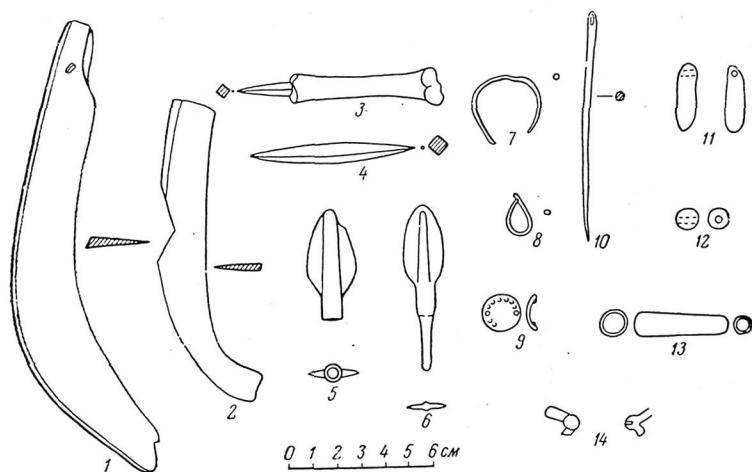

Рис. 13. Поселение Якке-Парсан 2. Орудия и украшения.

Бронза: 1 — серп (дом 11); 2 — бритва (дом 9); 3, 4 — шпилья (дом 11 и дом ?); 5, 6 — наконечники стрел (дом 8 и дом 12); 7—8 — подвески; 9 — бляшка; 10 — игла; 14 — застёжка. Глина: 11 — подвеска; 12 — бусина; 13 — пронизка из раковины Dentalium

одна — для отливки серпа (рис. 12, 4). Все формы были двухстворчатыми и имели дырочки для скрепления, но в каждом случае найдена лишь одна створка.

Судя по этим находкам, на поселении бытовали наконечники стрел трех типов. Наиболее архаичский вид имеет втульчатый листовидный наконечник с довольно широким пером и выступающей втулкой (рис. 12, 1). Интереснее всего то, что здесь же, в доме 8, был найден наконечник стрелы, отлитый именно в этой форме (рис. 13, 5). Подобные наконечники стрел более всего приближаются к своей исходной форме — листовидным наконечникам копий или дротиков и датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э. Наконечники стрел этого типа известны на территории Средней Азии и Казахстана.

Видимо, к этому типу относится наконечник стрелы (сохранилась лишь его нижняя половина) из могильника Биырек-коль (Кокчетавская обл.), который датируется А. М. Оразбаевым переходным от Федоровского к алакульскому временем²⁸, что с учетом новой датировки К. В. Сальникова для алакульского этапа²⁹ даст нам XV—XIV вв. до н. э. Прибли-

²⁸ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 5, табл. IV, 17.

²⁹ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 44

жается к этому типу и наконечник стрелы из Садчиковского поселения, который датируется началом I тысячелетия до н. э.³⁰ В Восточном Казахстане имеется экземпляр с поселения у с. Мечеть (верховья Иртыша), который С. С. Черников датирует очень широко (раннеандроновское время, т. е. около середины II тысячелетия до н. э. — VII—VI вв. до н. э.)³¹.

Аналогичен нашему наконечнику экземпляр с поселения у аула Канай, который датируется по времени существования поселения XVI—XII вв. до н. э.³² или XIV—XI вв. до н. э.³³, что для этой эпохи почти одно и то же.

В Средней Азии подобный наконечник, но со скрытой втулкой, был найден при раскопках Вуадильского могильника (Фергана)³⁴, причем авторы публикации упоминают также о наличии четырех наконечников стрел сходного типа в кладе, найденном близ селения Бричмулла (верховья реки Чирчик)³⁵. Вуадильский наконечник датируется X—VIII вв. до н. э.

Аналогии нашему наконечнику дают также материалы Омской стоянки, датирующейся позднеандроновским временем³⁶. Имеется подобный экземпляр в инвентаре Младшего Волосовского могильника, который датирован В. А. Городцовым XI—IX вв. до н. э.³⁷ Наконечник этого типа, но со скрытой втулкой, был найден на Первом Сусканском поселении и датируется рубежом II и I или началом I тысячелетия до н. э.³⁸ На Кавказе, в известном Новочеркасском кладе, имеется литейная форма для отливки четырех наконечников стрел подобного типа, которая датируется А. А. Иессеном рубежом VIII—VII вв. до н. э.³⁹

Таким образом, мы могли убедиться, что в основном эти наконечники стрел датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э., а возможность существования их еще во II тысячелетии до н. э. и дает нам основание считать этот тип архаическим.

Вторая литейная форма, найденная в доме 8, служила для отливки двух видов изделий (рис. 12, 2). На одной ее стороне был сделан желобок для отливки бронзовых стержней, другая использовалась для отливки сразу двух втульчатых листовидных наконечников стрел. Эти наконечники принципиально относятся к вышеописанному типу, но несколько отличаются от него вытянутостью формы и уже более узким пером; последнее обстоятельство сближает эти наконечники с наконечниками стрел переходного к скифскому типа.

И действительно, если мы обратимся к аналогиям, мы увидим, что все они относятся к началу I тысячелетия до н. э. и уже не уводят нас во II тысячелетие.

³⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, стр. 167, рис. 17, 2.

³¹ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. «Известия АН Казахской ССР», серия археологическая, вып. 2, 1949, стр. 52, рис. 15, 3.

³² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. XIV, 25 и стр. 98.

³³ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 7, 1959, табл. XIV, 21 и стр. 98.

³⁴ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3, стр. 133, рис. 4.

³⁵ Там же.

³⁶ Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 41, рис. 3, 6—8.

³⁷ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 38, табл. X, 8.

³⁸ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 120, рис. 14, 14 и стр. 134.

³⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). СА, XVIII, 1953, стр. 108, рис. 29.

Наконечники такого типа были найдены в слое Яз 1 на поселении Яз-тепе⁴⁰, причем этот слой датируется 900—650 гг. до н. э.⁴¹, в слое Кобадан 1 на городище Калаи-Мир, который датируется VII—VI вв. до н. э.⁴², и в нижнем слое городища Гяур-кала, относящемся к тому же времени⁴³.

Сходного типа наконечник обнаружен на Алексеевском поселении⁴⁴, но он не датированный, равно как и приведенный в качестве аналогии ему наконечник, найденный в районе села Васильчикова (Восточный Казахстан)⁴⁵.

Таким образом, мы видим, что накопленные за последние годы археологические материалы уже сейчас позволяют произвести попытку классификации более ранних и более поздних типов листовидных втульчатых наконечников, причем самым поздним будет, видимо, тип листовидных наконечников со скрытой втулкой и слабо выделенным пером. Однако надо сразу же оговорить, что эти типы, особенно последние два, несомненно сосуществуют, что легко объясняется большой консервативностью такого вида изделий, как наконечники стрел.

Поселение Якке-Парсан 2 дает отличный тому пример, тем более, что все вышеописанные формы найдены в культурном слое одного дома. Однако, помимо стрел вышеуказанных типов, жители поселения употребляли и другие.

Здесь найдена была третья форма, в которой отливались листовидные черешковые наконечники стрел (рис. 12, 3). Интересно, что не только на Якке-Парсан 2, но и в других областях, например в Зауралье, как правило, литейные формы изготовлялись из мягких пород камня⁴⁶. На поселении, кроме данной формы, на полу входа в дом 12 был найден лишь один черешковый листовидный наконечник (рис. 13, 6). Он имеет характерную прожилку, идущую по продольному сечению пера, но отличается от образцов, отливавшихся в данной форме характерным утолщением на черенке в основании пера.

Аналогичные наконечники найдены на поселениях древнего Дахлстана — Изат-кули⁴⁷ и Мадау-тепе⁴⁸, датирующихся началом I тысячелетия до н. э., на Чустском поселении⁴⁹ и на кайракумских стоянках⁵⁰ (Фергана). Черешковые листовидные наконечники, но с несколько иной формой пера известны и для некоторых памятников Ирана⁵¹. Любопытно, что наконечники такого типа известны в южных районах Средней Азии, в то время как на поселениях андроновской культуры они не найдены⁵².

⁴⁰ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 200, табл. XXXIII, 5, 9—10.

⁴¹ Там же, стр. 48.

⁴² М. М. Дьяколов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 133, рис. 4.

⁴³ Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, 1949, стр. 36, рис. 1.

⁴⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение., стр. 108, рис. 33, I.

⁴⁵ Там же, рис. 33, 2.

⁴⁶ К. В. Сальников. Следы древней металлургии меди в районе Свердловска. Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска, 1950, стр. 217.

⁴⁷ В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахлстана в юго-западной Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 399.

⁴⁸ Там же, стр. 420 и рис. 36.

⁴⁹ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3, стр. 71; стр. 74, рис. 7.

⁵⁰ Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Археологические и этнографические коллекции института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, стр. 13.

⁵¹ R. Chirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Séistan Afghan. Revue des Arts Asiatiques, t. XIII, Paris, 1939, № 1, стр. 18.

⁵² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 64.

равно как и в последующих культурах позднебронзового века в среднеазиатских и казахстанских степях. Таким образом, яккепарсанская находка является пока самой северной из до сих пор известных.

Таким образом, на поселении Якке-Парсан 2 были обнаружены формы для отливки трех типов бронзовых стрел. Находка этих форм, несомненно, свидетельствует в пользу местного производства этих орудий, а находка их в одном доме — в пользу наличия специализации в изготовлении тех или иных предметов материальной культуры. Очень важно и то, что все эти три типа сосуществовали на поселении, причем формы втульчатых наконечников наглядно демонстрируют эволюцию этого типа стрел на протяжении относительно короткого отрезка времени.

В доме 8 была найдена обломанная створка литейной формы для отливки серпа (рис. 12, 4). По ней можно судить лишь о верхней половине этого орудия. Рукоять у него не выделена и имеет дырочку для прикрепления деревянной обкладки. Надо сказать, что на поселении, в доме 11, был найден почти целый бронзовый серп (рис. 13, 1), который, видимо, так же, как и экземпляр, отливавшийся в форме, имел довольно слабо изогнутое лезвие, несколько расширяющееся к середине и заостренный конец, но у него, в отличие от вышеописанного, была короткая выделенная рукоять также с дырочкой для прикрепления деревянной обкладки. Надо сказать, что ширина лезвия орудий и степень их изгиба в верхней части примерно совпадают. Подобные серпы со слабо изогнутым лезвием (по сравнению со срубно-хвалынскими крюкастыми) известны в Хорезме по находке на стоянке позднесуярганской культуры Базар 1⁵³. На базаркалинском экземпляре явно намечается рукоять, но дырочки на ней нет. Вне территории Хорезма наиболее близки нашим серпам серп из насыпи андроновского погребения у Тулайкина аула близ города Орска⁵⁴, серпы со Стариковского селища (Челябинская область)⁵⁵, принадлежащего к той же культуре. Сходен с экземпляром с Якке-Парсана 2 серп, найденный близ города Мензелинска Татарской АССР⁵⁶, который имеет выделенную рукоять, но без дырки.

По мнению К. В. Сальникова, эта форма была широко распространена на территории расселения андроновских племен⁵⁷, причем хронологически сюда включается и замараевский этап, т. е. начало I тысячелетия до н. э. При этом К. В. Сальников исключал из области распространения этого типа орудий Северный Казахстан⁵⁸, но находка серпа такого типа на поселении у Елизаветинского прииска⁵⁹ как будто бы снимает эту оговорку. Многочисленные находки серпов рассматриваемого типа дали основание некоторым исследователям выделить их в особый восточный тип⁶⁰, распространенный к востоку и северо-востоку от Среднего Поволжья. При этом ими, конечно, оговаривается возможность взаимопроникновения срубно-хвалынских образцов на восток и восточных — на запад, причем этот процесс уже подтвержден археологически.

⁵³ Низовья Аму-Дарьи — Сарыкамыш — Узбой. История формирования и заселения. «Материалы ХЭ», вып. 3, 1960, стр. 125, рис. 66, 1.

⁵⁴ Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. «Известия ГАИМК», вып. 110, стр. 93, рис. 67, 6.

⁵⁵ К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья, стр. 24, рис. 3С.

⁵⁶ А. А. Штукенберг. Материал для изучения медного века восточной половины Европейской России. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XVII, вып. 4, 1901, табл. IV, 7.

⁵⁷ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 125.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 293, табл. XI, 8.

⁶⁰ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 67; Н. Д. Степанов. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье (с древнейших времен до XVI в.). «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 1, 1956, стр. 96.

Связь Хорезма со степным евразийским миром в эпоху бронзы сейчас уже достаточно хорошо выявлены, а поэтому находка на его территории серпов этого типа не вызывает удивления. Однако Южное Приаралье на древнейших этапах своей истории было связано и с земледельческим югом, с областью распространения «культур крашеной керамики». К сожалению, если судить по имеющимся публикациям, находок бронзовых серпов в этих областях очень немногих. О находке литого изогнутого серпа на Чустском поселении пишет В. И. Спришевский⁶¹, но ни его описание, ни фотографии или рисунок он не помещает. Известен бронзовый серп из слоя Анау III в Анау, имевший довольно сильно изогнутое лезвие, выделенную рукоять, своеобразно загнутую⁶². Быть может, вариантом этой формы являются экземпляры с Большого Чуйского⁶³ и Ташкентского⁶⁴ каналов. В целом этот тип серпов отличается и от срубно-хвалыньских и от андроновских, и, видимо, прав В. М. Массон, который, ссылаясь на сходство между серпом из Анау и экземпляром из некрополя А в Спалке, высказывает предположение об «общности форм металлических изделий Центрального Ирана и Южной Туркмении»⁶⁵. На восток эта форма, очевидно, проникала из Южной Туркмении.

В то же время на Намазга-тепе в слое Намазга VI был обнаружен серп, по типу очень похожий на серпы восточной группы, имеющие выделенную рукоять (насколько можно судить по двум рисункам без указания масштаба)⁶⁶. Если принять во внимание выдвинутую ранее гипотезу о движении степных племен на юг в конце II — начале I тысячелетия до н. э.⁶⁷, то можно предположить, что серп такого типа был принесен на Намазга-тепе пришельцами.

Странно, что в семи раскопанных домах на поселении Якке-Парсан 2 не было найдено ни одного ножа. Обломки однолезвийных бронзовых ножей были обнаружены лишь в подьемном материале среди россыпи керамики у северной стены дома 14. Как уже говорилось, эта площадь была потом подвергнута раскопкам, но ножей там найдено не было.

Очень интересный предмет был обнаружен в доме 9. Это бронзовый изогнутый нож с выделенной рукоятью, загнутым и тупым срезанным концом, причем его рабочий край является внешней дугой (рис. 13, 2). Нам представляется, что это бритва, причем насколько консервативна форма этого орудия мы можем судить, приняв во внимание сообщения наших рабочих-землекопов о том, что такими бритвами по сей день бреются в Узбекистане.

Во всех домах на поселении были найдены четырехгранные шилья, в обломках и целые (рис. 13, 4). В доме 11 мы нашли шило с рукоятью из кости барана (рис. 13, 3). В Хорезме шилья с костяной рукоятью имеются в погребениях могильника Кокча 3⁶⁸ и в доме на стоянке Ка-

⁶¹ В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г. «Известия АН Узбекской ССР», серия общественных наук, 1958, № 6, стр. 70.

⁶² R. P. U r t r e p p e l l y. Explorations in Turkestan. v. I. Washington, 1908, табл. 39, 3.

⁶³ Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XXXV, 2—3. В. М. Массон полагает, что серпы с Большого Чуйского канала не входят в одну группу с анаускими и относятся к андроновскому типу (см. В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, стр. 26). Нам представляется, что он неправ.

⁶⁴ Архив Ин-та истории, археологии и этнографии АН Узбекской ССР, № 177. Ташкент.

⁶⁵ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 26.

⁶⁶ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, 1956, табл. между стр. 288 и 289; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 99, рис. 33.

⁶⁷ С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблема суряганской культуры. СА, 1960, № 1, стр. 33.

⁶⁸ М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3. «Материалы ХЭ», вып. 5, стр. 75, рис. 23

ват 3⁶⁹, относящихся к тазабагъябской культуре и датруемых XIII—XI вв. до н. э. Бронзовые шилья с костяной рукоятью хорошо известны в инвентаре погребений срубной культуры. Они были найдены в кургане F6: 9 (курганная группа у села Боаро)⁷⁰, в кургане у села Марьевка⁷¹, в кургане 5 у села Ягодного (погребение 30)⁷², в кургане 7 (в насыпи)⁷³ близ села Хрящевка, в кургане 2 у села Пиксяси (Мордовская АССР)⁷⁴. Все указанные экземпляры датируются в пределах второй половины II тысячелетия до н. э. Однако, как известно, эти орудия широко распространены во времени и не могут быть опорой для датировки.

Среди найденных на поселении Якке-Парсан 2 орудий следует отметить множество круглых в сечении бронзовых игл с ушком (рис. 13, 10).

Украшений при раскопках найдено очень немного, причем по крайней мере половина их обнаружена в западном канале, который, судя по керамике, синхронен поселению. Жители поселения украшали свою одежду бронзовыми коваными нашивными бляшками (рис. 13, 9) — круглыми, выпукло-вогнутыми в сечении, с двумя дырочками для прикрепления к одежде и выдавленным орнаментом, располагающимся по краю. Такими бляшками, но без орнамента была украшена, например, одежда женщины в богатом погребении 13 Алексеевского могильника⁷⁵. Характерно появление орнаментированных бляшек этого типа в Северном Казахстане в алакульское время⁷⁶. О. А. Кривцова-Гракова отмечает широкое распространение этих бляшек в андроновской и карасукской культурах, но не в срубной⁷⁷.

Бытовали также полушарные бронзовые пуговицы с петелькой и бронзовые застезки. Найдена половина такой застезки в виде согнутой углом кованой полоски, к заостренной части которой прикреплена снаружи маленькая полушарная бляшка, имеющая с тыльной стороны маленький крючок (рис. 13, 14).

К категории украшений следует отнести небольшие бронзовые петлевидные подвески, сделанные из круглой в сечении тонкой бронзовой проволоки (рис. 13, 7—8). Более массивные такие подвески были обнаружены на поселении Тахирбай 3 (дельта Мургаба) в подъемном материале⁷⁸, а одна из подвесок лежала у правой височной кости черепа в погребении, обнаруженном в V ярусе шурфа 1⁷⁹. В. М. Массон патрует комплекс Тахирбай 3 1300—1100 гг. до н. э.⁸⁰

На поселении была найдена одна сердоликовая бусина цилиндрической формы со сквозным сверленным отверстием, керамическая шаровидная бусина со сквозным отверстием (рис. 13, 12) и, наконец, керамическая, удлинненной (овальной) формы подвеска с поперечным сквозным отверстием в верхней части (рис. 13, 11). Интересны пронизки

⁶⁹ М. А. Итина. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4, 1960, стр. 103, рис. 15, 1.

⁷⁰ P. Rau. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets. ESA, IV. Helsinki, 1929, стр. 48—49.

⁷¹ П. С. Рыков. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926—1927 гг. Москва-Саратов, 1929, стр. 6.

⁷² Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, № 42, 1954, стр. 69; стр. 61, рис. 10, 4.

⁷³ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— стр. 113, рис. 31, 5.

⁷⁴ П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР. КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 28, 4.

⁷⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 110, рис. 35, 5.

⁷⁶ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 269.

⁷⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 112.

⁷⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 182, табл. XIV, 8, 10.

⁷⁹ Там же, стр. 13—14 и рис. 3 B; стр. 182, табл. XIV, 9.

⁸⁰ Там же, стр. 28.

из ископаемых видов раковин *Dentalium* (рис. 13, 13), которые были, очевидно, специально отшлифованы⁸¹. Анализ найденных на поселении Якке-Парсан 2 изделий из металла очень четко демонстрирует довольно прочное сохранение в амирабадской культуре традиций бронзового века. При этом, как и при анализе более ранней, тазабагъябской культуры, мы сталкиваемся с тем, что основные аналогии яккепарсанской бронзы мы находим в срубно-андроновских комплексах. Видимо, традиции в изготовлении бронзовых орудий, принесенные в середине II тысячелетия до н. э. в Южное Приаралье тазабагъябскими племенами с северо-запада, из областей очень близких к одному из основных металлургических центров древности — Приуралью, продолжали удерживаться на территории древнего Хорезма и в начале I тысячелетия до н. э. Все это тем более интересно, что в керамике как амирабадской, так и предшествующей ей суярганской культуры аналогий с упомянутыми культурами евразийских степей не прослеживается. Керамика с несомненностью указывает на южное происхождение племен — носителей этих культур.

Таким образом, надо полагать, что суярганские племена, ассимилировавшие к концу II тысячелетия до н. э. тазабагъябские, восприняли у них искусство изготовления орудий из бронзы и продолжали его развивать и позднее, уже на новом, более позднем этапе своего развития — амирабадском.

При датировке поселения Якке-Парсан 2 нас не должно смущать, что некоторые типы орудий из бронзы могли бытовать и в конце II тысячелетия до н. э. Как мы могли убедиться, формы изделий из металла весьма консервативны и наиболее ярким примером в этом смысле являются наконечники стрел вообще и с Якке-Парсан 2, в частности. Ведь все приведенные нами для них аналогии дают возможность заключить, что они могли бытовать как в конце II, так и в начале I тысячелетия до н. э. Однако черепковые наконечники стрел все же датируются временем не ранее начала I тысячелетия до н. э. Да и керамика по технике изготовления и по формам и, наконец, по тем немногим аналогиям, которые мы смогли ей подобрать, также выходит за рамки II тысячелетия до н. э. Таким образом, предложенная ранее для поселения Якке-Парсан 2 дата — IX—VIII вв. до н. э. представляется нам правильной, причем мы не исключаем возможности отнесения ее нижней границы до X в. до н. э.

Поселение Якке-Парсан 2 является в известной мере уникальным памятником, сохранившим для нас со времен глубокой древности облик сельского поселения начала I тысячелетия до н. э. во всей его полноте. Основой хозяйства жителей было ирригационное земледелие и скотоводство. Во всех домах были найдены кости домашних животных, но до завершения работы по их определению говорить о составе стада еще преждевременно. Что же касается земледелия, если обломки зернозерок являются косвенным доказательством его существования, то наличие серпов, а главное ирригационной сети прямо свидетельствует в пользу его развития. Примитивную «бассейшовую» систему орошения, существовавшую в конце II тысячелетия до н. э. и открытую в районе могильника Кокча 3, сменяет система орошения, при которой каналы выводятся уже непосредственно из дамбированных протоков Акча-Дарьи⁸². При этом весьма вероятно, что каналы эти представляли собой переуглубленные маленькие русловые протоки, ответвлявшиеся от одного, более крупного. Восточный и западный каналы поселения Якке-Парсан 2 производят именно такое впечатление.

Жители поселения занимались рыболовством, о чем свидетельствуют многочисленные грузила, сделанные из стенок сосудов. Иногда трудно

⁸¹ Определения раковин произведены А. Г. Эберзиным, за что автор приносит ему свою глубокую благодарность.

⁸² «Низовья Аму-Дарьи», стр. 132—133.

отличить такое грузило от прясел, однако, в одном случае, в доме 9, было найдено настоящее глиняное пряслице, круглое, овальное в сечении, украшенное резным орнаментом в виде солярного знака (см. рис. 8, 3).

Значительно увеличился ассортимент орудий из металла и предметов хозяйственного обихода. Уже намечается переход к специализации в той или иной области производственной деятельности. О широком развитии местной металлургии мы можем судить по тому, что буквально в каждом доме были найдены не только бронзовые орудия, но и капельки бронзы. То, что в доме 8 жил специалист этого дела, литейщик, мне кажется, не вызывает сомнений.

Может быть, этот же процесс отмечается и в гончарном производстве. Характерно, что набор керамических форм сильно унифицируется, разнообразие керамических типов, наблюдавшееся на памятниках тазабагыябской культуры, здесь не прослеживается, а ведь мы подвергли анализу керамику из семи домов.

Наконец, обращает на себя внимание система расселения на поселении, его площадь и т. д.

Если на стоянках тазабагыябской культуры мы находили не более двух-трех жилищ, то теперь их насчитывается уже не менее пятнадцати и площадь поселения равна 250×100 м.

Поскольку в каждом из домов имеется один центральный очаг, мы можем предположить, что его населяла группа людей, объединенных между собой прочными родственными связями, иными словами — здесь жила большая семья.

Однако одна домовая община не могла самостоятельно справиться с многочисленными хозяйственными функциями, такими, например, как поддержание и развитие ирригационной сети, развитие скотоводства. Поэтому надо полагать, что поселение Якке-Парсан 2 является крупным поселением одного рода, в состав которого и входили эти семейные общины. При взгляде на план (см. рис. 1) мы можем заметить, что дома на поселении образуют какие-то группы. Подобное явление отмечено например, для андроновских поселений Зауралья, причем К. В. Сальников полагает, что такую группу жилищ населяла одна большая семья⁸³. Если учесть, что площадь каждого жилища была не менее 100 м^2 , а нередко и гораздо больше, а каждый дом населяло примерно 30—40 человек, тогда следует полагать, что такая группа жилищ была населена членами уже сильно разросшейся домовой общины.

До завершения раскопок на поселении Якке-Парсан 2 и выявления его окончательного плана мы пока воздержимся от более широкого толкования этих фактов на примере нашего поселения.

Во всяком случае даже предварительный анализ результатов раскопок на поселении Якке-Парсан 2 поднимает множество вопросов, связанных с историей общества, находящегося на пороге разложения первобытнообщинного строя и перехода к новой общественной формации — рабовладельческому строю.

На территории древнего Хорезма этот процесс завершается к VII—VI вв. до н. э., что заставляет нас с особым интересом относиться к изучению памятников амирабадской культуры, датируемых IX—VIII вв. до н. э., т. е. временем, непосредственно предшествующим возникновению раннего рабовладельческого государства.

⁸³ К. В. Сальников Андроновские поселения Зауралья, стр. 250—251.

В. Н. Ягодина

ПОСЕЛЕНИЕ АМИРАБАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАВАТ 2

Амирабадская культура стала известной впервые в результате работ Хорезмской экспедиции. Первые памятники амирабадской культуры были найдены летом 1939 г. в западной части земель древнего орошения Бирунийского и Турткульского районов Кара-Калпакской АССР¹. Культура была названа по имени современного канала Амирабад, питающего своими водами территорию, прилегающую с запада к землям древнего орошения. Материал со стоянок, найденных в 1939 и 1940 гг., позволил С. П. Толстову датировать эту культуру первой половиной I тысячелетия до н. э. и дать ее общую предварительную характеристику².

В течение последних нескольких лет Хорезмская экспедиция выявила ряд новых памятников амирабадской культуры в Бирунийском и Турткульском районах Кара-Калпакской АССР, что пополнило наши знания об этой культуре. Была уточнена общая датировка культуры. Более полное освещение получили различные стороны хозяйственной деятельности носителей амирабадской культуры. В частности, совершенно по-новому рассматриваются теперь вопросы, связанные с амирабадской ирригацией. Первоначально предполагалось, что земледелие амирабадцев базировалось только на каирных землях³. В результате недавних работ эти взгляды подверглись значительному пересмотру. Были найдены амирабадские стоянки со следами ирригации. Выяснилось, что амирабадцы строили каналы, выводя их из наиболее крупных и полноводных русел дельты. Ширина этих каналов достигала 10 м, а длина — несколько километров. Поздние амирабадские каналы по своим размерам почти не уступают большим античным каналам⁴.

Одним из амирабадских памятников является стоянка Кават 2⁵, открытая в 1956 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (начальник отряда Б. В. Андрианов). Стоянка расположена в северо-восточной части Бирунийского района Кара-Калпакской АССР, на северо-западной окраине

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 68—70.

² Там же, стр. 32, 68—70.

³ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 90.

⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 98; С. П. Толстов и А. С. Кесъ. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Сб. «Вопросы географии». М.—Л., 1956, стр. 334; С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 6—7.

⁵ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 116.

мертвого средневекового Кават-калинского оазиса, в двух километрах в направлении восток-юго-восток от развалин замка Кават-кала⁶.

В районе расположения стоянки открыта интересная система древних каналов и русел (рис. 1). На расстоянии 150—200 м к юго-востоку от

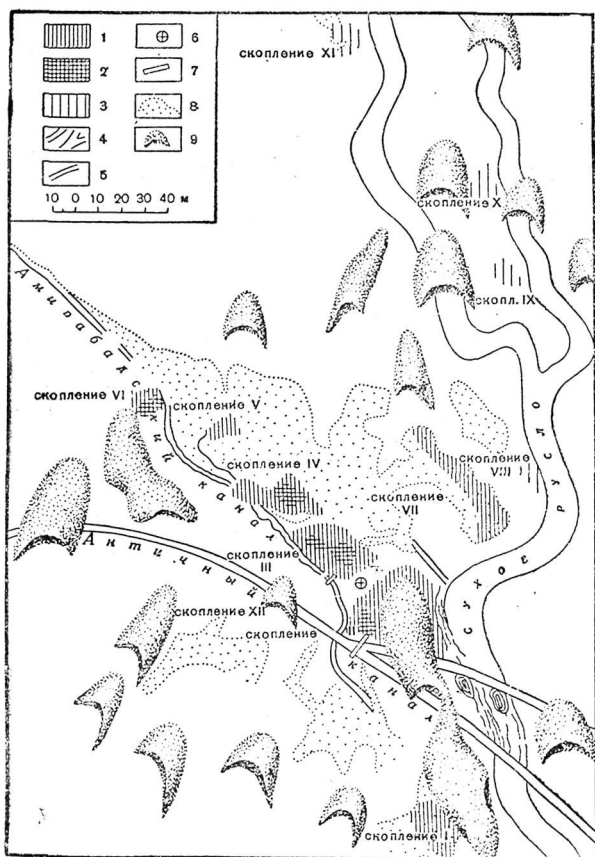

Рис. 1. Схематический план поселения Кават-2.

- 1 — густые скопления керамики; 2 — выходы солевых слоев; 3 — редкие скопления керамики; 4 — амирабадские русла и каналы; 5 — античные каналы; 6 — скопление кусков обожженной глины; 7 — шурфы; 8 — разрушенные такыры; 9 — барханы

стоянки находится широкое сухое русло, представляющее собой пологовогнутую ложбину, заполненную оголенными перевеваемыми барханами. У русла найдены отдельные фрагменты керамики амирабадского типа. От этого русла ответвляется и, круто меандрируя, уходит на север другое русло, сохранившееся в виде узкой такырной полосы, слегка приподнятой над плоской такырной равниной, слабо прогнутой посередине и

⁶ Местоположение стоянки указано на карте, приложенной к статье С. П. Толстова «Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». СЭ, 1957, № 4.

ограниченной с обеих сторон уступчиками высотой 10—15 см. Русло это тянется от стоянки на север на протяжении 100—120 м. Здесь оно делится на два параллельных русла. Правое из них в 160—170 м севернее разветвляется еще раз. Затем следы русел теряются в зоне разрушенных такыров. в 150—200 м от истока описываемого русла имеется еще одно ответвление без крутых извилины, отличающих обычно естественное русло от искусственно созданного канала. Характером очертаний оно скорее напоминает естественный проток, выравненный и углубленный рукой человека, а в своей хвостовой части, вероятно, целиком выкопанное человеком. Трашшей, проложенная поперек этого русла-канала, выявила русловую линзу, сложенную перемежающимися слоями песка, глил и суглинков. Суглинистые края этой линзы загнуты вверх и выходят на поверхность, где образуют невысокие уступчики, ограничивающие искусственно выравненное русло с той и с другой стороны. В слоях, слагающих линзу, на глубине 38 см от современной дневной поверхности был найден небольшой фрагмент керамики того же типа, что и на стоянке. Эта находка позволяет установить время функционирования искусственно выравненного русла и всей системы русел, связанных с ним, определив его той же датой, что и стоянку Кават 2.

Искусственно выравненное русло и русло, от которого оно ответвляется, пересекаются более поздним хорошо прослеживаемым античным каналом, уходящим к югу и образующим там вокруг античного городища Ак-Тепе мелкую, сильно разветвленную пригационную сеть.

Как показали археолого-геоморфологические исследования, проведенные Хорезмской экспедицией в Южной дельте Акча-Дарья (к системе которой относятся и описанные здесь русла), такырные русла, сложенные перемежающимися слоями песка, глил и суглинков, в древности представляли собой тихие протоки с медленно текущими водами, пзоблювавшие рыбой, с берегами, покрытыми тугайной растительностью⁷. Всё это создавало весьма благоприятные условия для обитания здесь первобытного человека.

Стоянка вытянута полосой вдоль искусственно выравненного русла на протяжении 250—260 м. Такыр на территории стоянки сильно разрушен. Несомненно, что обострение процессов дефляции на территории стоянки обусловлено хозяйственной деятельностью обитавших здесь людей. Дно котловины, вдоль которой цепочкой располагаются скопления культурных остатков, выполнено серым мелкозернистым песком. Судя по интенсивности развевания такыра, количеству и густоте скоплений, основная часть поселения находилась именно здесь. Отдельные значительно более редкие скопления культурных остатков (в основном керамики) располагаются вниз по течению русла.

Всего на территории стоянки и на руслах зафиксировано 12 скоплений. Значительная часть их представляет собой более или менее густые россыпи фрагментов керамики, костей, иногда фрагментов бронзовых орудий. В скоплениях II, IV, V и VI культурные остатки частью залегают на поверхности чистой, голубовато-серой золы, присыпанной желтым барханным песком. Часть площади (4×5 м) одного из подобных зольных пятен в скоплении II была расчищена. В аморфном зольном слое мощностью 5—10 см найдено несколько невыразительных фрагментов и обломки обожженных костей. Под золой находилась чешуйчатая суглинистая поверхность. В центре расчищенной площади был обнаружен бугорок диаметром 30—40 см, состоящий из уплотненной золы. Возможно, что каждое скопление с выходами зольных слоев представляет собой остатки

⁷ Низовья Аму-Дарья, Сарыкамыш, Узбой. «Материалы ХЭ», вып. 3. М., 1960, стр. 43—45.

отдельного жилища. В скоплениях I, II и VII зольный слой отсутствует, однако по своему характеру они близки вышеописанным. Отсутствие в них зольного слоя объясняется тем, что разрушение такры, заключавшего в себе культурный слой, произошло здесь на большую глубину, чем в скоплениях, сохранивших остатки культурного слоя. В скоплениях I—VII, помимо фрагментов керамики, найдены многочисленные фрагменты костей (часто обгорелых), обломков очажных камней, лоцил из гальки, фрагментов бронзы. В скоплении II найдено довольно много «капелек» бронзы, свидетельствующих о запятых обитателей поселения металлургией. Между скоплениями II и III находится скопление бесформенных кусков обожженной (иногда оплакованной) глины. Иной характер имеют скопления VIII—IX. Количество находок в них крайне незначительно, они представлены только обломками керамики. Скопления залегают на поверхности разрушающегося такры.

Анализ топографии стоянки Кават 2 позволяет, таким образом, предполагать, что рассматриваемая стоянка представляет собой целое поселение, вытянутое вдоль неширокого искусственно углубленного и выровненного русла, состоящее из 5—7 отдельных жилищ. Подобную же планировку имеет другой крупный памятник амрабадской культуры Хорезма — поселение Якке-Парсан 2⁸.

На территории поселения было собрано около 3000 фрагментов керамики, принадежающих не менее, чем 120 сосудам. По своим техническим свойствам эту керамику можно отнести в основном к одному типу. В тесто, как правило, примешан отощитель, в качестве которого использован крупномолотый или мелкомолотый, возможно иногда сеяный, шамот. В единичных случаях отмечена примесь к тесту дресвы или толчёных раковин. Масса в изломе имеет чёрный или серый цвета различных оттенков. На черепках с чёрным изломом цвет теста у поверхностей становится тёмно-красным или тёмно-коричневым, что объясняется неравномерностью обжига. Иногда красный слой имеется только на внешней поверхности и очень редко на внутренней. У фрагментов, имеющих в изломе тесто серого цвета, такие слои или вовсе отсутствуют, или очень тонки и напоминают скорее облицовку. Находятся они, как правило, на внешней поверхности сосуда. Тесто обычно перемешано довольно небрежно. Более тщательно промешено тесто серого цвета. На внешней и внутренней поверхностях сосудов почти всегда можно проследить штрихи, вытянутые в горизонтальном направлении и особенно ясно выраженные на венчиках и плечиках сосудов. На поверхностях сосудов довольно часто можно отметить пятна углисто-серого или интенсивно-красного цвета. По внешнему виду значительно отличается от остальной керамики фрагмент плоского с валикообразным бортиком изделия, вероятно жаровни, имеющего в изломе тесто красного цвета, очень плохо промешанное. В тесте много крупномолотого шамота. Поверхность изделия покрыта слоем тонкоотмученной глины (по типу ангоба) приобретшей после обжига желтовато-белый цвет.

Подводя итог краткому обзору технических свойств описываемой керамики, можно прийти к заключению о том, что обжиг сосудов проходил при двух различных температурных режимах. Сосуды с чёрным, недожжённым слоем в середине и с тонкими красными прослойками у поверхностей несомненно обжигались в окислительной среде при относительно невысокой температуре, т. е. в условиях, которые возможно создать на обычном костре. Сосуды с серым тестом и довольно ровным обжигом, вероятно, обжигались при более высоких температурах в восстановительной среде: вполне вероятно, что обжиг производился в специаль-

⁸ Пизовья Аму-Дарья, Сарыкамлы, Узбой, стр. 134, рис. 72; см. также статью М. А. Итиной «Поселение Якке-Парсан 2» в настоящем сборнике.

ных печах. Тонкие горизонтальные штрихи на внешней поверхности, оставшиеся в результате влажной оправки сосуда мокрой рукой, более грубые штрихи и борозды на внутренней поверхности, вероятно, обязанные своим происхождением оправке кучком травы, разлобная форма березка венчика, следы подсыпки на доньщиках и ряд других признаков позволяют предполагать, что сосуды формовались налепом, с оправкой на поворстной подставке⁹.

На основании частичных реконструкций удалось предположительно определить целый ряд форм и выделить несколько групп сосудов. Сосуды

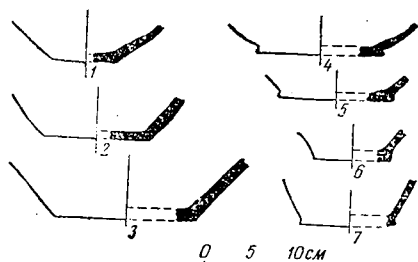

Рис. 2. Днища сосудов

в большинстве своем плоскодонны. Доньщики двух видов — с уступом и без него (рис. 2). Стенки примыкают к доньщикам под тупыми углами разной величины. На нижней поверхности доньшек — следы подсыпки.

В первую группу (рис. 3) входят сосуды, имеющие слегка изогнутое горло, плавно переходящее в покатые плечики, отделенные от тулова более или менее резко выраженным уступом. Слегка выпуклые стенки сосуда, сужаясь, переходят к плоскому дну с грубо выделенным небольшо-

шим уступом. Сосуды или вообще не имеют профилированного венчика, закарчиваясь в этом случае утолщенным березком, или имеют венчик «воротничкового» типа, треугольный в сечении. Высота горла составляет обычно около четверти высоты сосуда. Соотношение диаметра горловины, высоты и диаметра дна приближается к 2 : 2 : 1 с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. Диаметр горловины сосудов колеблется в пределах от 18 до 28 см, толщина стенок от 0,5 до 0,9 см. В описываемую группу входит и миниатюрный сосудик с диаметром горла 6,5 см, грубо выделенный из целого куска глины (рис. 4, 5)

Керамическая масса в изломе обычно черного цвета, у поверхности переходящего в красный или коричневый различных оттенков. Проминка теста плохая, в массе его встречаются примеси шамота, а в одном случае — толченных раковин.

Поверхности сосудов обычно темно-серые, иногда красные или красно-коричневые. На внешней поверхности всех сосудов находятся ярко-красные или углисто-серые пятна, свидетельствующие о костровом обжиге.

Вспниная поверхность большинства сосудов описываемой группы скупо украшена орнаментом. Расположение орнамента зональное. Обычно он образует поясок, расположенный на горле или плечиках сосуда. Орнаментальных мотивов немного: наиболее часто употребляется мотив «горизонтальной елочка», реже орнамент составляют вертикальные зигзаги и косая решетка. Орнамент обычно наносился прочерчиванием, в одном случае отмечены короткие канлевидные насечки. Нанесен орнамент очень небрежно. На поверхности одного из сосудов (рис. 3, 1) можно заметить слабое лощение по красно-коричневому фону.

Следы копоти, отмечаемые почти на всех сосудах, свидетельствуют об интенсивном бытовом использовании.

Рассматривая описанную выше группу сосудов в целом, нельзя не отметить некоторой архаичности форм, имеющих близкие аналоги в кера-

⁹ А. И. Августинник. К вопросу о методике исследования древней керамики. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 151.

мике более ранней тазабагъябской культуры Хорезма¹⁰. Одной из особенностей тазабагъябской керамики является также использование в качестве отощителя толченых раковин. Как уже указывалось, подобные примеси отмечены в одном из сосудов первой группы. Однако по орнаменту и по технике его нанесения сосуды этой группы значительно отличаются от тазабагъябской керамики: они имеют почти полные аналогии в керамике другой культуры бронзового века Хорезма — суярганской, особенно в ее позднем каундинском варианте.

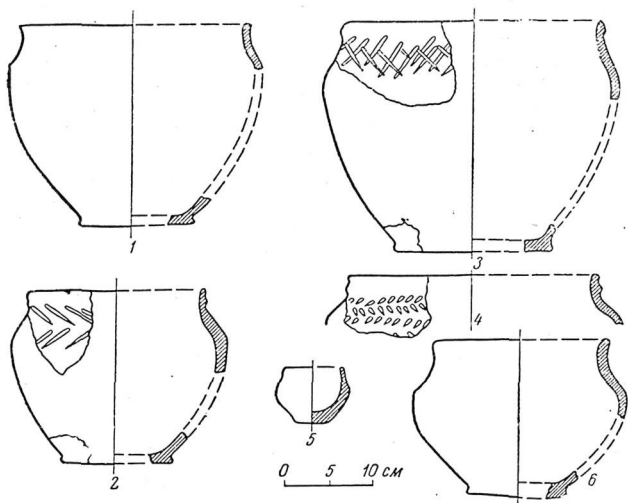

Рис. 3. Сосуды I группы

Новыми признаками, отличающими керамику описанной группы от тазабагъябской и суярганской, является наличие подтреугольного в сечении венчика «воротничкового» типа и использование в качестве примесей в основном шамота.

Таким образом, описанную группу керамики, вероятно, следует рассматривать как дальнейшее развитие определенных форм тазабагъябской керамики, представляющих, однако, уже не в чистом виде, а осложненных рядом новых черт (в основном орнамент), присущих суярганской культуре. В целом же указанная группа образует вполне самостоятельный комплекс, отличный от суярганского и от тазабагъябского керамических комплексов.

Вне территории Хорезма сосуды первой группы находят аналогии в сосудах поздней замараевской стадии андроновской культуры, датируемой К. В. Сальниковым VIII—VII вв. до н. э.¹¹

Вторая группа (рис. 4) весьма немногочисленна. В ней входят сосуды с невысоким прямым горлом плавно, без резких границ переходящим в округлое тулово. Венчик на сосудах отсутствует, бережок обычно утолщен. Судя по имеющимся фрагментам, дно было уплощенным и отделялось

¹⁰ М. А. Итнина. Первобытная керамика Хорезма. «Труды ХЭ», т. IV, 1959, стр. 37, рис. 10; стр. 45, рис. 13.

¹¹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 120.

от стенок простым перегибом без уступа. Диаметр горловины сосудов этого типа — 18—20 см, толщина стенок — 0,5—0,7 см.

Керамическая масса в изломе чёрного цвета, у поверхности — красного. В массу применен шпатель. Внешние поверхности сосудов красные с углисто-серыми пятнами кострового обжига. Внутренние поверхности черные или серые. И на внутренних, и на внешних поверхностях видны следы оправки пучком травы, а на внешних поверхностях сосудов имеются также следы затирки перед обжигом жидкой глиной. Орнамент нанесен прочерчиванием. Орнаментальных мотивов отмечено два: горизонтальная ёлочка и вертикальный зигзаг. Орнамент нанесен более тщательно, чем на сосудах первой группы.

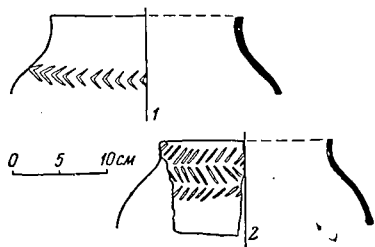

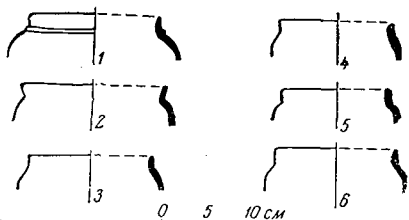
Рис. 4. Сосуды II группы

Сосуды, входящие во вторую группу, по форме находят многочисленные аналогии в так называемых «бомбовидных» сосудах ски-

фо-сарматского типа, появляющихся в ряде мест на поздних этапах развития андроновской и срубной культур, датируемых в основном первыми веками I тысячелетия до н. э.¹²

Сосуды этой формы характерны в Хорезме только для амирабадской культуры (они имеются также в матерналах другой стоянки этой культуры — Базар 3)¹³. Ни в тазабагъябской, ни в суярганской культурах подобные формы не известны.

В третью группу (рис. 5) входят лепные сосуды с коротким прямым, или слегка отогнутым наружу, непрофилированным венчиком, округлыми плечиками, раздутым, полусферическим туловом и уплощенным дном. На нескольких сосудах этой группы горло от тулова отделено рельефным валиком (не наlepным, рис. 5, 1).

Сосуды III группы.

Сосуды описываемой группы невелики по своим размерам. У наиболее крупных из них диаметр горловины доходит до 14—16 см. Однако имеются экземпляры с диаметром горловины 8—10 см. Стенки сосудов толщиной в среднем 0,6—0,7 см.

Керамическая масса в изломе имеет черный или темно-серый цвета, переходящие у поверхности в темно-красный, темно-коричневый или серый. Качество проминки массы несколько лучше, чем у сосудов первой группы. В тесто применен в большом количестве мелкодробленый шпатель. Внешняя поверхность сосудов темно-серая или коричнево-красная различных оттенков. Почти все сосуды этой группы имеют на внешней поверхности лощение. Орнамент отсутствует.

Завершенные венчики свидетельствуют об использовании этих сосудов для приготовления пищи.

¹² К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 119, рис. 8; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, стр. 104.

¹³ М. А. Итjana. Первобытная керамика..., стр. 60, рис. 19, I.

Полную аналогию описанной группы сосудов мы находим в керамике суярганской культуры¹⁴.

В материалах поселения имеется один сосуд баночной формы. У него «воротничковый» венчик; по размерам и технике изготовления он близок к сосудам первой группы и так же, как и они, имеет аналогии к поздне-андоновской керамике. Орнамент на поверхности сосуда отсутствует. Несколькоими экземплярами представлены крупные сосуды-корчаги (рис. 6, 3), диаметр горловины которых достигает 40—42 см. Среди нахо-

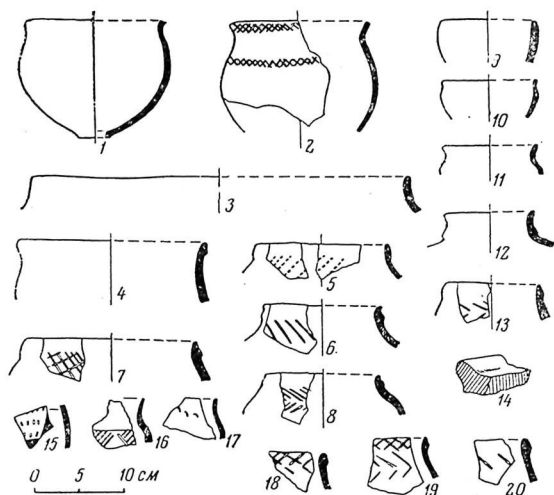

Рис. 6. Сосуды, не вошедшие в группы

док имеется также чаша (рис. 6, 9), грубо вылепленная из плохо промешанного теста. Единственным экземпляром представлен кувшин (рис. 6, 12) с «воротничковым» венчиком и сильно раздутым туловом. На поселении найдены также обломки плоских с валикообразным бортиком жаровен (рис. 6, 14).

Характеризуя керамический материал с поселения Кават 3 в целом, следует отметить, что сосуды отличаются большим разнообразием форм. Часто эти формы весьма индивидуальны, что не позволяет включить их в ту или иную группу. Однако по мере накопления материала, вероятно, появится возможность выделить, помимо охарактеризованных выше, еще несколько групп сосудов.

Около половины сосудов имеют на внешней поверхности орнамент. Как уже отмечалось, у сосудов первой группы расположение орнамента зональное. Он наносился в подавляющем большинстве случаев на плечики сосудов, на горловину, иногда на венчик (орнамент отмечен только на венчиках «воротничкового» типа). Как правило, орнамент на венчике соотнесался с орнаментом на плечиках.

Основные элементы, образующие орнамент, немногочисленны. Это горизонтальная «елочка» (рис. 6, 8—13; рис. 5, 1; рис. 4, 2), косая решетка (рис. 6, 2), зигзаги (рис. 5, 2; рис. 4, 4), косая насечка (рис. 6, 20). Наиболее распространены первые два элемента. Несколько менее

¹⁴ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СА, 1960, № 1, стр. 25, рис. 8, 1—4.

распространен пояс из вертикальных зигзагов. Косыми насечками орнаментировано несколько сосудов. Заштрихованный треугольник (рис. 6, 16), ногтевые вдавления (рис. 6, 17) и треугольник, заполненный горизонтальными рядами насечек (рис. 6, 15), встречаются единично. И, наконец, на ряде сосудов отмечен орнамент, состоящий из двух перечисленных элементов. Сочетаются обычно два пояса косой решетки (рис. 6, 2), косая решетка и горизонтальная «елочка» (рис. 6, 19), косая решетка и косые насечки (рис. 6, 18). Косая решетка в последнем случае обычно расположена на венчике, а нижний ряд орнамента — на шейке или плечиках.

Орнамент в основном нанесен прочерчиванием, реже — каплевидными насечками, гребенчатым штампом и единично — ногтевыми вдавлениями.

Значительный интерес представляет сосуд, закопанный в землю горловиной вниз (скопление IX). В результате разрушения верхних слоёв такыра, заключавшего в себе сосуд, днище оказалось на поверхности и частично разрушилось. Сосуд (рис. 6, 1) горшковидной формы с валикообразным венчиком, выделенной шейкой, округлым туловом и очень маленьким дном (диаметр 4 см). Диаметр устья, высота сосуда и диаметр дна относятся приблизительно как 5:5:1. Фрагменты близкого по пропорциям, форме и размерам сосуда, украшенного орнаментом в виде двух поясков косой решетки (рис. 6, 2), были найдены на берегу русла на поверхности разрушающегося такыра в скоплении X. Сосуд, найденный в таком положении на берегу протока, в стороне от поселения, явление не случайное для территории Хорезма и для ампрабалской культуры. Аналогичные находки известны на стоянке Уй-кала 1, близкой по времени поселению Кават 2 и находящейся в 7—8 км к востоку от него¹⁵, на стоянке раннесуярганской культуры Камышлы 1 в Северной дельте Акча-Дарьи¹⁶.

В подобных же условиях были найдены два сосуда на Узбое в районе возвышенности Кугунек у оврага Карачай. Оба горшка датируются началом I тысячелетия до н. э.¹⁷ Следует упомянуть также о находке двух средневековых сосудов (IX—X вв.), закопанных дном вверх на городище Калалы-гыр 2¹⁸.

Все эти факты свидетельствуют о долговременном бытовании и довольно широком распространении в Хорезме обычая, возможно, ритуального характера, конкретное содержание которого пока не выяснено.

На территории стоянки было найдено несколько изделий из бронзы, целых и в обломках (рис. 7). Кроме того, в скоплениях II и V обнаружены многочисленные «капельки» и мелкие кусочки бронзы. Среди вещей из бронзы имеются два обломка ножей, два шила, один наконечник стрелы. Первый обломок, найденный в скоплении VII, принадлежит однолезвийному, треугольному в сечении ножу. Конец ножа заострен (рис. 7, 1). Второй фрагмент однолезвийного ножа найден в скоплении III. Он имеет в сечении каплевидную форму. Конец ножа скруглен (рис. 7, 2). Небольшое, имеющее в длину 3 см, шило было найдено в скоплении I. Шило имеет круглую в сечении рабочую часть и прямоугольную черешковую (рис. 7, 4). Шило гораздо больших размеров было найдено в скоплении VII. В сечении это шило имеет ромбическую форму в сред-

¹⁵ Полевой дневник А. В. Виноградова, 1955 г. Стоянка Уй-кала 1, запись от 12 сентября 1955 г. Архив ХЭ.

¹⁶ Полевой дневник М. А. Итиной, 1954 г. Акча-Дарьинский маршрут, запись от 29 августа 1954 г. Архив ХЭ.

¹⁷ М. А. Итина. Отчет о работе Узбойского отряда. Рукопись, стр. 20—21. Архив ХЭ.

¹⁸ Полевой дневник Г. П. Снесарева, 1953 г. Городище Калалы-гыр 2, запись 22 августа 1953 г. Архив ХЭ.

ней части, круглую на рабочем конце. Рабочая и черешковая половины разделены утолщением в средней части шила. Черешковая часть обломана (рис. 7, 3). Бронзовый наконечник стрелы длиной 3,9 см был найден в скоплении I. Наконечник двупёрый, втульчатый, втулка слабо выступающая (рис. 7, 5).

Обратимся к рассмотрению аналогий нашему материалу. Подобрать аналогии к ножам не представляется возможным, поскольку их форма неизвестна. Наконечник стрелы имеет много аналогий в территориально близких и удаленных археологических комплексах. На юге Средней Азии типологически близкие наконечники известны в материалах цитадели Яз-тепе, где они впервые появляются в слоях Яз 1, датированных

В. М. Массоном 900—650 гг. до н. э.¹⁹ В Казахстане подобные наконечники известны в целом ряде позднеандроновских памятников, общая дата которых не выходит за пределы X—VIII вв. до н. э.²⁰

На Северном Кавказе наконечники этого типа впервые появляются в памятниках поволжско-кавказской группы, датированных А. А. Иессеном VIII—началом VII в. до н. э.²¹ Бронзовое шило с утолщением, разделяющим черешковую и рабочую части, типологически близко к шильям с расширенной средней частью, известным в андроновской культуре²², и к шильям из слоев Яз 1 цитадели Яз-тепе²³, хотя следует

оговориться, что андроновские шилья в сечении квадратные, а язтепинские — уплощенные, но по ромбические, как наше шило.

Очерченный круг аналогий позволяет хронологически сопоставлять материал нашего поселения с комплексами, датированными в основном IX—началом VII в. до н. э.; следовательно, эту же дату мы можем принять и для поселения Кават 2 в целом. Этой датировке не противоречит и то обстоятельство, что первые наконечники стрел имеются и в более поздних комплексах,²⁴ так как аналогии нашей керамике не позволяют принять для нее дату более позднюю, чем начало VII в. до н. э.

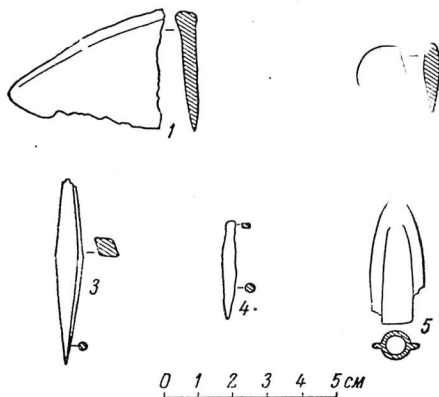

Рис. 7. Изделия из бронзы.

1—2 — обломки ножей; 3 — шило; 4 — обломок иглы;
5 — наконечник стрелы

¹⁹ В. М. Массон. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал. СА, 1958, № 2, стр. 57—58, рис. 5, 19; его же. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 15—16, рис. 24.

²⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, М., 1948, стр. 108, рис. 33, 1, 2; С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. 64, стр. 51—52, рис. 19, 2; его же. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 44, 47, рис. 23, 7.

²¹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 121, 127.

²² С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951, стр. 155, рис. 2, 4.

²³ В. М. Массон. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал. стр. 56, рис. 5, 16.

²⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 88, рис. 24; В. М. Массон. Указ. соч., стр. 57.

Рассмотренный материал еще раз подтверждает вывод С. П. Толстова о том, что амирабадская культура складывается на основе синтеза тазабагъябской и суярганской культур;²⁵ это можно видеть на примере выделенных нами групп сосудов, одна из которых (группа I) генетически связана с тазабагъябской культурой, другая (группа III) — с суярганской.

В целом материал поселения Кават 2, вероятно, характеризует одну из наиболее поздних фаз развития хорезмской бронзы.

²⁵ С. П. Толстов Основные итоги и очередные задачи изучения археологии и истории Кара-Калмакии и каракалпаков. «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 9—10, стр. 11; его же. Древний Хорезм, стр. 349.

Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло

РАСКОПКИ ДВЕРЦОВОГО ЗДАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ КАЛАЛЫ-ГЫР 1 В 1958 г.

Городище Калалы-гыр 1 расположено в пределах Ташаузской области Туркменской ССР на сухом русле Даудан — одном из древних протоков Аму-Дарьи, пересекающем северо-восточные Кара-Кумы. Стены крепости идут по краю каменной возвышенности, образуя прямоугольник, площадь которого несколько превышает 630 тыс. кв. м. Это крупнейшее по своим размерам городище Хорезма (рис. 1).

Первое археологическое описание памятника дано С. П. Толстовым на основании материалов, полученных в 1939 г.¹ В 1946 г. С. А. Вязигин произвел шурфовку на участке западной стены, где инженерами-приггаторами была перед этим найдена группа оссуариев². В 1950 г. городище было вновь исследовано Хорезмской экспедицией во время Узбойского маршрута, при этом были проведены рекогносцировочные раскопки³.

Стационарные раскопки на памятнике велись в 1953⁴ и 1958 гг. (начальник отряда Ю. А. Рапопорт). Весь материал, полученный при раскопках, может быть отнесен к трем периодам, различным как хронологически, так и по своему характеру.

Первый — период строительства. Возводятся стены крепости и дворцовое здание в 200 м от северо-западного угла городища у его западной стены — единственная постройка на огромном пространстве крепости (см. рис. 5 на стр. 12). Строительство внезапно прекращается в тот момент, когда был сооружен имеющий пятнадцатиметровую толщину паховый цоколь крепостных стен и велись отделочные работы в здании. Время строительства — рубеж V и IV вв. до н. э. — устанавливается по

¹ С. П. Толстов. Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 178, его же. Городища с жилыми стенами. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

² С. А. Вязигин. Оссуарии с городища Калалы-гыр 1 Ташаузской области Туркменской ССР. ВДИ, 1948, № 3, стр. 150—155.

³ С. П. Толстов. Археологические разведки на трассе Главного Туркменского канала. «Вестник АН СССР». 1952, № 4, стр. 47—49; его же. Хорезмская экспедиция 1950 г., СА, XVIII, 1953, стр. 315—319.

⁴ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 197—200; его же. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 годов. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 176, 179; его же. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СЭ, 1957, № 4, стр. 46; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, М., 1958, стр. 95, 153—167.

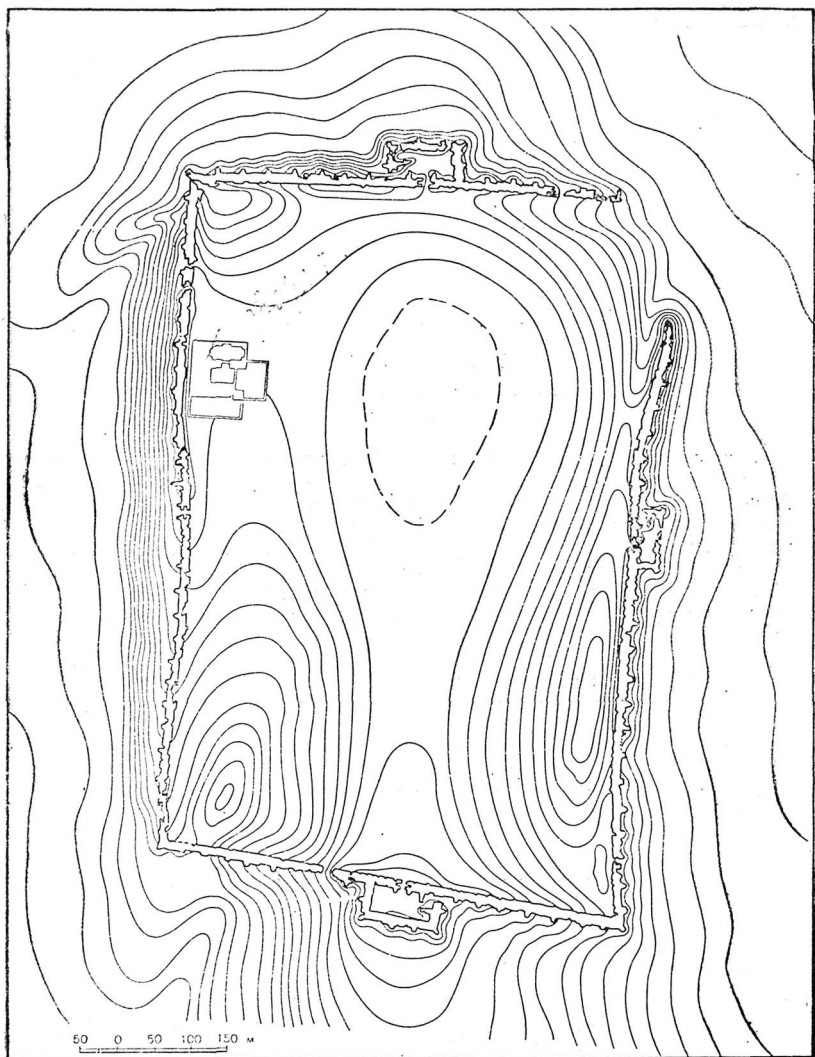

Рис. 1. Городище Калалы-гыр. План

керамическому материалу, найденному в субструкциях стен⁵, и по степени разрушения здания к моменту его заселения. Не противоречат этой

⁵ Особенно близка ему керамика, найденная при раскопках дома в урочище Дингильдже, хорошо датируемая (в частности, сопутствующими наконечниками стрел) первой половиной V в. до н. э. Однако архаическая керамика с Калалы-гыра имеет уже некоторые черты, сближающие ее с раннекангуйской (IV—II вв. до н. э.). См. М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ». т. IV, М., 1959, стр. 77—78, рис. 6.

датировке и архитектурные особенности здания, на которых мы остановимся ниже.

Второй — период частичного заселения пустовавшего до этого здания⁶. Керамика, найденная в культурном слое, дает полную аналогию с материалом, обнаруженным в нижних слоях Кой-Крылгаи-кала (IV—II вв. до н. э.). Результаты радиоуглеродного анализа (380 г. до н. э. ± 120)⁷, видимо, свидетельствуют о том, что этот Калалы-гырский комплекс относится к самому началу кангойского периода. Жизнь в здании прекратилась после какой-то катастрофы, связанной с большим пожаром.

Третий — период использования стен городища и здания для оссуарных захоронений. Основная масса керамики, найденная вместе с оссуариями, относится ко II — началу IV вв. н. э. Очень близок ей керамический комплекс верхнего слоя близлежащего городища Куля-Уаз, датруемый, в частности, монетами Шапура I⁸. Радиоуглеродный анализ угля, найденного с этой керамикой у башни № 15 на Калалы-гыре, дал близкую датировку (180 г. н. э. ± 180)⁹.

Таким образом, получен материал, характеризующий строительную технику и архитектуру рубежа V и IV вв. до н. э. (I период), комплекс бытового инвентаря IV—III вв. до н. э. (II период), многочисленные вапранты оссуарных захоронений и ценную крауиологическую серию¹⁰ II—IV вв. н. э. (III период).

Раскопки 1958 г. дали материалы, относящиеся главным образом к первому периоду и имеющие прежде всего историко-архитектурный интерес. Поэтому мы не будем описывать керамику II периода, которой найдено мало, и лишь кратко охарактеризуем комплекс оссуарного некрополя.

Отряд работал с 15 июля по 16 августа. В его составе были археологи С. А. Трудювская, В. А. Лоховиц и Ю. А. Рапопорт, архитектор Д. С. Витухин, шофер Б. В. Прокофьев и 12 рабочих-землекопов. Для удаления отвалов использовалось два транспортера (механик М. У. Юшисов). Раскопки велись в дворцовом здании, краткое описание которого следует предпослать изложению полученных результатов.

Стены постройки положены без фундамента местами на материковую скалу, местами на песок, возможно, разравненных барханов. Основания стен сделаны из пахсовых блоков, имеющих высоту от 1,1 до 1,3 м. Выше идет кладка из сырцового кирпича, размеры которого 40 × 40 × 10 см. Толщина стен около двух метров. Высота отдельных оснований стен превышает сейчас семь метров. Поверхность стен (в помещенных не освапвавшихся во II периоде) покрыта гладким слоем глиняной обмазки; у входа в здание на ней сохранились следы алебастровой штукатурки. Выше сырцовой кладки в некоторых помещениях, очевидно, шел слой алебастровых кирпичей на известковом растворе. Размер таких кирпичей 40 × 40 × 7 см. Встречаются плитки, площадь которых равна

⁶ Недостроенное здание пустовало сравнительно недолго. Культурный слой второго периода лежит на небольшом слое стерильного завала и наносов. Наибольшей толщины завалы достигают у дверных проемов, постепенно сходя на нет. Это свидетельствует о том, что рухнули лишь перекрытия проходов, а серьезное разрушение стен не начиналось.

⁷ Анализ Института геохимии и аналитической химии АН СССР им. В. И. Вернадского (МО — 99).

⁸ Е. Е. Неразник. Археологическое обследование городища Куля-Уаз в 1952 г. «Труды ХЭ», т. II, стр. 388.

⁹ А. П. Виноградов, А. Л. Девириц, Э. И. Добкина, Н. Г. Маркова, Л. Г. Мавриценко. Определение абсолютного возраста по С¹⁴. Геохимия, 1959, № 8, стр. 667 (М — 100).

¹⁰ Т. А. Трофимова. Крауиологические материалы из античных крепостей Калалы-гыр 1 и 2. «Труды ХЭ», т. II, стр. 543—630; ее же. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. «Материалы ХЭ», вып. 2, М., 1959, стр. 30—79.

половине и четверти этого стандарта. Вместе с тем были встречены алебастровые кирпичи длиной 30 см и высотой 20 см. На их торцах имеются полуцилиндрические выемки, которые, если составить два кирпича, образуют круглое отверстие, предназначенное, очевидно, для балок перекрытия. Слой алебастровых кирпичей должен был защищать сырцовые стены от размывания. Витрувий для этой цели рекомендует кладку и карниз из обожженных кирпичей¹¹.

Применялись только плоские перекрытия, балки которых в узких помещениях клались от стены к стене, а в более широких поддерживались деревянными колоннами с каменными базами (см. ниже). Кровля состояла из камышовых фашин, перевязанных веревками и покрытых глиняной обмазкой. Остатки кровли, найденные в слое пожара, относятся ко II периоду, вероятно, такой же она была и в I периоде. В слое пожара, обычно поверх остатков сгоревшей кровли, встречено много опаленных алебастровых кирпичей. Можно полагать, что такими кирпичами была выстлана крыша; общая площадь поверхности кирпичей, найденных в раскопанном помещении, не превышает 1/6 площади последнего. Однако пожарища всегда перерыты, и кирпичи могли быть частично унесены; большее недоумение вызывает отсутствие следов известкового раствора на кирпичках.

При раскопках дворца были обнаружены подпятники для полотнищ дверей, каждый из которых состоял из полусферического нижнего камня с коническим углублением и такой же верхней полусферы с конусовидным выступом. Сходные предметы были недавно найдены на Афрасиабе в слое, давшем древнейший для этого памятника керамический комплекс¹². Двери, очевидно, были одностворчатыми. В том случае, когда дверной проем располагался в углу, в боковой стене нередко была предусмотрена неглубокая ниша, в которой помещалось полотнище открытой двери для того, чтобы оно не препятствовало движению. Следует отметить, что в зависимости от расположения и характера помещения дверные проемы имели различные размеры и оформление; при раскопках отмечено до шести различных их вариантов.

Перейдем к рассмотрению планировки дворца (рис. 2). Следует сказать, что хотя раскопано не более одной шестой площади (1750 м² из 10460 м²), план сооружения читается почти полностью, так как контур стен довольно четок даже у сильно разрушенных и засыпанных помещений. Основной массив дворца в плане близок к квадрату. Длина северной стены 75 м, западной — около 80 м. Следует обратить внимание на эти размеры. Они близки как к размерам цитадели в Пасабагах¹³, так и к ряду величин, полученных при промерах сооружений Персепольского комплекса¹⁴.

С востока и юга к центральному массиву примыкают два двора. Из южного, который окружала видимо менее массивная стена, сейчас почти смытая, вел вход в здание. Последнее имеет около тридцати комнат, располагавшихся вокруг двух больших внутренних дворов — помещения № 19 и № 16. Второе из них заслуживает особого внимания.

Это огромное помещение, длина которого достигает 40 м и ширина 19 м. В середине каждой стены располагается большая ниша шириной

¹¹ Витрувий. Десять книг об архитектуре, VIII, 18. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1936, стр. 54.

¹² В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН Узбекской ССР. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 42—43.

¹³ Всеобщая история архитектуры. Под общей ред. Д. Е. Аркина, Н. И. Брунова. М. Я. Гинзбурга и др. т. 1. М., 1944, стр. 142.

¹⁴ Там же, стр. 147. Нужно однако сказать, что не все размеры сооружений этого комплекса, которые автор очерка об архитектуре Ирана считает одинаковыми, в действительности точно совпадают.

в 10,5 м и глубиной около 4,2 м. В боковых стенках северной ниши имеются проходы, один из которых ведет в коридор, соединяющийся с северо-западным комплексом помещений. Можно полагать, что все ниши были перекрыты, причем кровля должна была поддерживаться колоннами. Следует отметить, что для осуществления задуманной планировки двора строители не остановились перед тем, чтобы ухудшить план со-

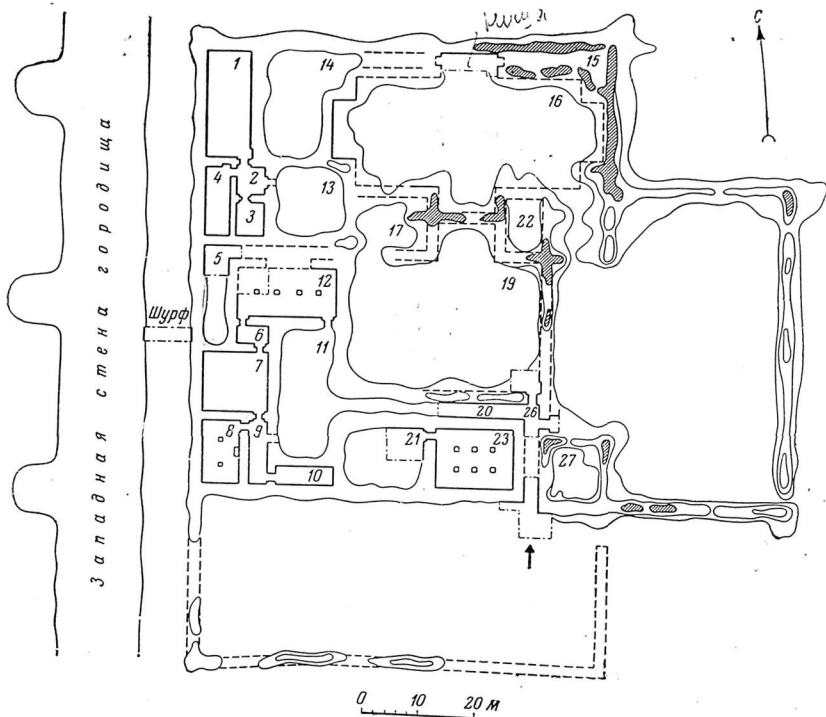

Рис. 2. Дворцовое здание. План

седней комнаты (№ 14) и отделить неудобное тупиковое помещение (№ 15).

Очень близкую планировку, при несколько меньших размерах, имеет так называемый «Двор приемов» в сокровищнице Персеполя¹⁵, воздвигнутой между 491—490 и 486—485 гг. до н. э.¹⁶ Э. Шмидт, исследовавший комплекс сокровищницы, подчеркивает важное значение этого помещения¹⁷, считая его центром административной жизни¹⁸. Великолепные рельефы, обнаруженные на стенах четырехколонных айванов, или, как их называет автор, портиков, подтверждают это мнение. Сходный

¹⁵ E. F. Schmidt. The treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of the Achaemenians. Chicago, 1939, рис. 11 (помещения № 17, 18—21).

¹⁶ Там же, стр. 33.

¹⁷ Там же, стр. 20.

¹⁸ E. F. Schmidt. Persepolis. Chicago, 1953, vol. I, стр. 172.

план имело также (по нижнему горизонту) помещение № 29¹⁹ того же комплекса и один из дворов «гарема Ксеркса»²⁰.

Южнее и западнее больших внутренних дворов располагаются шесть залов и дворов меньшей величины. В трех из них в 1958 г. были проведены раскопки.

К западу от центрального двора лежит зал № 12. Через помещение № 11 он соединяется со входным коридором, через помещение № 6 — с юго-западным комплексом. Можно полагать, что будет обнаружен вход, ведущий в северо-западную группу комнат. Помещение вытянуто с запада на восток, длина его 17,3 м, ширина 8,4 м. Северная стена не сплошная; в центре ее расположен широкий девятиметровый проем, открывающийся в узкое проходное помещение (эта часть зала осталась нераскопанной).

Глиняная обмазка пола положена поверх однослойной вымостки из сырцовых кирпичей, лежащих в речном песке: По длинной оси зала располагалось четыре колонны. Крайние находились на расстоянии 3,3 м от стен, средние колонны отстояли от крайних также на 3,3 м. Таким образом, пролет между центральными колоннами был больше — 4,1 м, что, очевидно, должно было подчерк-

нуть композиционное значение проема в северной стене. Хорошо сохранилась восточная база (найлены обломки остальных баз и гнезда для них). Она изготовлена из монолитной глыбы красноватого полимиктового песчаника, поверхность ее хорошо обработана. Она квадратная в плане, со стороны, равной 70 см и высотой — 40 см. База трехступенчатая, сторона верхней, также квадратной ступени — 40 см.

Можно с достаточной уверенностью считать, что поверх этого ступенчатого плита устанавливалась верхняя часть базы (рис. 3), подобная тору²¹, найденному в расположенном рядом помещении № 2 (он здесь брошен, видимо, в III периоде, после попытки выкатить его на поверхность). Эта деталь изготовлена из того же материала, что и найденная на месте часть базы, имеет высоту 41 см, максимальный диаметр ее — 65 см, диаметр верхней плоскости — 54 см и нижней — 35 см. Соответствие последнего размера с шириной верхней площадки плита позволяет полагать, что найденный тор первоначально находился именно в помещении № 12. Очень близкие по форме, хотя и не столь крупные, составные базы были найдены при раскопках городища Гяур-кала²². Кроме того, следует отметить, что в Персеполе квадратные ступенчатые плиты употреблялись только в сочетании с тором (тогда как последние применялись и самостоятельно)²³.

Подобный принцип построения базы, по мнению Э. Херцфельда, возник еще в доахеменидское время и был канонизирован в Пасаргадах и

¹⁹ Там же, рис. 66.

²⁰ Там же, рис. 105.

²¹ Мы принимаем этот утвердившийся в литературе термин для определения формы верхней части нашей базы, хотя в математике под тором понимается тело иных очертаний. Точнее в данном случае, возможно, было бы говорить о «горшководной» части базы, тем более, что не исключена связь между формой Калалыгьрской базы и древнейшим представлением о священном «сосуде жизненной влаги». Ср. L. I. Ringbom. Zur Ikonographie der Göttin Ardi Sura Anahita. Abo, 1957. стр. 7.

²² Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Городище Гяур-кала. «Труды ХЭ», т. II, стр. 359—360, рис. 6—7.

²³ E. F. Schmidt. Указ. соч., стр. 161.

Персеполе²⁴. В последнем комплексе это наиболее ранний вариант базы, который Э. Шмидт считает характерным для строительства Дария I²⁵. Нужно сказать, однако, что тор калалы-гырской базы выше, напоминая в этом отношении шаровидные ассирийские базы²⁶, а ее плинт, в отличие от персепольского, имеет три, а не две ступени²⁷. Очень близки к калалы-гырским трехступенчатые базы из так называемого «Фратадара-храма», раскапывавшегося Херцфельдом близ Персеполя в 1932 г.²⁸ Этот комплекс был датирован началом III в. до н. э., однако Э. Шмидт отмечает здесь огромное количество находок идентичных персепольским, использование ахеменидских баз²⁹ и даже каменных глыб дверных проемов³⁰. В том же помещении храма, где обнаружены упомянутые базы, был найден каменный трехступенчатый цоколь, на котором, как полагают, устанавливался алтарь священного огня. По этой причине комната рассматривается как целла храма³¹. Следует сказать, что в помещении № 8 Калалы-гырского дворца у восточной стены была обнаружена сходная по форме и размерам кирпичная выкладка, имевшая, видимо, аналогичное назначение³². Можно полагать, что здесь находилось святилище, возможно, связанное с домашним культом хозев дворца.

Находки каменных баз колонн на территории Средней Азии довольно многочисленны³³, однако они относятся к более позднему времени и не дают прямых аналогий рассматриваемому предмету. В то же время, пожалуй, именно базы с Калалы-гыра и Гиур-калы наиболее наглядно подтверждают предположение о древних истоках формы средневековых и современных среднеазиатских колонн с шаровидным элементом «кузаги»³⁴.

Не найдено никаких остатков стволов колонн. Несомненно, они были деревянными, однако судить о высоте и отделке их мы можем лишь по аналогиям. В ахеменидской архитектуре отношение диаметра колонны к ее высоте было 1:10—12³⁵. При этом отмечено, что разница в размерах колонн не влияет на их отделку и пропорции³⁶. Таким образом, высота колонн, а следовательно, и стен в помещении № 12 должна была достигать шести метров (рис. 4). Поскольку останцы стен вокруг Северного двора сохранились на большую высоту, следует думать, что кровлю

²⁴ E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. London — New York, 1947, стр. 284—285.

²⁵ E. F. Schmidt. *The treasury of Persepolis...*, стр. 19.

²⁶ Напомним, что и стандарт кирпича на Калалы-гыре, господствующий в античном Хорезме, ближе к ассирийскому, чем к ахеменидскому.

²⁷ Однако в Пасаргадах двухступенчатый плинт образовывали три разноцветных плиты. Всеобщая история архитектуры, т. I, стр. 143.

²⁸ E. Herzfeld. *Archaeological History of Iran*. London, 1935, стр. 44—46; егo же. *Iran in the Ancient East*, стр. 275, табл. LXXXV—LXXXVI.

²⁹ E. Schmidt. *Persepolis*, v. I, p. 56.

³⁰ Егo же. *Persepolis*, v. II, Chicago, 1957, стр. 122.

³¹ E. Herzfeld. Указ. соч., табл. LXXXV; A. Godard. *Les monuments du feu «Athalgar-Iran»*, III, вып. 1, Paris, 1938, стр. 58—60.

³² Можно думать, что над этой вымосткой в стене располагалась неглубокая керамическая ниша-экран (разрушена позднейшим захоронением), подобная найденной на Гиур-кале; см: Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудиновская. Указ. соч., стр. 359—362. Следы декоративных ниш в той же комнате сохранились несколько лучше. Здесь же встречены следы настенной росписи.

³³ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. I. Ашхабад, 1949, стр. 243—244; егo же. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды ЮТАКЭ», т. VI. М., 1958, стр. 62—63.

³⁴ Г. А. Пугаченкова. О каменных колоннах из Таласской долины. «Труды ИИЛПИ Киргизского ФАН СССР», вып. 2. Фрунзе, 1948, стр. 152.

³⁵ Всеобщая история архитектуры, т. I, стр. 146.

³⁶ S. Casson. *Achaemenid architecture. Aesthetic character. Survey of Persian Art*, v. I. London — New York, 1938, стр. 334.

айванов здесь поддерживали колонны, базы которых были соответственно больше. Кажется весьма вероятным, что как и в Сокровищнице Персеполя, деревянные стволы колонн были обмотаны тростником, покрыты толстой обмазкой и расписаны³⁷.

Нам трудно судить о форме капителей. Скорее всего они были деревянными и имели «праноническую» форму, характерную для народного зодчества Средней Азии и Ирана с глубокой древности до наших дней³⁸. Однако имеются данные, на основе которых можно предположить, что

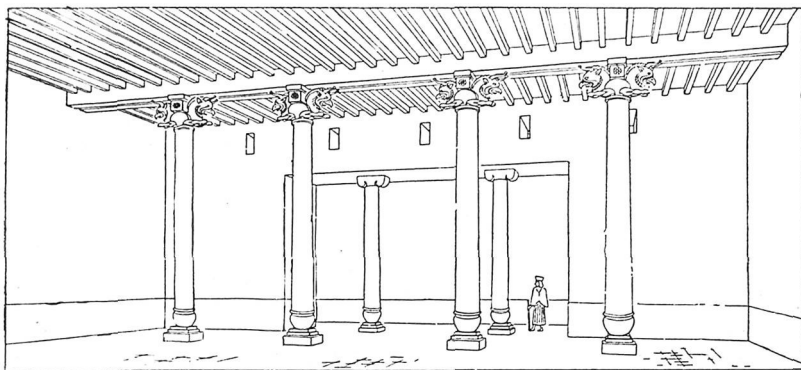

Рис. 4. Помещение № 12. Вариант реконструкции.

в Калалы-гырском дворце применялись более сложные и эффектные капители. Во время раскопок 1953 г. были обнаружены обломки алебастровой формы, предназначенной для отливки орлиной головы, видимо, части фигуры орлиноголового грифона³⁹. Следует отметить, что эта фигура, по всей видимости, должна была быть полнообъемной: при довольно скромных размерах отливки высота ее превышает высоту самых крупных рельефов Персеполя, всегда плоских⁴⁰; кроме того, последние всегда строго профильны, тогда как у нашей скульптуры, обернутой влево, видна часть правой стороны головы. Трудно предположить, что где-то во дворце намеревались воздвигнуть полнообъемные статуи, находки которых в колоссальном персепольском комплексе — явление редчайшее. В то же время капители в виде протомов зверей и чудовищ характерны для ахеменидского искусства. Стилистически калалы-гырская скульптура чрезвычайно близка к грифонам капителей из Персеполя (рис. 5), найденным в комплексе «Стоколонного зала»⁴¹, постройка которого была начата при Ксерксе I (485—465 гг. до н. э.) и завершена при Артаксерксе I (465—424 гг. до н. э.). Применение алебастра для оформления кон-

³⁷ E. Schmidt. The treasury of Persepolis, стр. 19, 54, рис. 33; его же. Persepolis, v. I, стр. 160. О подобной технике для Вавилона см. Страбон XVI, 1, 5.

³⁸ E. Herzfeld. Указ. соч., стр. 209—211, рис. 321; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана, стр. 64—65.

³⁹ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 159, рис. 61.

⁴⁰ S. Casson. Achaemenid sculpture, SPA, v. I, стр. 361.

⁴¹ Ali-Sami. Persepolis (Takht-i-Jamshid). Shiraz, 1955, стр. 67, рис. между стр. F и стр. 1; L. Vanden Berghe. Archeologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, стр. 35, 266, табл. 43, e. Хорошо сопоставимы с рассматриваемой скульптурой и некоторые другие изображения орлиноголовых грифонов в сакском и ахеменидском искусстве (ср. O. M. Dalton. The Treasure of Oxus. London, 1926, стр. 32—33, № 116; E. Herzfeld. Указ. соч., стр. 258, рис. 362; см. также: Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА, 1959, № 2, ст. 71 сл.

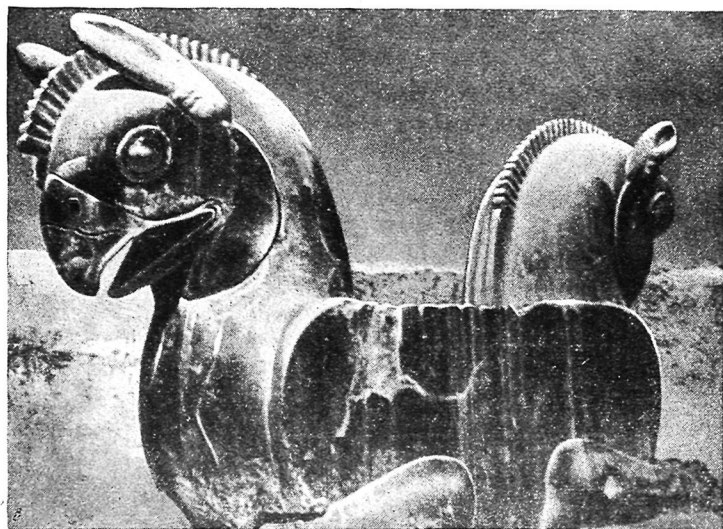
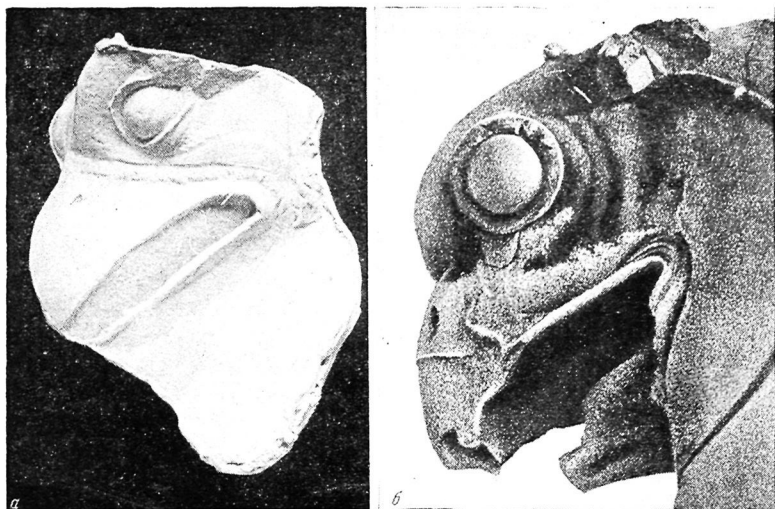

Рис. 5.

а — отливка по форме, найденной на городище Калалы-гыре; б, в — капители из Персеполя

струкций, несущих перекрытие, как мы указывали выше, засвидетельствовано на Калалы-гыре, он мог быть употреблен и для изготовления капителей.

Во II периоде помещение № 12 не использовалось, в кушанское время здесь производились захоронения, однако этот слой попал в уровень разрушения и остатки его очень скудны.

Рис. 6. Зал № 23

Слева от входа во дворец расположено помещение № 23, длина его 13,5 м, ширина 10,3 м. Через соседнее, также частично раскопанное помещение № 21 и зал № 11, оно сообщается со входным коридором. Пол превосходно снивелирован при помощи глиняной обмазки, положенной прямо на каменистую материковую поверхность. В этом зале должно было быть шесть колонн, расположенных двумя рядами на расстоянии 3 м от стен при пролете в 3,3 м между колоннами одного ряда. Обнаружено пять каменных баз, от шестой сохранилось лишь гнездо в полу (рис. 6). Как и в помещении № 12, это квадратные в плане (70 см × 70 см) глыбы песчаника, имеющие сейчас форму усеченной пирамиды (высота до 50 см). Можно полагать, что и здесь они должны были быть ступенчатыми. Камень сильно пострадал при пожаре, глыбы, видимо, подрубались и впоследствии, однако, можно думать, что обработка баз вообще не была закончена. Об этом говорит очень грубая поверхность даже наиболее сохранившихся монолитов и отсутствие хорошо отделанных поверхностей на многочисленных сколах, найденных в помещении. Таким образом, видимо, в первом периоде строительство зала закончено не было. Оно было завершено во втором периоде, в раннекангюйское время, что нашло отражение в некоторых особенностях строительных приемов. Так, например, известной небрежностью и большой примесью соломы отличается обмазка, вдоль стен обнаружен ряд столбовых ям, часть из которых сохранила остатки обуглившегося дерева. Неритмичное расположение ям, их различная глубина и диаметр, свидетельствуют о том, что в первоначальную конструкцию столбы не входили, а были поставлены в период позднейшей достройки, которая велась довольно кустарно и в совершенно иных масштабах. Однако помещение было перекрыто, и незаконченные базы использованы. Об этом свидетельствуют остатки камышовой кровли и бревен, найденные в слое пожара, достигающем полуметровой толщины. Время пожара определяется по опаленным фрагментам кангюйской керамики.

Через сравнительно короткое время, когда сколько-нибудь значительное разрушение стен еще не началось, помещение было использовано как загон для скота: непосредственно поверх слоя пожара лежал на-

возный слой. Навоз периодически выжигался, в результате чего его толща разделена несколькими горелыми слоями. Выше лежал слой завала стен, почти полностью смытый с поверхности помещения. Возможно, что в уровень смыва попали оссуарные захоронения, если они вообще производились в этом помещении.

Расположенное западное помещение № 21, четвертая часть которого раскопана, имеет примерно те же размеры, что и помещение № 23. Культурный слой или слой пожара здесь отсутствует, нет следов перекрытия или признаков установки колонн. Таким образом, либо строительство этого помещения продвинулось еще менее, чем соседнего, либо, что более вероятно, оно должно было служить открытым двором при расположенном рядом зале. Впоследствии и оно служило загоном.

Перейдем теперь к краткому описанию оссуарного некрополя II—IV вв. н. э., обнаруженного на Калалы-гыр 1, несколько подробнее останавливаясь на новых материалах. Прежде всего отметим, что все обнаруженные здесь захоронения являются вторичными, т. е. поребениями костей предварительно очищенных от мягких тканей. Можно отметить несколько вариантов таких захоронений.

1. Захоронения в небольших нишах, прорубленных в стенах здания (рис. 7, а). Как правило, в каждое углубление положено несколько черепов и некоторое количество костей, явно меньшее, чем то, которое должно соответствовать числу черепов.

Подобные захоронения в среднеазиатских памятниках неизвестны. Для некоторых районов Ирана отмечены вырубленные в скалах небольшие ниши, которые рассматриваются как костехранилища и датируются (за редкими исключениями) сасанидским временем⁴². Такого рода углубления, если не считать две-три находки каменных оссуариев, являются для этой территории единственным археологическим свидетельством существования здесь обряда захоронения костей, предварительно очищенных на дахмах⁴³.

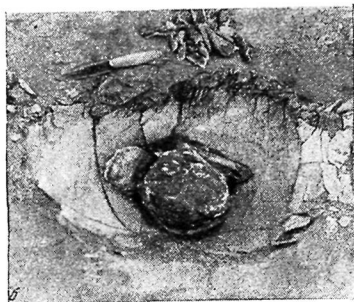
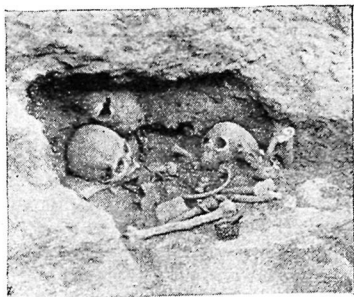

Рис. 7. Захоронения в верхнем слое городища Калалы-гыр.

а — в нише стены; б — в керамическом сосуде; в — в оссуарии из необожженной глины

⁴² E. Herzfeld. *Archaeological History of Iran*, стр. 39; его же. *Iran in the Ancient East*. стр. 205—206, 217—218; E. Schmidt. *Указ. соч.*, т. 1, стр. 57, т. II, стр. 121.

⁴³ R. Ghirchman. *Iran from the Earliest Times to the Islamic conquest*. Bury, Suffolk, 1954, стр. 332.

2. Захоронения костей в бытовых сосудах типа хума или хумчи (рис. 7, б). Этот вариант принципиально не отличается от погребения в оссуариях и широко распространен в Средней Азии с середины I тысячелетия н. э., сохраняясь в зороастрийских общинах до XIII в. н. э.⁴⁴

Следует отметить, что для Калалы-гырского некрополя такие захоронения малохарактерны и встречены лишь дважды. Одно из них обнаружено у крепостной стены, другое, раскрытое в 1939 г. в помещении № 4, содержало два черепа с сильной кольцевой деформацией, которая отмечается в нашей серии крайне редко.

3. Захоронения в оссуариях из необожженной глины (рис. 7, в). Аналогии для них нам неизвестны. Такие оссуарии встречались и прямоугольные в плане (верх разрушен), и в виде цилиндрического сосуда⁴⁵.

4. Захоронения в керамических оссуариях (рис. 8). Как правило, каждый оссуарий содержит 2—3 черепа, несколько длинных костей и немного других, подбор которых случаен. В некоторых оссуариях встречены медные украшения и железные пожитки. Длина костехранилищ от 40 до 70 см, что соответствует размеру бедра. Однако, если кость оказывалась длиннее, ее ломали. Астоданы устанавливались в маленьких нишах, вырубленных в стене, на уровне поверхности завала, заполнявшего в то время помещения. Иногда оссуарии ставили просто рядом со стеной. При захоронении у крепостной стены вырубалась «полочка» в паховом поясе. Всего нами обнаружено около 40 оссуариев и свыше ста черепов.

Установлены следующие формы керамических костехранилищ.

а) Оссуарии прямоугольных очертаний, стенки которых переходят в четырехскатную, слегка скругленную крышку (рис. 8, а). Верхняя часть последней, увенчанная фигуркой голубя, срезана до обжига и снабжена двумя отверстиями для привязывания к корпусу. По ребрам идут налепы с нарезкой. На оссуарии по углам, несколько выше перегиба, сделаны четыре отверстия, в которые, очевидно, вставлялись стержни, поддерживавшие маленький балдахин⁴⁶.

Можно полагать, что этот тип астодана восходит к более древним статуарным оссуариям Хорезма, которые изображали умерших, воплощенных в образе хтонических божеств⁴⁷. Фигура голубя, птицы посвященной Анахите, заменяла здесь изображение этой богини⁴⁸.

Ближе всего рассматриваемый вариант стоит к более поздним, так называемым «юртообразным» оссуариям, характерным для Ташкентского

⁴⁴ Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г. Самаркандом. ВДИ, 1939, № 2, стр. 148.

⁴⁵ Два таких сосуда были встречены в пожарнице с кангюйским инвентарем в помещении № 1. Диаметры их 35 см и 15 см. Поскольку употребление бытовых сосудов из такого материала ни археологически, ни этнографически не засвидетельствовано, возникает предположение об их погребальном назначении и в этом слое. Состав инвентаря, включающий очень большое число миниатюрных сосудов, характер пожара, не сохранившегося следов сгоревшей кровли, но насыщенного хворостом, и ряд других признаков делают возможным предположение о том, что здесь имели место трупосожжения. Тогда сосуды из необожженной глины можно было бы рассматривать как урны, к которым восходят оссуарии верхнего слоя из этого материала. Однако мы не обнаружили внутри сосудов горелых костей, а пепел, найденный в них, мог быть нанесен во время пожара.

⁴⁶ Последнее предположение основывается на изучении особенностей ряда хорезмийских оссуариев и изображений на серебряном блюде, найденном на Урале (О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. «Серебряное Закамское» первых веков н. э. М., 1954, стр. 15—17, рис. 6). Подробнее см.: Ю. А. Рапопорт. Об изображении на Бартыгском блюде, найденном в 1951 г. СА, 1962, № 2, стр. 50—60.

⁴⁷ Ю. А. Рапопорт. Некоторые вопросы сложения зороастрийской погребальной обрядности. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, стр. 7; е го же. Хорезмийские астоданы СЭ, 1962, № 4 стр. 75—89.

⁴⁸ Е го же. Об изображении на Бартыгском блюде, найденном в 1951 г., стр. 58.

оазиса и Семиречья, крышки которых иногда увенчаны изображениями человека или голубя⁴⁹.

б) «Саркафагообразные» оссуарии (рис. 8 б, в). Удлиненные керамические ящики на четырех ножках, имеющие плоский торец в более широкой «головной» части и округлые в «ножной». Сверху, у широкой стороны оссуария сделано отверстие, которое закрывается крышкой. Следует отметить, что на многих таких астодахах имеется налеп, как бы

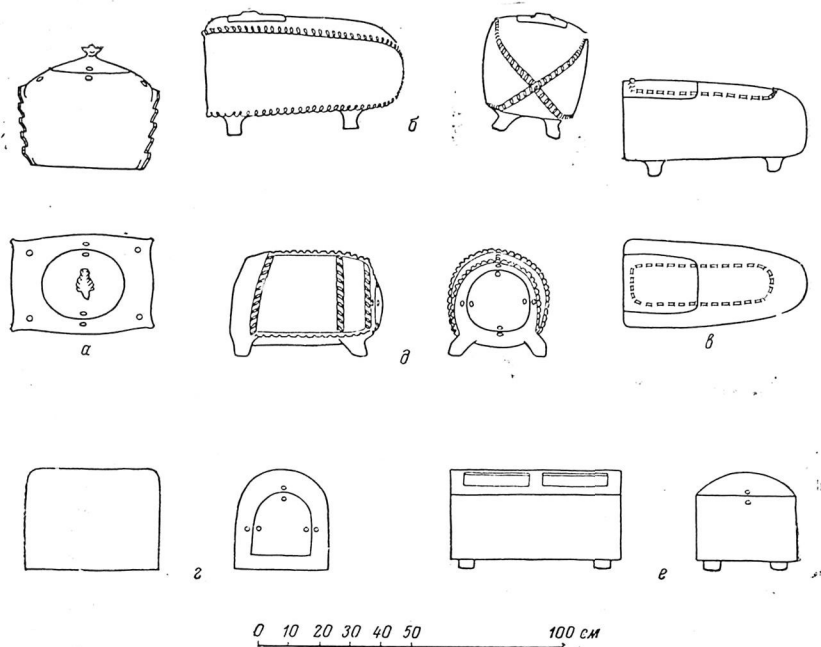

Рис. 8. Керамические оссуарии

очерчивающий контур крышки, длина которой соответствовала бы всей длине костехранилища. Можно думать, что такие крышки предшествовали тем, которые закрывают лишь небольшое отверстие в «головной» части «саркофага». Наибольшее число оссуариев, найденных в Калалыгырском некрополе, относится к рассматриваемой группе. Аналогии им в других районах Средней Азии нам неизвестны. Обращает на себя внимание близость очертаний этих оссуариев и керамических парфянских гробов, находимых главным образом в Двуречье⁵⁰. Последние также имеют отверстие в широкой головной части, иногда сходным образом располагаются налепы. Датируются эти «туфлеобразные» («slipper-shaped») гробы II в. до н. э.—I в. н. э.⁵¹ Таким образом, они старше,

⁴⁹ М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 29—30; Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. 69. М., 1957, стр. 103—107.

⁵⁰ Библиографию вопроса см. в работах: R. Ettinghausen. Parthian and Sasanian Pottery, SPA, v. I, стр. 648—654. N. C. Debevoise. Parthian pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1934, стр. 1—5; E. Schmidt. Указ. соч., т. II, стр. 120—122.

⁵¹ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 9, 17.

чем найденные нами оссуарии. Однако не обязательно полагать, что саркофагообразные оссуарии воспроизводят форму «туфлеобразных» парфянских гробов. Некоторые соображения могут говорить и об обратной зависимости. Так, небольшие размеры отверстия в гробу, несомненно, мешали укладывать в него труп⁵², тогда как поместить череп и кости в саркофагообразный оссуарий было легко. Рельефы, украшающие парфянские гробы, почти всегда передают либо образ богини плодородия, либо фигуру мужчины (можно полагать паредра богини) в короткой куртке, стоящего подбоченясь. Последний образ, несомненно, сходен с тем, который мы видим на хорезмийских погребальных сосудах IV—III вв. до н. э., т. е. более ранних, чем парфянские «туфлеобразные» гробы⁵³.

Вероятнее всего, отмеченное сходство объясняется общностью какой-то предшествующей как «туфлеобразным» гробам, так и «саркофагообразным» оссуариям, формы, восходящей в конечном счете к египетским антропоморфным гробам⁵⁴. Не исключено, что с персидскими керамическими гробами, подобными тем, которые были найдены Э. Шмидтом близ Персеполя, хорезмийцы могли познакомиться в период строительства той огромной крепости, в развалинах которой и были нами обнаружены саркофагообразные оссуарии.

в) Сводчатые оссуарии (рис. 8, з) в плане имеют прямоугольные очертания, вертикальные стенки переходят в сводик, в одном из плоских торцов имеется отверстие с арочным верхом, закрывающееся крышкой. Иногда такие оссуарии ставились на ножки. Ближе всего к этому варианту некоторые костехранилища из более позднего Байрам-алинского некрополя, однако они, как правило, имеют перекрытие в виде небольшого купола⁵⁵.

Вопрос о возникновении сводчатой формы оссуариев представляется нам довольно сложным. Очевидно, эта форма восходит не к статуарным урнам, которые, вероятно, послужили образцом для древнейших астаданов, а к каким-то погребальным постройкам. Небольшие сводчатые гробницы характерны для парфянского времени⁵⁶. В некоторых случаях они напоминают (вплоть до деталей) намогильные сооружения — «сагона»⁵⁷, характерные для погребений узбеков Хорезма⁵⁸. Как показали раскопки подобных сравнительно хорошо сохранившихся склепов в Сузах, трупы здесь очищались от мягких тканей и здесь же на специальной вымостке хранились кости⁵⁹. Таким образом, эти гробницы были одновременно как

⁵² Некоторые авторы полагают, что труп приходилось втягивать за веревку, привязанную к ногам и пропущенную через специальное отверстие в ножной части гроба (L. Legrain. *Terra cotta from Nippur*. University of Pennsylvania, The University Museum, publications of Babilonian, Section, XVI. Philadelphia, 1930, стр. 17).

⁵³ Нам кажется, что для своеобразной позы парфянского божества можно искать объяснение в том, что изобразительный образ его сложился прежде всего в погребальных керамических статуях со съёмной верхней частью, где подобное расположение рук было практически оправдано. Ср. Ю. А. Рапопорт. *Хорезмийские астаданы*, стр. 69. 76.

⁵⁴ J. P. Peters. *Nippur or Explorations and Adventures on the Euphrates*, v. II. New York — London, 1897, стр. 230; R. Ettinghausen. *Указ. соч.*, стр. 653.

⁵⁵ С. А. Ершов. Некоторые итоги изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.). Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. V. Ашхабад, 1959, стр. 172—173, табл. 4, ср. табл. 7, рис. 4.

⁵⁶ J. P. Peters, *Указ. соч.*, стр. 216; R. Chirshman. *Iran*, стр. 271; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана, стр. 68.

⁵⁷ Ср. Н. V. Hilprecht. *The Explorations in Assyria and Babilonia*. Philadelphia, 1904, фото перед стр. 511.

⁵⁸ Г. П. Снесарев. Большевесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. КСИЭ, вып. XXXIII. М., 1960, стр. 60, сл.

⁵⁹ R. Chirshman. *Указ. соч.*, стр. 271.

бы и дахмами, и наусами, и оссуариями⁶⁰. Можно полагать, что у каких-то групп древнехорезмийского населения существовала сходная традиция, послужившая основой для выработки формы сводчатых оссуариев, сосуществовавшая с оссуарным обрядом и пережившая его.

г) «Боченкообразные» оссуарии (рис. 8, *д*). Они имеют форму цилиндра, горизонтально расположенного на четырех ножках. В одном из торцов округлое отверстие, закрываемое крышкой. Корпус опоясывают три напленных жгута с поперечными вдавлениями; с двух сторон внизу и по «хребту» проходят три таких же продольных напела. На одном из таких оссуариев сохранились следы росписи красным ангобом по белому⁶¹, явно иммитирующие обертывание трупа полосами ткани. Следует отметить, что в Хорезме завернутый в саван труп обвязывается у головы, в ногах и по середине туловища свернутыми в жгуты полотенцами⁶². Иногда подобным же образом тело умершего привязывается к погребальным носилкам («табыт»), снабженным, как правило, ножками. Возникает предположение, не передает ли форма и орнаментация рассматриваемого варианта оссуариев изображение трупа на погребальных носилках. Если допустить это, то остается все же открытым вопрос: является ли указанная форма астадана свидетельством незадолго до ее возникновения существовавшего обряда трупоположения, или же в таком виде труп доставлялся на дахму. Последнему предположению как будто противоречат предписания Видевдата (8, 10) о том, что недопустимо наличие хотя бы «одной нитки» на теле умершего и т. п. Однако следует заметить, что нигде не засвидетельствовано буквальное соблюдение скрупулезно разработанных предписаний этого кодекса. В калалы-гырских оссуариях черепа обернуты в ткань; многочисленные украшения сопровождают захоронения Байрам-алинского некрополя; арабские авторы отмечают многообразие форм погребения в зороастрийском Иране и т. д. В то же время В. Гейгер, основываясь на филологическом анализе текста того же Видевдата, полагает, что труп мог выставляться на деревянном помосте или носилках⁶³. Действительно, термин *uzdana*, обозначающий какой-то предмет, где должны, согласно Видевдату, помещаться останки умершего, Х. Бартоломе переводит так: «сооружение, на котором что-то устанавливается или укладывается»⁶⁴.

д) Оссуарии в виде прямоугольного ящика, иногда на ножках, с крышкой в виде части цилиндра (рис. 8, *е*). По краю крышки проходит рельефная рамка. Таким же рельефом на крышке изображен крест. Поскольку такая же форма характерна для каменных оссуариев, возможно оба эти типа рассматривать одновременно.

5. Каменные оссуарии. Изготовлены из полимиктового песчаника, возможно, их вытесывали из сохранившихся древних баз колонн. Аналогии этой форме оссуариев нам неизвестны. Предложенное С. А. Вязигным сопоставление с так называемым «Буширским оссуарием», найденным близ Персидского залива, не кажется достаточно убедительным.

Изображение крестообразной фигуры на крышке, если оно не иммитирует просто какую-то конструктивную деталь, а имеет культовое значение, разумеется, не следует непосредственно сопоставлять с христианской символикой. Скорее здесь можно видеть местный солярный символ. Следует заметить, что солярная символика (чаще всего крестообразный принцип

⁶⁰ Чрезвычайно интересно в этой связи сообщение Г. П. Снесарева об имеющейся у него информации относительно существовавшего в Хиве обычая приманивать хищных животных к сагона.

⁶¹ С. А. Вязигин. Указ. соч., стр. 154.

⁶² М. И. Метельков. Погребальные сооружения Хорезмского оазиса, 1948, стр. 27. Рукопись. Хранится в кабинете этнографии исторического факультета МГУ.

⁶³ W. Geiger. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 270.

⁶⁴ Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, столб. 412.

построения) характерна для планировки ряда погребальных сооружений Хорезма и сакских племен Нижней Сыр-Дарьи⁶⁵.

В целом рассмотрение материалов, полученных при раскопках верхнего слоя Калалы-гыра, приводит к заключению, что со II в. н. э. в этом районе Хорезма безусловно господствовал зороастрийский обряд очищения трупов от мягких тканей с последующим захоронением костей. Однако многообразие способов таких захоронений, различия в материале и форме костехранилищ свидетельствуют о том, что оссуарный обряд стал здесь полностью преобладать сравнительно недавно. Удастся составить известное представление о предшествовавших ему формах погребения и наметить линии некоторых культурных связей.

В заключение следует сказать, что раскопки 1958 г. подтверждают предложенные ранее датировки памятника и дают новые свидетельства в пользу предположения о том, что крепость и дворец сооружались ахеменидским Ираном накануне падения его власти в Хорезме⁶⁶. Наряду с чертами, определенно свойственными ахеменидской архитектуре, в сооружениях Калалы-гыра проявляется известное своеобразие, очевидно, связанное с местной строительной традицией Хорезма, жителями которого воздвигалась крепость.

Тот государственный размах, с которым было начато строительство нового города, позволяет рассчитывать, что здесь при дальнейших раскопках будут получены ценные данные по истории и культуре Средней Азии того времени.

⁶⁵ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 123; Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 4—6.

⁶⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. Труды ХЭ, т. II, М., 1958, стр. 167.

*М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло
и Е. Е. Неразик*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ХАЗАРАСПЕ

в 1958—1960 гг.

Хазарасп — районный центр Хорезмской области Узбекской ССР, где в 1958—1960 гг. вела раскопки Хорезмская экспедиция АН СССР¹, — принадлежит к числу немногочисленных древнейших городов Средней Азии, не прекращавших своего существования в течение многих веков и даже сохранили до наших дней данное ему в древности название.

В дошедших до нас письменных источниках упоминание о Хазараспе находим в хронике арабского историка IX — начала X в. ат-Табари, описавшего события, развернувшиеся в Хорезме во время арабского завоевания Средней Азии. По ат-Табари, Хазарасп был одним из трех крупнейших городов Средней Азии начала VIII в. н. э.²

Во многих сочинениях средневековых историков и географов Хазарасп неоднократно упоминается в числе других городов Хорезма, причем часто подчеркивается его неприступность как крепости, величина и богатство.

По свидетельству географа X в. ал-Истахри, от Хазараспа к поселениям, расположенным на левом берегу Аму-Дарьи, шли каналы, среди которых один носил название Хазарасп и был судоходен³. В описаниях город X—XIII вв. рисуется обширным, неприступным, опоясанным рвом и мощными стенами. Единственный въезд в него закрывался деревянными воротами⁴.

В 1219 г. накануне монгольского нашествия, в Хазараспе побывал известный географ XIII в. Якут, оставивший в одном из сочинений

¹ В 1958 г. работы велись с 25 июля по 20 августа. Начальник отряда — Е. Е. Неразик; научные сотрудники — Н. Н. Вактурская, Б. И. Вайнберг, Р. Л. Садоков; архитектор — М. С. Лапиров-Скобло; научно-технические сотрудники — В. Ф. Белокопытова, М. Ф. Грошева, А. И. Мамзина, В. Е. Щербаков; художник — Г. И. Улько; в работах участвовало до 20 рабочих-землекопов.

В 1959 г. раскопки велись с 9 по 31 мая. Начальник отряда — М. Г. Воробьева; научный сотрудник — Н. Н. Вактурская; архитектор — М. С. Лапиров-Скобло; научно-технические сотрудники — М. Ф. Грошева, В. С. Козлов, В. А. Лоховиц; фотограф — В. А. Родькин; коллектор — И. Д. Саламайкин; рабочих — 12 человек.

В 1960 г. работы велись с 10 мая по 3 июня. Начальник отряда — М. Г. Воробьева; научные сотрудники — Н. Н. Вактурская, В. А. Лоховиц; архитектор — М. С. Лапиров-Скобло; научно-технические сотрудники — М. Ф. Грошева, А. Ф. Леонова; фотограф — В. А. Родькин; художник — В. А. Иогансон; механик-моторист — М. У. Юнисов; зав. складом — И. Д. Саламайкин; рабочих — 12 человек. Работы велись при помощи двух транспортеров.

² Tabari. Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d. Abou Ali Mohammad Bel'ami par M. Zotenberg. t. IV. Paris, 1867, стр. 176.

³ МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 179.

⁴ МИТТ, т. 1, стр. 187, 189, стр. 343.

следующее описание: «Хазарасп по-персидски значит «тысяча копей». Это неприступная крепость и красивый город. Его окружает вода, как остров. К нему только один путь через проход, который сделан со стороны Хорезма. Между ними три дня пути. Он расположен на равнине, где много рынков и торговцев. Население его богато. Таким я его знал в 616 (1219) г.»⁵

По свидетельству Джувейни (XIII в.), после прохождения в XIII в. монгольского войска по Хазараспу город затонул в воде⁶. На какое-то бедствие, причиненное монголами, намекает и Якут в конце своего описания города: «Но Аллах лучше знает, что произошло с ним [Хазараспом] в бедствии от татар, да проклянет их Аллах»⁷.

Однако в XV в. Хазарасп снова фигурирует как город Хорезма в сочинении персидского историка Мирхонда, где город упоминается в связи с описанием военных действий в 1463/64 г. правителя Хорасана тимурида Султана-Хусейна: «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»⁸. Из русских путешественников по Средней Азии в конце XIX в. Хазарасп посетили И. В. Аничков и А. Д. Калмыков, описавшие крепость, отметив ее древность⁹.

До наших дней крепость Хазарасп сохранилась в том виде, который она приняла, вероятно, уже в XIX в., когда были возведены последние по времени стены этого многовекового города.

Площадь хазараспской крепости равна 340 × 320 м. К стенам подступает широкая заболоченная низина — остатки древнего рва. Вся территория крепости застроена современными домами, за исключением небольших участков вдоль стен и юго-восточного угла, где возвышается бугор, известный у местного населения под названием Дэв-Салган. Площадь его — 40 × 40 м, а современная высота равна 15 м (над окружающей местностью).

Некогда здесь существовало большое здание с разделанными сомкнутыми полуколоннами («гофрами») стенами, из которых с внешней стороны прекрасно сохранилась восточная, хуже южная, а северная и западная, так же как и внутренняя часть, — разрушены. Точно определить время его постройки пока не удалось, несмотря на то, что на одном из участков вскрыто основание восточной стены с внешней стороны (см. раскоп VII). При дальнейших перестройках Хазараспа Дэв-Салган был включен в систему стен крепости, заняв ее юго-восточный угол, а на вершине его сооружено семикомнатное здание.

Стены Дэв-Салгана по внешнему виду, конструкции и строительным приемам резко отличаются от примыкающих к нему сейчас стен XIX в., что вместе с полученными при раскопках данными может свидетельствовать о постройке его в гораздо более ранний период. Стены, возведенные в XIX в., поставлены на выступающий за их пределы (наружу) на 10—15 м вал, образованный остатками более ранних крепостных сооружений, и укреплены башнями, причем число их с каждой стороны разное: по северной — семь, западной — шесть, по восточной сохранилось только четыре, по южной — одна. Башни неправильной овально-вытянутой формы; они, как и крепостные стены, увенчаны зубцами.

В середине южной стороны был въезд. Ворота Хазараспа XIX в., по рассказам очевидцев, были сделаны из дерева и достигали в ширину 8 м. Возле них располагались сторожевые помещения, и из них открывался вход в крытые куполами башни, защищавшие въезд с двух сторон. Недалеко от ворот находилось медресе.

⁵ МИТТ, т. 1, стр. 438.

⁶ Там же, стр. 443.

⁷ Там же, стр. 438.

⁸ Там же, стр. 540.

⁹ И. В. Аничков. Дворец в Хазараспе. ПТКЛА за 1899 г., год 4-й. Ташкент, стр. 9—14; А. Д. Калмыков. Хива. ПТКЛА за 1908 г., год 12-й. Ташкент, стр. 68, 69.

Медресе, как указывал А. Д. Калмыков, было построено на возвышенности, образовавшейся, видимо, в результате разрушения более ранних построек. Калмыков видел внутри здания каменные базы деревянных колонн, некогда поддерживавших кровлю. Известно также, что прямо против входа в крепость находился дворец, воздвигнутый хивинским ханом Рахим-кули-Имамом (1841—1843). Стены дворца, по словам очевидцев, были богато украшены изразцами. Немного дальше находилась хапак. Все эти сооружения не сохранились.

До 1958 г. археологических раскопок на территории Хазараспа не было. Город лишь обследовался, и в результате предварительных данных было установлено, что он возник как мощная крепость античного времени в IV—III вв. до н. э. и существовал почти во все периоды истории Хорезма¹⁰.

В 1958 г. Хорезмской экспедицией АН СССР начаты раскопки этого интереснейшего древнего памятника — города, расположенного в начале Хорезмского оазиса, на древних путях в Бактрию и Маргиану.

Как упоминалось, почти вся территория городища застроена, и раскопки пришлось разбивать на свободных участках, главным образом в местах выборки глины на различные нужды населения. Заложено десять раскопов и два стратиграфических шурфа, кроме того, велись поверхностные расчистки остатков древних стен во всех местах, где их удавалось обнаружить. Раскопы разбиты в южной части города, и внутри укрепления, и за пределами стен. В северной части строения подходят почти вплотную к крепостным стенам.

Раскопы I, II, III и V заложены с целью определения конструкций оборонительных сооружений, выделения периодов перестроек и их датировки. При закладке двух шурфов и раскопа IV ставилась задача выяснить стратиграфию залегающих культурных наслоений. Раскопы VI и VII размещены с внешней стороны западной (VI) и восточной (VII) крепостных стен, в местах обнажения древних слоев в нарушенной насыпи вала (рис. 1).

Наиболее ранний горизонт, который удалось обнаружить в результате раскопок, доведенных до уровня проступания грунтовых вод на отметках от 20 до 50 см в разных раскопах¹¹, относится к раннеантичному времени. Этот горизонт вскрыт на раскопах I—V, VIII, IX и в шурфе № 2 (шурф № 1 попал на перекопанный участок, и его пришлось оставить).

В раскопах I, III, V обнаружены древние крепостные сооружения, относящиеся к античной эпохе; описание их мы даем ниже, в связи с анализом и реконструкцией древнейших укреплений Хазараспа.

Раскоп II площадью около 60 кв. м, заложженный у южной крепостной стены, располагался к востоку от места, где был въезд в город. Крепостные сооружения, возвышающиеся здесь на 12 м, при толщине до 10 м, прорезаны современной дорогой, и зачистка получившегося таким образом среза дала картину многочисленных разновременных перестроек. В нижних слоях обнаружен участок античной стены, надстроенной в афригидский период (IV—VIII вв. н. э.). Уровень дневной поверхности с керамикой афригидского времени залегал на отметке +297 см. К югу от этой стены, под углом к ней, на уровне +188 см открыто другое укрепление, состоящее из двух толстых стенок: одной пахсовой — толщиной 0,9 м и другой из тонкого квадратного сырцового кирпича размером 28—30 × 28—30 × 5—6 см. Пространство между стенками, равное 2,5 м, засыпано землей, в которой попадались находки, связанные со средневековым периодом.

¹⁰ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 82, 83.

¹¹ Отметки здесь и далее вычислены от условного нуля, взятого у основании стены в раскопе V.

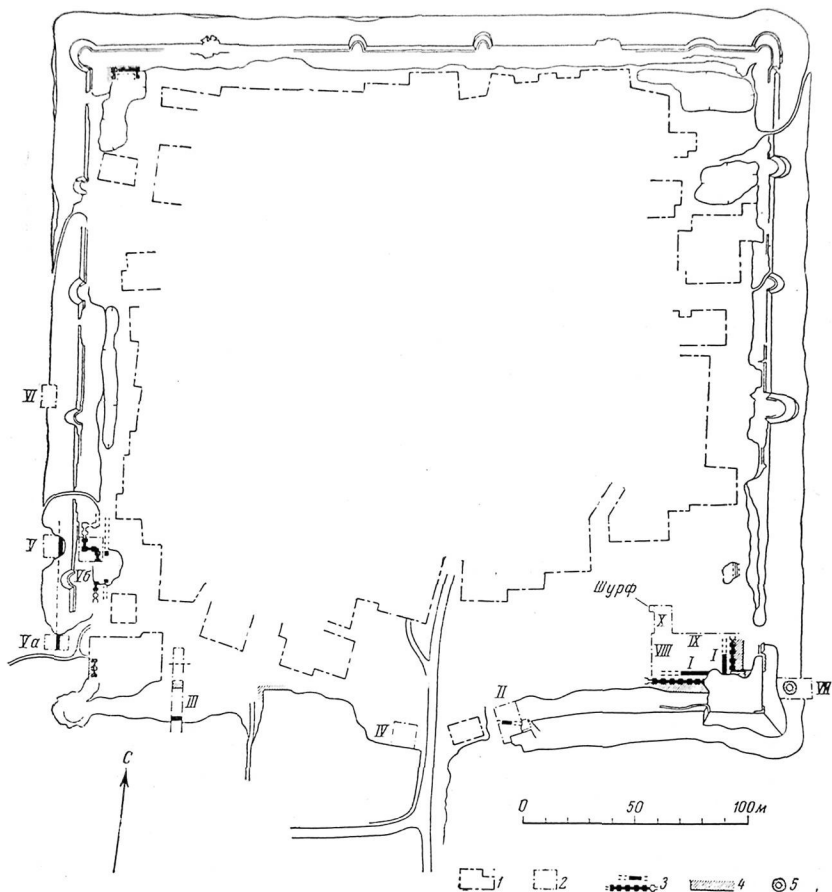

Рис. 1. Хазарасп. План крепости.

1 — границы современной жилой застройки; 2 — границы и № раскопок; 3 — вскрытые участки стен древнейшего периода; 4 — пристроенные стены из сырцового кирпича; 5 — развалины минарета

Судя по обнаруженным здесь обломкам посуды XII—XIV вв., сооружение, видимо, и было воздвигнуто в это время. Позднее античная, афригидская и средневековые стены были включены в систему вышележащих укреплений, построенных из сырцовых кирпичей крупных размеров — до 40 см, но изготовленных иначе, чем в античный период: они были вырезаны из глины, а не сделаны в специальной форме, что удалось установить по отдельным кирпичам, сохранившим следы режущих инструментов. Датировать стены из такого кирпича пока еще мало оснований; во всяком случае в XIX в. они были укреплены пахсовой обкладкой (из крупных комков) толщиной в 1 м на высоту 8 м. В укрепленном таким образом стене были проделаны узкие четырехугольные бойницы-щели. Вдоль стены из «вырезанного» кирпича шел довольно широкий (1,5—2,0 м) парапет, ис-

пользованный как оборонительное сооружение и в XIX в. после подновления крепостных сооружений пахсой; сохранился он местами и до наших дней.

В раскопе найдена немногочисленная керамика — обломки посуды XIX—XX вв. Отдельные фрагменты более ранних сосудов в большинстве случаев залежали вместе с современными. Нетронутые древние слои сохранились лишь местами. Такой участок ненарушенной поверхности примыкал к основанию пахсовой надстройки над древней стеной. На нем оказалась исключительно афригидская керамика, что и позволило датировать надстройку афригидским временем.

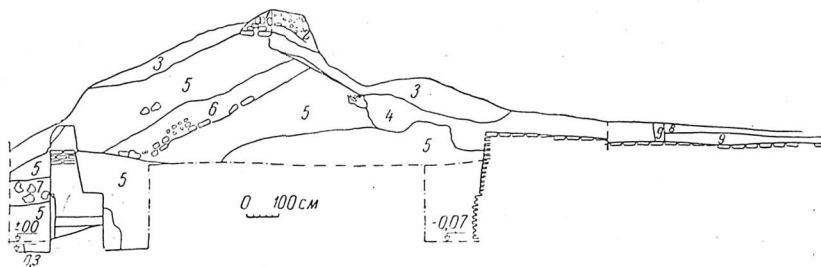

Рис. 2. Раскоп III. Разрез внешнего вала крепости.

1 — фундамент кирпичной стены; 2 — плотная комковатая глинистая масса; 3 — плотный глинистый слой с обломками кирпичей; 4 — плотная однородная глинистая масса; 5 — песок с включениями белых камней; 6 — песок с включениями белых камней и обломков кирпичей; 7 — песок с обломками кирпичей и комками пахсы; 8 — наносный мусорный слой; 9 — яма с мусором.

Раскоп III площадью 60 кв. м представлял собой вертикальный срез вала, ограничивающего крепость с юга (рис. 2). Ширина вала здесь достигает 20,8 м, высота — более 7 м. В результате зачистки установлено, что в нижней части вал образован остатками двух стен, засыпанных песком с мелкими камнями. Эти стены относятся к античному периоду истории города. Остатки южной — использованы в более позднее время как фундамент для возведения пахсовой стены, к основанию которой на уровне +289 см подходил плотный глинистый хорошо утрамбованный слой толщиной 0,2—0,25 см, видимо дневная поверхность, относящаяся, судя по найденным на ней фрагментам керамики, к афригидскому времени. Остатки афригидской стены также были засыпаны песком, но от поставленных позже на песчаную засыпь стен почти ничего не сохранилось.

По материалам раскопов II и III видно, что при строительстве крепостных сооружений Хазараспа широко использовался песок, всюду выступающий в обвалах и разрушениях. Установлено, что им были засыпаны античные и афригидские сооружения, на образованном таким образом валу, укрепленном глиной, воздвигнуты все позднейшие средневековые сооружения.

Следует отметить интересную особенность Хазараспа: в его крепостных стенах часто встречаются разрозненные человеческие кости и целые скелеты, причем почти всегда их находят в песчаной засыпке. При расчистке стен в раскопе III также в песке был обнаружен костяк лежащего человека, с вытянутыми вдоль туловища руками, а между его ног — кости маленького ребенка. Судя по положению скелета — это захоронение; захоронениями, видимо, следует считать большинство встречаемых в песке костяков, хотя возможно, что среди них — останки погибших при осаде города врагами.

В последующие (после афригидской) эпохи крепостные укрепления

Хазараспа много раз ремонтировались и перестраивались. В раскопе III от стен, поставленных на песчаный бугор, почти ничего не осталось, но они, как мы видели, были зачищены в раскопе II.

Раскоп IV площадью 38 кв. м заложен в южной части города, в 10 м к западу от места, где в XIX в. находились ворота, а сейчас находится главный въезд в крепость. Преследовалась цель установить стратиграфию

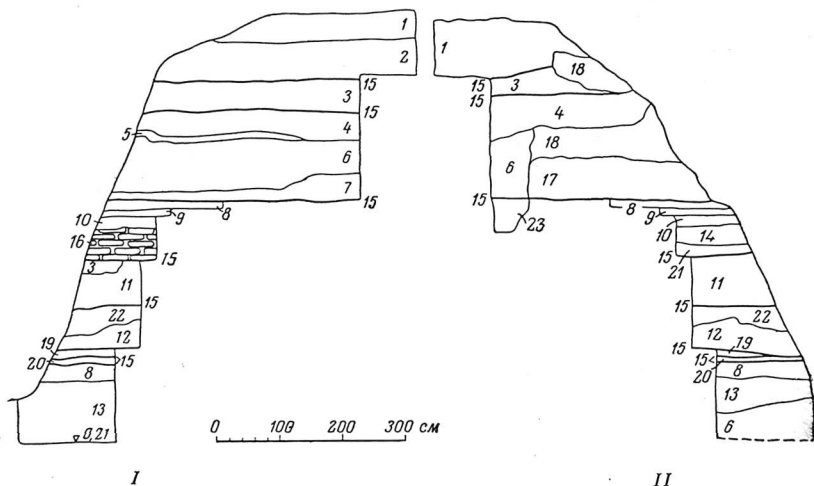

Рис. 3. Раскоп IV. Профиль западного (I) и восточного (II) срезов раскопа.

1 — рыхлый песчано-глинистый слой с обломками кирпичей; 2 — плотный зеленовато-коричневый глинистый слой; 3 — зеленый глинистый слой; 4 — рыхлый слоистый песчано-глинистый слой; 5 — зольно-угольные вкрапления; 6 — глиняный завальный слой; 7 — уплотненный слой глины; 8 — подбutoчка из плотной глины; 9 — зеленый глинистый слой с песком; 10 — плотный глиняный слоистый слой; 11 — плотный просеоченный глинистый слой; 12 — кирпичный завал; 13 — песок с кусками песчаника; 14 — песчаный намывной слой; 15 — пол, жилая поверхность; 16 — кирпичная кладка; 17 — фасад пахсовой стены; 18 — завал кусков пахсы; 19 — песок с золистыми включениями; 20 — зеленый глинистый слой с золистыми включениями; 21 — глиняный завальный слой с песком; 22 — плотный просеоченный глиняный слой с обломками кирпичей; 23 — рыхлая глина

залегания культурных слоев Хазараспа на незастроенном и наиболее возвышенном участке городища. Уровень поверхности здесь достигал 6,55 м и почти на 4 м превышал уровень площади у Дэв-Салгана, где производилась шурфовка. Поэтому здесь наиболее полно сохранились культурные напластования.

В раскопе выявлено три культурных слоя (рис. 3). Верхний, мощностью примерно 2,2 м, — глинисто-песчаный, переходящий в зеленоватый гумусный и глинистый со включением золистых остатков, относится в основном к XIX в. В западной части раскопа зачищены остатки фундамента стены медресе, рядом с которым найдена бронзовая нечитаемая монета и фрагмент облицовочной штукатурки. Немного глубже вскрыт колодец-ташна, заполненный глиной с золой. Из зеленого гумусного слоя (глубина 1 м) извлечен фрагмент поздней коричневой поливной чаши с надписью арабским шрифтом тушью на внутренней стороне (рис. 4).

Восточный участок по этому слою занят ямой, прорезающей и нижние напластования. В яме найдено много поливной керамики XIX в. Тут же зафиксированы жженые кирпичи современного стандарта (остатки стены).

Верхний слой XIX в. отделен от нижележащего довольно однородной глиняной массой, включавшей очень смешанный материал, содержащий

фрагменты керамики XIX в., сероглиняных сосудов XIV в., поливных чаш XII в. Однако каких-либо четко прослеженных горизонтов двух последних периодов не оказалось. Вероятно, в исследуемой части города они были уничтожены при возведении построек XIX—XX вв.

Начиная с уровня +4,6 м залегал слой, относящийся к афригидскому времени, вероятнее всего к его началу (IV—VI вв. н. э.). Мощность его колеблется от 0,5 м в западной части раскопа до 2 м — в восточной, где вскрыта стена, сложенная из сырцовых квадратных кирпичей размером 40 × 40 × 10 см, с подходящей к ней уплотненной поверхностью; из слоя, лежащего над этой поверхностью, извлечены фрагменты сосудов из теста с грубыми примесями шамота и дресвы и буро-зеленым ангобом по поверхности.

Среди керамики попадались в большинстве случаев стенки сосудов. Наряду с ними встречены фрагмент хума с высоким горлом без венчика и венчики водоносных кувшинов. Прослежены по крайней мере две жилые поверхности кушано-афригидского времени.

Отметим, что в керамике этой части города преобладают формы, характерные для кушано-афригидской и афригидской эпох истории Хорезма. Это — хумы с прямым горлом без венчика, кувшины с утолщенным, приближающимся к треугольному венчиком, хумы с венчиком в виде трех валиков, которые могут датироваться IV — началом VI в. н. э. Но найдено много и фрагментов сосудов VII — VIII вв. н. э. Очень интересны неизвестные до сих пор типы сосудов афригидского времени, такие как широкая ваза на толстой полой ножке, сосуд типа маслoбойки с очень толстыми стенками, сосуд типа сфероколуса с перехваченным пополам туловом и четырьмя нашлапками-ножками. Интересны знаки, прочерченные на стенках многочисленных изделий керамического ремесла (рис. 5).

Кушано-афригидский слой отделен от залегающего ниже, античного, кирпично-песчаным завалом толщиной около 1 м. Мощность античного слоя достигает 2,5 м. Хорошо прослеживались три жилые поверхности. Обнаруженная керамика сделана из прекрасно вымешанного теста без грубых примесей. Она хорошего обжига, зачастую орнаментирована полосоми красного ангоба. Эти признаки, как и формы многочисленных встретившихся здесь венчиков, позволяют датировать слой кангюйским периодом (начиная с IV в. до н. э.). Раскоп доведен до глубины на отметке — 27 см. Культурный слой продолжается и ниже, но работы пришлось прекратить из-за большой влажности, связанной с близостью грунтовых вод.

Судя по раскопам II и III, заложенным также у южной стены городища, древнейшие крепостные стены Хазараспа проходили несколько севернее раскопа IV, и надо полагать, что вскрытые на нем слои, датируемые кангюйским временем, относятся к примыкавшим некогда к древней стене (с ее внешней стороны) постройкам, вероятно мастерским ремесленников, так как среди находок попадались фрагменты бракованной керамики и куски железного шлака.

Напластования, связанные только со средневековьем, были вскрыты в раскопах VI и VII.

Раскоп VI площадью 42 кв. м заложен за западной стеной крепости, в месте разрушения вала, образованного песчаной засыпкой остатков

Рис. 4. Фрагмент поливной чаши из верхнего слоя XIX—XX вв. Сохранившиеся слова читаются: «... глиняные сосуды... из Хорезма»

древних укреплений. Здесь в нарушении насыпи вала выступала кладка из жженных кирпичей, около которой и велись небольшие раскопки.

Удалось зачистить остатки стен и вымосток из квадратного жженого средневекового кирпича ($26-27 \times 26-27 \times 5-6$ см), тут же найдена каменная база колонны. В основании стены лежали грубо обитые каменные глыбы. Датированный материал не обнаружен; характер выявленных конструкций остался неясен.

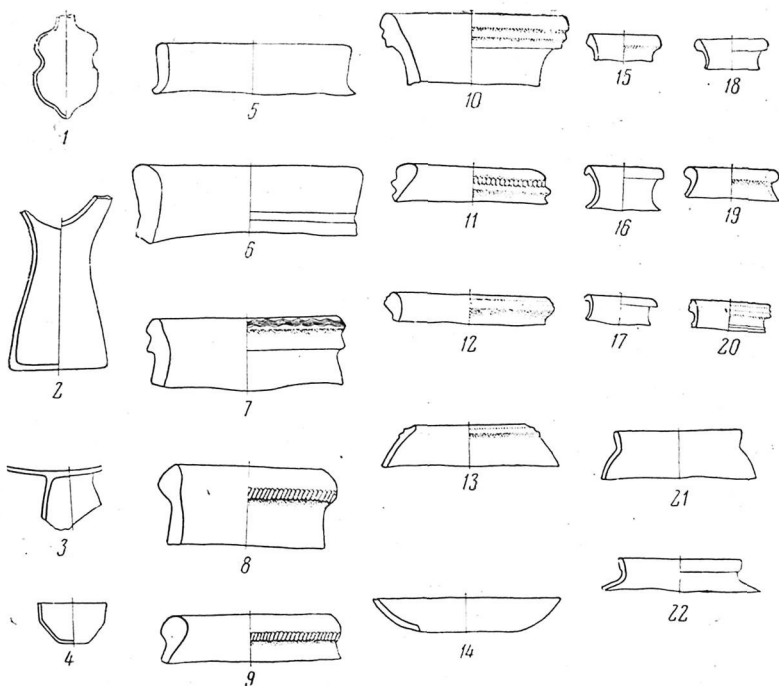

Рис. 5. Керамика V—VIII вв. н. э.

1 — сосуд типа сферокопуса; 2 — сосуд-маслобойка; 3 — обломок ваза на высокой ножке; 4 — чаша; 5—10 — хумы; 11—13 — хумчи; 14 — миска; 15—18 — кувшины; 19, 21, 22 — горшки; 20 — кувшинообразный сосуд

Раскоп VII площадью около 180 кв. м расположен с внешней стороны восточной стены Дэв-Салгана, в месте, где в бортах современных ям выходили горелые слои, насыщенные керамикой и костями животных, перекрывавшие остатки небольшого минарета, диаметром 6 м. Минарет сохранился в высоту всего до 5,5 м; в его основании — ряд кирпичей, поставленных наклонно на ребро, выше идет обычная горизонтальная кладка. Кирпич использован различных размеров — $24 \times 24 \times 4$, $32 \times 32 \times 6$ и $25-26 \times 25-26 \times 5$ см, причем последние численно преобладают.

Наружное кольцо сложено вперевязку из целых кирпичей и их половинок довольно тщательно; далее кладка более небрежная — из обломков; к ней примыкает внутренняя обкладка минарета из целых кирпичей ($25-26 \times 25-26 \times 5$ см). Они уложены вперевязку между собой, но с основной кладкой стены не связаны, а лишь примыкают к ней. Толщина стен

минарета вместе с обкладкой равна 1,85 м. В южной части кольца, на высоте 3,1 м от основания минарета, очищены от заполнявшей их глины пять отверстий (каждое размером около $0,2 \times 0,2$ м). В некоторых из них сохранились следы дерева. Вероятно, это гнезда, оставшиеся на месте деревянных балок лесов, применявшихся при строительстве.

Заложенный с северо-восточной стороны минарета шурф позволил установить, что основание этого сооружения связано со слоями, археологический материал из которых датируется концом хорезмшахского или началом золотоордынского периода. Ниже залегает слой с афригидской керамикой, который на других участках раскопа не вскрывался, так как на этом уровне проступали грунтовые воды.

Судя по тому, что слой вокруг минарета содержал керамику золотоордынского времени, а также по строительному материалу, технике и кладке, в которой использован употреблявшийся ранее кирпич и его обломки, можно предположить, что постройка относится уже к золотоордынскому периоду.

Минарет был возведен на очень небольшом расстоянии от обрыва-спуска ко рву. В то время около стен Хазараспа уже образовался довольно мощный культурный слой, и для расширения площадки строительства пришлось сделать специальную вырубку в толще находящегося с западной стороны минарета бугра.

С восточной стороны минарета прослежены остатки стены, тянущейся к востоку всего на протяжении около 2 м. Она обрывалась у берега современного пруда, образовавшегося на месте древнего рва. Уцелела лишь нижняя часть стены, сложенная из крупных кусков необработанного камня, больших кусков керамического шлака, целых и битых кирпичей размером $26 \times 26 \times 5$ см. Остатки стены лежат на песчанистом с комками глины грунте, которым была засыпана нижняя часть минарета, причем стена располагалась на 0,55 м выше его основания (рис. 6). Следов какого-либо сооружения вблизи минарета не обнаружено. Упомянутая стена не связалась ни с какой другой. Строения здесь или не существовало, или оно было полностью уничтожено при разрушении минарета.

Непосредственно к минарету примыкает несколько наклонных зольных культурных слоев, обильно насыщенных керамикой, в большинстве своем относящейся к монгольскому времени.

Горелые слои могут свидетельствовать о большом пожаре, с которым, очевидно, связано и разрушение минарета. В горелых слоях прослежены завалы кусков кирпича, такого же, как и в сохранившейся кладке стен минарета. Слой разрушения перекрыт завалом с керамикой позднезолотоордынского времени и прослежен по всему раскопу; следовательно, минарет был разрушен в конце золотоордынского периода.

Некоторое время минарет стоял полуразрушенным, а в XVI—XVII вв., как это устанавливается по керамике, найденной внутри минарета и в перекрывающем развалины слое, образовавшийся вокруг холм был сnivelирован засыпкой. На выровненной поверхности, спускавшейся наклонно к востоку, была выложена кладка из сырцового кирпича ($26 \times 25 \times 6$ см). Она сохранилась на площади $2,6 \times 1,5$ м и в высоту до 0,5 м. Боковая ее поверхность обмазана глиной с саманом. Остатки кладки ни с чем не связываются. Возможно, это следы контрфорса, укреплявшего стену Дэв-Салгана. Поверх кладки шли наклонные глинистые намывные слои, образовавшиеся в результате постепенного разрушения стоящих здесь и сейчас стен крепости.

В западной части раскопа VII, примыкавшей к стене Дэв-Салгана, после удаления позднейших напластований удалось установить, что гофрированная верхняя часть стены стояла на скошенном наружу ступенчатом паховом основании (цоколе?), поставленном на поверхности плотного глинистого грунта (рис. 7).

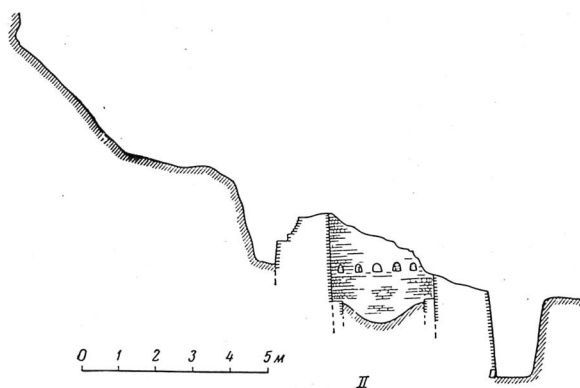
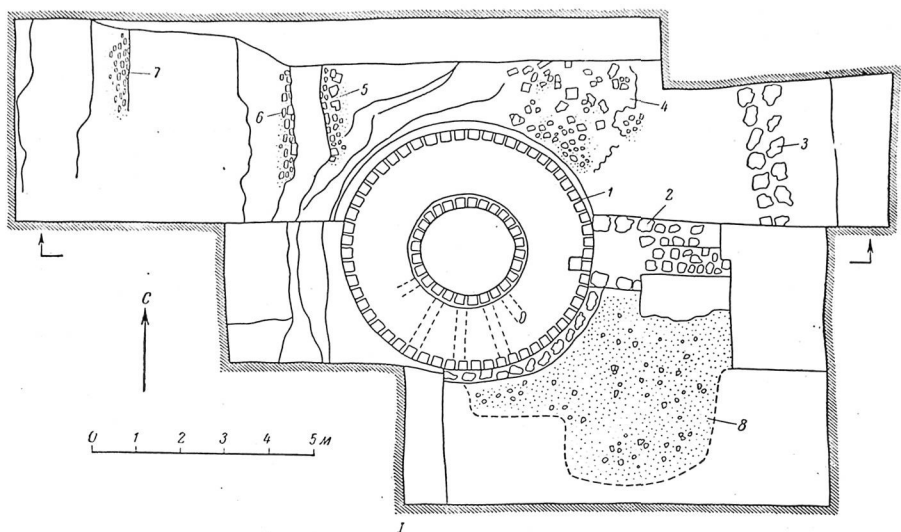

Рис. 6. План раскопа VII (I) и разрез минарета (II).

1 — минарет; 2 — основание стены; 3 — вымостка ниже основания минарета; 4 — развалка жженого кирпича, связанная с разрушением минарета; 5 — остатки кирпичного барьерчика; 6 — крупные каменные плиты в основании стены у Дэв-Салгана; 7 — кирпичная облицовка стены Дэв-Салгана; 8 — мелкий кирпичный бой

По краю горизонтальной площадки на расстоянии около 1 м от подошвы стены обнаружены остатки кладки типа барьерчика, сложенного из обожженного кирпича.

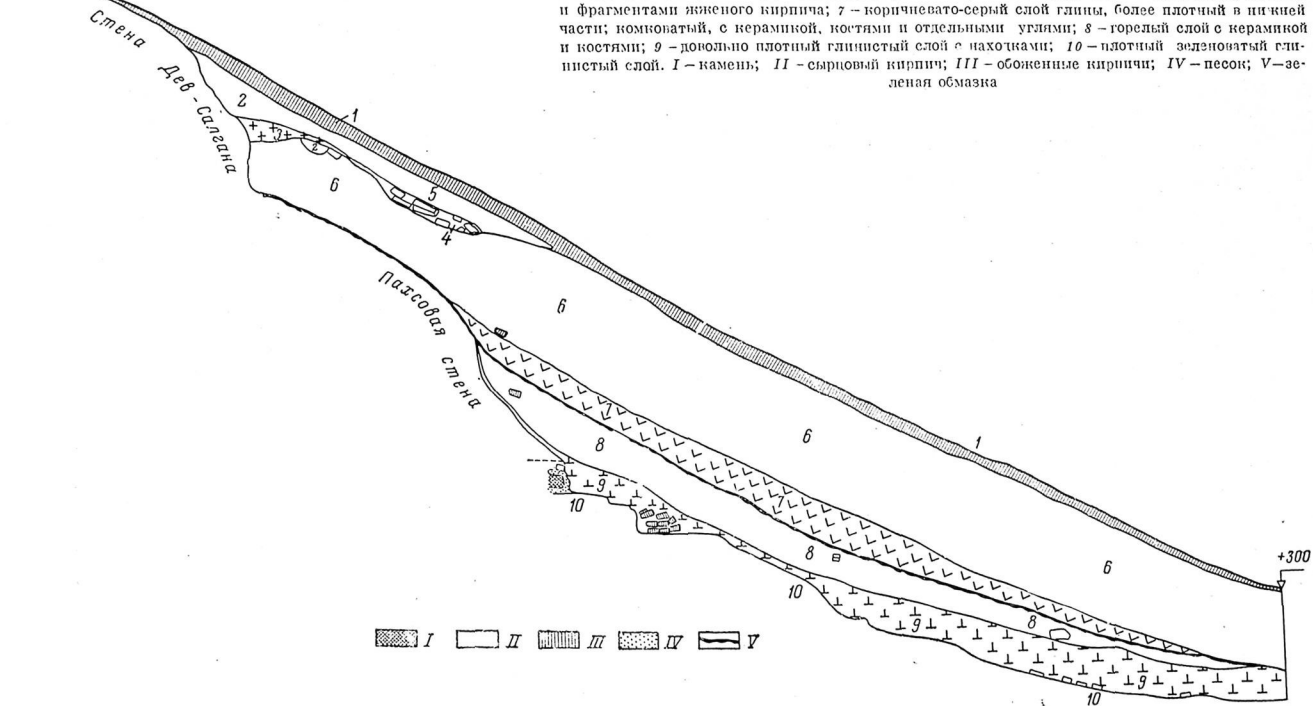
Горелый слой, связанный с разрушением минарета, подходит вплотную к уступчатому основанию стены Дэв-Салгана. Далее залегал слой зеленоватой обмазки, переходящей на уступ нахсовой стены, и все это перекрывалось зеленоватой массой засышки, образующей вал.

К сожалению, культурного слоя, который можно было бы связать со стеной Дэв-Салгана, у ее подошвы обнаружить в раскопе не удалось. Оче-

Стена
Дев-Салгана

Рис. 7. Раскоп VII. Профиль по северному борту раскопа у минарета.

1 — мягкий глинистый поверхностный слой; 2 — мягкий глинистый слой с прослойками самана; 3 — плотный комковатый слой; 4 — глинистый слой с обломками сырцового кирпича; 5 — глинистый слой с керамикой; 6 — глинистый (насыпной) зеленоватый слой с керамикой, костями и фрагментами обожженного кирпича; 7 — коричневато-серый слой глины, более плотный в нижней части; комковатый, с керамикой, костями и отдельными углями; 8 — горелый слой с керамикой и костями; 9 — довольно плотный глинистый слой с находками; 10 — плотный зеленоватый глинистый слой. I — камень; II — сырцовый кирпич; III — обожженные кирпичи; IV — песок; V — зеленая обмазка

видно, он уничтожен при постройке минарета и последующих ремонтах стены.

В результате работ выяснено, что все вскрытые на раскопе культурные напластования датируются золотоордынским временем. Более ранний материал — хорезмшахского периода — встречался переложенным вместе с золотоордынским и притом в незначительном количестве. Культурный слой афригидского периода обнаружен внизу на склоне, ниже основания минарета, но, как уже упоминалось, остался невскрытым из-за грунтовых вод. Очевидно, он залегал и выше по склону, но был уничтожен в последующее время.

Из находок в раскопе VII, кроме типичной керамики золотоордынского периода (рис. 8), в основном XIII—XIV вв., а в верхних слоях и более поздней, можно отметить несколько монет золотоордынского чекана, в большинстве случаев плохой сохранности, и немного бытовых предметов. В числе найденных украшений — различные бусы (сердоликовая бипирамидальная граненая, дисковидные керамические, покрытые бирюзовой поливой, стеклянные шаровидные и др.), обломки характерных для золотоордынского времени стеклянных браслетов, бронзовые колечки, рубчатая бронзовая пронизка. Встречены обломки стеклянных изделий, в том числе оконного стекла, фрагменты железных предметов, очень плохо сохранившихся, и некоторые другие.

Интересно отметить, что на основании материалов раскопов VI и VII устанавливается своеобразная особенность возведения стен с внешней стороны крепости. И в том, и в другом раскопе оснований стен покоятся на крупных кусках грубо оббитого камня или гончарного шлака. Очевидно, этот прием способствовал укреплению кладки, не давая стенам оползть; кроме того, положенные в основании стен камни, возможно, должны были предохранять их от действия грунтовых вод.

Интересными оказались раскопы VIII и IX, расположенные на незастроенной территории в юго-восточном углу городища у Дав-Салгана. Оба раскопа в процессе работ были объединены заложением между ними раскопом X (общая площадь раскопов около 225 кв. м), где, впрочем, из-за необычайной сырости грунта удалось вскрыть лишь средневековый пласт (в 1960 г.).

Общая площадь VIII и IX раскопов составила 52 кв. м; раскопки велись до появления грунтовых вод (на отметке —28 см), причем культурный слой продолжался и ниже. Лучше сохранившимся и наиболее интересным оказался нижний горизонт, в котором обнаружены развалы больших печей с сильно ошлакованными стенками; вокруг них лежали куски печины и гончарного шлака. Печи очень плохо сохранились и конструкцию их определить не удалось. Установлено лишь, что устье обеих печей было обращено на северо-восток; предположительная форма топочной камеры — грушевидная.

К печи № 1 (раскоп VIII) с восточной стороны подходила вытянутая с востока на запад кладка из сырца (ширина кладки два кирпича). Размер кирпичей $45 \times 44 \times 11$ см. К северо-востоку от нее обнаружена группа раздавленных крупных и мелких сосудов; среди обломков попадался керамический брак. В юго-западной части раскопа также обнаружены остатки кладки, идущей в направлении с севера на юг, но не смыкавшейся с кладкой у печи, а отделенной от нее завалом обломков сырцового кирпича, перемешанных с сырой глиной. Под завалом вскрыта большая заполненная песком яма, относящаяся к горизонту печи (рис. 9, А).

Печь № 2 (раскоп IX) почти полностью разрушена, и конструкция ее не выяснена.

Исследование остатков печей и окружавшего их материала позволяет прийти к выводу, что в нижнем слое этого участка крепости, на глубине около 3 м от современной поверхности, вскрыты остатки гончарной

Рис. 8. Керамика золотоордынского времени из культурных напластований у минарета.

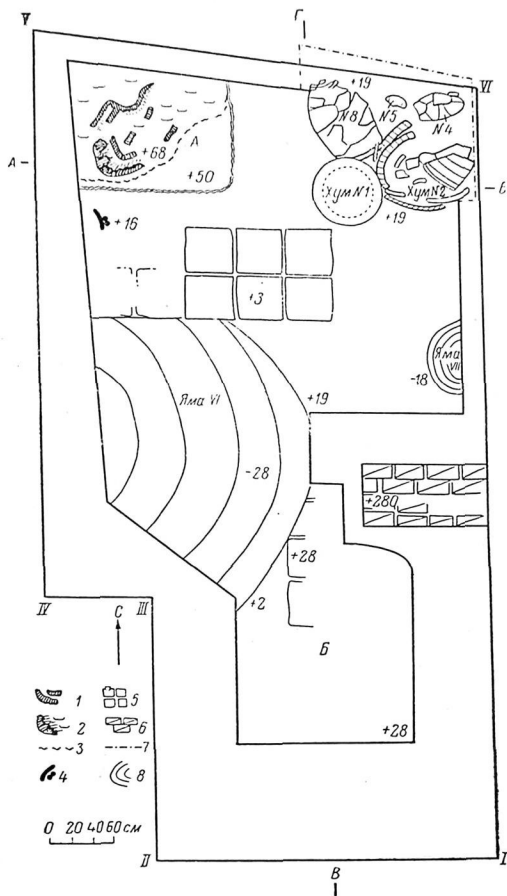

Рис. 9. План раскопа VIII по нижнему горизонту.

1 — остатки ошлакованных стен гончарной печи; 2 — прокаленная докрасна печина и куски ошлакованной обмазки; 3 — граница развала гончарной печи; 4 — место находки фрагмента бронзового «скифского» котла и колечек; 5 — кладка из античного сырцового кирпича; 6 — кладка из современного кирпича; 7 — граница прирезки по нижнему слою раскопа; 8 — ямы; А — останец рабочей поверхности, примыкающей к печи; Б — пахса с остатками кладки; №№ 1—5 — сосуды.

мастерской, которая датируется найденной керамикой раннеантичным временем. В раскопе VIII остатки керамического производства перекрывались глинистым завалом, в раскопе IX над развалинами печи лежал грунт, состоящий из глины с прослойками песка, перекрытый плотным слоем глины (толщиной до 0,3 м) с тремя прослойками камыша, — очевидно, следы рухнувшей кровли. Выше завала стен и кровли по всей площади раскопа VIII и XI глиняная забутовка (от 0,3 до 0,45 м толщиной) с небольшим количеством раннекангюйской керамики в нижней части.

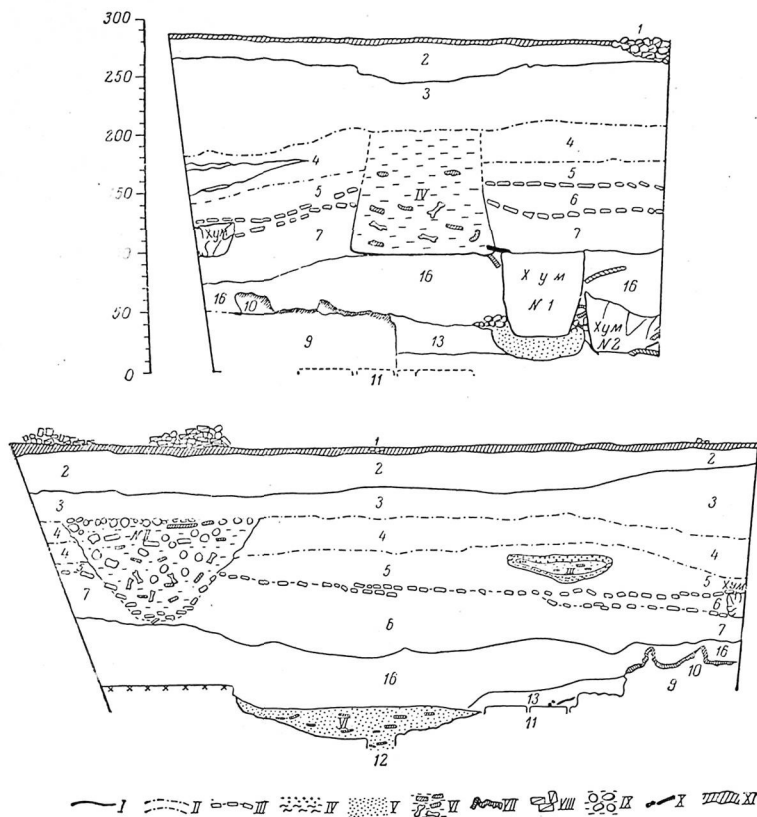

Рис. 9а. Профили северного (а) и западного (б) бортов раскопа VIII.

I — уплотненная поверхность; *II* — уплотненные гумусные поверхности зеленоватого цвета; *III* — вымостка античными черепками; *IV* — зола и уголь; *V* — песок; *VI* — керамика и кости в заполнениях ям; *VII* — остатки оплакованных стен гончарной печи; *VIII* — современный кирпич; *IX* — комки глины; *X* — фрагмент бронзового котла и бронзовые колечки; *XI* — верхний слой, насыщенный щебенкой, остатками современного кирпичного производства.

1 — современный утоптаный слой двора; *2* — глиняная плотная забутвка без находок; *3* — культурный слой под первой уплотненной поверхностью; *4* — культурный слой между *2* и *3* (зеленоватыми) поверхностями, включает позднезолотоордынскую керамику, кости животных и др.; *5* — слой над вымосткой; находки: раннезолотоордынская керамика с отдельными фрагментами более ранней посуды; *6* — тонкий слой между вымостками; находки: античная керамика и редкая средневековая; *7* — забутвка из глины со следами пластов пахсы и тонкими прослойками песка в нижней части; *9* — останец развала гончарной печи; *10* — оплакованные стены печи; *11* — вымостка сырцовым античным кирпичом; *12* — мокрая вязкая глина с античной керамикой; *13* — культурный слой с раннекангайской керамикой на рабочей поверхности, подходящей к печи; *16* — завал из расплавленных кусков сырца, пахсы, комков глины с редкими находками античной керамики; №№ *II*, *III*, *IV*, *VI* — ямы. (Слои *8*, *14*, *15* в эти разрезы не попадают).

Кроме керамики, к описанию которой еще придется специально вернуться, в раскопе VIII на уровне гончарных печей среди прочих немногочисленных находок обнаружен интересный фрагмент верхнего края бронзового котла так называемого «скифского» типа. Край представляет собой

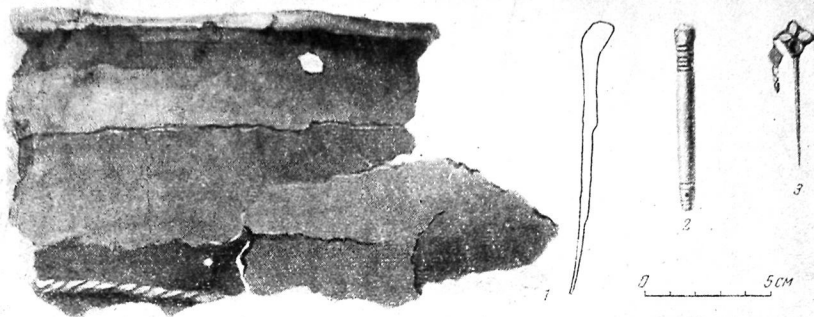

Рис. 10. Находки в раскопах VIII и IX.

1 — край бронзового котла из нижнего культурного слоя раскопа VIII; 2 — костяное изделие из слоя золотоордынского времени раскопа IX; 3 — бронзовая булавка с вставками из бирюзы, оттуда же

отогнутую наружу верхнюю часть стенки. Под ним заметны неопределимые рельефные линии — может быть, орнамент, восстановить который не удастся из-за плохой сохранности металла. Ниже идет опоясывающий сосуд жгутик в виде шнура (рис. 10, 1). Обнаружены также два лежавших вместе очень тонких бронзовых колечка, а в небольшой ямке, неподалеку от печи, кучкой были положены семь астрагалов-альчиков, служивших, видимо, для игры; поверхность их заполирована, а некоторые — подтесаны.

Интересен обломок глиняной фигурки животного, найденный в раскопе IX.

На забутовке, перекрывавшей раннекангуйский слой, поверх тонкого глинистого слоя зеленоватого цвета была расчищена вымостка из плотно уложенных черепков античных сосудов, главным образом толстостенных. В культурном слое над ней оказались средневековые черепки, прослеженные по всей площади раскопов VIII и IX; в восточной части последнего вымостка подходила к вырытому с этой поверхности колодцу диаметром 0,65 м; стенки колодца были сделаны из средневекового обожженного кирпича. Колодец перекрывался культурным слоем, где встречались фрагменты средневековой керамики и кости животных (рис. 11). Над этим слоем по всему раскопу IX и в восточной части раскопа VIII оказалась еще одна вымостка из античных черепков, точно такая же, как и нижняя. В западной части раскопа VIII вымостка переходит в хорошо утоптанную зеленоватую поверхность, местами нарушенную более поздними ямами.

Керамика, собранная в культурном слое над обеими вымостками, датирована Н. Н. Вактурской раннезолотоордынским временем; лишь отдельные черепки принадлежали посуде X в. н. э. Таким образом, обе поверхности, замощенные античными черепками (кангуйского и кушанского периодов), относятся к монгольскому времени. Вышележащий культурный слой, включающий две утопанные поверхности, датируется позднезолотоордынским временем. Обе поверхности прослежены на площади раскопа VIII и на большей части раскопа X; в IX же они полностью уничтожены позднейшими перекопами.

С верхней поверхности в юго-западной части раскопа X был вырыт колодец (наружный диаметр 1,38 м, внутренний — 0,85 м). Стенки его выложены обожженным средневековым кирпичом и на три ряда плашмя лежащих кирпичей возвышались над уровнем древней дневной поверхности.

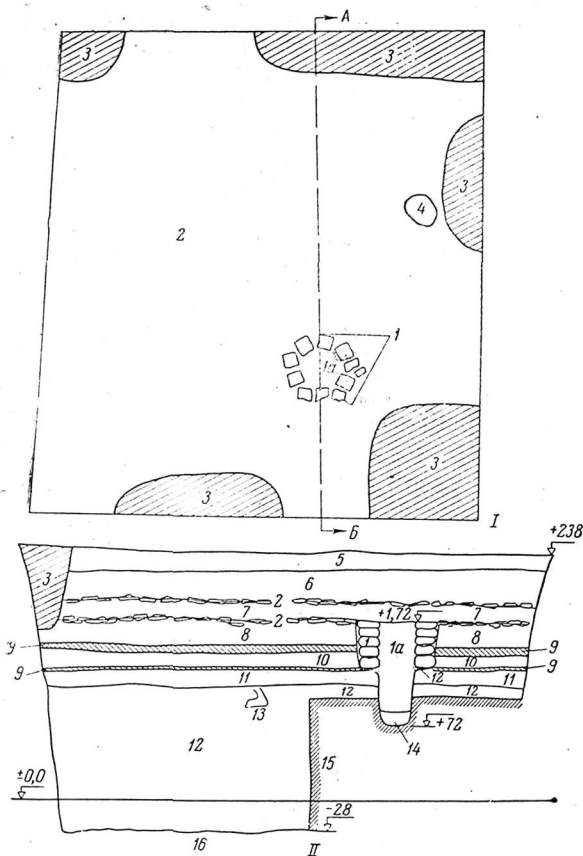

Рис. 11. План (I) и разрез (II) раскопа IX.

1 — колодец золотоордынского времени; 1а — глинистое заполнение ташны; 2 — вымостка из черепков сосудов античного времени, выложенная в золотоордынский период; 3 — ямы, вырытые в новое время; 4 — яма вырытая в золотоордынский период; 5 — глинистый слой с керамикой различных эпох, вплоть до современности, и костями животных; 6 — слой твердой глины без находок (подбутовка); 7 — культурный слой с керамикой золотоордынского времени; 8 — глинистый грунт с керамикой античного времени и углями; 9 — плотная утоптанная глинистая поверхность зеленоватого цвета с античной керамикой и костями животных; 10 — культурный слой с керамикой античного времени и костями животных; 11 — плотный глинистый грунт с тремя горизонтально расположенными прослойками иследшего камыша; 12 — глинистый слой с песчаными линзами и прослойками; 13 — остатки пода гончарной печи; 14 — зеленоватые слоистые глинистые натени в нижней части колодца; 15 — нераскопанная часть; 16 — мокрый глинистый грунт (уровень выступления грунтовых вод)

Некогда, очевидно, верхний венец был выше, так как обломки тех же кирпичей в беспорядке валялись рядом.

К востоку от колодца была вырыта большая яма (раскоп VIII, яма № 2), в заполнении которой найдены фрагменты бракованной позднезолотоордынской керамики, часть небольшого необожженного сосуда, комки глины, куски керамического шлака и обломки средневекового кирпича.

Без сомнения, и в этом слое мы обнаружили следы керамического производства, но теперь уже золотоордынского времени.

Четкой грани между ранне- и позднезолотоордынскими слоями не было. В толще культурного слоя, разделяющего напластования этих периодов, в нижней части попался ранний материал, к которому постепенно применялась более поздняя керамика, пока она не стала преобладать на следующей утоптанной поверхности.

Находки, исключая керамику, на площади раскопов VIII и IX очень немногочисленны. На второй уплотненной поверхности (раскоп VIII) в зеленом глинистом слое найдена бронзовая подвеска (серьга?), несколько утолщенная к середине с округлыми незамкнутыми концами. Немного глубже (глубина 82 см) встречена бронзовая монета, судя по сохранившимся частям рисунка — золотоордынская.

Бронзовая монета почти прямоугольной формы обнаружена на раскопе IX. Там же на зеленоватой гумусной средневековой поверхности (верхней), найдена бронзовая булавка-заколка изящной ювелирной работы. Головка ее украшена четырьмя вставками бирюзы, с двух сторон было подвешено по тонкому бронзовому щитку; из них сохранился один, к которому на проволочке прикреплены бусины — белая и черная (рис. 10, 3). Костяные изделия представлены лишь одной поделкой — резным стержнем с округлым утолщением-навершием и сквозным отверстием на противоположном конце; возможно, стержень служил колком музыкального инструмента (рис. 10, 2).

Средневековые культурные напластования были отделены от современных плотной глиняной забутовкой мощностью 0,3—0,45 м, сделанной, видимо, при перестройке города в XIX—XX вв. Слой над забутовкой сильно перекопан. В нем попадался самый различный материал, начиная от античных черепков и кончая керамикой и кирпичами XX в. Часто встречались куски гончарного шлака и фрагменты бракованной посуды XIX—XX вв. Кроме того, по всей площади раскопов VIII—X постоянно встречались глубокие ямы, иногда доходившие до нижних античных слоев и заполненные золой, углем, бракованной керамикой. Все это свидетельствовало о недавнем существовании здесь гончарного производства. Местные старожилы, помнящие о том, что в этой части городища работали обжигабельные печи, указали нам их примерное размещение, что было очень важно для разбивки раскопов.

Таким образом, в результате работ выяснилось, что юго-восточный угол городища с наиболее древнего, раннекангуйского, периода и до современности оставался незаселенным. Это был гончарный квартал, по традиции оставшийся на одном и том же месте в течение двух с половиной тысяч лет.

С юга и востока владения гончаров ограничены крепостными стенами; как далеко простирался гончарный квартал на север и запад, установить пока не удалось. Во всяком случае в шурфе № 2 — крайняя северо-западная часть сомкнувшихся с ним раскопов VIII—X — залегание слоев и находки свидетельствуют, что территория гончаров доходила и сюда.

Стратиграфия в шурфе № 2 в общем аналогична выявленной в раскопах VIII и IX. Здесь также под перекопанным современным слоем шли средневековые напластования, перекрывавшие лежащую на глинистой забутовке вымостку из античных черепков. В культурном слое над вымосткой тоже найдены фрагменты раннезолотоордынской керамики и отдельные черепки посуды X в. н. э.

Отметим, что вымостка в шурфе по отметкам залегает глубже (отметки ее в раскопах +184 — +99 см; в шурфе +96 — +50 см), однако это объясняется общим понижением всех поверхностей, включая современную, с юго-востока на северо-запад, т. е. от стен к середине городища, что вполне закономерно.

В горизонте под вымосткой античными черепками средневековой керамики уже не встречается; античная же полностью соответствует найденной на уровне раннекангюйских гончарных печей в раскопах VIII и IX.

Обращает на себя внимание полное отсутствие на этом участке горюща культурных слоев, относящихся к афригидскому и хорезмшахскому времени, хотя фрагменты афригидской и хорезмшахской керамики попадались в перекопанном современном слое и в ямах, которые датируются не ранее XIX в., т. е. всегда в переотложенном состоянии. Это позволяет предположить, что афригидские и хорезмшахские слои были полностью уничтожены при последующей перепланировке участка, вероятно, уже в раннезолотоордынское время.

На уровне горизонта античных гончарных печей в раскопах VIII и IX и в шурфе № 2 собрано довольно много керамики, составившей интересный комплекс, заслуживающий специального описания. В нем представлено большинство форм сосудов, бытовавших в Хорезме в раннекангюйский период, однако хазараская посуда несколько своеобразна. На многих сосудах прослежены (особенно на хумах, рис. 12, 1) арханческие черты, присущие керамике переходного от арханческого к кангюйскому периоду, известному в Хорезме по раскопкам арханческой усадьбы близ Дингильдже (Турккульский район).

Почти вся найденная керамика — ремесленного производства и отличается хорошим качеством изготовления. Глиняное тесто хорошо отмучено; примесь точеного гипса заметна в крупных сосудах в виде мелких комочков, в небольших — крупнок. Она промешана, равномерно распределена, хотя во многих хумах и хумчах процент примеси больше обычного для керамики раннекангюйского времени на Кой-Крылган-кале, Калалы-гыре № 1 и 2 и др. Обжиг — окислительный, достаточный, черепок яркого красно-кирпичного цвета; наружная поверхность покрывалась светлым или красным ангобом. Светлоангобированные сосуды обычно расписывались красной краской, принимавшей в зависимости от режима обжига различные оттенки — от желто-охристого до красно-коричневого.

По сравнению с известной уже хорезмской керамикой раннекангюйского времени хазараские сосуды, особенно крупные, сформованы менее умело. Кроме того, что на их поверхности сохранилась характерная для арханческой посуды горизонтальная рубчатость, части больших сосудов, формовавшиеся отдельно, пригнаны друг к другу плохо — в местах их соединения получались или вдавления, или портящие форму выпуклости. Мелкие сосуды выработаны более тщательно, как это, впрочем, можно отметить и для дингильджинской керамики.

Мы приведем описание посуды, найденной лишь в горизонте, связанном с расположением гончарных печей, однако и в вышележащих смешанных слоях Хазараспа, и среди фрагментов вымостки из античных черепков попадались и другие формы, которые не были встречены близ печей, — куски вьючных баклаг или фляг, кубков на высокой ножке и многие другие. В большинстве случаев это небольшие фрагменты, дающие представление лишь об общей форме сосуда. Встреченные в слоях с перемешанной керамикой (в том числе античной различных периодов — кушанского и кангюйского), они не могут достоверно датироваться тем же временем, что и весь комплекс, обнаруженный в горизонте печей, среди которого отметим следующие формы:

Хумы — представлены двумя почти целыми экземплярами и многими фрагментами (рис. 12, 1; 13, 1—3, 38). Это крупные сосуды высотой 80—90 см; внешний диаметр устья¹² равен 48—50 см, наибольший диаметр корпуса — 60—70 см, дна — около 48 см; толщина стенок 1,8—2,5 см. При общей массивности сосудов, что подчеркивается их широкогорлостью и

¹² Здесь и везде указывается внешний диаметр.

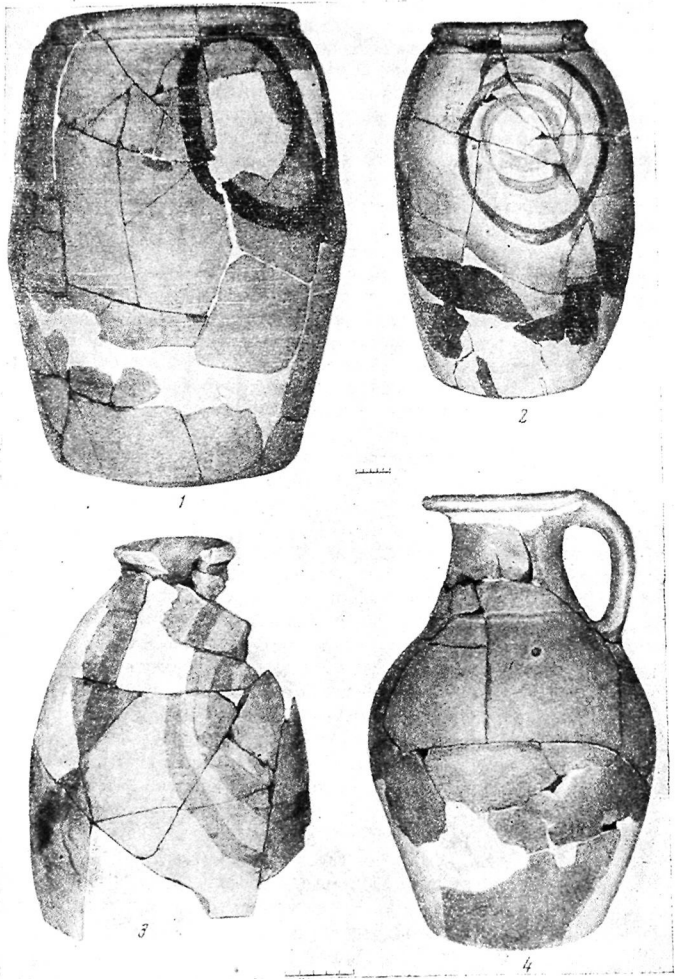

Рис. 12. Сосуды, собранные около развалин античной гончарной печи нижнего горизонта раскопа VIII

широкодонностью, обращает на себя внимание миниатюрность округлого валикообразного венчика. Низкую шейку опоясывает невысокий валик, обычно хорошо выделенный снизу и хуже вверху, так что иногда он составляет с шейкой единое целое, образуя как бы воротничок, спускающийся от венчика на довольно покатые плечики сосуда (рис. 13, 1). Наибольший диаметр приходится приблизительно на середину корпуса и немногим превышает диаметр венчика и дна, что сближает форму хазараспских хумов с характерной для дингильджинских хумчей. Это сходство дополняется совершенно такой же, как у дингильджинских хумчей, формой округлого дна с небольшим уплощением в середине и обработкой наруж-

ной поверхности. Однако от хумчей позднеархаического времени хазараспские хумы отличаются заметным сужением корпуса к днищу и формой придонной части, оформившейся системой орнаментации, меньшим количеством примеси гипса в тесте.

Снаружи хумы покрыты белым ангобом, переходящим по условиям обжига иногда в желто-розовый. Корпус расписан тремя завернутыми в спирали лентами, нанесенными темно-красной, различных оттенков, краской. Роспись выполнена небрежно — много подтеков, капель; ленты различной ширины, краска наложена неровно.

Свободный конец спиралей начинается на плечиках, и вся спираль как бы спускается от валика (или даже от венчика) к середине тулова. На плечиках и днищах хумов во многих случаях прочерчены знаки. На днищах встречаются знаки выпуклые, оттиснутые, видимо, в углублениях, сделанных на подставках для формовки.

Хумчи найдены двух видов.

1. Одни из них по форме близки хумам, но меньше и более стройных пропорций (рис. 12, 2; 13, 39). Высота сосудов 60—70 см, диаметр устья колеблется от 26 до 36 см, наибольший диаметр тулова — от 38 до 50 см, диаметр дна приблизительно равен диаметру венчика. Венчик округлый, валикообразный; наибольший диаметр тулова имеет в пределах пояса, расположенного ниже верхней трети сосуда до его середины; дно почти плоское, лишь слегка скругленное к краям. По плечикам идет невысокий валик, от которого, так же как и у хумов, начинается роспись в виде трех спиралей.

2. Хумчи второго вида — горшкообразные (рис. 13, 18, 23). Они отличаются от горшков большими размерами и не встречавшейся пока на собственно горшках орнаментацией в виде прочерченных треугольников, закрашенных красной краской. Однако провести четкую грань между большими горшками и хумчами трудно. Форма венчика — округлая, валикообразная или близкая к прямоугольной со скругленной выступающей гранью и горизонтальной площадкой по бережку. Плечики опоясывают один или два валика; по корпусу одного из сосудов прочерчен двойной пояс, а под шейкой сделаны шипообразные налены с отверстиями для доступа воздуха в сосуд (рис. 13, 23).

Диаметр хумчей этого типа по венчику 25—30 см, наибольший диаметр корпуса достигает 36 см. Диаметр дна сосуда и высота по имеющимся фрагментам не определяются.

У некоторых хумчей, судя по фрагментам, наружная сторона поверх светлого ангоба расписана красной краской. Встречен орнамент в виде уже упомянутых прочерченных и сплошь закрашенных треугольников, над которыми по шейке сосуда нанесены той же краской неоконтурные полосы. Есть фрагменты с неопределимой ленточной росписью, возможно спиральями.

Тазы. Найден всего один фрагмент, который можно отнести к тазам. Стенки корпуса неровные и толстые (до 2 см), дно, напротив, непропорционально тонкое (0,8 см), как это бывало у позднеархаических сосудов. Форма таза открытая, стенки направлены от дна вверх слегка отклоняясь наружу, край скруглен. Переход от дна к тулову хорошо выражен. Наибольший диаметр таза имеют по краю, он равен примерно 36 см. Внутри поверхность покрыта легким светлым ангобом. Вообще же выработка сосуда небрежная — края и стенки неровные; на днище — следы подсыпки песка при формовке (рис. 13, 40).

Горшки и представлены немногочисленными фрагментами верхних частей, различающихся главным образом по величине и по форме венчика. Преобладают фрагменты горшков с сильно раздутым туловом, невысокой шейкой и сравнительно небольшим венчиком — округлым, подтреугольным или подпрямоугольным в сечении с почти горизонтальной площадоч-

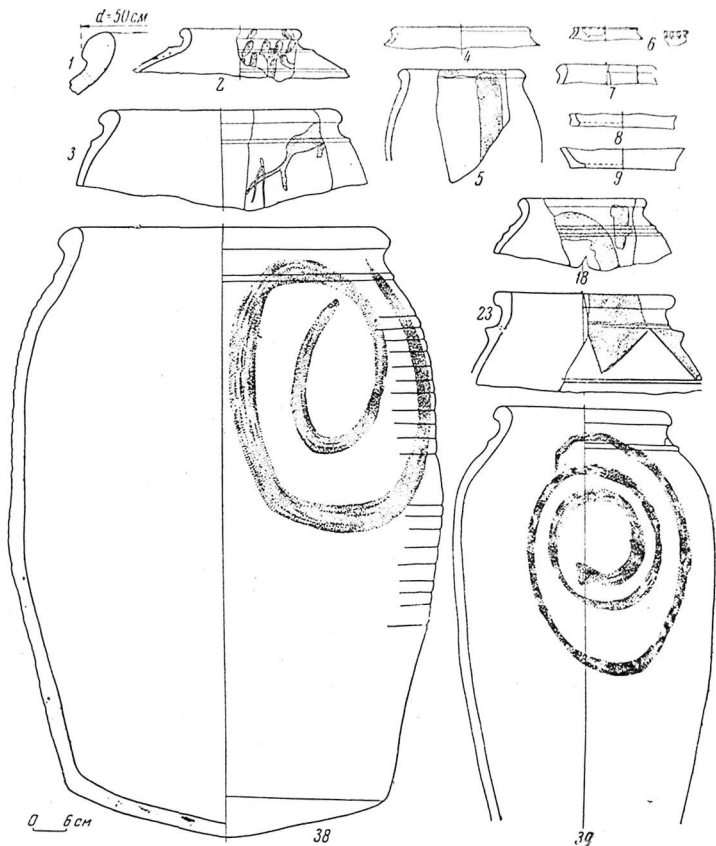
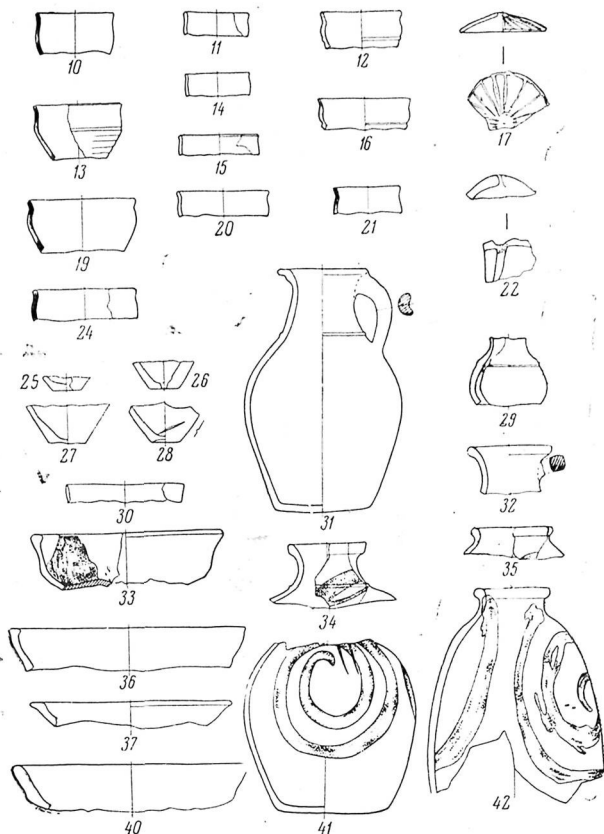

Рис. 13. Керамика из нижнего горизонта раскопа VI

1, 3, 38 — хумы; 2, 4—7 — горшки; 8, 9 — доньшки лепных горшков; 10, 13, 19, 24 — бокалы; или небольших кувшинчиков; 29, 31, 32, 34, 35, 41.

кой по берегу. Диаметр горловины сосуда колеблется от 10 до 20 см (остальные размеры не устанавливаются). Все найденные фрагменты снаружи покрыты светлым ангобом, поверх которого у большинства нанесена роспись красной краской. Роспись несложная — в виде «запятых», вертикально спускающихся от окрашенного венчика, или полос, или идущих по кривой лент (может быть, спирали?). Венчик окрашивался сплошь или поперечными полосами красной краской. Плечики сосуда обычно гладкие, реже опоясаны одним-двумя невысокими валиками (рис. 13, 2, 4, 6, 7).

Как индивидуальную форму отметим горшок со слабо выступающим валикообразным венчиком, диаметром 20 см, сильно покатыми плечиками и слегка округлым туловом, наибольший диаметр которого, равный 24 см, немногим превышает диаметр устья, что делает горшок похожим на банкообразные сосуды позднеархаического времени. Усиливает это впечатление обработка наружной поверхности (рис. 13, 5).

(с уровня развалин античной гончарной печи)

11, 12, 14—16, 20, 21—чашы; 17, 22—крышки; 18, 23, 39—хумчы; 25—28—донные части бокалов
42—кувшины; 30, 33, 36, 37—миски; 40—таз;

Аналогичные сосуды известны на юго-западе Средней Азии и на севере — в Казахстане. Южные опубликованы среди керамики древнего Мерва с городища Гяур-кала, датированной III—II вв. до н. э.¹³ К сожалению, более ранняя посуда из Гяур-калы почти не опубликована, и мы не можем судить о времени появления данной формы. Однако, судя по публикациям, в дальнейшем эта форма не сохранилась и не развилась; следовательно, для III в. до н. э. она, очевидно, была пережиточной, о чем может в какой-то мере свидетельствовать и некоторая «баночность» корпуса, столь характерная для древнемаргианской керамики типа Яз II и Яз III¹⁴ и архаических сосудов Хорезма¹⁵. На севере горшки близкой формы

¹³ Л. М. Рутковская. Парфянская керамика древнего Мерва. СА, 1958, № 3, стр. 128, рис. 2, б.

¹⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959.

¹⁵ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ», т. IV. М., 1959, рис. 2, 23.

встречаются среди посуды, найденной на крепости Бабин-мулла № 1 и окружающих это городище поселений¹⁶.

Кувшины представлены немногочисленными, но разнообразными разновидностями этой формы сосудов. Чаще всего попадались фрагменты довольно больших кувшиновидных сосудов с относительно низким и широким горлом, без ручек (рис. 12, 3; 13, 34, 35, 41, 42), с округлым валикообразным или подтреугольным в сечении сильно выступающим венчиком. Среди них есть с валиком по плечикам и без него, с округлыми или покатыми плечиками. Все они расписаны узором в виде трех спиралей, спускающихся от венчика или от середины шейки до нижней трети тулова. Как и у хумов и хумчей свободный конец спирали — вверх. Сосуды эти различны по выработке. Есть тщательно изготовленные тонкостенные, но встречаются довольно толстостенные, небрежно сформованные, с поперечной ребристостью по наружной поверхности и небрежной росписью (рис. 13, 42). Размеры сосудов: диаметр венчика 12—13 см, наибольший диаметр тулова 27—28 см (он расположен в середине или в нижней части сосуда), дна — 14—18 см. Высота сосуда до 35—45 см, шейки — от 1—2 до 4—5 см. Дно плоское, слегка скругленное у перехода к стенкам. На некоторых фрагментах плечиков встречаются прочерченные до обжига знаки.

Кувшинов с одной ручкой меньше. Они также довольно большие — до 36 см. Наружная поверхность покрывалась красным ангобом. Венчик — сильно выступающий, округлый валикообразный или уплощенный с горизонтальной площадочкой, в середине которой на некоторых венчиках заметна ложбинка, возможно для края крышки (рис. 12, 4; 13, 31, 32). Наибольший диаметр — около 25 см — проходит приблизительно на половине высоты тулова, дно — широкое (диаметр 14—15 см), слегка скругленное подрезкой по краю. Ручка посажена верхним концом под венчик, нижним опирается на плечико под опоясывающим валиком. Ручек найдено несколько; они различны в сечении: подквадратные, круглые и в форме боба, обращенного выемкой наружу¹⁷.

Кроме больших, формовались и маленькие кувшинчики, но они представлены единичными экземплярами кувшинов с одной ручкой, шаровидным туловом, сравнительно высокой горловиной (рис. 13, 29). Сосуды эти покрыты плотным красновато-коричневым ангобом и подлощены.

Чаши. По форме верхней части чаши сравнительно мало отличаются друг от друга. Можно выделить лишь два вида, причем каждый встречен в нескольких вариантах, дающих небольшие отклонения.

1. Небольшие тонкостенные сосуды с вертикально направленной верхней частью, мягко переходящей от наибольшего диаметра к доньшку. Скругленный или слегка заостренный верхний край незначительно отогнут. Диаметр устья 10—12 см, ему равен или почти равен и наибольший диаметр корпуса (рис. 13, 11, 14, 15).

2. Более толстостенные и крупные чаши с почти вертикально направленной верхней частью, значительно отогнутым наружу скругленным или приостренным краем. Диаметр устья и наибольший диаметр корпуса почти равны и колеблются в пределах 11—15 см. Переход к нижней части корпуса четко выражен и подчеркнут небольшим валиком или уступом (рис. 13, 12, 16), встречающимся среди керамики Дингильдже и сближаю-

¹⁶ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4. М., 1960, стр. 55, рис. 42, 10; стр. 56, рис. 43, 12.

¹⁷ Судя по находке в шурфе № 2, ручки кувшина с налетом в виде головы льва. Можно думать, что и эта разновидность их выработывалась в период существования гончарных печей античного Хазараспа. С полной уверенностью, однако, этого сказать нельзя, так как ручка обнаружена над выемкой из античных черепков, но относящейся к средневековью; из какого слоя она попала туда, определить невозможно.

щим эти чаши с одним из видов позднеархаических. Однако по общему облику сосуда эти ближе встречены при раскопках Калалы-гыра № 2. Место перехода у калалы-гырских чаш тоже подчеркнуто, но не валиком, а хорошо выраженным ребром¹⁸.

Кроме перечисленных двух групп, есть фрагменты чаш, близких по форме и той, и другой, но со смягченными чертами (рис. 13, 20, 21).

Миски найдены трех разновидностей, но в небольшом числе фрагментов.

1. Тонкостенная красноангобированная мисочка, судя по фрагментам, довольно открытая и плоская. Диаметр устья 18 см (рис. 13, 30).

2. Верх толстостенной красноангобированной миски, по форме больше похожей на блюдо. Горизонтальная площадочка венчика у наружного края скруглена. Диаметр устья 32 см (рис. 13, 37).

3. Относительно закрытые светлоангобированные миски с округлой верхней частью. Наибольшего диаметра (от 31 до 36 см) они достигают по краю, слегка подрезанному снаружи и выступающему внутрь (рис. 13, 33, 36). Обработка ангобом внутренней поверхности более тщательная, чем наружной. На одном из фрагментов по внутренней поверхности нанесена роспись красной краской широкими полосами, идущими от края к центру дна. На наружной стороне дна — следы подсыпки песка при формовке.

Бокалы или кубки — одной формы, глубокие, красноангобированные, с небольшим массивным плоским или слегка вогнутым донышком, хорошо известные в античной керамике Хорезма¹⁹.

В Хазараспе встречены две их разновидности:

1. Верхняя часть сосуда от наибольшего диаметра почти вертикально направлена вверх, край чуть скруглен и отогнут; диаметр устья (около 14 см) приблизительно равен диаметру тулова в его широкой части. К донышку корпус заметно сужается. По наружному краю и по наиболее широкой части тулова некоторых фрагментов прочерчены тонкой линией пояски (рис. 13, 10, 13).

2. Фрагменты сосудов с туловом, мягко переходящим в более узкую донную часть (рис. 13, 24). Наибольший диаметр тулова варьируется от 13 до 17 см, диаметр устья при этом соответственно изменяется от 12 до 16 см. Край скруглен или чуть приострен и отогнут наружу. Толщина стенок 0,5—0,7 см; у донца они заметно становятся толще. Кубки обеих групп выработаны очень тщательно.

Отметим, что найденные в раскопках массивные донные части сосудов (красноангобированных) могут в равной степени относиться к бокалам и некоторым формам чаш и небольшим красноангобированным же кувшинчикам (рис. 13, 25—28). На стенках у дна часто нанесены знаки, из которых полностью сохранился только один — в виде косо идущей насечки.

Среди собранной керамики следует упомянуть еще и крышки. Они найдены сегментовидной более высокой (рис. 13, 22) или уплощенной (рис. 13, 17) формы. Вверху немного ниже центра делалось отверстие для доступа воздуха в закрываемый сосуд. Сохранился фрагмент высокой крышки, расписанной красной краской по светлому ангобу. Крышка уплощенная также расписана по светлому ангобу красным. Отверстие для доступа воздуха обведено кружком, от которого расходятся полосы к окрашенному той же краской краю (рис. 13, 17). Роспись небрежная. И те, и другие крышки сегментовидной формы обычные для керамики античного Хорезма²⁰.

¹⁸ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ», т. IV, стр. 108, рис. 17, 11 и стр. 111.

¹⁹ Там же, стр. 112 и рис. 17, 33, 34, 39 и на стр. 108.

²⁰ М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 108, рис. 17, 8, 9.

Сосуды, вылепленные от руки, представлены всего несколькими фрагментами стенок и двумя обломками дниц горшков (диаметр 16 см). Днонышко выделено в виде поддона высотой в 1 см (рис. 13, 8, 9). Такое выделение дна вообще не характерно для лепной посуды Хорезма, хотя оно есть среди лепных горшков Калалы-гыра № 1, относящихся к раннекангюйскому времени ²¹.

Черенок лепных сосудов темно-серый или коричневатый в изломе, красноватый по поверхности, рыхлый. Обжиг слабый. В тесте примеси шамота и довольно крупных кусочков глина. Иногда заметны следы выгоревших при обжиге растительных волокон.

Для изучения античной керамики Хорезма исследованный комплекс интересен тем, что он составляет еще одно недостававшее до сих пор звено в общей линии развития хорезмских керамических форм. После раскопок архаической усадьбы близ Дингильдже удалось установить, что разрыва между керамикой архаического и кангюйского времени не было и что существовали переходные формы посуды. Этим еще раз подтвердилось высказанное в свое время предположение С. П. Толстова о единстве типа культуры древнего Хорезма, начиная с конца архаического времени и до III—IV вв. н. э. ²²

Однако до раскопок в Хазараспе оставалось неясным, каким образом после огромных цилиндрических широкогорлых хумов с подсеченным дном, типичных для архаического гончарного производства, могли вырабатываться красивые, изящные хумы кангюйского времени, так хорошо известные по раскопкам Кой-Крылган-калы. Каким образом мог так трансформироваться этот тип сосудов?

Хазараспские хумы по форме представляют собой увеличенную дингильджинскую хумчу, лишь немного измененную в донной части в сторону ее сужения (т. е. приближения к классической кангюйской форме). Это убедительно свидетельствует о том, что для кангюйских хумов была использована форма хумчегей позднеархаического периода, которые в свою очередь переходят к одному из видов хумчегей архаических. Новая форма хума оказалась более удобной, и поскольку цилиндрические хумы архаического периода не получили дальнейшего развития и были полностью вытеснены.

Весь облик хазараспской керамики нижних слоев (раскоп VIII, IX) позволяет считать, что по времени она не могла отстоять далеко от дингильджинской. Однако формы многих хазараспских сосудов уже кангюйские, а для их создания хорезмийским гончарам потребовался известный срок, и помещать античную посуду Хазараспа непосредственно вслед за дингильджинской — нельзя. Промежуточным звеном служит керамика, найденная в Калалы-гыре № 1, в слое, относящемся к периоду постройки крепости (в субструкционной клетке). По деталям формы и еще не выработавшейся системе росписи калалы-гырская посуда ближе дингильджинской, чем найденная в Хазараспе, которая относится уже к следующему этапу развития и непосредственно предшествует керамике Кой-Крылган-калы и других одновременных ей памятников.

* * *

В результате археологических работ на памятнике во многих раскопках получен интересный архитектурный материал. Следует заранее оговориться, что пока это относится только к наиболее раннему строительному периоду (IV—III вв. до н. э.), так как лишь стены крепости, относящиеся к этому времени, находясь вне современного вала, доступны для

²¹ Л. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 99, рис. 12, 10.

²² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 88.

вскрытия раскопками. Стены же последующих периодов целиком включены в толщу вала, за исключением средневековых укреплений, отдельные участки которых частично проступают в некоторых местах обрушения стен, относящихся к XIX в.

Для воссоздания древнейшего вида крепости и реконструкции ее плана данных, полученных из раскопок, было недостаточно. Открытые там стены

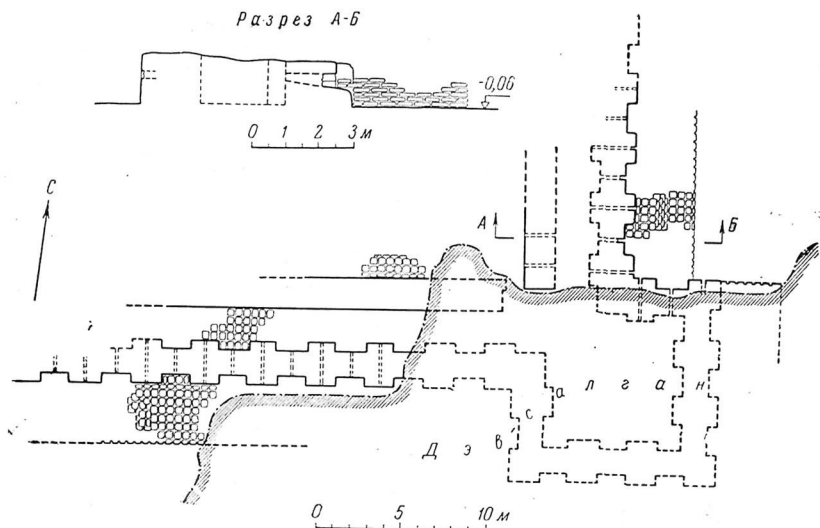

Рис. 14. Раскоп I. План и разрез

были разнородны по строительному материалу и архитектуре и отличались по своему местоположению в системе укреплений. Для того чтобы в этом разобраться, пришлось провести дополнительные обследования и зачистки обнажившихся в разных частях городища участков древнейших стен. Только после нанесения на план всех выявленных остатков крепостных сооружений появилась возможность связать их в единое целое, воссоздать систему стройного регулярного плана, очень характерного для античности.

После того как схема реконструкции плана была создана, все участки раскопанных стен, а также найденных в результате дополнительных поисков, целиком вкомпановались в эту схему, что позволило считать нашу реконструкцию древнейшего плана крепости достоверной.

При исследовании материала ставились следующие основные задачи: выяснение очертаний и размеров плана, определение количества опоясывающих городище стен и последовательность их возведения, установление наличия башен, их количества и конфигурации, определение местоположения входа в крепость.

Отправным моментом в наших исследованиях послужили материалы из раскопа I (рис. 14). В этом раскопе, заложенном в 1958 г. в юго-восточном углу городища, у подножия Дэв-Салгана были вскрыты две взаимно перпендикулярные системы паховых и кирпичных стен, расположенные параллельно южной и соответственно восточной сторонам позднейшего крепостного вала и находящиеся внутри городища. Внешние южный и восточный концы этих систем уходили под Дэв-Салган, и проследить

место примыкания их друг к другу снаружи оказалось невозможным; внутренние же стороны частично оставались вне пределов бугра и были защищены.

Каждая система стен, прослеженных с южной стороны на участке протяжением 25 м, а с восточной 15 м, включала в себя несколько параллельно идущих, примыкающих друг к другу кладок, различных по материалу, конструкции и строительным приемам.

В южной системе стены сохранились на большую высоту, но оказались слишком заглубленными в толщу последующих наслоений, а потому труднодоступными. В восточной же системе, напротив, уцелела лишь нижняя часть стен, что позволило частично вскрыть их основания. В нагромождении кладок удалось выделить две линии параллельно идущих паховых стен, из которых внешняя снаружи и изнутри была обработана пилястрами. Между паховыми стенами и с внешней стороны каждой из них находится кирпичная кладка из крупного квадратного сырцового кирпича, размер которого колеблется в пределах от $38-39 \times 38-39 \times 10$ до $44-45 \times 44-45 \times 10-12$ см. Необычная разделка поверхности внешних южной и восточной паховых стен заставила прежде всего попытаться исследовать именно их, тем более, что хотя они и находились внутри соответствующих восточной и южной систем кладок, благодаря разрушениям стен городища в ряде мест их удалось достаточно хорошо обнажить.

Сложены эти стены из пахсы очень хорошего качества. Снаружи они обработаны расположенными на расстоянии 1,6—1,7 м друг от друга пилястрами шириной 1,8—1,9 м и выносом 0,5—0,55 м. Пилястры и простенки между ними оштукатурены, причем следует отметить высокое качество материала штукатурки — глины и совершенство ее выполнения. С внутренней стороны стены имеют ниши, промежутки между которыми, соответствующие пилястрам фасада, также выглядят пилястрами. Размер ниш²³ несколько больший, чем промежутки между пилястрами на фасаде и, следовательно, внутренние «пилястры» несколько уже внешних. Наибольшая толщина стены 2,6 м, в простенках — 1,5—1,6 м.

У самого Дэв-Салгана внешняя из исследуемых паховых стен прослежена до основания частично только по восточной стороне, у места поворота стены на восток, где она под прямым углом к основному направлению образует пятиметровый выступ, имеющий две пилястры. Далее стена вновь поворачивает к югу и уходит под Дэв-Салган. Угловая пилястра, расположенная в месте этого поворота, сохранилась на высоту 6,95 м (считая от основания стены). Она сужается кверху, как и пилястры на южной стене, где это менее заметно из-за небольших по высоте расчищенных участков.

Как выяснилось после зачистки нижней части восточной стены, она стоит на плотном глинистом грунте. Никаких находок в основании ее, лежащим на отметке —0,06 м, не было. На высоте 0,61 м от подошвы по фасаду стены расчищены бойницы стрелковидных очертаний, прорезанные в простенках между пилястрами и в самих пилястрах. Ширина их пониже 13 см, общая высота 40 см, ширина стреловидной части 20 см, высота 22 см, основание сделано с уклоном наружу. По характеру расположения это типичные бойницы для ведения подошвенного боя.

Пониже простенки между пилястрами сделаны в виде выступов той же толщины, что и пилястры. Верхняя часть выступа закруглена и расположена на уровне основания бойницы, наподобие своеобразного «подоконника». Закругление имеет чисто функциональное назначение, создавая сток для воды, которая в противном случае размывала бы верхнюю грань выступа. Поскольку прочие параметры этой стены (ширина пилястр, их

²³ Речь может идти лишь о размерах в плане, так как вскрытые участки стен сохранились на небольшую высоту и верх ниш установить невозможно.

вынос, расстояние между ними), материал, штукатурка идентичны соответствующим параметрам, материалу и штукатурке внешней южной стены, мы вправе предположить, что и там есть бойницы с соответствующим оформлением, которые не обнаружены лишь потому, что зачистка в силу указанных выше причин не доведена до глубины их залегания.

В восточной стене одна из бойниц прорезана значительно выше остальных — на высоте 4,43 м от основания стены. Обнаружена она в крайней пиллястре, вынесенной к востоку южной части этой стены, сохранившейся здесь на наибольшую высоту. Форма и размеры этой бойницы те же, что и у расположенных ниже, за исключением значительно большей высоты (0,8 м) благодаря более крутому уклону ее нижней грани (бойница предназначена для ведения навесного боя).

Бойница идет на значительную глубину, но тем не менее она ложная, так как, располагаясь по оси угловой пиллястры, по своему направлению попадает в массив стены. Ее местоположение по высоте позволяет сделать предположение о существовании в то время второго яруса обороны, к сожалению нигде более не прослеживаемого из-за того, что все прочие обнаруженные участки стен сохранились на значительно меньшую высоту.

Исследованной пахсовой стене с пиллястрами и бойницами, прослеженной с южной и восточной сторон городища, сопутствовала, как уже упоминалось, вторая пахсовая стена, расположенная в 2 м к северу и соответственно к западу от первой и идущая параллельно ей. Сохранилась она лучше в южной системе стен, поэтому все размеры взяты в основном оттуда. Толщина второй южной пахсовой стены 1,8 м. Поверхность ее гладкая, без пиллястр и ниш.

В месте примыкания этой стены к восточной обнаружен проход. В восточной же стене, в непосредственной близости от прохода, прослежены две бойницы, забитые глиной и заложённые обломками керамики античного времени. По форме и размерам эти бойницы соответствуют верхней треугольной части выходящих на фасад бойниц. Однако предполагать, что они являются входными отверстиями последних, нельзя, так как оси их не совпадают.

Пространство между обеими южными параллельно идущими пахсовыми стенами заполняла кладка из крупного квадратного кирпича размером $40-42 \times 40-42 \times 10-12$ см.

Для выяснения соотношения между пахсовыми стенами и кирпичной кладкой между ними на одном из участков были частично удалены кирпичи. В результате выяснилось, что эта кирпичная кладка, небрежно положенная в нижней своей части на песке, а выше на глиняном растворе, является закладкой коридора между двумя пахсовыми стенами. Коридор этот, ограниченный с внешней стороны стеной с бойницами, представлял собой типичную стрелковую галерею — валганг.

Стены с восточной стороны, сохранившиеся на значительно более низком уровне, оказались настолько влажными из-за отмечавшегося уже высокого уровня стояния грунтовых вод, что зачистить их изнутри предполагаемого и здесь коридора не удалось. Из-за сырости грунта весь этот участок выглядел монолитом, наружные поверхности его оказались возможным зачистить только благодаря тому, что примыкавшая к нему с обеих сторон кирпичная кладка на этом уровне была выложена с применением песка вместо глиняного раствора. В коридоре же швы между кирпичами закладки не просматривались, так как зачистка его поверху пришлось на уровне, где уже вместо песка применялся глиняный раствор и сырая масса пахсы плотно спаялась в этом месте с сырой же массой кирпича и раствора, образовав однородный массив. Однако мы с уверенностью можем заключить, что этот «монолит» представляет собою две отдельно стоящие стены с коридором между ними, так как ширина монолита (6,4 м) равна общей толщине внешней и внутренней стен и заключенного

между швами коридора в южной системе, а обнаруженные с внешней и внутренней стороны «монолита» бойницы в каждом случае не прорезают всей его толщины и даже не совпадают между собой по направлению.

Необычное расположение двух бойниц во внутренней восточной паховой стене, в непосредственной близости от угла, где в южной стене прорезан проход в коридор, объясняется, очевидно, их «сторожевым» назначением — осуществлением контроля за подступом к этому проходу²⁴.

Исследованные нами паховые стены, обнаруженные в юго-восточном углу городища, как уже упоминалось, находились внутри кирпичной кладки, прослеженной во многих местах, но лучше сохранившейся по южной стороне. Здесь с внешней стороны к паховой стене с пилястрами примыкает другая, сложенная из типичного для строительства древнего Хорезма сырцового кирпича квадратной формы размером $40-42 \times 40-42 \times 11-12$ см на глиняном растворе при ширине шва в среднем 1—2 см. Толщина ее в местах против пилястр 3,5 м, а против проstenков соответственно толще (на вынос пилястр). Кладка в каждом горизонтальном ряду осуществлена без перевязки. Но по отношению друг к другу ряды в обоих направлениях сдвинуты на полкирпича, образуя по фасаду так называемую «цепную кладку».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что кладка на глиняном растворе внутри, в месте примыкания ее к паховой стене, начинается лишь на отметке +3,23 м. Ниже и в горизонтальных и в вертикальных швах — песок. С внешней стороны кладка на глине начинается с отметки +1,65 м. Стена не осела из-за вполне естественного вытекания песка из швов лишь потому, что снаружи песок продолжается на несколько большей высоте, чем в последнем шве, слегка выклиниваясь во внешнюю сторону. Таким образом, вся стена до указанной выше отметки как бы «погружена» в песок. Такая же кирпичная стена охватывает наружную паховую стену с пилястрами и с восточной стороны. Примыкает подобная кладка и к выступающей южной части восточной стены с пилястрами, где она имеет наибольшую высоту — 7,1 м (считая от уровня основания паховой стены, так как нижняя часть кирпичной, находясь в толще Дэв-Салгана, не могла быть расчищена). Верхний ряд кирпичей, из которых она сложена, перекрывает уже известную нам угловую пилястру с бойницей второго яруса. Все эти кирпичные стены и закладки коридоров представляют собою конструкции более позднего времени. Не останавливаясь на многочисленных подтверждающих это положение доводах, отметим лишь три из них, наиболее убедительных: 1. Снаружи паховая стена оштукатурена, что никак не могло бы произойти, если она была бы возведена позже примыкающей к ней кирпичной. 2. Бессмысленно было прорезать в ней бой-

²⁴ Возможно, однако, другое объяснение, которое из-за отсутствия подкрепляющего материала остается пока лишь предположением. Бойницы эти, как уже отмечалось, имеют треугольные очертания. Трудно предположить, что они, прорезая всю толщу стены, имеют на всем протяжении такое небольшое одинаковое сечение, так как при условии их горизонтального направления создавалось огромное «мертвое» пространство и бойницы теряли свое значение. Следовательно обнаруженные треугольники являлись лишь «входными» отверстиями бойниц, которые благодаря наклонному ложу выходили на фасад уже знакомыми стерловидными очертаниями, приобретая все боевые качества, присущие бойницам. В таком случае бойницы эти прорезаны не из коридора наружу (для охраны входа), а внутрь коридора, что позволяет заключить, что его в какой-то период не существовало и внутренняя стена ранее была наружной. Время ее существования по всем данным было очень коротким. Подобное явление мы наблюдали в конструкции внешней стрельковой галереи на Кой-Кылган-кале; галерея была образована возведением вокруг всего сооружения новой стены, превратившей некогда внешнюю стену во внутреннюю с соответствующей закладкой бойниц, выходящих внутрь образованного таким образом коридора (см. С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 119; М. С. Лалиров-Скоблов. К вопросу о реконструкции памятника античного Хорезма — Кой-Крылган-калы. КСИЭ, 1957, вып. XXVI, стр. 122.

ницы, упирающиеся в ранее возведенную кирпичную стену. 3. Отметка, на которой кладка кирпичной стены на песчаном «растворе» переходит на глиняный раствор, значительно выше отметки подошвы пахсовой стены, следовательно, если пахсовой стены ко времени возведения кирпичной еще не существовало, то кирпичная не могла быть сооружена, так как не существовало бы ограничивающей конструкции, предупреждающей вытекание песка из швов кладки. Таким образом, новые кирпичные стены включили в себя старые пахсовые. Исходя из этого, был сделан вывод, что повсеместно, в разных участках городища, где в ямах, вырытых населением для добычи глины (с внутренней стороны вала), проступает подобная кладка, можно при тщательных поисках найти хотя бы следы вырубленных пахсовых стен и, таким образом, удостовериться, что древнейшее городище по всему периметру было обнесено системой пахсовых стен с заключенным между ними коридором. В северо-западном и юго-западном углах городища, на участке против раскопа V (с внутренней стороны современного вала), на двух участках южной стены и на восточной к северу от раскопа 1 эти поиски завершились успехом (см. рис. 1).

Так определились общие очертания и основные размеры плана в целом. Для его уточнения и полного выявления системы укреплений, относящихся к интересующему нас времени, необходимо было исследовать и свести воедино архитектурный материал, полученный в раскопах III и V, так как на первый взгляд по композиции и характеру обработки фасадов вскрытых здесь стен, по качеству примененных строительных материалов и строительной технике в целом, а также по глубине залегания оснований этих стен они имеют очень много общего с ранее исследованными. Но то обстоятельство, что они располагаются за пределами линии рассмотренных нами укреплений (за валом), говорило о том, что это либо самостоятельная система укреплений, относящихся к другому времени, либо какая-то дополнительная, каким-то образом связанная с основной. В раскопе V, заложенном с внешней стороны современного крепостного вала, на западе, в месте его частичного обрушения был зачищен фасад невысокой (двухметровой) пахсовой стены (рис. 15, 16). Верхняя часть ее выложена из сырцового кирпича размером $37-38 \times 10-12$ см (по торцу). Место стыка кирпича и пахсы не прослеживается, так как стена по фасаду оштукатурена. Архитектурный облик этой стены тот же, что и у известных уже нам по раскопу I стен с пиллястрами, только сложена она в несколько других пропорциях. Здесь также имеются пиллястры, но ширина их, вынос и расстояние между ними значительно меньше (соответственно 1,22, 0,18 и 1,12—1,16 м). В простенках на высоте 0,44 м прорезаны такие же стрелковидные по форме бойницы высотой 0,67 м и шириной 0,1 м. Дно их также сделано с уклоном наружу. Правда, в пиллястрах пет бойниц, но зато такие же «подоконники» с закругленным верхом также идут в одной плоскости с пиллястрами.

В 35 м южнее по той же линии в обрушившейся части вала (раскоп V «а») обнаружены сохранившиеся на очень небольшую высоту (в уровень основания бойниц) останки этой же стены. Здесь отсутствовал ее фасад, но четко проявился план, благодаря чему представилась возможность определить толщину стены, оказавшейся равной 1,75 м (по пиллястре). С внутренней стороны против пиллястр обозначились какие-то небольшой высоты выступы (наподобие внутренних пиллястр стен в раскопе I). Отрезок этой же стены, очень сильно поврежденной, обнаружен и у южного вала городища (также с внешней его стороны) — в раскопе II.

Если продлить основную стену, выявленную в раскопе I, в направлении к западу, то линия ее продолжения пройдет от обнаруженного отрезка стены в раскопе II на том же расстоянии, что и в раскопе V (по западной стене). Другими словами, все это участки одной и той же стены, опоясывающей основную городскую стену с запада и юга и, следовательно,

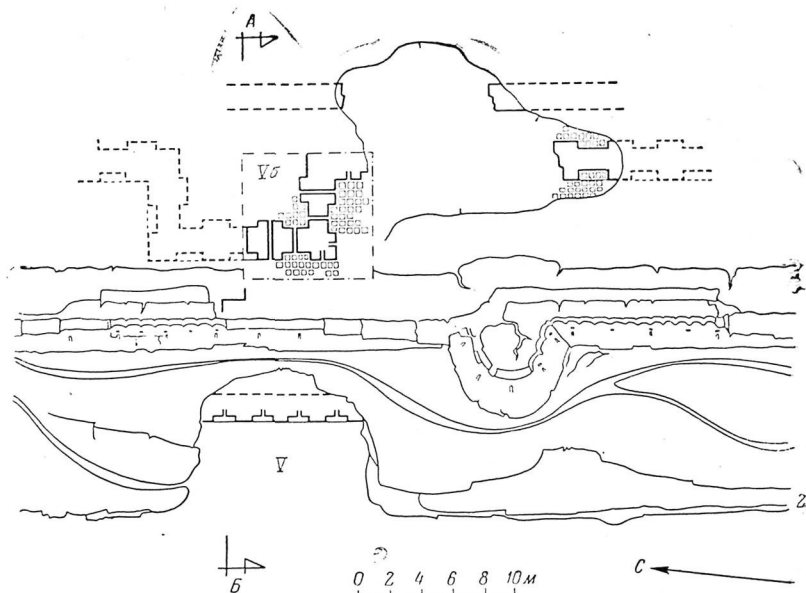
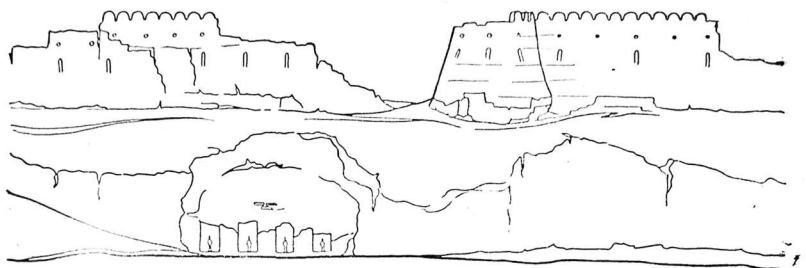

Рис. 15. Участок крепостного вала с западной стороны городища в районе раскопов V и V «б».

1 — фасад; 2 — план

с востока и севера. В раскопе III, осуществленном в виде поперечной траншеи через современный вал в его самой низкой обрушенной и размытой части на южной стороне недалеко от юго-западного угла, при зачистке обнаружена кладка той же конструкции и из кирпича тех же размеров, что и кирпичные стены в раскопе I. С юга была защищена лицевая поверхность этой стены, идущая вниз на большую глубину. При помощи заложенного здесь шурфа установлено, что кладка до отметки +1,67 м идет на глиняном растворе, который глубже уступает место песку (как и в раскопе I), причем кирпичи вплоть до самого основания (на отметке -0,07 м) положены без соблюдения «лицевой» поверхности — типичный случай субструкции под стену (рис. 17, 1).

Ранее было сделано предположение, что повсеместно кирпичная стена сопутствует более ранней пахсовой, расположенной за ней, вернее, в ее толще, так как поверх разрушенной пахсовой стены кирпичи обкладки смыкались с кирпичами, которыми был заложен коридор (кирпичи, идущие

щие поверх угловой пилястры в раскопе I). Зачистка верха стены, произведенная в раскопе III, подтверждает это положение. Общая ширина зачищенной полосы кирпичей (вглубь от фасадной линии) как раз соответствует по промеру общей толщине кирпичной обкладки и паховых стен с заключенным между ними коридором. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на расчищенном участке часть кладки (восемь рядов кирпича, считая от фасадной линии) была регулярной, переходя затем в менее доброкачественную (15 рядов кирпича). Это указывает на то, что она относится непосредственно к кирпичной стене (толщина их одина-

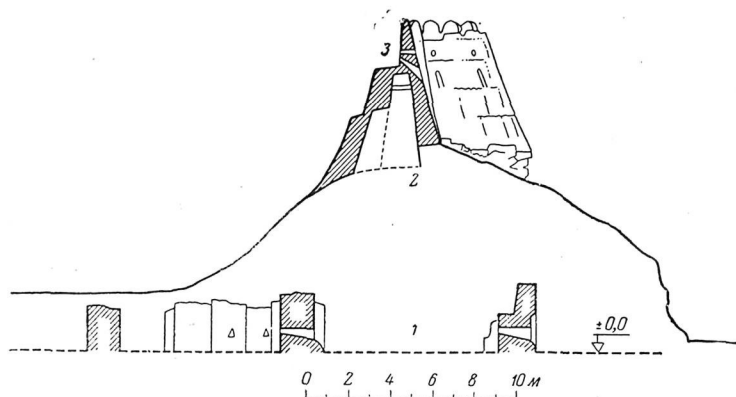

Рис. 16. Разрез по валу через раскопы V и V «б».

Крепостные стены: 1 — раннеантичного периода; 2 — позднеантичного, афригидского и средневекового периодов; 3 — XIX в.

кова — 8 кирпичей), а менее доброкачественная — нерегулярная — по сути не стена, а лишь закладка коридора, перекрывающая выше паховые стены.

Если верно предположение, что на определенном расстоянии от основных укреплений стена, обнаруженная в раскопе V, опоясывает все городище, то в раскопе III, южнее, на таком же расстоянии от заключенной в кирпичный панцирь паховой стены с пилястрами, эта стена должна быть найдена.

Для проверки раскоп-траншея была продолжена на юг и в месте предполагаемой стены углублена. Предположение подтвердилось — стена была обнаружена и оказалась такой же, что и в раскопе V, причем удалось зафиксировать ее верх, линию перехода пахсы в кирпичную кладку и уточнить детали. Это сравнительно низкая паховая стена толщиной 1,75 м и высотой в среднем 3 м (рис. 17, 2). С внутренней стороны на отметке +1,48 м она образует уступ шириной 0,65 м, служивший открытым валгангом, на который вели приступки из двух ступеней, расположенные против каждого простенка между нишами (знакомые уже нам по раскопу V «а» выступы). Начиная с отметки площадки валганга стена сложена из кирпича размером $37-38 \times 37-38 \times 10-12$ см и достигает толщины 1,1 м (понизу) и 0,8 м (поверху) при высоте 1,41 м, образуя стенку валганга — парапет (снаружи стена вертикальна, уклон идет со стороны валганга). То, что прежде было принято за пилястры (по материалам раскопа V предположить что-либо другое было трудно из-за неполной высоты вскрытой на этом участке стены), на самом деле оказалось простенками между нишами высотой 1,3—1,33 м, т. е. фасад стены выглядел плоскостью,

на которой на равном расстоянии друг от друга (ширина «пилястры») были «выдавлены» неглубокие (16 см) прямоугольные ниши, по своим пропорциям приближающиеся к квадратам. Бойницы стреловидные тех же размеров и так же расположены, что и в стене, вскрытой в раскопе V. С внутренней стороны стены они имеют вид треугольных отверстий, расположенных на уровне лица стоящего на колене воина и представляющих собою верхнюю часть бойницы снаружи. С внешней стороны вся стена —

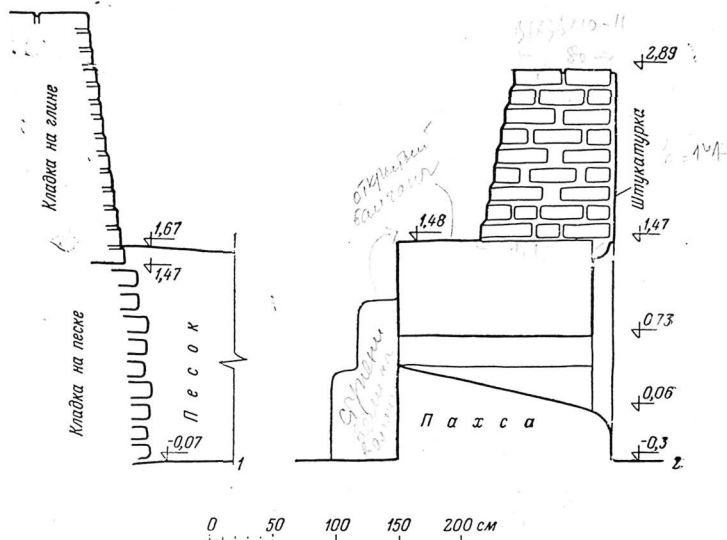

Рис. 17. Раскоп III. Разрез по кирпичной кладке (1) и «барьерной стене» (2)

и паховая часть и кирпичная — оштукатурена. По времени она более ранняя, чем кирпичная обкладка основной паховой стены, так как служит внешним ограничением для песчаной засыпки, в которой находится субструкция этой кирпичной кладки (в этом песке, кстати, найден раннекангюйский керамический материал). Более того, принимая во внимание характер ее обработки и строительную технику, а главное то, что она заложена на той же отметке, что и основная паховая стена, и стоит на такой же глинистой, лишенной хотя бы незначительной культурной прослойки поверхности, можно сделать вывод, что они единовременны и принадлежат одной системе оборонительных укреплений.

Этот характерный элемент фортификации — дополнительная выносная стена, опоясывающая основные сооружения крепости, — зародившийся в Хорезме именно в античный период, в дальнейшем (особенно к XI—XII вв.) достигает максимального развития (Улу-Гульдурсун, Кават-кала). Выносная стена приняла иные очертания и дополнительно снабжалась выносными башнями²⁵, но представляла собою невысокий бруствер, расположенный на окружающей основание основной стены берме; цель ее — задержать противника после преодоления им рва. В Хазараспе же дополнительная стена — внутреннее укрепление для ведения двухъярусного (навесного и подошвенного) боя. Находясь на берме, она ликвидирует

²⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 169.

мертвое пространство, образованное круто наклоненным (и тем более отвесным) откосом рва.

Вопрос о завершении выносной стены так же, как и основной, остается неясным — ни у той, ни у другой оно не сохранилось. На реконструкциях древних крепостей более раннего и близкого времени стены неизменно изображаются с прямоугольными, даже ступенчатыми зубцами. И это весьма обоснованно, так как на ахеменидских и передневозочных рельефах стены крепостей обычно показаны с зубцами. На выносной стене Хазараспа подобные зубцы безусловно были: при открытом валгане даже при наличии парапета сооружение зубцов вполне оправдано, так как они несут реальные функции, укрывая расположившихся на валганге стрелков. Вопрос же о существовании зубцов на основной стене остается открытым. Можно лишь предположить, что бойницы второго яруса обслуживались из крытого коридора, так как они расположены значительно ниже известной нам минимальной высоты стены. Следовательно, перекрытие коридора вполне могло служить открытым валгангом третьего яруса и в таком случае завершение стены в виде зубцов весьма вероятно.

Следующим объектом наших исследований для создания реконструкции древнейшего плана крепости были башни — основные узлы обороны в системе укреплений. На территории Средней Азии они известны уже со времен городищ с жилыми стенами (Кюзели-гыр), т. е. примерно с середины I тысячелетия до н. э. Поэтому наличие их в системе укреплений Хазараспа не подлежало сомнению. Некоторые особенности восточной стены в раскопе I позволили еще больше укрепиться в предположении, что в систему укреплений Хазараспа были включены башни. Дело в том, что восточная стена, как уже отмечалось, не доходя нескольких метров до пересечения с линией, продолжающей южную стену, поворачивала под прямым углом на восток и на расстоянии 5 м от угла снова продолжала свое направление. Исходя из предположения, что этот поворот определяет собой боковую часть расположенной здесь башни, мы начали поиски аналогий в других частях памятника.

В северо-западном углу городища, в описанной выше кирпичной кладке, доступной лишь с внутренней стороны, были обнаружены вертикальные ниши и пилоны, по своим размерам соответствующие пилонам и промежуткам между ними, относящимся к паховой стене. Создавалось впечатление, что это «негатив» паховой стены, выбранной населением. Такое впечатление усиливалось еще тем, что эти конструкции отклонялись от вертикали, создавая небольшое нависание, т. е. следовали безусловно имевшему место наклону обложенных ими пилонов.

После расчистки удалось обнаружить небольшие участки заполнения ниш паховой, т. е. остатками выбранной паховой стены. Оставалось выяснить, можно ли считать эти стены стенами башни. Удалось проследить, что, образуя поверхность из трех столбов и четырех промежутков между ними (ниш), кирпичная кладка поворачивала под прямым углом вправо и влево. В правой части после поворота она образовывала столб с двумя нишами по сторонам, после чего опять поворачивала параллельно направлению первоначальной плоскости. Переходя от «негатива» к «позитиву», мы как бы «увидели» башню шириной в четыре пилоны и три промежутка между ними (соответствующих «негативу», состоящему из четырех ниш и трех столбов), выступающую из плоскости крепостной стены на величину, равную ширине двух пилонов и нишей между ними ²⁶.

²⁶ Ширина пилонов, промежутков между ними и их вынос оказались несколько меньшими, чем у подобных элементов стены в раскопе I. Дело в том, что толщина стен и соответственно пилонов кверху уменьшается — обмеры же велись в данном случае на участке стены, расположенном выше, чем в раскопе I. То же имело место и по отношению к обмерам идентичных фрагментов стен в разных раскопах и обмеренных на разном уровне (считая от нулевой отметки).

Учитывая, что часть параметров предполагаемой нами башни в юго-восточном углу (раскоп I) сходится с подобными параметрами обнаруженной башни (ширина и выносы пилястр, расстояния между пилястрами, вынос башни и ее местоположение — на углу) можно предположить, что ширина ее тоже сходна, т. е. башня — четырехпилястровая.

Это подтвердилось также и при зачистках в юго-западном углу, где пужный участок попал внутрь двора частного домовладения и его хозяин вырубил при постройке дома яму для добычи глины, использовав превосходного качества пахсу и совершенно уничтожив древнюю стену. Все же и здесь удалось обнаружить подобные кирпичные ниши со случайно уцелевшими в них прилепившимися в углах кусками пахсы. Причем ниш этих оказалось тоже четыре — четыре «негатива» пилястр существовавшей здесь башни.

Таким образом установлено, что в двух углах крепости (северо-западном и юго-западном) были возведены одинаковые башни. Несложный чертеж — реконструкция плана (раскоп I) окончательно убедила в том, что и здесь была такая же башня (рис. 14). От описанного выше выступа, стена которого после поворота повернула под Дэв-Салгап, под прямым углом к нему (параллельно основной стене), мы отложили линию длиной в четыре пилястры и три промежутка между ними. От конца этой линии, опять же под прямым углом (в направлении к западу), была отложена линия такой же длины. Расстояние между ней и продолжением направления южной стены получилось равным известному уже выносу башни — двум пилястрам с одним промежутком между ними. Вполне допустимо предположить, что и на четвертом углу крепости стояла такая же квадратная четырехпилястровая башня.

Оставалось важным выяснение вопроса: существовали ли башни не только на углах крепости, а и по стенам, и если они были, то какие и на каком расстоянии друг от друга.

В краях ямы, образованной выборкой глины, с внутренней стороны вала, против раскопа V, были обнаружены торцы уже известных нам пахсовых стен. Обратило на себя внимание то обстоятельство, что линии продолжения этих стен не совпадали, а проходили параллельно на некотором расстоянии друг от друга. Расстояние это оказалось равным уже известному нам размеру — выносу башни. Вскрытые останцы, таким образом, относились к стене башни (наружный) и к стене крепости (внутренний).

Измерив расстояние до известной уже нам башни в юго-западном углу крепости и откладывая его вдоль западной стены (до башни в северо-западном углу), мы обнаружили, что этот размер укладывается по всей длине стены четыре раза, т. е. между угловыми башнями вдоль стены было расположено еще три башни. Сложив размеры ширины всех пяти башен (ширину башен, расположенных вдоль стен, мы, естественно, приняли ту же, что и у угловых), отняв эту сумму от общего промера всей западной стены и разделив остаток на четыре части (количество участков стен между башнями), мы получили размер каждого из этих участков (куртин). Он оказался равным 54—55 м.

Это расстояние оптимально для уровня военной техники того времени (луки, стрелы), ибо в случае, если одна из башен подвергается нападению, соседние могли оказать помощь («огнем») только при условии расположения их на расстоянии, не превышающем полета стрелы (вернее — расстояния эффективного поражения стрелой)²⁷. Этот «закон обороны» действовал на территории Средней Азии повсеместно.

Стеновые башни были в плане, очевидно, прямоугольными, того же характера, что и квадратные угловые: такая конфигурация по форме плана

²⁷ Витрувий, т. 1, стр. 32, 33.

типична для фортификационной архитектуры Средней Азии античного периода.

Для большей убедительности наших выводов необходимо было заложить контрольный раскоп, но найти для него место оказалось делом весьма сложным.

Как уже известно, античные пахсовые стены с пиллястрами, опоясывавшие в то время все городище, расположены внутри современного вала крепостных стен. Близко подходящая к валу современная застройка не дает возможности их вскрыть и проследить, а там, где она отступает от вала, свободная поверхность сплошь покрыта ямами для «добычи» строительного материала, которым до последнего времени, к великому сожалению, служила превосходного качества пахса античных стен.

Лишь в немногих местах в изрубленных краях ям проступают фрагменты древних стен, причем настолько незначительные и деформированные, что раскопки ничего не прибавили бы к уже известному материалу.

Единственным доступным местом, где по нашим предположениям могла находиться одна из стеновых башен, была послужившая отправным пунктом в наших расчетах яма, расположенная с внутренней стороны западного крепостного вала, ближе к его южному концу.

Немаловажным обстоятельством, обусловившим выбор этого места, была представляющаяся возможность объединить в одну систему материалы из раскопов, расположенных по разные стороны крепостного вала, так как выбранный участок лежит на одной перпендикулярной направлению вала линии с раскопом V (рис. 15, 2 и 16).

В результате проведенных здесь в 1960 г. раскопок (раскоп V «б») и была обнаружена предварительно «вычисленная» нами башня. Она полностью соответствовала нашему представлению о ней: и по ширине, и по выносу, и по количеству и размеру пиллястр, расположению бойниц и т. п. Более того, была установлена толщина образующих ее стен, оказавшаяся равной толщине всех прочих наружных стен и так же, как и у них с внутренней стороны, оказались ниши. Не удалось обнаружить задней стены башни с проходом из коридора: она попала в позднейшую вырубку, образовавшую большую яму. Но весьма возможно, что этой стены с прорезанием в ней проходом из коридора не было. Поводом к такому соображению служит полное тождество ее интерьера (ниши, «пиллястры») с характером обработки внутренней поверхности внешней стены коридора. Создается впечатление, что внутреннее пространство башни не представляло собою замкнутой камеры, а образовано простым поворотом стены коридора, т. е. это башня так называемого «открытого» типа. Такие башни принято считать характерными для фортификации феодального периода Хорезма. Однако они встречаются в раннеантичную эпоху (Кюзели-гыр). Уточнить время их появления пока трудно так же, как и время появления плоскоперекрытых бойниц, которые тоже считались характерными лишь для средневековья, пока не были обнаружены в стенах раннеантичных кюзели-гырских укреплений.

Снаружи к вскрытой нами башне примыкает уже знакомая по раскопу I кирпичная стена-обкладка. Толщина ее в месте промера 3,32 м (у основания, которое не вскрыто, ее толщина, судя по наклону внешней поверхности, приближается к 3,5 м). Обкладка, так же как и в башне на раскопе I, идет в одной плоскости с боковой стеной башни. Раскопанный участок внешней стены, как и в других случаях, имеет такую же обкладку.

В 15 м к югу от башни (в другом обресе ямы) расчищен останец наружной стены (рис. 15, 2). Против него (в глубь городища и несколько севернее) зачищена поверхность останца другой пахсовой стены. Расстояние между внешними поверхностями останцов (по прямой линии, соединяющей одну из поверхностей с продолжением направления другой) полностью совпадает с соответствующими промерами между стенами в

раскопе I, т. е. это останцы внешней и внутренней стен коридора. Пространство между ними — коридор, как и повсеместно, заложено таким же кирпичом, из которого состоят «обкладки».

Следует остановиться еще на одном типе башен, определенном нами, правда, пока лишь чисто аналитически. Речь идет о башнях внешней «барьерной» стены. Факты, позволившие нам сделать вывод о их наличии и даже определить примерные размеры, — следующие. Расстояние от паховой стены с пилястрами до внутренней поверхности барьерной колеблется в пределах от 13,3 до 13,5 м. Таковы промеры по западной стороне (непосредственно между стенами) и по южной (промер между продолженным направлением стены в раскопе I и останцом барьерной в раскопе II). В раскопе III мы получили ту же цифру, но промер на сей раз велся не до паховой стены с пилястрами (она, как известно, скрыта под кирпичной обкладкой), а до кирпичной обкладки-панциря. Принимая во внимание толщину обкладки поверху, ее высоту (считая от основания) и то, что поверхность стены идет с уклоном, благодаря которому на каждые 1,5 м высоты она становится толще на 0,25 м, нами была вычислена толщина понизу, оказавшаяся равной примерно 3,5 м. Следовательно, от паховой стены, где в других случаях барьерная стена отстоит на 13,3—13,5 м, в этом месте она отстоит на 3,5 м дальше. Предположить, что вся стена стоит на таком расстоянии, мы не можем, так как далее на восток по этой же стороне (раскоп II) промер получился на 3,5 м меньшим. Следовательно, стена отступает только в этом месте или, что еще вернее, здесь она образует выступ — башню. Минимальный, логически оправданный с точки зрения обороны, вынос башни должен быть таким, чтобы боковая ее стена имела хотя бы одну бойницу. Не нарушая архитектурного ритма фасада, это можно сделать лишь в случае, если боковая стена будет включать нишу, имеющую по оси бойницу. Ниша, обрамленная пилястрами, из которых одна угловая, а другая примыкает к стене, по ширине как раз и составляют 3,5 м (ниша 1,15 м плюс две пилястры по 1,2 м составляют 3,55 м). Поскольку боковой фасад башен основной стены образован также двумя пилястрами с промежутком (нишей) между ними и архитектурный прием и ритм обработки этих стен схож, можно вывести заключение, что башня барьерной стены имеет такой же, как и у башен основной стены, принцип построения фасада — она «трехнишная» (четырепилястровая). Теперь несложно определить и ее ширину. Поскольку фасад башни состоит из трех ниш (1,15 м \times 3) и четырех пилястр (1,2 м \times 2), то ее ширина составит в сумме 8,25 м. Расположение башни против середины куртины основной стены еще более усиливает уверенность в наших предположениях. Такое четкое, оправданное в архитектурном и, что еще более важно, оборонном отношении построение, весьма характерно почти для всех без исключения сооружений античности.

При поисках древнейшего входа в крепость мы исходили из предположения, что если со временем при всевозможного рода перестройках и могла меняться его архитектура, что вызывалось в первую очередь фортификационными соображениями, то его местоположение, как правило, всегда оставалось неизменным. Стены могли ремонтироваться, или даже возводиться заново, внутренняя же планировка городища и поселения за городскими стенами, базируясь на определенных коммуникациях, в своей основе, как правило, оставалась прежней. Следовательно, перенесение входа в крепость, связующего внутреннюю и внешнюю планировку, потребовало бы их полной перекомпоновки. К тому же местоположение входа определялось и стратегическими соображениями, рельефом местности и другими условиями, которые остаются неизменными на протяжении веков. Это нашло подтверждение в нашем анализе. Расстояние от башни в юго-западном углу крепости до предполагаемого нами местоположения башни на южной стене (судя по обнаруженным здесь углам

кирпичной обкладке) равно стандартному в данном случае промеру, определенному нами по западной стене. В то же время этот размер не оказался кратным всему промеру по южной стене. Откладывая величину расстояния между ее башнями вправо и влево от углов (к центру), мы в самом центре стены получили промер больший, чем ширина одной башни (на 14 м). Следовательно, в этом месте находилось две башни (ширина одной башни 12 м), фланкирующие расположенный между ними вход (что мы и показали на чертеже реконструкции плана — рис. 18, 1).

Эти рассуждения могли бы быть отнесены и к северной стене той же длины, что и южная. Однако в настоящее время ни во внутренней планировке городища, ни извне на это нет никаких указаний и вероятнее всего вход в крепость был лишь один, а по северной стене башни были расположены несколько в другом ритме, чем по всей крепости.

* * *

Резюмируя все изложенное, мы приходим к убеждению, что первоначальный вид крепости древнейшего периода можно представить в виде правильного прямоугольника со сторонами 280 м (западная и восточная) на 294 м (южная и северная). Этот прямоугольник образован двумя крепостными стенами из пахсы с заключенной между ними стрелковой галереей. Внешняя стена по фасаду имела пилястры скорее конструктивного значения, чем чисто декоративного. В пилястрах и в проемах между ними прорезаны в два ряда бойницы стрельбовидной формы (рис. 19). Нижние, прорезанные на уровне середины человеческого торса, — для подшвенного боя, верхние — для навесного боя. Последние обслуживались с крытой стрелковой галереи второго яруса. Третьим ярусом обороны служил идущий по перекрытию второго яруса открытый валганг, защищенный зубцами. По углам крепости располагались квадратные четырехпилястровые башни открытого типа. Вынос башен равен двум пилястрам со стандартным промежутком между ними. Между угловыми башнями по стенам было еще по три с каждой стороны, исключая южную, где башен было четыре, так как две центральные фланкировали расположенный между ними вход. Башни эти также четырехпилястровые, открытого типа, прямоугольные в плане и с тем же выносом, что и угловые.

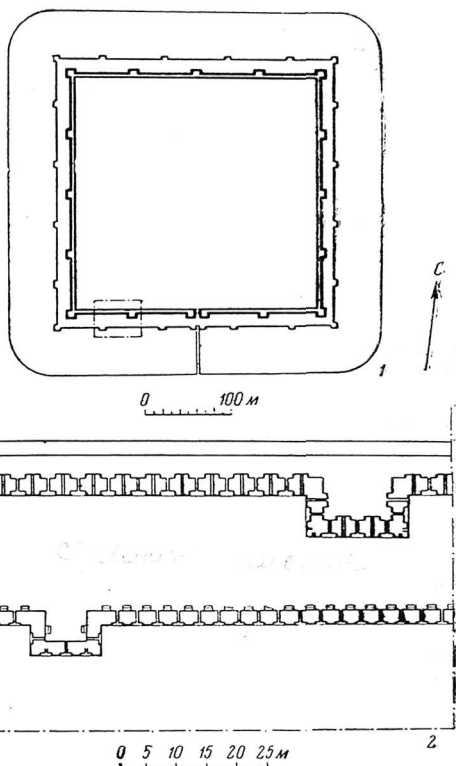

Рис. 18. План крепости раннеантичного периода (1) и деталь плана (2). Реконструкция

Резюмируя все изложенное, мы приходим к убеждению, что первоначальный вид крепости древнейшего периода можно представить в виде правильного прямоугольника со сторонами 280 м (западная и восточная) на 294 м (южная и северная). Этот прямоугольник образован двумя крепостными стенами из пахсы с заключенной между ними стрелковой галереей. Внешняя стена по фасаду имела пилястры скорее конструктивного значения, чем чисто декоративного. В пилястрах и в проемах между ними прорезаны в два ряда бойницы стрельбовидной формы (рис. 19). Нижние, прорезанные на уровне середины человеческого торса, — для подшвенного боя, верхние — для навесного боя. Последние обслуживались с крытой стрелковой галереи второго яруса. Третьим ярусом обороны служил идущий по перекрытию второго яруса открытый валганг, защищенный зубцами. По углам крепости располагались квадратные четырехпилястровые башни открытого типа. Вынос башен равен двум пилястрам со стандартным промежутком между ними. Между угловыми башнями по стенам было еще по три с каждой стороны, исключая южную, где башен было четыре, так как две центральные фланкировали расположенный между ними вход. Башни эти также четырехпилястровые, открытого типа, прямоугольные в плане и с тем же выносом, что и угловые.

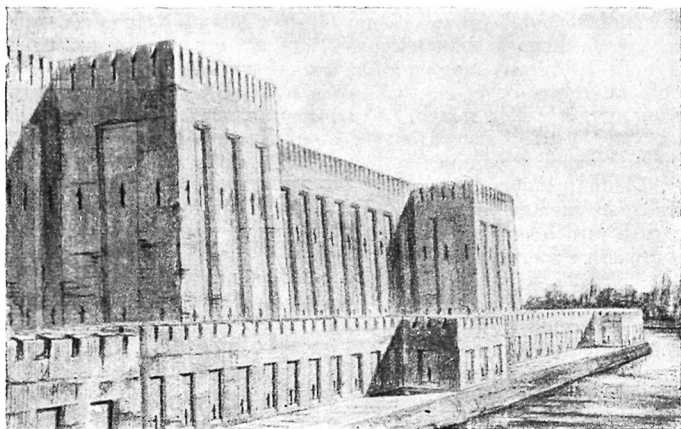

Рис. 19. Крепостные стены Хазараспа раннеантичного периода. Реконструкция

По схеме планировки и внешнему облику укрепления Хазараспа этого времени (рис. 19) близки парфянской крепости Дурнали (I—II вв. н. э.), расположенной на большом древнем пути из Маргианы в Хорезм²⁸.

Г. А. Пугаченкова, исследуя архитектуру этой крепости, пришла к выводу, что в Маргиане прием обработки стен пилястрами возник в более раннее время, чем в Хорезме. Это утверждение основано на том, что по архитектурному оформлению башни Дурнали сходны с башнями Топрак-калы, а находки монет говорят за то, что Дурнали построена раньше²⁹. Раскопки Хазараспа — хорезмийской крепости значительно более раннего времени, чем Дурнали, — установившие наличие подобного приема обработки стен пилястрами, заставляют пересмотреть это положение.

Система двойных стен с башнями была одновременно с их возведением по всему периметру обнесена более низкой и значительно менее мощной отстоящей от основных сооружений на 13,5 м «барьерной» стеной с двумя ярусами обороны; нижним ярусом служили стрельчатые бойницы для ведения подонвенного боя, верхним — открытый валганг, так же как и на основных стенах, защищенный зубцами. По фасаду стены были расположены большие прямоугольные ниши, повторяющие архитектурный мотив основных стен крепостей.

«Барьерная» стена была укреплена башнями открытого типа, расположенными против середины куртин основных стен. Их очертания и пропорции в плане были схожи с башнями, фланкирующими куртины. Стена была расположена на берме находящегося за ее пределами очень широкого наполненного водой рва, служившего при возведении крепости карьером для добычи основного строительного материала.

В дальнейшем вся крепость была обложена снаружи мощной кирпичной стеной-панцирем, целиком поглотившей паховые стены и башни, расположенные внутри кирпичом. Благодаря этому был создан мощный доколь, поверх которого, очевидно, шла стена из таких же кирпичей. Эти внушительные конструктивные изменения были совершены, вероятно, вскоре после возведения крепости, причем не с целью ремонта или восстановления стен (они на вскрытых участках в хорошем состоянии — не нару-

²⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 50, реконструкция.

²⁹ Там же, стр. 49.

пена штукатурка и даже сохранились четкие грани бойниц и углов), а с целью изменения основного фортификационного приема — создания высокого цоколя и значительного утолщения стены, что, может быть, было вызвано появлением в это время мощных стенобитных машин, против которых сравнительно тонкие паховые стены устоять не могли.

Барьерная стена продолжала функционировать. Это было вызвано, очевидно, тем, что при устройстве вышеописанного кирпичного цоколя были заложены как нижние, так и верхние бойницы основной паховой стены и сильно поднят верхний оборонительный ярус, что повлекло за собой значительное увеличение «мертвого» пространства. Таким образом, сохранение барьерной стены, имеющей низко расположенные бойницы, было продиктовано стремлением компенсировать этот крупный с точки зрения фортификации недостаток.

Песком, в который погружены субструкции обкладных кирпичных стен, было засыпано все пространство между основной и барьерной стеной. И это, очевидно, было сделано в целях обороны — по мощному пласту песка (толщина которого более 1,5 м) стенобитным машинам в высшей степени был затруднен подход под стены крепости.

В заключение следует отметить, что Хазарасп античного периода — древнейший из памятников фортификационной архитектуры того времени — по своим художественным качествам, строительному мастерству, логике плана и многим другим элементам, получившим впоследствии широкое распространение в архитектуре фортификационных сооружений последующих эпох, по праву заслуживает занять одно из первых мест среди памятников подобного типа.

* * *

В результате археологических работ в Хазараспе собраны данные, позволяющие обосновать предположение, что наиболее древние из исследованных стен крепости сооружены в раннекангуйское время. Важным материалом для этого заключения послужила керамика, найденная в нижнем горизонте раскопов VII и IX вв. Сосуды (иногда бракованные) залегали в непосредственной близости от гончарных печей, что свидетельствует о их местном производстве. На стенках и днищах часто встречались знаки, причем один и тот же знак мог быть на сосудах различных видов, и наоборот — на одинаковой по форме посуде знаки различны. Это заставляет предположить, что печи принадлежали нескольким владельцам или же что в большой, может быть государственной, мастерской работало несколько мастеров, метивших свою продукцию. И в том и в другом случае надо думать, что керамическое производство Хазараспа было крупным, обслуживающим, видимо, не только население города, но и близлежащую округу.

Расположение мастерских в черте города, хотя обычно в Хорезме они находились вне городских стен или на уже запустевших городищах, может свидетельствовать о том, что гончары нуждались в защите от нападений извне и что угроза нападений была реальной.

При исследовании найденной у печей (и на их уровне) керамики обращает на себя внимание архаический облик некоторых видов сосудов (особенно хумов), по форме и выработке близких позднеархаической посуде второй половины V в. до н. э. По изложенным нами соображениям хазараспская керамика по времени бытования должна следовать за посудой, найденной в субструкциях крепости Калалы-гыр № 1, время постройки которой датируется С. П. Толстовым рубежом V—IV вв. до н. э.³⁰

³⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 годов. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 178; его же. Итоги двадцати

К сожалению, ни на одном из зачищенных участков у основания древнейших стен Хазараспа культурный слой не обнаружен. Стены везде стоят на плотной глиняной искусственной поверхности, лишенной культурных наслоений, что может объясняться возведением пахсового цоколя или стилабата или невеликой площадью пристенной площадки перед сооружением стен из сырцового кирпича, примыкающих к пахсовым. Однако залегание нижней части культурного слоя с остатками гончарных печей и основания пахсовых стен прослежено приблизительно на одном уровне, колеблющемся в пределах 45—35 см (от —6 у основания стен до —28 у печей и —49 в наиболее удаленном от стен шурфе № 2). Это позволяет относить печи и пахсовые стены к одному горизонту, ибо незначительная разница в отметках на удаленных друг от друга участках вполне закономерна, и трудно себе представить, что могло быть иначе.

Анализ архитектурных данных, полученных при исследовании пахсовых стен (древнейших из обнаруженных в Хазараспе), свидетельствует в пользу датировки их, так же как и комплекса гончарных печей, самым началом кангюйского периода истории Хорезма. По нескольким показателям стены и башни крепости находят аналогии в крепостных сооружениях Кюзели-гыра, городища архаического времени. Как и на Кюзели-гыре, обе крепостные стены Хазараспа, образующие стрелковую галерею, сравнительно небольшой толщины и сложены из пахсы, в которой прорезаны бойницы. Башни Хазараспа, судя по изучению их остатков, были предположительно открытого типа, т. е. такого же, как и кюзели-гырские³¹. Всего этого в собственно кангюйской архитектуре уже нет. Любопытно, что на хазараспских бойницах прослеживается переход от бойниц архаического времени к выработавшимся в кангюйский период. Как и архаические, они еще целиком прорезаны в пахсовой стене, однако форма их уже стреловидная, кангюйская, что было вызвано дальнейшим развитием фортификационной техники. При необходимости сохранять узкой саму бойницу требовалось расширить ее верхнюю часть для удобства действий защитников крепости. Кроме того, дно хазараспских бойниц уже не горизонтальное, как в Кюзели-гыре, а наклонное, уменьшающее мертвое пространство вдоль основания стен.

Все приведенные данные позволяют относить сооружение наиболее ранних из исследованных стен Хазараспа к раннекангюйскому периоду и датировать их никак не позже самого начала IV в. до н. э., т. е. временем, близким к тому, когда возводились стены Калалы-гыра № 1.

Таким образом, археологические, стратиграфические и архитектурные данные приводят нас приблизительно к одному и тому же времени возникновения древнейших из известных нам сооружений Хазараспа.

Возведение мощной пограничной крепости, за которой открывался путь в Хорезмский оазис, целесообразное само по себе, диктовалось прямой необходимостью в исторических условиях времени, близкого к рубежу V—IV вв. до н. э.

Недостроенная по предположению С. П. Толстова, ахеменидами крепость Калалы-гыр № 1 — наглядное свидетельство превращения Хорезма к IV в. до н. э. в крупное государство, освободившееся из-под ахеменидского владычества. Утверждение политической независимости, однако, не только не уменьшало необходимости защиты границ оазиса, но, напротив, увеличивало ее.

лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1936—1956). СЭ, 1957, № 4, стр. 42; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, М., 1958, стр. 167.

³¹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 144 и прим. 4; стр. 145, рис. 54; стр. 147, рис. 55, I; реконструкция на стр. 152, рис. 58.

С. П. Толстов убедительно показал, что эти функции в Хорезме античного (в том числе и кангюйского) периода приняло на себя государство — сильное и централизованное. Благодаря этому Хорезм смог победить в борьбе с ахеменидами, а некоторое время спустя противостоять войскам Александра Македонского и полностью сохранить независимость³².

Не исключена возможность, что с вторжением Александра в Среднюю Азию и связано усиление обороноспособности Хазараспа — сооружение мощной стены из сырцового кирпича, заключившей в свою толщу уже существовавшие паховые стены. После проведенных работ можно с уверенностью сказать, что к моменту застройки паховых стен сырцом они не были приведены в негодность. Об этом свидетельствуют прекрасная сохранность обмазки поверхности, неистертость ложа и углов бойниц и большая высота паховой кладки (удалось установить, что в большинстве случаев разрушения ее происходили уже в новое время). Кроме того, керамика в песчаной засыпке с внешней стороны кирпичной обкладки древнейшей стены встречалась хотя и более развитых форм, чем сосуды из района гончарных печей, но тоже относящаяся к раннекангюйскому времени и бытовавшая обычно в IV—III вв. до н. э. Следовательно, перестройка с целью усиления мощности крепостных сооружений велась через сравнительно короткий срок после основания паховых укреплений.

Наиболее существенной угрозой Хорезму в ту пору были греко-македонские войска с их осадными машинами, против которых, возможно, и понадобилось увеличение толщи стен. Скрытая в обкладке паховая стена усиливала сопротивляемость действию осадных машин.

Судя по материалам раскопок, Хазарасп существовал и в последующее за кангюйским время. Среди находок на поверхности городища, а также в стратиграфическом раскопе IV и в вымостке из античных черепков (раскопы VIII—IX вв.), перекрывающей слой забутовки над раннекангюйским горизонтом и выложенной в золотоордынское время, есть керамика кушанская. К сожалению, для характеристики города кушанского периода данных пока еще очень мало. Кушанские культурные слои обнаружены только в раскопе IV, расположенном за чертой города. На самом городище они пока не встречены. Видимо, они были уничтожены позже при многочисленных перестройках, которые пережил Хазарасп в течение многовековой истории своего существования.

Как отразился на Хазараспе кризис социально-экономических отношений, развернувшийся в Хорезме в IV—V вв. н. э., сейчас сказать трудно. Ясно лишь одно, что город продолжал существовать, а в отдельных его частях, как об этом можно судить, например, по материалам района ворот, жизнь протекала довольно интенсивно. Есть также основания думать, что Хазарасп, если и подвергся разрушительному влиянию кризиса, быстро оправился, чему в немалой степени должно было способствовать то обстоятельство, что он находился на крупном торговом пути из Хорезма в Маргиану и являлся, как уже было сказано выше, южным пограничным хорезмским форпостом, о состоянии которого государство должно было проявлять особую заботу.

Как бы то ни было, в начале VIII в. н. э. ат-Табари включает Хорезм в число трех наиболее укрепленных и крупных городов Хорезма. По данным раскопок, к афригидской эпохе относится строительство новых паховых крепостных стен, поставленных на вал, в котором были погребены остатки более ранних. Не исключено также, что именно к этому периоду

³² С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 167; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 122.

следует относить сооружение Дэв-Салгана, явившегося, видимо, замком правителя города.

Что же касается Хазараспа эпохи развитого средневековья, то, к сожалению, материалы раскопок не намного расширяют наше представление о нем по сравнению с краткими сообщениями письменных источников, поскольку слои этого времени оказались перерытыми и уничтоженными при строительстве здесь в XIX—XX вв. По сведениям ряда авторов, вполне согласующимся с данными раскопок, Хазарасп и в эту эпоху продолжал оставаться сильно укрепленным городом; ал-Макдиси, Якут и другие особо подчеркивают его неприступность.

Археологическое обследование показало, что средневековой Хазарасп сильно вырастает, намного превышая по площади размеры античного города. На существование развалин к востоку от крепости, за рвом, прямо указывают местные старожилы, находившие на них поливную посуду. Они же помнят вторую стену, окружавшую эти развалины, которая проходила на значительном расстоянии от крепости. Нужно полагать, что эта крепость, укрепленная новыми стенами с башнями и окруженная рвом, становится цитаделью средневекового Хазараспа.

С. А. Трудновская

КРУГЛОЕ ПОГРЕБАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ ЧИРИК-РАБАТ

В 1957—1960 гг. отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР проводил археологические работы на городище Чирик-Рабат, расположенном на территории Кармакчинского района Кызыл-Ординской области Казахской ССР¹.

Городище, площадью свыше 40 гектаров, занимает небольшую материковую возвышенность на берегу сухого русла одного из древних притоков Сыр-Дарьи — Жаны-Дарьи². Оно окружено двойным поясом укреплений и рвом. В центре городища помещается цитадель. Ею южную часть опоясывает еще одна крепостная стена, возведенная позднее, когда северная часть городища, по-видимому, запустела.

В пределах городища расположена группа из шести больших курганов и развалины двух погребальных сооружений-мавзолеев. Один из них расположен в юго-восточной части памятника между древней крепостной стеной и цитаделью и включен в систему наиболее поздней оборонительной стены³. В течение четырех полевых сезонов мавзолей был полностью раскопан.

До начала работ развалины мавзолея представляли собой сильно ослывшее сооружение из сырцового кирпича тридцати с лишним метров в поперечнике, возвышавшееся над уровнем современной поверхности городища на высоту до семи метров. Оно производило (особенно с самолета) впечатление восьмигранника. Внутри находилось четыре симметрично расположенных воронки диаметром около 7 м каждая, в которых угадывались очертания помещений, разделенных между собой мощными взаимноперпендикулярными стенами.

Однако в результате раскопок выяснилось, что здание было круглым. Своеобразная же конфигурация развалин вызвана характером разрушения, который объясняется особенностями кладки, в значительной мере обусловленными необходимостью сочетать круглый внешний контур с квадратным внутренним при сравнительно низком уровне развития строительного искусства (рис. 1).

Как показали раскопки, сооружение воздвигнуто непосредственно на материковом грунте — крупнозернистом желтом илесте с мелкими белыми известково-песчанистыми стяжениями, из которого сложена заплатаемая

¹ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4. М., 1960, стр. 23—40.

² В настоящее время в связи с большими работами по хозяйственному освоению новых земель в присырдарьинских районах русло Жаны-Дарьи обводняется.

³ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 27—29.

Рис. 1. Общий вид круглого погребального сооружения

городищем возвышенность. Крепостная стена, примыкающая к сооружению с северо-северо-запада и юго-юго-востока, пристроена позже, когда последнее уже начало разрушаться, и поставлена на слой песчано-глинистых намывов толщиной 0,10 м, перекрывающих материк. Кроме того, под той ее частью, которая подходит к зданию с юго-юго-востока, находится слой грабительского выброса — обстоятельство, указывающее на то, что ограбление предшествовало возведению крепостной стены.

Высота сохранившейся части здания 8,4 м.

В основу плана сооружения положен вписанный в круг диаметром 38,5 м квадрат размером $14,5 \times 14,5$ м, ориентированный сторонами точно по странам света и разделенный внутри двумя мощными взаимно-перпендикулярными стенами на четыре равных квадратных помещения размером $5,9 \times 5,9$ м с небольшими отклонениями (рис. 2). Помещения образуют два комплекса — западный и восточный, в каждом из которых северное помещение соединено с южным проходом шириной 1,35 м, сдвинутым к центральной оси здания.

Комплексы связаны между собой через южные помещения, сообщающиеся проходом шириной 1,70 м, прорезанным в середине стены. Вход в здание расположен с юга и представляет собой заключенный в массиве стены коридор длиной 10 м и шириной 1,70 м, ведущий в юго-восточное помещение. Вдоль стен помещений устроены широкие суфы высотой 45—60 см, оставляющие свободным лишь небольшой участок пола против входов. Ширина суф различна, что, возможно, сделано с учетом какой-то формы неравноправия погребенных. Разница в ширине суф определяет расположение проходов относительно центральной оси здания и ширину соответствующих простенков.

В южных помещениях обоих комплексов в углах между стенами, в которых прорезаны проходы, суфы отсутствуют. Их место занимают стоящие прямо на полу высокие выкладки, представляющие собою четверти цилиндров радиусом 1,45 м. В остальных углах расположены аналогичные выкладки несколько меньшего радиуса (1,35 м), поставленные на суфы. Они достигают высоты в 2,6 м, но в верхней части разрушены и поэтому трудно установить их первоначальную высоту. Выше выкладок в углах находится небольшие (радиусом 0,45 м) полные внутри выступы той же формы, очевидно, доходившие до потолка. В северных помещениях на суфах также сооружены подобные выкладки с выступами над ними, однако, здесь, судя по некоторым сохранившим верхнюю плоскость выкладкам, они имели высоту всего 85—95 см, а радиус 75 см. В массиве стены параллельно северной и восточной сторонам внутренних помещений, на высоте 7,25 м, вскрыт коридорчик шириной 0,5 м, соединяющий между

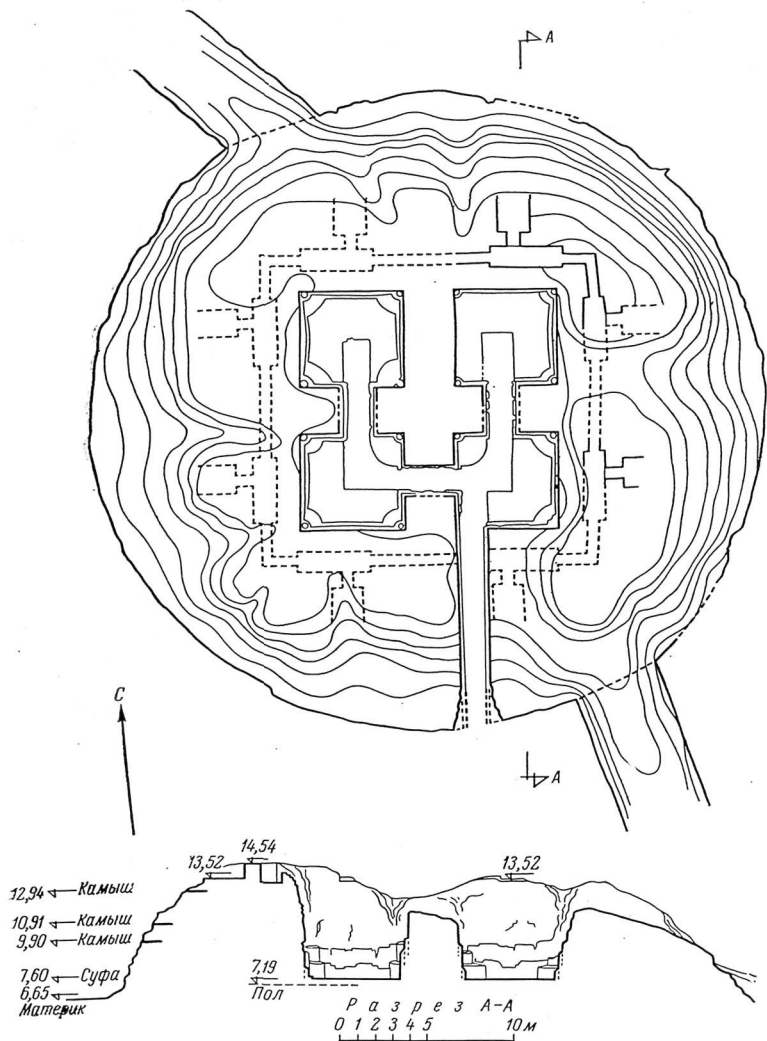

Рис. 2. План и разрез круглого погребального сооружения

собой четыре камеры размером $4,00 \times 1,30$ м, откуда такие же узенькие проходы длиной 0,7 м выводят на площадки шириной 1,5 м (наполовину смытые), очевидно, остатки подобных же камер. Уровень пола последних, как и проходов, приподнят на один ряд кирпичей. Стены сохранились на высоту от нескольких сантиметров до 1,1 м (рис. 4). Можно предполагать, что коридор с камерами опоясывал по периметру всю внутреннюю планировку, но на остальных участках смыт. К сожалению, у нас нет

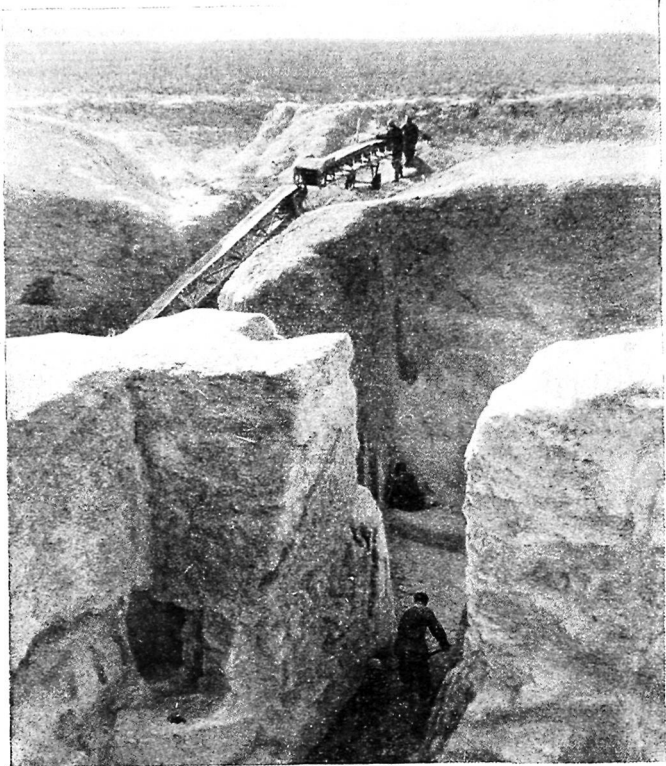

Рис. 3. Общий вид раскопок

данных о том, как попадали в эту галерею, и была ли она полностью заключена в толще стен сооружения или возвышалась над ними и имела особое архитектурное оформление. Судя по залежавшему над полом на тонкой прослойке песчано-глинистого намыва толщиной 2—3 см толстому (до 20 см) слою перегнившего камыша, коридорчик имел плоское камышовое перекрытие, возможно, обмазанное глиной.

Здание сложено из крупного сырцового кирпича на глиняном растворе. Стандарт кирпича, очевидно, еще не выработался: размеры его колеблются от $55 \times 31 \times 11$ см до $47 \times 29 \times 9,5$ см. Кирпич неоднороден по материалу: вместе с кирпичом, сделанным из лессовой глины с растительной примесью, скорее всего, резаного камыша, употреблялся кирпич из сильно уплотненного материкового песка, скрепленного, по-видимому, добавлением очень жидкого раствора глины. Никакой зависимости между формой и материалом кирпича не наблюдается. Из обычного сырцового кирпича выложены преимущественно фасады стен, тогда как в толще кладки преобладает кирпич с большим содержанием песка. Применение песка для изготовления кирпича можно объяснить недостатком глины в окрестностях памятника.

С внутренней стороны стена здания клалась по квадрату ложком с перевязкой в полкирпича. Переход к кладке по кругу осуществлялся через ряды кирпичей, положенных под углом в 45° к первоначальному на-

Рис. 4. Верхний коридор

правлению, которые в свою очередь обводились по фасаду рядами кирпичей, уложенных ложком уже по кругу. Остроумная система кладки сооружения выдерживалась, однако, недостаточно строго и погрешности устранялись весьма примитивными приемами: там, где горизонтальные ряды плохо сходились, в кладку, довольно бессистемно включались обломки кирпича разной формы и размера. Там же, где нарушался уровень кладки, для нивелировки увеличивали толщину слоя раствора, которая колеблется от 2 до 10 см, или иногда поверх одного слоя раствора клали другой, дополнительный. Небрежность кладки особенно чувствуется в толще стены.

На высоте 4,73 м, 6,77 м и 7,73 м в кладке проложены горизонтальные прослойки камыша, очевидно, в качестве гидроизоляции, препятствующей до некоторой степени процессу засолонения кладки. Снаружи стена здания была покрыта тонким слоем (до 2 см) тщательно заглаженной глиняной обмазки с примесью растительных остатков, сохранившейся лишь на небольшом участке по обеим сторонам входа на высоту от нескольких сантиметров до полуметра. Насколько позволяет судить незначительная высота внешней поверхности стены, она могла быть или вертикальной, или слегка наклонной, что дает возможность считать, что все сооружение имело форму цилиндра или усеченного конуса с очень крутой образующей. Последнее для сырцово-архитектуры более вероятно.

При сооружении внутренних стен здания строители сочетали кирпичную кладку с забутовкой из глины с желваками естественного камня — известково- и железисто-песчанистых стяжений, используя при этом каркас из дерева и камыша. Лицевая сторона южной стены северных помещений выложена из кирпича, внутренняя же полость заполнена забутовкой из глины и камня и лишь в верхней части, очевидно с уровня перекрытия проходов, начинается сплошная кирпичная кладка. Стена, обжившаяся в торцах, образующих проход из юго-западного помещения в юго-восточное, в нижней части целиком сделана из глины с камнем и только в верхней ее части сохранились остатки сплошной кирпичной кладки. Вдоль стен, поверхность которых покрывалась тонким слоем глиняной обмазки, ставился каркас из вертикальных жердей толщиной в 10—12 см, поставленных на расстоянии 25—30 см друг от друга и скрепленных сплетенной из волокон камыша веревкой. В углах устанавливались

деревянные столбы диаметром 45 см. Такой деревянный каркас заключался в слой глины с желваками камня толщиной до 16 см и покрывался двумя слоями тонкой (до 2 см) глиняной обмазки с растительными остатками, нижний из которых сохранил следы грубого заглаживания руками, верхний же очень аккуратно затерт. При этом за счет столбов и образовались те угловые выступы, о которых говорилось выше. Одновременно сооружались суффы, выложенные в основном из кирпича и покрытые теми же двумя тонкими слоями глиняной обмазки, что и каркас.

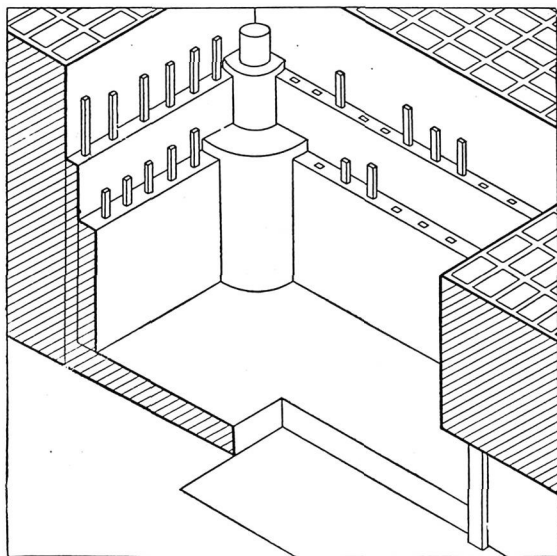

Рис. 5. Схематическая реконструкция внутренней отделки помещения

Однако конструкция внутренних стен оказалась недостаточно прочной. Очевидно под давлением верхней кирпичной части стен нижняя глиняная часть оседала и раздавалась вширь. Испытывавший при этом сильное давление каркас выгибался внутрь помещений, особенно в средней части стен, чему могла способствовать и его собственная тяжесть. Эта деформация очень хорошо видна: все стены помещений выдаются внутрь по дуге, а некоторые к тому же еще несколько наклонены вперед. Видимо, деформация началась уже в процессе постройки, так как поверх суффы, уже тщательно отделанных, пришлось сразу же ставить дополнительно второй ряд каркаса, аналогичный первому. а в углах, чтобы усилить основания угловых столбов, соорудить выкладки из глины с камнями, укрепленные деревянными столбиками диаметром 20—25 см (рис. 5). В северных помещениях, разделенных глухой стеной, оказалось, по-видимому, возможным ограничиться сравнительно небольшой высотой дополнительного каркаса: угловые выкладки имеют здесь высоту 85—95 см, причем верхняя часть их, там, где она сохранилась, выложена кирпичом и обмазана. Возведенные из чисто конструктивных соображений, они затем могли быть использованы для расстановки утвари. Высота связанного с выкладками дополнительного каркасного слоя должна была быть здесь такой же. В юго-западном помещении, где внутренние стены ослаблены проходами, и сами стены, как мы видели, менее прочны, очевидно, пришлось воз-

вести дополнительный каркас и угловые выкладки на полную высоту. Хотя сейчас они и не сохранились целиком, высота их значительно больше, чем в северных помещениях. В юго-восточном помещении, больше других пострадавшем от разрушения, не обнаружено данных, позволяющих судить о первоначальной высоте выкладок и связанного с ними каркасного слоя (рис. 6).

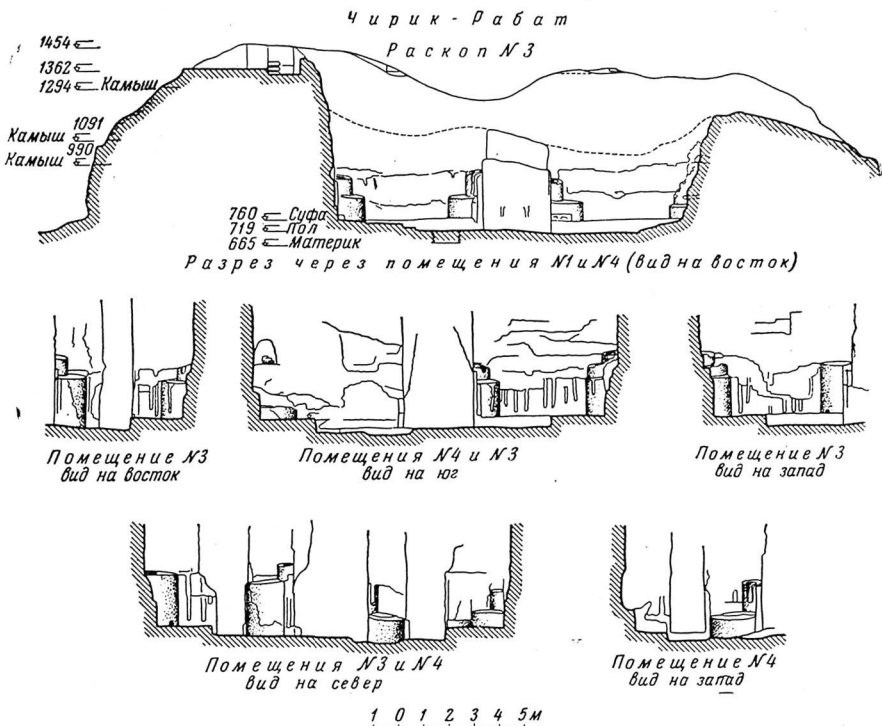

Рис. 6. Фасады стен помещений

Стены входного коридора имели два слоя каркаса, так же как и остальные помещения. Интересно, что конструкции, связанные с дополнительным слоем каркаса, сделаны небрежнее и обмазаны менее тщательно. На них как бы лежит отпечаток некоторой поспешности в работе.

Каркас не только служил опорой для внутренних стен, но, видимо, и нес плоское перекрытие из деревянных жердей и камыша, обмазанных глиной, остатки которого обнаружены в завале. Этим можно объяснить наличие каркаса и вдоль кирпичных наружных стен помещений. Правда, деформация заключающих каркас слоев обмазки почти одинакова как у внутренних стен помещений, так и у наружных, что наводит на мысль о наличии в нижней части внешней стены здания участков, заполненных глиной с камнями, а не кирпичной кладкой. Однако проверить это не представляется возможным, не причинив серьезных повреждений сооружению.

Полы помещений выстланы сырцовым кирпичом и покрыты тонким слоем глиняной обмазки с растительной примесью толщиной до 2 см. Судя по разнице в уровне пола у входа и внутри здания, составляющей

1,00 м, оно имело небольшой цоколь, что, возможно, было вызвано необходимостью выровнять выбранную под здание площадку, тем более, что оно расположено на склоне. Во входном коридоре, очевидно, был пандус, прорубленный впоследствии грабителями.

Внутри здания повсюду видны следы огня. Дерево и камыш каркаса выгорели полностью. От столбов и жердей сохранились лишь отпечатки в обмазке и кусочки обуглившегося дерева. Остатки сгнившего дерева встречены всего дважды: фрагмент столбика от каркаса во входном коридоре и мелкие обломки одного из столбов в северо-восточном помещении. В одном случае обнаружены остатки веревки, сплетенной из камыша. Обмазки полов, стен, суфф, выкладок и выступов во всех помещениях прокалены докрасна, а местами добела, иногда даже ошлакованы. Столь же интенсивны следы горения в проходах и во входном коридоре, где, очевидно, была сильная тяга. Одновременно с горением началось обрушение перекрытия и верхней части каркаса. Завал, лежащий прямо на поверхности пола и суфф, состоит из кусков прокаленной глиняной обмазки с отпечатками жердей и камышовых жгутов и из камней, причем кое-где видно, как сохранившийся на стене на некоторую высоту слой каркаса затем, оторвавшись от нее, переходит в горизонтальный обрушенный слой и постепенно теряется в общей массе завала. Внешний слой каркаса сохранился в северных и юго-восточном помещениях на высоту до 1 м (кроме западной и северной стен северо-восточного помещения, где он совсем отсутствует), в юго-западном помещении — до 2 м. Внутренний слой за небольшими исключениями везде сохранился на высоту до 2,5 м. В проходах и во входном коридоре, очевидно, в связи с более тяжелым перекрытием, каркасные слои на стенах прослеживаются на очень небольшую высоту (до 0,5 м). Завал из прокаленных обломков вдоль стен, как правило, достигает высоты сохранившейся части каркаса, к середине же помещения уровень его понижается; толщина слоя в среднем около 1,5 м. Угловые выступы и некоторые выкладки поднимались выше уровня завала и какое-то время стояли открытыми, поэтому верхние части местами размыты. Интенсивность горения понижалась по мере удаления от входа, очевидно, вследствие недостатка кислорода, поэтому меньше других пострадало от огня северо-западное помещение. Завал прокаленных обломков перекрывается мощным слоем песчано-глинистых намывов, перемежающихся со слоями кирпичного завала, образовавшимися по мере обрушения стен в разных помещениях на разных уровнях. В западной стене входного коридора на высоте 3,6 м, очевидно, соответствовавшей уровню тогдашнего заполнения коридора завалом, позднее был сделан подбой, в котором было обнаружено захоронение. Погребенный лежал на спине, головой на юг. Череп поврежден кирпичом, упавшим с потолка подбоя. Нижняя челюсть отсутствует. На том же примерно уровне, что и подбой, в слое намывов, идущем из коридора через юго-восточное помещение в северо-восточное, у северной стены последнего в 1957 г. была обнаружена нижняя челюсть человека. Несомненно, она принадлежит этому скелету и была вымыта из погребения потоком воды. Кроме того, у погребенного отсутствует левая нога ниже колена. Отсутствие при погребенном вещей не позволяет определить время захоронения. Однако в северо-восточном помещении в том же слое намывов, где была найдена челюсть, встречены фрагменты средневековой сероглиняной миски с углубленным орнаментом, датируемой XII в. Приблизительно к этому времени и можно отнести слой с погребением.

Залегавший на поверхности заполнения слой навоза и перегнивших растительных остатков и соответствующие ему по уровню ямы у восточных стен северо-восточного и юго-восточного помещений следует связывать с использованием развалин в недавнем прошлом в качестве загона для овец.

Памятник был ограблен еще в древности. Грабители вошли через вход, причем им пришлось пробивать себе дорогу в завале обрушившегося сгоревшего перекрытия и каркаса. Выброс велся наружу: перед входом сохранился большой грабительский отвал. Однородный состав выброса и завала, в котором был прорублен грабительский ход, не позволяет точно установить контуры последнего. Следы рубящих орудий грабителей в большом количестве сохранились на полу и стенах входного коридора. Грабительские ямы находятся в полу входного коридора, порублен пол юго-восточного помещения и прохода из него в юго-западное. В северо-восточном помещении срублена южная часть западной суфы, повреждена центральная суфа, выбиты ямы в полу и обеих боковых суфах, срублены юго-западная и северо-западная выкладки. Меньше других пострадало самое дальнее помещение, северо-западное, но и здесь видны следы порубок на выкладках и суфах, а в проходе выбита большая яма. В прилегающей части соседнего юго-западного помещения, кроме того, прослеживается грабительский выброс из северо-западного помещения.

Только в северо-западном помещении на суфах удалось обнаружить остатки кальцинированных костей, в том числе и бесспорно человеческих, и часть инвентаря, уцелевшую от грабежа. Это позволило установить погребальный характер сооружения и обряд трупосожжения на месте.

(¹) Стальные вещи найдены главным образом в грабительском отвале.

Исходя из характера находок, можно предположить, что на западной, более широкой суфе располагалось мужское погребение, на восточной, более узкой — женское. По-видимому, покойники со всем инвентарем клались на суфы, а затем совершался обряд трупосожжения на месте, перешедший, по всем данным, в пожар с частичным разрушением камер. В скоплениях находок в средней части западной суфы, где скорее всего лежал кремнированный, найдены мелкие фрагменты сильно разрушенных кальцинированных костей, кусочки черной шерстяной обугленной ткани, вышитой золотыми нитками, очевидно, остатки одежды, и украшения — шесть крупных поперечно-рифленых пронизей длиной 2,5 см, свернутых из листка серебра (рис. 9, *II*), обломки пластинок из серебра и меди, две бронзовые бусины, фрагмент цилиндрической синей бусины из ляпис-лазури и половина круглой золотой напивной бляшки. Здесь же был найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 7, *I*). В углу между западной стеной и северо-западной выкладкой сохранились остатки пластинчатого железного доспеха, представляющие собой часть широкого железного набедренника с отогнутым краем и отверстиями для скрепления, и узких длинных дугообразных пластин, связанных с ним и, очевидно, защищавших бока. Кроме того, на суфе и в грабительском выбросе было множество прямоугольных железных пластин разного размера также с отверстиями для скрепления. Очевидно, пластинки эти нашивались на какую-то твердую, но эластичную основу, скорее всего кожу. В грабительском выбросе из северо-западного помещения в юго-западное найдена была небольшая часть панциря, спекшиеся пластины которой сохранили первоначальный порядок. Химический анализ показал, что пластины сделаны из железа, но поверхность их была покрыта чем-то вроде оловянной полуды, предохранявшей от коррозии и придававшей панцирю красивый серебристый блеск⁴. С. П. Толстов считает, что такой тип доспеха сложился у степных присырдарьинских племен, получил широкое распространение с передвижением их в

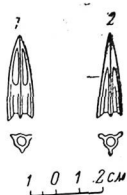

Рис. 7. Бронзовые наконечники стрел

⁴ Анализ произведен старшим научным сотрудником Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской Министерства культуры РСФСР Г. Н. Томашевич.

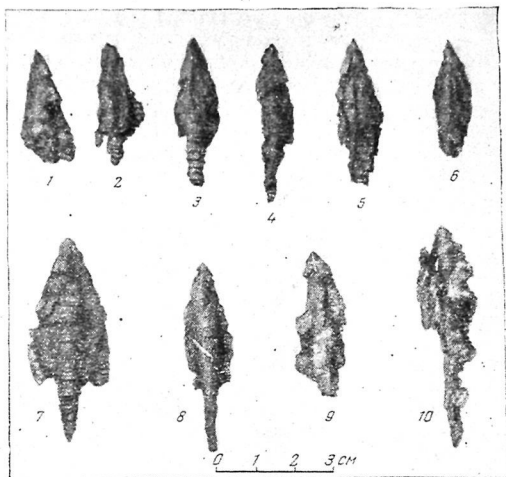

Рис. 8. Железные наконечники стрел

южные районы Средней Азии, Северную Индию и Иран и лег в основу знаменитого доспеха парфянского катафрактария⁵.

К мужскому же погребению относились, по всей вероятности, и найденные на центральной суфе шесть мелких железных трехперых черешковых наконечников стрел раннесарматского облика, датирующихся рубежом IV—III вв. до н. э. (рис. 8, 1—6), и два таких же наконечника и фрагмент небольшого железного лезвия, лежавшие на полу у западной суфы (рис. 8, 7—8), а также мелкие золотые круглые нашивные бляшки с петелькой на обратной стороне и такие же мелкие бляшки полушарной формы с двумя отверстиями для нашивания (рис. 9, 3, 8).

В скоплениях находок на восточной суфе, где, по всей вероятности, располагалось женское погребение, также найдены мелкие обломки кальцинированных костей и большое количество украшений (рис. 9): пара золотых серег или височных подвесок со сканным орнаментом из завитков в форме лежащей латинской буквы ∞ и золотой бахромой (рис. 9, 13), небольшой золотой колокольчик обычной формы (рис. 9, 12), и два более крупных колокольчика полушарной формы (рис. 9, 15), также золотых; золотая овальная обкладка, множество мелких трубчатых пропизок, свернутых из листка золотой фольги, часть из них поперечно-рубчатые (рис. 9, 4—7). Найдены также бусы из камня и стекла, в том числе три крупные цилиндрические бусины из ляпис-лазури (рис. 9, 26), фрагменты трех прокаленных и растрескавшихся каменных скарабеоидов (рис. 9, 18, 19, 23) и осколки печати, основная часть которой оказалась в грабительском отвале во входе в здание. Это печать-конус из белого халцедона с просверленным отверстием для подвешивания. Попавший в огонь камень прокалился и растрескался, отсутствует фрагмент с частью изображения (рис. 9, 16). На печати вырезана сцена единоборства царя в зубчатой короне с львиноголовым крылатым грифоном. Сохранились лишь верхние половины фигур. По форме, сюжету и стилю изображения камень принадлежит к ахеменидским изделиям V—IV вв.

⁵ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 148—150, рис. 82.

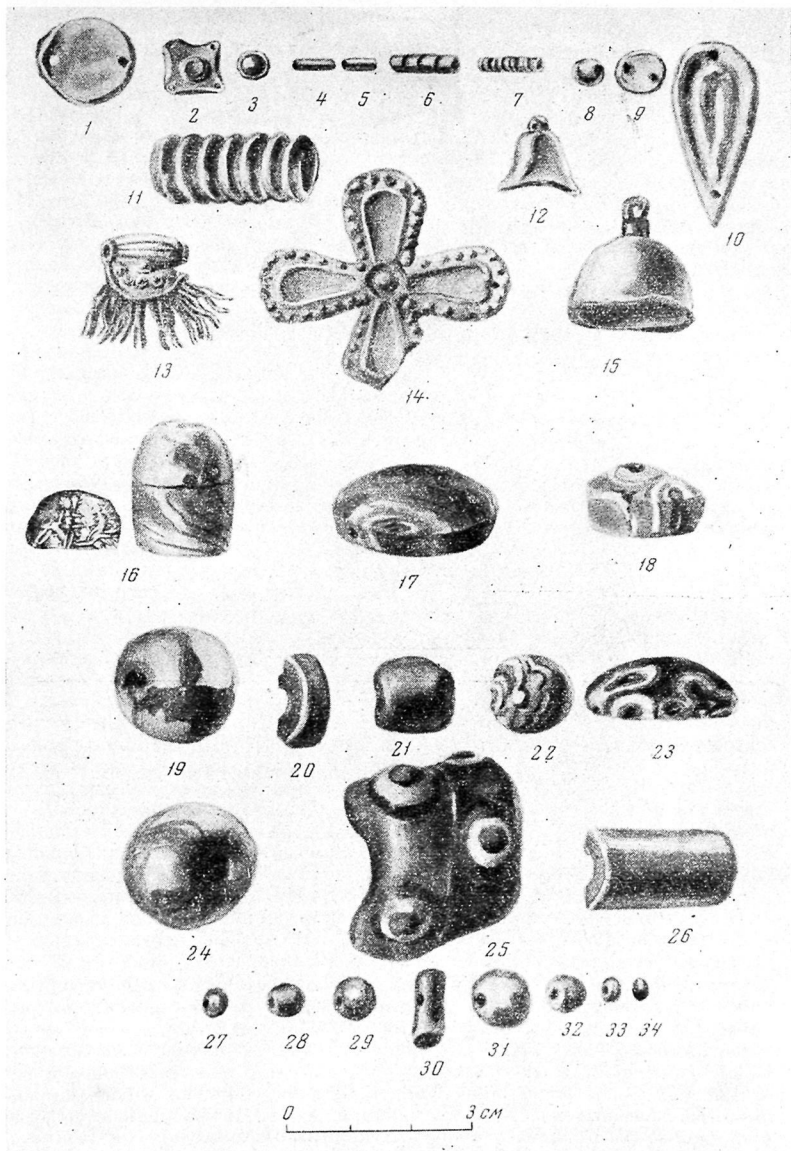

Рис. 9. Украшения.

1—3, 8—10, 14 — золотые нашивные бляшки; 4—7 — гладкие и рубчатые золотые пронизы; 11 — рубчатая серебряная прониз; 13 — золотая серьга или височная подвеска; 12, 15 — золотые колокольчики; 16 — конус-печать и оттиск изображения; 17, 18, 23 — скарабеиды; бусы; 19 — гематитовая; 20 — гагатовая; 21, 24 — мраморные; 22 — халцедоновая; 25 — стенлициная глазчатая; 26, 30 — лазуритовые; 27, 28, 33, 34 — голубое стекло; 29, 31, 32 — стекло с позолотой

Рис. 10. Керамика, изделия из камня, кости, бронзы.

1—4 — фрагменты керамики; 5—8, 11 — изделия из камня; 9 — гребень из слоновой кости; 10 — бронзовая туалетная ложка

до н. э. Очень близкая по материалу, форме и изображению печать была найдена в сарматском кургане у с. Покровка на р. Илек в Южном Приуралье⁶.

Скарабеонды и печать явно использовались в качестве украшений. Кроме украшений, здесь же найдены фрагменты гребня из слоновой кости. В завале над полом помещения и в проходе найдены в большом количестве железные пластины от панциря и отдельные мелкие золотые цилиндрические пронизи и нашивные круглые бляшки.

⁶ И. Кастанье. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, т. XXIV. Оренбург, 1913, стр. 80—83; М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37. Петроград, 1918, стр. 19 и сл.; Отчеты археологической комиссии, 1911, стр. 192—193.

Находки в остальных помещениях единичны и происходят в основном из грабительского выброса. В северо-восточном помещении найдена крупная золотая чеканная бляшка в форме четырехлепестковой розетки, украшенная по краю ложной зернью (рис. 9, 14), круглая плоская золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания (рис. 9, 1), бронзовый трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой, относящийся к IV — началу III в. до н. э. (рис. 7, 2), бронзовая туалетная ложечка (рис. 10, 10), две свернутые вместе железные полосы, возможно клинки, мелкие железные пластинки и кусочки обугленной черной шерстяной ткани. В юго-западном помещении найдены фрагменты небольшого цилиндрического сосуда из белого кальцитового оникса⁷ (рис. 10, 6) и железные пластины от доспеха. В проходе из юго-западного помещения в юго-восточное найдена очень любопытная галька, раскрашенная мазками красной и черной краски. В юго-восточном помещении найдена золотая бляшка миндалевидной формы (рис. 9, 10) и миниатюрная каменная чашечка с уступом для крышки. Во входном коридоре встречены фрагменты небольшой круглодонной черной мраморной чашечки (рис. 10, 7) также с закраиной для крышки и фрагмент прямоугольного сланцевого блюдечка с выступом — ручкой и отверстием в ней (рис. 10, 5). Найден также фрагмент крупной бусины из синего стекла с белыми глазками, обведенными красными ободками (рис. 9, 25), и золотая бляшка, квадратная с рельефным кружком в центре и четырьмя отверстиями для нашивания по углам (рис. 9, 2).

Кроме описанных находок, встречено очень много легких шлаков, очевидно, от расплавившихся изделий.

В результате раскопок круглого здания на городище Чирик-Рабат установлено, что оно являлось погребальным сооружением. Обрядом погребения было трупосожжение на месте, остатки которого прослежены на западной и восточной суфах северо-западной камеры.

Исходя из характера сохранившегося погребального инвентаря, особенно бронзовых и железных наконечников стрел, которые по аналогии с сарматскими прохоровского времени относятся к IV—III вв. до н. э., и ахеменидской печати-конусу, датирующей V—IV вв. до н. э., мавзолее можно отнести ко времени не позднее рубежа IV—III вв. до н. э.

Сооружение очень своеобразно и пока не находит прямых аналогий. Однако следует учитывать, что широкое археологическое обследование районов древних русел низовьев Сыр-Дарьи еще только начинается и в настоящее время раскопаны лишь отдельные памятники, обнаруживающие большое разнообразие как в архитектуре, так и в обряде погребения, вызванное сложностью этнического состава населения этой области.

В архитектуре раскопанного памятника особенно интересны глинобитные конструкции на деревянном каркасе, сочетание квадратной четырехкамерной внутренней планировки с круглым внешним контуром здания. крупный прямоугольный сырцовый кирпич, часто с большим содержанием песка. Эти особенности, а также обряд трупосожжения являются отражением древней традиции, восходящей к погребениям в мавзолеях начала первого тысячелетия до н. э. могильника Тагискен, в чем, как отметил С. П. Толстов, проявилось влияние сакаравакского погребального обряда на апасиакский памятник⁸.

Монументальность архитектуры и дошедшие до нас остатки некогда богатого погребального инвентаря позволяют считать круглый чирик-рабатский мавзолей местом погребения представителей родоплеменной знати.

⁷ Определение пород камня произведено сотрудником Ин-та петрографии АН СССР М. И. Степановым.

⁸ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм, СЭ, 1961, № 4, стр. 142.

В. А. Духовиц

РАСКОПКИ КВАДРАТНОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ЧПРИК-РАБАТ

Одним из основных объектов раскопок на городище Чприк-Рабат в 1957—1958 гг. было отдельно стоящее квадратное сооружение, расположенное на территории древней цитадели юго-западнее группы курганов (раскоп 4)¹.

Контур наружных стен здания до начала раскопок не прослеживался, так как наружные плоскости стен, сохранившиеся к тому же на небольшую высоту, были сильно заматы и оплывли. В 1958 г. была произведена зачистка внешних фасадов стен здания, в результате которой окончательно выяснилось, что здание имело квадратную форму (19,5 м × 19,5 м) и мощные стены из сырцового кирпича. Высота стен неодинакова; в западной части здания они достигают 1,6—1,7 м, в восточной они на 0,5—0,8 м ниже (рис. 1). Три стены (северо-восточная, северо-западная и юго-западная) имеют толщину около 4 м, а юго-восточная, в которой находится вход в дом, — до 5,5 м. Сырцовый кирпич, образующий кладку стен либо квадратной (38—40 × 35—38 × 8—10 см), либо прямоугольной (46—48 × 35—38 × 8—10 см) формы. Встречаются также и половинки кирпичей этих двух основных размеров (22—24 × 35—38 × 8—10, 19—20 × 35—38 × 8—10 см). В стенах между рядами кирпичей клался слой раствора толщиной 5—10 см. В пределах одного ряда кирпичи укладывались без перевязки, однако каждый следующий ряд был выложен в перевязку с ниже- и вышележащим. На высоте 0,85 м и 1,42 м от уровня материка между горизонтальными рядами кирпичей положены слои раствора с камышом. Мощная внутренняя стена (толщиной 3,9—4,0 м) разделяет дом на два прямоугольных помещения (№ 1 — северо-западное и № 2 — юго-восточное), соединенных широким проходом (2,0 м — 2,1 м), который смещен на 1,5 м от центральной оси здания (юго-восток — северо-запад) в сторону северо-восточной стены.

В юго-восточной стене имеется вход, ведущий в помещение № 2. Он также смещен относительно оси юго-восток — северо-запад (на 0,15 м), но уже к юго-западной стене дома. Ширина прохода 1,65—1,7 м. На полу в проходе в двух метрах от его начала со стороны помещения № 2 и на всю ширину зачищена кирпичная кладка, идущая до внешней стены дома (длина 3,5 м или 6—7 кирпичей). Это, по-видимому, следы закладки входа в здание, сооруженной после совершения погребального обряда. В стенах прохода частично сохранились деревянные столбы: один на северо-восточной стенке у помещения № 2, в начале прохода, другой —

¹ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», М., 1960, вып. 4, стр. 31—32.

Чирик-рабат
Раскоп №4

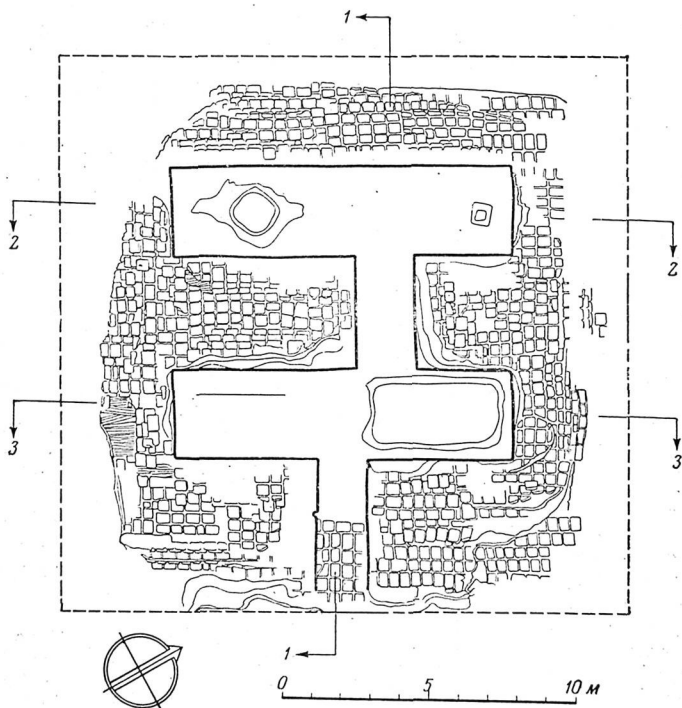
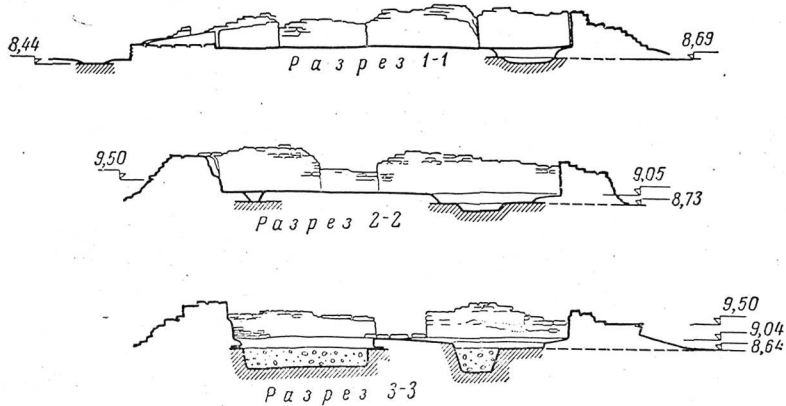

Рис. 1. План и разрезы квадратного погребального здания

на противоположной юго-западной стене у начала кирпичной кладки, в двух метрах от помещения № 2. Это свидетельствует о том, что вход в помещение вел через тамбур с двумя дверями.

Помещения здания представляют собой длинные и узкие комнаты коридорного типа, юго-восточные и северо-западные стены которых равны 11,7 м, тогда как юго-западные и северо-западные всего лишь 3,15 м.

Помещение № 1, раскопки которого были начаты в 1957 г., расчищено в 1958 г. полностью. Стены его в верхней части сохранились плохо. Нижняя часть стен до 40 см над полом, а в восточной части помещения даже до 70—80 см, имеет хорошую сохранность, на многих участках оставалась даже обмазка.

Заполнение помещения № 1 состоит из песчаных намывов и беспорядочно лежащих кирпичей. Последние обнаружены лишь в отдельных частях комнаты, главным образом у северо-восточной стены. На некоторых уровнях намывов имеются следы кратковременного обитания людей.

На уровне 30—40 см от материка был расчищен пол с плохо сохранившейся саманной обмазкой. Под ним как в первом, так и во втором помещении идет кирпичная вымостка из двух рядов кирпичей, лежащих на материке.

В кирпичной вымостке, в 0,65 м от северо-восточной стены была вскрыта вырытая до материка яма (3,87×2,16 м).

В яме, в слое намывов над ямой толщиной 0,15—0,20 м, а также у северо-западной стены вдоль края ямы обнаружено хаотическое нагромождение большого количества человеческих костей. Здесь найдено три черепа, сохранившихся неполностью, четыре нижних челюсти, кости таза, крестца, лопаток, верхних и нижних конечностей. В пределах первой ямы расчищена вырытая уже в материке еще одна яма яйцевидной формы (1,62×1,54). На дне ее в анатомическом порядке лежали ребра быка.

Человеческие кости были обнаружены не только возле ямы. Они беспорядочно были разбросаны почти на всей площади помещения № 1—к северо-западу от ямы, на полу комнаты и в намывах над полом до уровня 0,3 м. Наибольшее скопление костей было на участке в 3,2—4,0 м от северо-восточной, в 1,0 м от юго-восточной стен. Следует отметить, что в этом скоплении найдены и человеческие кости (3 черепа, трубчатые кости ног и рук, тазовые кости, лопатки, крестцы, челюсти и др.). Отдельные мелкие кости человеческого скелета были разбросаны и вокруг скопления. Черепа сохранились неполностью за исключением одного, хотя у него и отсутствует нижняя челюсть.

Беспорядочное расположение костей, а также скопление крупных костей в середине комнаты свидетельствует о том, что здесь побывали грабители. Вероятно, ими на полу помещения № 1, особенно в восточной части, оставлены следы лопат или других землекопных инструментов, а также небольшая яма (0,64×0,82 м), пробитая до материкового слоя. Еще больше испорчен грабителями пол в юго-восточной части помещения № 2, где не только остались следы инструментов и небольшая яма, но и был также разрушен верхний ряд кирпичей пола. Пол сохранился в этой части помещения № 2 лишь возле самых стен. Стены так же, как и в помещении № 1, очень плохой сохранности в верхней части и лучшей внизу, но всего лишь на 20—30 см от пола.

В восточной части помещения № 2 вскрыта большая яма (рис. 2), вырытая в полу и в материке, длиной — 4,55 м, шириной — 2,60 м. Глубина ее 1,05—1,10 м. Судя по находкам, это разграбленное погребение. На дне ямы, у северо-восточной стенки найден сохранившийся неполностью детский череп, перевернутый лицевыми костями вниз. Около него было небольшое количество человеческих костей, которые лежали беспорядочно. Следует отметить, что все кости находились в северо-восточной

части погребения. В юго-западной части никаких находок не было. В верхнем слое погребальной ямы также обнаружены кости человека, среди которых был фрагмент нижней челюсти, а в намывах над ямой, среди прочих костей были найдены нижняя челюсть и фрагменты костей черепной коробки человека.

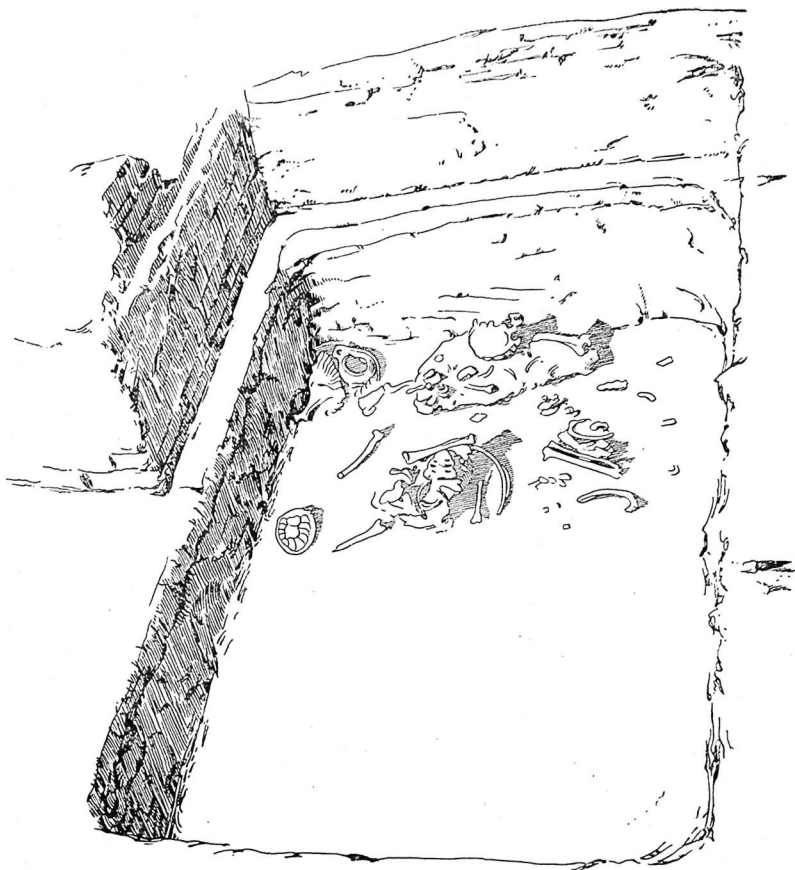

Рис. 2. Помещение № 2. Погребальная яма

В северном углу ямы был обнаружен сосуд, внутри которого находились три каменных и одно костяное грузило (рис. 3). Около сосуда лежали кости позвоночника животного.

Несмотря на то, что могила подверглась разграблению, можно точно сказать, что костяк (а возможно, и костяки), судя по расположению оставшихся костей и находок, лежал головой на северо-восток.

На дне погребальной ямы обнаружены изделия из золота, бронзы, железа (в том числе наконечник стрелы) и кости, а также бусы.

Здесь найдено шестнадцать золотых изделий. Все они лежали недалеко от черепа, а одно из них в самом черепе. Двенадцать из них — про-

пизки (рис. 4, 1), сделанные из тонких золотых листов, толщиной менее миллиметра. Четыре среди них длиной в 19 мм и диаметром в 2 мм, остальные длиной 10—14 мм, диаметром в 3 мм. Две другие пронизки (рис. 4а, 2) имеют поперечное рифление, а еще две (рис. 4а, 6) состоят из трех пронизок с поперечным рифлением, спаянных между собой таким образом, что в сечении они имеют форму треугольника. Наиболее крупное из золотых изделий (рис. 4а, 4) — это либо подвеска, либо большая пронизка.

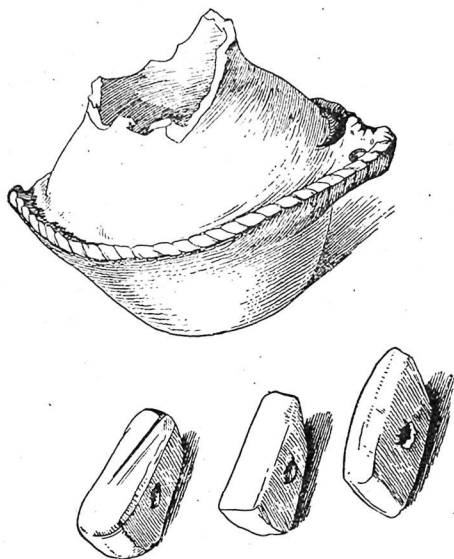

Рис. 3. Сосуд и каменные грузила из погребальной ямы

Она состоит из трех параллельно спаянных трубок длиной 2,5 см и 4 мм в диаметре. Каждая трубочка разделена на шесть секций, между которыми дважды обвита золотая проволока. На одной из сторон изделия имеются остатки более толстой золотой проволоки. Найдены также круглая золотая пуговица с петелькой (диаметр 10 мм, см. рис. 4а, 5) и золотое полушарие — обкладка пуговицы шаровидной формы (рис. 4а, 3). Два таких же полушария встречены при расчистке внешнего фасада юго-восточной стены дома в 1,2 м от входа в здание. Все полушария имеют по два маленьких отверстия для пришивания их к одежде. Возможно, они употреблялись и без твердой основы. На дне ямы был найден также фрагмент золотой проволоки. Кроме перечисленных изделий, три золотые пронизки были обнаружены на полу помещения № 1 среди крупных костей. На дне погребальной ямы были найдены фрагменты бронзового зеркала. Часть фрагментов этого зеркала обнаружена на полу помещения возле ямы. По краю зеркала идет валик шириной 10 мм. Оно аналогично зеркалам с валиком, появляющимся у сарматов Приуралья с самого начала прохоровской культуры вплоть до I в. до н. э.²

Из других изделий следует отметить находку бронзового перстня (рис. 4а, 7), сделанную при зачистке внешнего фасада юго-восточной стены дома в 0,8 м от входа в здание. Перстень представляет собой бронзовое незамкнутое кольцо, плоское в сечении, с прямоугольным щитком.

Очень интересной является также находка двух бронзовых наконечников стрел (рис. 4б, 1), трехлопастных, втульчатых, хорошей сохранности. В одном из них сохранился кусок древка. Они похожи на некоторые из наконечников, найденных в 1957 г. на поселениях комплекса Бабиш-Мулла³ и датируются V—III вв. до н. э.

² М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918, стр. 5, табл. IV, 2; P. R a u. Hugelgraber Römischer Zeit in unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 90—96.

³ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева и Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., рис. 32.

Однако следует отметить, что оба наконечника были обнаружены в растворе кладки, один — в юго-западной, другой — в северо-западной стене, куда они, видимо, попали из раннего слоя во время строительства сооружения.

В погребальной яме найден железный наконечник стрелы (рис. 4б, 2), трехперый, черешковый, который датируется III—II вв. до н. э.⁴

Среди наконечников стрел, найденных в круглом погребальном здании на Чирик-Рабате, есть аналогичные вышеописанному наконечнику⁵. На полу обоих помещений и в погребальной яме найдены также фрагменты железных изделий, определить которые за исключением одного — острия шила, к сожалению, невозможно.

На дне ямы обнаружено несколько изделий из кости, среди которых имеются расслоившиеся фрагменты гребня, а также обломки костяного браслета и, видимо, обкладки ручки ножа.

При расчистке помещений дома, погребальной ямы и внешних фасадов стен было найдено 26 различных бусин (стеклянные, из пасты, гагата и яшмовидной породы). Две из них — обнаружены на полу помещения № 1; две — при зачистке внешнего фасада юго-восточной стены, у входа в здание, остальные в погребальной яме. Одна бусина, обнаруженная в помещении № 1, — крупная из яшмовидной породы, круглой формы, красновато-коричневого цвета, другая — маленькая, стеклянная синего цвета.

Одна из бусин, найденных у входа, — стеклянная, зеленого цвета, другая — голубая из пасты. Среди бус из погребальной ямы имеется девять стеклянных бусин: семь голубого цвета и две позолоченные. Три бусины сделаны из египетской пасты, две из них цилиндрической формы, с двумя поперечными бороздками. Остальные десять — гагатовые, дисковидные и цилиндрические по форме.

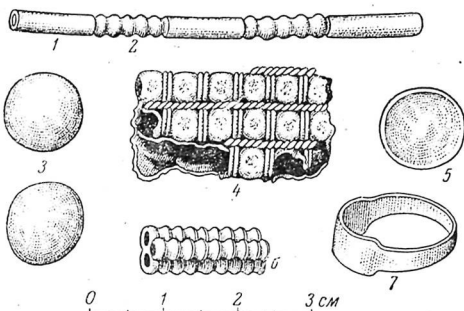

Рис. 4а. Украшения из золота и бронзы.

1 — пронизка; 2 — пронизка с рифлением; 3 — полушария; 4 — подвеска или пронизка; 5 — пуговина; 6 — пронизка, спаянная из трех поперечным рифлением (золото); 7 — перстень (бронза)

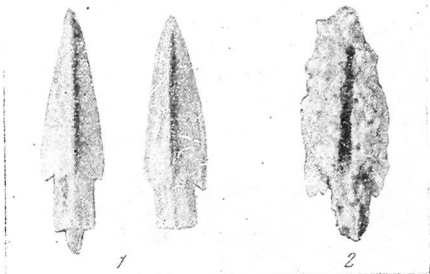

Рис. 4б. Наконечники стрел.

1 — бронзовые; 2 — железный

⁴ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 432; С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 11.

⁵ См. статью С. А. Трудновской, публикуемую в настоящем сборнике, стр. 310, рис. 8.

Несомненный интерес представляет сосуд, обнаруженный в погребальной яме помещения № 2 (рис. 3).

Сосуд ручной лепки, плоскостойкий с коническим расширяющимся верху корпусом, покатыми плечиками. В месте перехода плечиков в гулово имеется бортик с расширениями с двух противоположных сторон, в которых имеются отверстия диаметром в 12 мм. Край бортика украшен насечками. Фрагменты второго аналогичного по форме сосуда были найдены в той же погребальной яме, в завале над ямой и в намывах над полом помещения 1. Судя по последнему сосуду, оба они имели длинное горло. К сожалению, у обоих сосудов не сохранился венчик. Первый сосуд серого теста, второй — серый в изломе с красноватой поверхностью. В тесте небольшое количество примеси дресвы. Отверстия в бортике заставляют предполагать, что это светильники. К сожалению, аналогии вышеописанным сосудам нам пока неизвестны.

Остальная керамика, найденная в погребальном сооружении, сильно окатана. Обнаружены лишь отдельные фрагменты разных сосудов. Все это говорит о том, что керамика эта случайная, вероятнее всего, появившаяся здесь в результате многочисленных визитов грабителей.

Таким образом, лишь два сосуда — предположительно светильники — можно отнести к керамике погребального сооружения, да и те являются принадлежностью захоронения в помещении № 2⁶.

Однако это захоронение, возможно, является более поздним, так как оно почти полностью закрывает проход из помещения № 2 в помещение № 1. Первоначально покойников во время совершения погребального обряда клали непосредственно на пол помещений. В дальнейшем, по-видимому, через очень небольшой промежуток времени обряд изменился. Покойников стали хоронить в яме. Анализ краниологического материала показывает, что отличий между черепами, найденными в помещении № 1 и в погребальной яме помещения № 2, нет. Черепа из квадратного погребального здания схожи с черепами из Бабиш-Муллы, а также с усуньскими черепами из Киргизии⁷.

Квадратное здание не находит себе прямых аналогий среди других погребальных сооружений апасиакских племен, но является, по-видимому, одним из вариантов наиболее распространенных архитектурных форм погребальных памятников апасиаков с крестообразной планировкой⁸.

Как в строительной технике, так и среди находок между квадратным и круглым погребальными сооружениями городища наблюдаются некоторые черты сходства. Отметим, в частности, наличие камышовых прослоек на всю ширину стен⁹. Чрезвычайно близки по форме железные наконечники стрел с обоих памятников и особенно золотые украшения — пронзки, пуговицы с петелькой¹⁰.

Основой для датировки памятника, на наш взгляд, являются обломки бронзового зеркала (IV—I вв. до н. э.), а также железный наконечник стрелы (III—II вв. до н. э.). Бронзовые наконечники стрел ввиду того, что они найдены не в заполнении здания, а в растворе кладки стен, не могут, как нам кажется, существенно повлиять на датировку, так как определяют лишь возможную раннюю дату его постройки. Наиболее вероятным нам представляется предварительно датировать это сооружение III—II вв. до н. э.

⁶ Интересно отметить, что в круглом погребальном сооружении на городище Чиряк-Рабат почти не найдено керамики.

⁷ См. статью Т. А. Трофимовой, публикуемую в настоящем сборнике.

⁸ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, стр. 27.

⁹ С. А. Трудновская. Указ. соч., стр. 205.

¹⁰ С. А. Трудновская. Указ. соч., стр. 210—212, рис. 9.

Т. А. Трофимова

ПРИАРАЛЬСКИЕ САКИ
(Краниологический очерк)

Краниологические материалы, рассматриваемые в этом исследовании, добыты раскопками Хорезмской экспедиции в 1957—1960 гг. в Кызыл-Ординской области Казахской ССР, на территории древней сырдарьинской дельты¹.

Краниологические материалы получены нами из следующих памятников:

1) из квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат — древней столице апасиакских племен, расположенном на среднем течении Жаны-Дарьи и датированном С. П. Толстовым III—II вв. до н. э.;

2) из погребений в Бабиш-Мулле 2. Комплекс Бабиш-Мулла, по мнению С. П. Толстова, представляет собой обширный сельский район с небольшим укрепленным городком, являвшимся, вероятно, центральным поселением одного из апасиакских племен. Краниологические материалы получены как из раскопок погребального сооружения Бабиш-Мулла 2, так и из могильника, находящегося в 800 м к северо-востоку от последнего. Памятник датируется IV—II вв. до н. э.;

3) из грунтового могильника Баланды 4, датированного также IV—II вв. до н. э. Этот могильник расположен в пяти километрах от городища Баланды 1, являющегося третьим крупным комплексом апасиакских племен;

4) из впускных погребений в мавзолеях могильника Тагискен (1960 г.). Тагискенский некрополь датируется в целом более ранним временем — IX—VIII вв. до н. э. Основные захоронения мавзолеев связаны с трупосожжениями и относятся к особому варианту культуры эпохи бронзы; впускные же погребения совершены по обряду трупоположения, относятся к более позднему времени (вторая половина I тыс. до н. э.) и, вероятно, принадлежат к какой-то другой группе сакских племен². Всего после реставрации описано и исследовано 14 мужских черепов, 6 женских (среди них 2 черепа оссебей юного возраста), 3 детских — всего

¹ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4. М., 1960, стр. 3—62; С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., печатается в настоящем выпуске; С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. Датировки см. в статье С. П. Толстова, которая печатается в настоящем выпуске, стр. 32—90 и др.

Неполая черепиная крышка из культурного слоя юго-западной части городища Чирик-Рабат (пятый раскоп) относится к IV в. до н. э.

² С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958—1961 гг., печатается в настоящем выпуске, стр. 37, сл. 55а.

23 черепа. Кроме этого, в описание включены не поддающиеся реставрации фрагменты черепов взрослых и детей. Надо отметить, что череп из круглого здания Бабиш-Муллы разбит, и кости несут на себе следы огня.

Череп реставрированы М. М. Герасимовой, статистическая обработка и измерения костей скелета проведены Ю. А. Дурново.

Переходим к рассмотрению материала. В таблицах краниологический материал мы располагаем в хронологическом порядке: 1) черепа из Баланды IV—II вв. до н. э., 2) из Бабиш-Муллы IV—II вв. до н. э., 3) из Чирпк-Рабата IV и II в. до н. э. и 4) из Тагискена (вторая половина I тыс. до н. э.). В таком же порядке мы располагаем и индивидуальное описание черепов.

МУЖСКИЕ ЧЕРЕПА (СМ. ТАБЛ. 1)

Баланды 4, грунтовой могильник (раскопки 1959 г.).

1. Скелет № 1. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*). Черепная крышка овоидной формы, умеренно-брахикранный (81,9), небольшого размера. Лоб по указателю относительно широкий (71,0). Лицевой скелет низкий (морфологическая высота 65 мм) и, по-видимому, широкий (скуловой диаметр около 141 мм), уплощенный в области назомаллярного угла с среднеразвитой клыковой ямкой. Грушевидное отверстие средних пропорций с острым нижним краем. Орбиты по указателю низкие.

Расовый тип европеидный, массивный, в основном андроновский (измерительные данные для мужских черепов см. табл. 1).

2. Скелет № 1а. Череп принадлежал мужчине молодого возраста (*adultus*). От черепа полностью сохранилась правая половина мозгового и лицевого скелета, подвергнувшаяся незначительной латеральной посмертной деформации. Черепная коробка характеризуется, по-видимому, большим продольным (не меньше 185 мм) и средним или меньше среднего поперечным диаметрами. Она невысокая, долихокранный, овоидной формы, лоб покатый, надпереносье среднее. Лицевой скелет низкий, со средней глубиной клыковой ямкой, орбиты низкие как по абсолютному, так и по относительному размеру. Выступание носа, по-видимому, сильное. Череп европеидный.

3. Скелет № 5. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*). Черепная крышка — крупных размеров — характеризуется очень большим продольным диаметром, по-видимому, малым поперечным и большим высотным диаметрами, долихокранный, овоидной формы.

Лоб абсолютно и относительно очень широкий, слабо наклонный (от назиона), надпереносье среднее. Лицевой скелет имеет средние размеры скулового диаметра и верхней высоты лица, по указателю относительно высокий (53,4), уплощенный в области назо-маллярного угла, ортогнатный. Грушевидное отверстие средних пропорций с заостренным нижним краем, краниоскопически дакриальная высота определяется как большая, носовые кости очень узкие, частично разрушенные с посмертным смещением, выступание носовых костей значительное (29°). Орбиты средней высоты. Расовый тип производит впечатление метисного, напоминает тип, встречающийся среди хантов. На это указывает строение орбит, очень узкое переносье с узкими носовыми костями, некоторое уплощение лицевого скелета.

4. Скелет № 6. Череп принадлежал мужчине старческого возраста (*senilis*). Череп характеризуется в общем средними размерами, брахикранный, эурипентагоноидной формы. Лоб относительно узкий, надпереносье среднее. Лицевой скелет частично разрушен, но можно думать, что лицо низкое, а скуловой диаметр средний (около 133 мм), орбиты средние. Расовый тип европеидный, андроновский.

Бабиш-Мулла 2 (раскопки 1957 г.).

5. Череп принадлежал мужчине молодого возраста (*adultus*). Череп крупный, характеризуется большими размерами всех основных диаметров, мезокранный, эурипентагоноидной формы. Лоб средне-широкий, покатый, со значительно развитым надбровьем. Рельеф на черепе сильно развит. Лицевой скелет отличается следующими особенностями: очень большим размером морфологической высоты лица (78 мм), при большом, по-видимому, размере скулового диаметра (около 139 мм); средней уплощенностью в области назо-малярного угла (136,2) и сильной профилированностью в области зиго-максиллярного угла (124,5), мезогнатностью и альвеолярным прогнатизмом. Грушевидное отверстие средних пропорций, переносье высокое (дакриальный указатель 62,3), нижний край грушевидного отверстия типа *fossae praenasalis*. Следует отметить исключительно длинный пиловидный отросток и наличие затылочно-теменной деформации (степень 2, наиболее уплощение приходится в области обеллонов). Расовый тип европеоидный, напоминающий переходные формы от андроновского типа к расовому типу Среднеазиатского Междуречья, хотя нетипичным является очень большая морфологическая высота лица. Сходные формы встречаются среди усуней.

6. Черепная крышка принадлежала, по-видимому, мужчине зрелого возраста (*maturus*). Черепная крышка характеризуется большими размерами всех ее основных диаметров, особенно поперечного (159 мм). Она гипербрахикранный, сфеноидной формы; лоб очень узкий (лобно-поперечный указатель 62,3) с выше среднего развитым надпереносьем. На черепной крышке отмечается затылочно-теменная деформация, асимметричная, простирающаяся от обеллонов до затылочного бугра. Линии мускульных прикреплений развиты сильно.

Могилиник в 800 м к северу от Бабиш-Мулла 2, погребение № 1 (раскопки 1959 г.).

7. Череп принадлежал мужчине старческого возраста (*senilis*). Череп средних размеров, мезокранный (75,7), черепная крышка овоидной формы. Лоб относительно широкий (по лобно-поперечному указателю 72,3), средне-наклонный, надпереносье развито ниже среднего. Размеры лицевого скелета небольшие, особенно мал размер морфологической высоты лица (65 мм), что, возможно, вызвано процессами атрофии верхней челюсти, этим же, вероятно, объясняется и резкий альвеолярный прогнатизм (атрофия средней части альвеолярного края верхней челюсти, что, может быть, является следствием какой-то старой травмы). Однако надо отметить, что высота грушевидного отверстия малой величины (49 мм) при большой его ширине (27 мм) дает высокий носовой указатель — 55,1. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Глазницы по указателю средние. Расовый тип европеоидный в основе, вероятно, андроновский.

Бабиш-Мулла 2 (раскопки 1959 г.).

8. Череп принадлежал мужчине молодого возраста (*adultus*). Черепная крышка характеризуется средним продольным диаметром и большими размерами поперечного и высотного диаметров, пентагоноидной формы. Лоб широкий как по абсолютному размеру, так и по относительному (в области наименьшего лобного диаметра), слабо наклонный, надпереносье развито среднее. Лицевой скелет обладает средними размерами и пропорциями, со слабо развитой клыковой ямкой, среднеуплощенный в области назо-малярного угла (141,6) и более профилированный в области зиго-максиллярного (128,9), мезогнатный. Грушевидное отверстие широкое по абсолютным и относительным данным, угол носа средний (27°), переносье высокое. Орбиты высокие и широкие по абсолютным данным, средних пропорций. Расовый тип близкий к андроновскому, хотя и напоминает черепа срубной культуры.

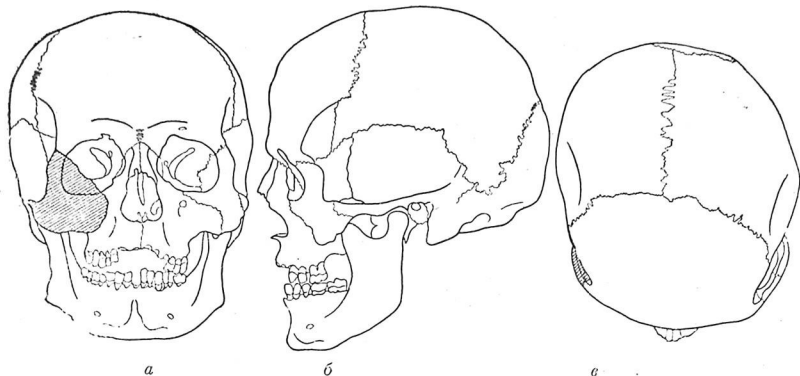

Рис. 1а, б, в. Мужской череп из Чирик-Рабата 1 по типу переходный между андроновским и расовым типом Среднеазиатского Междуречья (восточный вариант)

9. Раскоп 4, помещение 1, скопление крупных костей в северо-восточном углу помещения. Череп принадлежал молодому мужчине (*adultus*), гипербрахикраний, со средним размером продольного диаметра и большими величинами поперечного и высотного диаметров, сфероидной формы. Лоб относительно узкий, прямой, со средне развитым надбровьем. Лицевой скелет средней высоты, по-видимому, широкий, уплощенный в области назо-маллярного угла (146°), ортогнатный, со слабо развитой клыковой ямкой. Грушевидное отверстие средних пропорций,

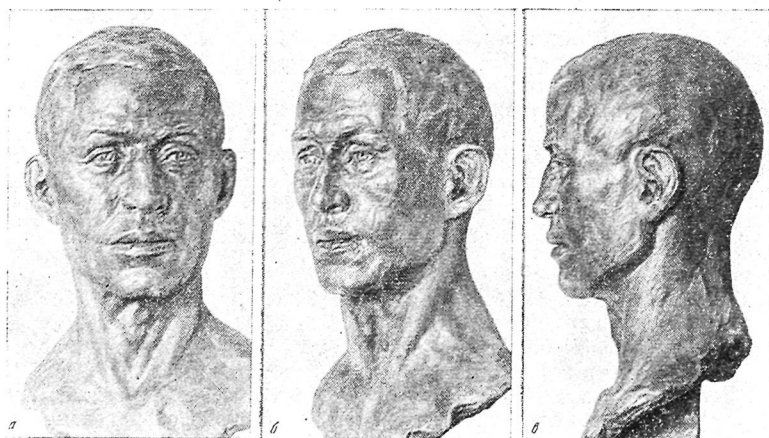

Рис. 2а, б, в. Реконструкция Г. В. Лебединской по черепу из Чирик-Рабата. Расовый тип, переходный между андроновским и типом Среднеазиатского Междуречья (восточный вариант)

переносе высокое, как по абсолютным размерам дакриальной высоты (13,1 мм), так и по дакриальному указателю, выступание носовых костей сильное (31°). В затылочной области отмечается легкое уплощение

(степень 1). Расовый тип европеоидный, переходный от андроновского к расовому типу Среднеазиатского Междуречья (рис. 1 и 2).

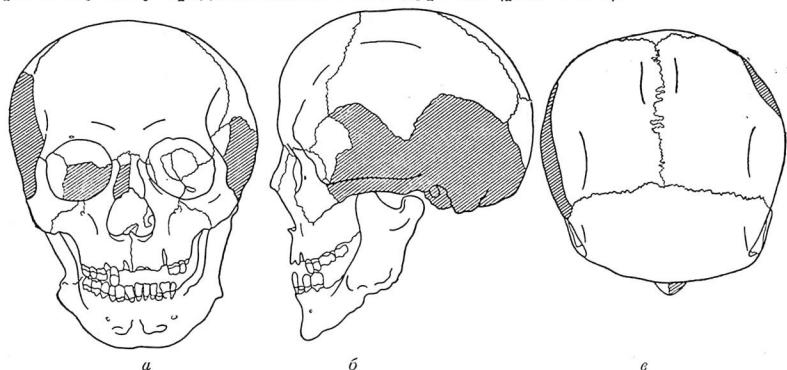

Рис. 3 а, б, в. Мужской череп из Чирик-Рабата 1. Монголоидный тип

10. Раскоп 4, помещение 1, скопление крупных костей в северо-восточном углу помещения. Череп мужской, юношеский (*juvenis*). Черепная коробка частично разрушена, но, несмотря на это, ясно видно, что она брахикранная и очень низкая. Лицевой скелет характеризуется значительным скуловым диаметром (около 138 мм), большой морфологической высотой (77 мм), очень уплощенный в области горизонтальных углов (назо-маллярный угол достигает величины $146,8^\circ$, зигмаксиллярный — $141,8^\circ$), клыковая ямка средней глубины. Переносье высокое, но грушевидное отверстие очень широкое (носовой указатель — 57,4),

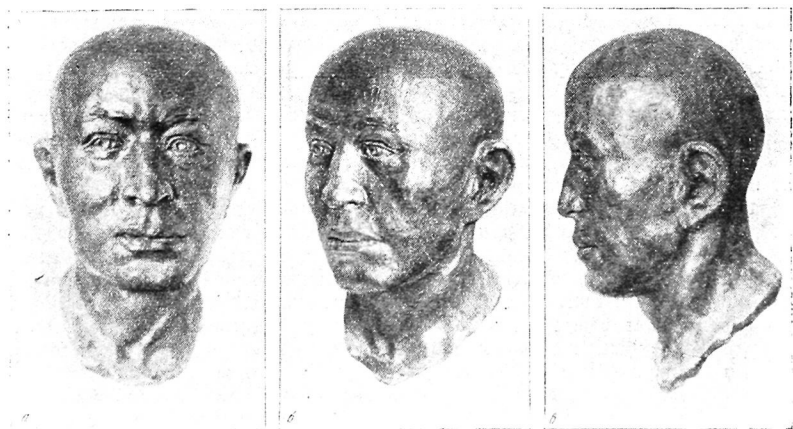

Рис. 4 а, б, в. Реконструкция Г. В. Лебединской по черепу из Чирик-Рабата. Монголоидный тип

выступание носовых костей — небольшое. Орбиты средних пропорций, округлые, отличаются большими абсолютными величинами основных диаметров. Череп монголоидный (рис. 3 и 4).

Юго-западная часть городища, раскоп 5, расчистка 1, пол № 3. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*). От черепа сохранилась часть черепной крышки³. Череп был, по-видимому, долихокраний с продольным диаметром 183 мм, овоидной формы со среднеразвитым надпереносьем и слабо развитым наружным затылочным бугром.

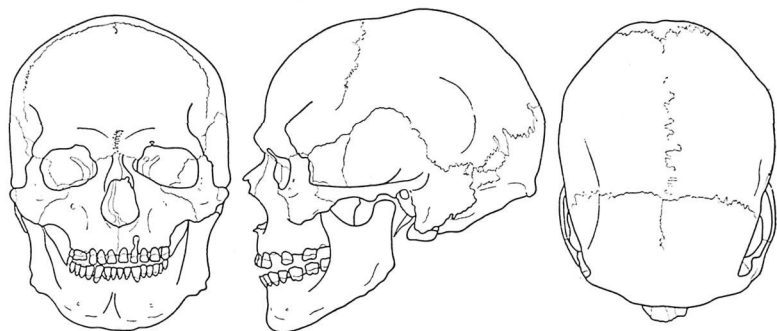

Рис. 5. Мужской череп андроновского типа из Тагискена

Нижняя челюсть, которая при раскопках была отнесена к описанному черепу, вероятно, принадлежала другому, более молодому мужчине.

Тагискен (раскопки 1960 г.).

11. Курган № 4. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*). Черепная коробка овоидной формы, мезокрания, характеризуется большими размерами продольного и высотного диаметров и средней величиной поперечного. Лоб относительно широкий, прямой (от назона), надбровье развито выше среднего. Лицевой скелет отличается большим размером скулового диаметра, средней величиной верхней высоты лица, по указателю низкий (48,6), уплощенный в области горизонтальных углов. Область переносья высокая (дакриальный указатель 67, 7), выступание носовых костей сильное (34°), при этом, однако носовые кости уплощены (симпатическая высота и указатель небольшие). Грушевидное отверстие среднее, обладает заостренным нижним краем. Орбиты очень низкие как по абсолютной высоте (27 мм), так и по указателям (61,4 мм от *mf*). Расовый тип андроновский (рис. 5).

12. Курган № 5, череп 1. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*). Череп крупный с очень большими размерами продольного и поперечного диаметров и большим высотным, черепная крышка умеренно брахикрания эллипсоидной формы с выше среднего развитым надпереносьем и сильно развитыми надбровными дугами. Лоб широкий по абсолютным размерам и относительно узкий по лобно-поперечному указателю, средненаклонный. Лицевой скелет характеризуется очень крупными размерами скулового диаметра (148 мм) и верхней высоты лица (77 мм), по пропорциям средний, средней уплощенности в области горизонтальных углов, мезогнатный с глубокой клыковой ямкой. Грушевидное отверстие средних пропорций обладает сглаженным нижним краем, выступание носовых костей сильное (30°). Расовый тип европеоидный, андроновский.

13. Курган № 5, череп 2. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*). Черепная крышка эллипсоидной формы, мезокрания,

³ Данная черепная крышка не включена в общую нумерацию в виду ее плохой сохранности.

характеризуется в общем средними размерами. Лоб как по абсолютным, так и по относительным величинам отличается большими размерами. Наклон лба средний. Лицевой скелет низкий, по-видимому, широкий в области скулового диаметра, о чем можно судить по верхней ширине лица (размер № 43 по Мартину равен 111 мм), средней уплощенности в области назо-малярного угла, клыковая ямка средняя. Грушевидное отверстие широкое по указателю, обладает заостренным нижним краем. Переносье по величине дакриальной высоты большое, но вследствие очень большого размера дакриальной ширины дакриальный указатель оказывается ниже среднего (43,3), симотический указатель очень высокий (82,8). Орбиты низкие. Расовый тип европеоидный, андроновский.

14. Курган № 5, череп 3. Череп принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*). Сохранилась часть черепной крышки и большая часть лицевого скелета. Лицевой скелет характеризуется крупными размерами. Скуловой диаметр достигает приблизительно 144 мм, верхняя высота лица — 74 мм, по-видимому, относительно низкий (51,4), среднеуплощенный в области назо-малярного угла (142,2). Клыковая ямка выражена слабо. Грушевидное отверстие по указателю узкое (45,5), нижний край заостренной формы, высота переносья, по-видимому, значительная, симотическая высота и указатель — большие. Орбиты, как по абсолютным размерам, так и по указателю, широкие и низкие. Лоб широкий, надпереносье развито значительно, надбровные дуги большие. Расовый тип европеоидный, близкий к андроновскому.

ЖЕНСКИЕ ЧЕРЕПА (СМ. ТАБЛ. 2)

Баланды 4, грунтовой могильник (раскопки 1959 г.).

1. Скелет № 3. Череп принадлежал женщине зрелого возраста (*maturus*). Череп крупный, с большими размерами продольного и поперечного диаметров и с небольшой величиной высотного диаметра (от пориона). Лоб средней ширины (по указателю), надпереносье, по-видимому, развито слабо. Лицевой скелет характеризуется значительным скуловым диаметром (около 128 мм), средней морфологической высотой, клыковая ямка глубокая. Грушевидное отверстие широкое, симотический указатель ниже среднего. Переносье низкое и широкое, однако носовые кости выступают значительно. Орбиты очень высокие. Расовый тип европеоидный с монголоидной примесью.

2. Скелет № 4. Череп принадлежал женщине юного возраста (*juvenis*). Сохранилась неполная черепная крышка, части правой скуловой и верхней челюстной костей, правая орбита, а также и неполная нижняя челюсть. Черепная крышка мезокранная, овоидной формы, рельеф выражен очень слабо. Абсолютные размеры: продольный диаметр — большой, поперечный — средний. Размеры лба очень большие: наименьший лобный — 100 мм, наибольший лобный — 123 мм; глазницы очень низкие — 30 мм. Из-за неполной сохранности черепа расовый тип не определяется.

Бабиш-Мулла 2 (раскопки 1959 г.).

3. Раскоп 6. Череп найден около грабительской ямы в северо-западной части помещения под завалом. Череп принадлежал женщине молодого возраста (*adultus*). Он характеризуется в общем средними размерами при значительной высоте его от базиса. Черепная крышка умеренно брахикранная, овоидной формы. Лоб относительно широкий, прямой, надпереносье слабое. Лицевой скелет обладает средней шириной и значительной высотой, по лицевому указателю — высокий, ортогнатный, сильно уплощенный в области назо-малярного угла (145,4°), при значительной профилированности в области зиго-максиллярного (125,4°), по

со слабо выраженной клыковой ямкой. Грушевидное отверстие широкое (53,1) с заостренным нижним краем, переносе по дакриальной высоте выше среднего (по указателю — среднее, выступание носа среднее). Расовый тип монголоидный, не ярко выраженный, напоминает череп сублапоноидного типа у болгар Поволжья.

Могильник в 800 м к северу от Бабиш-Муллы 2 (раскопки 1960 г.).

4. Погребение с северо-восточной стороны сооружения. Череп принадлежал женщине зрелого возраста (*maturus*). Черепная коробка характеризуется в общем средними размерами, умеренно брахикранная, пентагоноидной формы. Лоб средненирокий, покатый, надпереносе развито ниже среднего. Лицевой скелет отличается большим размером скулового диаметра, очень большой морфологической высотой (75 мм), по указателю — очень высоколицый (58,6), сильно профилированный в области горизонтальных углов, мезогнатный, клыковая ямка глубокая. Грушевидное отверстие по указателю очень узкое, с заостренным нижним краем, переносе высокое, выступание носовых костей среднее (21°). Орбитный указатель (от *mf*) низкий — 75,6. По строению лицевого скелета исследуемый череп близок к формам восточно-средиземноморского типа.

Чирик-Рабат 1 (раскопки 1958 г.).

5. Раскоп 4, помещение № 1, скопление крупных костей в северо-восточной части помещения. Череп принадлежал женщине зрелого возраста (*maturus*). Сохранилась только черепная коробка. Череп крупный, характеризуется большими размерами основных диаметров, гипербрахикранный, черепная крышка зурипентагоноидной формы. Лоб относительно узкий, надпереносе развито слабо. Судя по верхней ширине лица, лицевой скелет был широкий. Расовый тип не определяется.

Тагискен (раскопки 1960 г.).

6. Курган 5, череп 4. Череп принадлежал, по-видимому, женщине юного возраста (*juvenis*). Черепная крышка характеризуется небольшим продольным диаметром (169 мм) и очень большим поперечным (150 мм), гипербрахикранной сфероидной формы. Лоб очень широкий, прямой, надпереносе и надбровные дуги развиты слабо. Лицевой скелет средний как по абсолютным размерам, так и по указателю, со средней горизонтальной профилировкой и очень глубокой клыковой ямкой. Грушевидное отверстие средних абсолютных размеров, по указателю широкое, с заостренным нижним краем. Симметрическая высота и указатель — большие, выступание носовых костей, по-видимому, среднее. Размеры глазницы большие, особенно большой величины достигает высота орбиты (36 мм), что приводит к высокой (гипсиконхной) форме глазниц. Расовый тип европеоидный.

Могильник в 800 м к северу от Бабиш-Муллы (раскопки 1959 г.).

7. Погребение № 3. Череп принадлежал ребенку в возрасте 7—8 лет. Череп гипербрахикранный, зурипентагоноидный с незначительным асимметричным уплощением затылка в области задней части теменных костей и верхней части затылочной. Лицевой скелет относительно низкий, среднеуплощенный в области назо-малярного угла и сильно профилированный в области зигмаксиллярного, ортогнатный с относительно высоким переносом (дакриальный указатель — 61,0), со слабым выступанием носовых костей (18°) и средней ширины грушевидным отверстием. Расовый тип европеоидный.

Чирик-Рабат 1 (раскопки 1958 г.).

8. Раскоп 4, помещение 2, яма. Череп принадлежал ребенку в возрасте 10—12 лет. Череп без нижней челюсти, основная кость отсутствует, затылочная тоже почти полностью. Череп брахикранный, испытавший

посмертную деформацию (сжатие со стороны затылка), но, вероятно, также имеющий следы прижизненной деформации кольцевого типа, комбинированной с затылочным уплощением. Отмечается выпуклость перед брегмой и западание в области брегмы, а также вдавление в области висков (в области птергионов) и незначительные уплощения в латеральных частях лобных костей над орбитами. Лицевой скелет относительно низкий, среднеуплощенный в области назо-малярного угла и сильно профилированный в области зигмаксиллярного, ортогнатный. Грушевидное отверстие средней ширины. Расовый тип определить трудно.

9. Курган № 5. Череп принадлежал ребенку в возрасте 7—8 лет. Черепная коробка ультрабрахикранная (черепной указатель 94,1). Лицевой скелет низкий, среднепрофилированный в области назо-малярного угла, клыковая ямка мелкая. Грушевидное отверстие очень широкое (носовой указатель 57,1), нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Расовый тип не определяется.

Несмотря на некоторые морфологические различия между двумя группами черепов — более ранней чирик-рабатской (куда мною включены также черепа из Балаиды 4 и Бабиш-Музлы 2), с одной стороны, и более поздней тагискенской — с другой, первоначально для общей характеристики серий черепов приаральских саков, мы объединили эти группы в одну. По средним данным черепная коробка этой серии характеризуется продольным диаметром средней величины (182,2 мм), большим размером поперечного (146,7 мм) и малой величиной высотного (130,9 мм). В этой серии характерны также большие размеры ширины лба — наименьшего лобного (100,7 мм) и наибольшего лобного (124,8 мм) диаметров, сочетающихся с прямым лбом. Особенностью этой серии также является большая ширина лица в области скулового диаметра (138,3 мм) при средней его высоте, это характеризует данную группу как обладающую средними пропорциями лицевого скелета, но находящуюся на границе с низко-широколицыми формами. По средним данным лицевого скелета ортогнатный (85,9), среднеуплощенный (142,4° назо-малярный угол и 131,6° зигмаксиллярный) с клыковой ямкой средней глубины. Грушевидное отверстие довольно широкое (носовой указатель 50,9), переносье высокое (дакриальный указатель 61,0), однако выступание носовых костей — среднее (26,9°), орбиты низкие (80,6° от d) (табл. 1).

В целом серия обнаруживает черты преобладания андроновского типа или близкого к нему, но некоторое уплощение лицевого скелета и небольшое выступание носовых костей для европеоидных форм уже из анализа средних величин указывает на монголоидную примесь, что и подтверждается наличием в составе серии одного отчетливо выраженного монголоидного черепа, реконструкция которого сделана Г. В. Лебединской⁴ (рис. 3).

Другие способы анализа серии также подтверждают участие монголоидного компонента в составе изучаемой серии. Таким образом, мы можем считать, что в составе сакского населения в Приаралье, наряду с основным андроновским типом, была примесь монголоидных форм.

Представление о типе сака Приаралья с небольшой монголоидной примесью дает реконструкция Г. В. Лебединской по черепу молодого мужчины из Чирик-Рабата (рис. 4). При рассмотрении измерительных данных у этого черепа в качестве монголоидных признаков можно отметить уплощенное лицо в области назо-малярного угла, высокий указа-

⁴ Исключение размеров этого черепа из подсчетов средних величин серии хотя и изменяет несколько размеры средних данных, но не настолько, чтобы это дало основание изменить характеристику серии в целом.

тель скуловой кости (по Ву) и слабо выраженную клыковую ямку. Другие наиболее важные таксономические признаки — угол носовых костей к линии профиля лица, дакриальный и симотический указатели — являются обычными для европеоидных черепов.

При привлечении сравнительных данных для черепов второй половины I тысячелетия до н. э. — начала н. э. можно видеть, что наибольшую близость к ним имеет серия сарматских черепов из Западно-Казахстанской области⁵, исследованная Б. В. Фирштейн (см. табл. 3). Череп сако-усуньского времени из Восточного Казахстана и Киргизской ССР, по данным В. В. Гинзбурга⁶, отличаются от исследуемых рядом признаков строения черепа и лицевого скелета — они более брахикрании, с более высоким и узким лицевым скелетом, но вместе с тем имеют с приаральскими саками и западно-казахстанскими сарматами общее происхождение. Г. Ф. Дебец⁷ и В. В. Гинзбург⁸ в своих работах указывали на значительную роль андроновского типа в составе населения сако-усуньского периода на территории Киргизской ССР и Казахстана, с чем нельзя не согласиться. Вместе с тем, В. В. Гинзбург считает, что в формировании некоторых групп сармат, в частности на территории Волгоградского Заволжья и в Западном Казахстане, известное участие принимал также и средиземноморский компонент⁹.

При рассмотрении ряда серий черепов из Казахстана и Киргизии этого времени можно отметить нарастание монголоидной примеси к востоку.

Прежде чем перейти к более детальной характеристике приаральских саков, считаю необходимым подчеркнуть, что так называемые саки южного Памира, исследованные В. В. Гинзбургом (материалы из раскопок А. Н. Бернштама), резко отличаются от всех рассматриваемых групп сако-усуньского времени¹⁰. Они относятся к крайне долихокранному и очень высоколщичему типу, место которого в систематике рас определяется как индоафганский тип восточной ветви средиземноморской расы (Гинзбург)¹¹. Можно думать, что происхождение этого типа генетически связано с восточно-средиземноморским типом населения прикопетдагской полосы, распространенным там в эпоху энеолита и бронзы.

Помимо В. В. Гинзбурга, неоднократно в своих работах обращавшего внимание на отличие саков южного Памира от сакского населения территории Киргизии и Казахстана, интересные наглядные графические данные приводит в своей статье Г. Ф. Дебец, сравнивая крапиологические материалы по сакам южного Памира с рядом ископаемых серий че-

⁵ В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана. МАЭ, т. XVIII, 1959, стр. 390—427.

⁶ В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. XXXIII, М., 1956, стр. 243—252, 259—298.

⁷ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. «Труды Ин-та этнографии», нов. серия, т. IV, М., 1948, стр. 145—148; его же. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 4—17.

⁸ В. В. Гинзбург. Древнее население Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным, цит. выше, стр. 362; его же. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным, стр. 245, 251—252, 264—266.

⁹ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. МИА, № 60, 1959, стр. 593—595; В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана, стр. 393, 417 сл.

¹⁰ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. Краткие сообщения Ин-та этнографии, вып. XI, 1950, стр. 83—96; его же. Антропологическая характеристика саков южного Памира. КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 26—39.

¹¹ Там же, стр. 84.

репов Средней Азии, в частности, с усунями Киргизии, морфологически стоящими близко к исследуемым нами сакам Приаралья¹².

В. В. Гинзбург считает, что саки южного Памира (следуя за А. Н. Бернштамом, он относит саков южного Памира к сакам-амюргиям) являются непосредственными потомками более древнего населения этой области, «которое было родственно населению и Передней Азии, и юга Средней Азии в эпоху энеолита и в бронзовом веке»¹³. Безусловно правильным является также предположение В. В. Гинзбурга о возможности существования прямой связи населения юго-восточного Памира в сакское и более позднее время с населением Восточного Туркестана, на что могут указывать некоторые элементы материальной культуры памятников Ак-Бейтской группы сакских погребений, а также и краниологические материалы из района озера Лоб-Нор¹⁴.

Интересно отметить, что А. Н. Бернштам, проводивший раскопки двух могильников на южном Памире — Тамды (V—IV вв. до н. э.) и Акбейт (VI—IV вв. до н. э.), обнаружил различия в ритуале захоронений и в характере погребального инвентаря. Анализ находок из могильника Тамды привел А. Н. Бернштама к выводу, что основные параллели в огромном большинстве случаев указывают на тесные связи «тамдинцев» с культурой Тяньшанских и южно-сибирских племен¹⁵. Аналогии в находках из Акбейта уводят автора раскопок совсем в другие географические районы. А. Н. Бернштам писал, что, по его мнению, «центр акбейтских саков лежал на юго-востоке, т. е. в районе предгорий Восточного Туркестана и Тибета, вплоть до Северного Китая, т. е. Ордоса»¹⁶. Палеоантропологические материалы из обоих могильников очень однородны и не обнаруживают никаких различий между собой. Поэтому нам представляется правильным утверждение В. В. Гинзбурга о том, что антропологическая однородность населения сакского времени на южном Памире объясняется главным образом единством его происхождения с населением южных областей Средней Азии и Переднего Востока, усматриваемым уже на материале эпохи энеолита и бронзы.

Вопрос об этнической принадлежности людей, погребенных в курганах южного (и юго-восточного) Памира в VI—IV вв. до н. э. и их связях, нуждается в специальном изучении в свете исторических, археологических и антропологических данных.

В несколько более позднее время, в IV—II вв. до н. э., в эпоху культуры Кобадиян 3, т. е. одновременно с приаральскими апасиаками (черепки из погребений в Чирик-Рабате и др.) в низовьях Кафирнигана на территории северной Бактрии (раскопки Мандельштама), по предварительным статистическим данным Т. П. Кияткиной, обитали представители другого, низкого и широколицевого европеоидного типа, близкого к андроновскому, но более брахикранного¹⁷.

По строению лицевого скелета этот тип близок к сакам Приаралья и некоторым другим сако-усуньским группам Казахстана и Киргизии.

¹² Г. Ф. Дебец. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 4—17.

¹³ В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика саков южного Памира, стр. 37; А. Н. Бернштам. Историко-археологические памятники Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; его же. Саки Памира. ВДИ, № 1, 1956, стр. 189—206.

¹⁴ В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика саков южного Памира, стр. 39.

¹⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические памятники Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 129.

¹⁶ Там же, стр. 130.

¹⁷ Информация Т. П. Кияткиной на антропологической секции сессии Ин-та этнографии, посвященной итогам полевых исследований 1960 г. Сессия проходила в Москве 4—10 апреля 1961 г.

Однако большая часть черепов из курганный серии с пизовьев Кафириинга-на обладает затылочной деформацией, поэтому сопоставление этой серии с другими сериями черепов затруднено.

При сравнении между собой по средним данным двух групп приаральских саков — чирик-рабатской (10 черепов) и тагискенской (4 черепа), несмотря на немногочисленность каждой группы, выявляются вполне определенные различия.

Череп тагискенской группы отличаются большой массивностью, большей долихокраничностью, большим скуловым диаметром и более низкими лицевым и орбитным указателями, т. е. в составе этой группы обнаруживается более отчетливо выраженный андроновский тип, в то время как чирик-рабатская группа характеризуется большей брахикефалией и смягчением черт андроновского типа, т. е. обнаруживает особенности перехода от андроновского типа к восточному варианту расового типа Среднеазиатского Междуречья (Гинзбург). Возможно, что в формировании этого антропологического типа принял участие какой-то европеоидный узколицый антропологический тип.

В виду недостаточной выразительности инвентаря, сопровождающего впускные погребения тагискенских курганов, они могут быть пока датированы в очень широких пределах — второй половиной I тыс. до н. э. Таким образом, это дает нам право считать тагискенскую группу более или менее синхронной с чирикрабатской. Антропологические различия между этими группами вероятнее всего объясняются тем, что как раз в районе Тагискена проходит граница между двумя крупными объединениями сакских племен Нижней Сыр-Дарьи: западным — аласаков и восточным — сакараваков. При учете антропологических различий между рассматриваемыми сериями черепов следует также обратить внимание на тот факт, что могильные сооружения чирик-рабатской и тагискенской групп различны¹⁸.

Антропологические типы, сходные с тагискенскими, с ярко выраженным «андоновским» комплексом признаков известны среди сакских групп Центрального и Восточного Казахстана¹⁹. Интересно при этом отметить, что матерьяльная культура тагискенских курганов имеет параллели с культурой Бегазинских курганов позднего бронзового века Центрального Казахстана²⁰. К сожалению, в Бегазинских курганах отсутствуют краниологические материалы, относящиеся к эпохе бронзы, а от сако-усуьского времени сохранился только один женский череп европеоидного типа с некоторыми монголоидными особенностями в строении носовых костей, который В. В. Гинзбург считает сходным с черепами из Кенкольского могильника²¹.

Переходные формы от андроновского типа к расовому типу среднеазиатского междуречья широко распространены среди различных групп сако-усуьского времени не только в Приаралье, но и в других районах Казахстана и на территории Киргизии (Гинзбург).

Можно принять гипотезу В. В. Гинзбурга, что эти краниологические материалы свидетельствуют об эпохальной изменчивости андроновского

¹⁸ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., печатается в настоящем выпуске, стр. 37, сн. 55а, 47, 72—74.

¹⁹ В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР, стр. 243—245, 258 сл.; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 145—146.

²⁰ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., печатается в настоящем выпуске, стр. 45—46.

²¹ В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР, стр. 262.

типа. Они указывают на брахикефализацию черепной коробки и грацилизацию лицевого скелета²².

Рассмотрим также опубликованные нами ранее палеоантропологические материалы по другой группе сако-масагетских племен Приаралья²³.

В окрестностях городища Алтын-Асар, входящего в Джетыасарский комплекс памятников античного времени на среднем отрезке старого русла Сыр-Дарьи — Куван-Дарье (Кармакчинский район Казахской ССР), Хорезмской экспедицией было вскрыто несколько курганов. Определяя этническую принадлежность населения, оставившего Джетыасарский комплекс памятников, С. П. Толстов относит эту группу населения к тохарам. На основании раскопок Алтын-Асара и других городищ этого комплекса памятников устанавливается большая устойчивость этой культуры на протяжении ее тысячелетней истории. По мнению С. П. Толстова, тохарские племена, заложившие основу джетыасарской культуры в IV—V вв. н. э., подверглись влиянию гуннской культуры (и языка) и стали одним из составных элементов белых гуннов (эфталитов)²⁴.

Курганы, расположенные несколькими группами вокруг городища, датируются первыми веками нашей эры. Краниологический материал, добытый из этих курганов, небольшой, сохранность его плохая, и тем не менее он позволяет сделать некоторые, вполне определенные выводы. Серия черепов из Алтын-Асара — смешанная, европеоидно-монголоидная. Отчетливо выступает европеоидный мезокраний высокوليщый тип, встречающийся в эту эпоху среди населения Хорезмского оазиса. Не исключено также, что в составе этого населения был представлен также и мезокраний тип со средними пропорциями лицевого скелета, который нам известен среди соседних аспанаков по материалам из раскопок в Чирик-Рабате и смежных памятниках (череп из кургана № 2 южной группы). Для обоснования этого положения нужны дополнительные материалы. Монголоидную примесь удается отметить на трех черепах взрослых людей и двух детских. Можно думать, что монголоидный тип, вошедший в состав тохарского населения, был мезокраний. Джетыасарский женский череп (№ 30—5) со следами кольцевой деформации по большинству признаков может быть сближен с черепами шибинского археологического этапа предгорного Алтая, а также с черепами таштыкской культуры Минусинского края. Для характеристики монголоидного типа, вошедшего в состав населения Джеты-Асара, нужны дополнительные данные, но можно думать, что это были монголоиды, связанные своим происхождением с Алтаем. Как известно, население Алтая тесно соприкасалось с восточными гуннами, на что указывают материалы курганов Шибэ, Катанды и Каракола²⁵.

* * *

Чтобы понять генезис основных антропологических типов сакских племен Приаралья, надо принять во внимание распространение на этой и смежных территориях культур предшествующего периода, содержащих костные остатки человека. На западе междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, в области южной акчадарьинской дельты, в конце II тысячелетия до н. э. была распространена тазабагъябская культура, вошедшая в

²² Этот вопрос В. В. Гинзбург затрагивает в ряде своих работ, ссылки на которые мы приводим ниже.

²³ Т. А. Трофимова. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. «Труды ХЭ», т. II, стр. 639—701.

²⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 123—143; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), стр. 31.

²⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, цит. выше, стр. 136—145.

тесный контакт с суярганской. Население этого периода относилось к двум отчетливо различающимся антропологическим типам: европеоидному срубно-андроновскому и второму типу индодравидондному с некоторыми экваториальными особенностями²⁶.

Антропологические типы племен инкар-дарьинской культуры позднего бронзового века²⁷, относящейся к степным культурам бронзового века, по отличающейся как от тазабагтябской, так и от андроновской, нам не известны. Неизвестны также и носители кокча-тепгизской культуры VII—VI вв. до н. э., сложившейся на базе культуры племен бронзового века дельты Сыр-Дарьи в бассейне Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи²⁸. На территории Восточного и Центрального Казахстана в эпоху бронзы, по данным Гинзбурга, был распространен андроновский тип, который сохранялся и позднее вместе с различными переходными и смешанными формами (табл. 4)²⁹.

В основе антропологического состава сакских племен Приаралья, как можно думать, лежит главным образом антропологический тип населения, жившего в Приаралье и прилегающих областях с эпохи бронзового века. Возможно также проникновение с запада со стороны Хорезма и юго-западных оазисов восточно-средиземноморского типа, а с низовьев Волги также и другого (понтийского) варианта.

Из-за недостаточности крауниологического материала относительно происхождения монголоидного компонента в составе племен приаральских саков можно пока лишь высказать некоторые предположения. Как мне представляется, наиболее вероятен приток монголоидных типов в Приаралье со стороны Алтая. Очень низкая черепная коробка черепов приаральских саков и некоторые другие признаки были, вероятнее всего, привнесены в состав изучаемой группы представителями алтайских монголоидных племен (табл. 3)³⁰. Следует вспомнить, что в ряде памятников Хорезма были найдены карасукские вещи, в частности, на стоянке Каунда 2 обнаружены нож и керамику карасукского типа, что рассматривается археологами (Толстов, Итина)³¹ как результат передвижения каких-то этнических элементов с востока. Этнические связи, возникшие на этой территории с конца эпохи бронзы, могли продолжаться и в более позднее время³².

К сожалению, палеоантропологического материала, относящегося к карасукскому населению Алтая, пока нет. Включение монголоидного типа, хорошо известного по карасукским погребениям в Минусинской котловине, в антропологический состав приаральских саков могло бы объяснить антропологические особенности населения изучаемых племен. Сходная картина также могла получиться, если бы приаральские саки впитали монголоидный тип таптыкской культуры Алтая³³.

²⁶ С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СА, 1960, № 1, стр. 23; Т. А. Трофимова. Черепа из могильника тазабагтябской культуры Кокча 3 (раскопки 1954 г.). В кн.: «Материалы по палеоантропологии Хорезма». «Материалы ХЭ». М., 1959, стр. 15—29.

²⁷ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм, стр. 6—7.

²⁸ Там же, стр. 7.

²⁹ В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», вып. 1. Алма-Ата, 1956.

³⁰ В. П. Алексеев. Крауниология хакасов в связи с вопросами их происхождения (предварительное сообщение). КСИЭ, вып. XXVIII, стр. 92—97.

³¹ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. «Материалы ХЭ», вып. 3, 1961, стр. 125.

³² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 104—109.

³³ В. П. Алексеев. Крауниология хакасов в связи с вопросами их происхождения, цит. выше; В. В. Гинзбург указывает, что в населении Восточного Казахстана в сакское время появилась монголоидная примесь. Черепа с монголоидной примесью из Восточного Казахстана этот автор считает возможным сблизить с черепами шибинской культуры на Алтае, а также и с захороненными в Пазырыкских курганах; В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахстана ССР, цит. выше, стр. 245.

Таким образом, в заключение можно сформулировать следующие положения.

1) Саки Приаралья формировались, по всей вероятности, на основе древнего местного европеоидного населения с преобладанием андроновского типа или близкого к нему и, по-видимому, при участии некоторых других европеоидных компонентов (некоторые варианты средиземноморского).

2) Во II в. до н. э. отчетливо констатируется среди исследованных черепов монголоидная примесь (наличие монголоидного черепа из Чирик-Рабата и сдвиги в средних данных), по всей вероятности, алтайского происхождения.

3) Несмотря на малочисленность черепов из тагискенской курганной группы, можно отметить, что в ней отчетливо выступает резко выраженный андроновский тип, тогда как в чирик-рабатской группе преобладает более грацильная форма андроновского типа переходного к восточному варианту расового типа среднеазиатского Междуречья (может быть, помки тазабагъябцев). Обе эти группы имеют также различия и в характере могильных сооружений, что может указывать и на определенные этнические отличия.

4) По морфологическим особенностям серии черепов сакского и усуньского времени с территории Казахстана и Киргизии состояли в общем из одних и тех же антропологических компонентов и представляли незаметный переход к сарматским группам Поволжья. Вместе с тем надо отметить, что так называемые «саки» южного Памира резко отличались по своим морфологическим признакам от других сакских групп, что ставит перед исследователями задачу изучения происхождения этой группы в свете исторических, археологических и антропологических данных.

Индивидуальные измерения

Название памятника	Балаанды 4				Бабиш-Мулла 2			
	IV в. до н. э.				IV — II вв. до н. э.			
	1959				1957		1959	
	Маршрут на Инсар-Дарье, поиск 28						М-н в 800 м. к сев. от Ба- биш-Муллы 2	
	Сне- лет 1	Сне- лет 1а	Сне- лет 5	Снелет 6			Погре- бение 1	
№ черепов по порядку	1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст	Mat.	Ad.	Mat.	Sen.?	Ad.	Mat.(?)	Mat.(?) (Sen.?)	Ad.
1. Продольный диа- метр	177	—	192	175	189	183	181	184
8. Поперечный диа- метр	145	—	135?	145	150	159	137	145
17. Высотный диаметр (ba — b)	121?	—	137	126	138	140	132	138
20. Высотный диаметр (po — b)	—	—	121	—	—	123	119	121
9. Наименьший лоб- ный диаметр	103	—	102	95?	102	99	99	104
10. Наибольший лоб- ный диаметр	122	—	125	121?	126	128	119	117
1. Ушная ширина (aur. — aur.)	—	—	123	—	—	138	125	127
Ушная ширина (po — po)	—	—	110	—	—	135	123	121
2. Ширина затылка	122	—	114	—	114	127	106	117
5. Длина основания черепа	94	—	116	96	105	106?	98	104
7. Длина затылочного отверстия	—	—	—	—	33,0	40,5	—	39,6
16. Ширина затылоч- ного отверстия	—	—	—	—	27,6	31,8	—	30,5
8:1. Черепной указатель	81,9	—	70,3	82,9	79,4	86,9	75,7	78,8
17:1. Высотно-продоль- ный указатель	68,4	—	71,3	72,0	73,0	76,5	72,9	75,0
20:1. Высотно-продоль- ный указатель	—	—	63,0	—	—	67,2	65,7	65,8
17:8. Высотно-попереч- ный указатель	83,4	—	101,5	86,9	92,0	88,1	96,3	95,2
9:8. Лобно-поперечный указатель	71,0	—	75,6	65,5	68,0	62,3	72,3	71,7
40. Длина основания лица	—	—	117	—	104	—	95	103
43. Верхняя ширина лица	116?	—	110?	105?	113	—	—	109
46. Средняя ширина лица	—	—	—	—	94	—	88	104?
45. Скуловой диаметр	141??	—	133	133?	139??	—	132?	133
48. Верхняя высота ли- ца	65	65?	71	низкое	78	—	65	72
47. Полная высота ли- ца	113?	—	119	—	—	—	—	—
48:45. Верхнелицевой ука- затель	46,1?	—	53,4	—	56,1	—	49,2	54,1
47:45. Лицевой указатель	80,1	—	89,5	—	—	—	—	—
40:5. Указатель выступа- ния лица	—	—	100,9	—	99,0	—	96,9	99,0

Таблица 1

мужских черепов

Чирик-Рабат		М	М ₁	Тагискен				М	М	
IV — II вв. до н. э.				II — I вв. до н. э.						
1958				1960						
Помещение 1				Суммарная средняя по группе IV — II вв. до н. э.	Курган 4	Курган 5				
Сколпление крупных костей						Впускные погребения				
9	10		11	12	13	14	Средняя по черепам из Тагискена	Общая средняя по всей серии		
Ad.	Juv.		Mat.	Mat.	Mat.	Mat.				
183	162	183,0 (8)	180,7 (9)	188	191	181	—	186,7 (3)	182,2 (12)	
157	157	146,6 (8)	147,8 (9)	142	153	136	—	143,7 (3)	146,7 (12)	
138	—	128,8 (8)	128,8 (8)	140	139	—	—	139,5 (2)	130,9 (10)	
124	—	121,6 (5)	121,6 (5)	115	119	115	—	116,3 (3)	119,6 (8)	
105	103	101,1 (8)	101,3 (9)	98	100	100	99	99,2 (4)	100,7 (13)	
130	127?	123,5 (8)	123,9 (9)	125	133	125	—	127,7 (3)	124,8 (12)	
129	—	128,4 (5)	128,4 (5)	133	139	118	—	130,0 (3)	129,0 (8)	
126	—	123,0 (5)	123,0 (5)	127	134	113	—	124,7 (3)	123,6 (8)	
125	—	117,9 (7)	117,9 (7)	109	118?	109	—	112,0 (3)	116,1 (10)	
99	—	102,2 (8)	102,2 (8)	107	109	—	—	108,0 (2)	103,4 (10)	
—	—	37,7 (3)	37,7 (3)	—	41,7	—	—	41,7 (1)	38,7 (4)	
—	—	30,0 (3)	30,0 (3)	—	34,3	—	—	34,3 (1)	31,1 (4)	
85,8	96,9	80,2 (8)	82,1 (9)	75,5	80,1	75,1	—	76,9 (3)	80,8 (12)	
75,4	—	73,1 (8)	73,1 (8)	74,5	72,8	—	—	73,7 (2)	73,2 (10)	
67,8	—	65,9 (5)	65,9 (5)	61,2	62,3	63,5	—	62,3 (3)	64,6 (8)	
87,9	—	91,4 (8)	91,4 (8)	98,6	90,9	—	—	94,8 (2)	92,1 (10)	
66,9	65,6	69,2 (8)	68,8 (9)	69,0	65,4	73,5	—	69,3 (3)	68,9 (12)	
92	—	102,2 (5)	102,2 (5)	102	112	—	—	107,0 (2)	103,6 (7)	
109?	116	110,3 (6)	111,1 (7)	109	115	111	109	111,0 (4)	111,1 (11)	
—	107	95,3 (3)	98,2 (4)	106	98	—	—	102,0 (2)	99,5 (6)	
138?	138?	135,6 (7)	135,9 (8)	142	148!	—	144??	144,7 (3)	138,3 (11)	
69	77	69,3 (7)	70,2 (8)	69	77	63	74	70,8 (4)	70,4 (12)	
—	128	116,0 (2)	120,0 (3)	118	—	—	—	118,0 (1)	119,5 (4)	
50,0	55,8	51,5 (6)	52,1 (7)	48,6	52,0	—	51,4	50,7 (3)	51,7 (10)	
—	92,8	84,8 (2)	87,5 (3)	83,1	—	—	—	83,1 (1)	86,4 (4)	
92,9	—	97,7 (5)	97,7 (5)	95,3	102,8	—	—	99,1 (2)	98,1 (7)	

Название памятника	Балаанды 4				Бабиш-Мулла 2			
	IV в. до н. э.				IV — II вв. до н. э.			
Датировка	1959				1957		1959	
Год раскопок	Маршрут на Иннар-Дарье, поиск 28						М-к в 800 м. к сев. от Ба- биш-Мулла 2	
Место находок	Сне- лет 1	Сне- лет 1а	Сне- лет 5	Снелет 6			Погре- бение 1	
№ черепов по порядку	1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст	Mat.	Ad.	Mat.	Sen.?	Ad.	Mat.(?)	Mat.(?) (Sen.?)	Ad.
48:17. Вертикальный кра- ниофациальный указатель	53,7	—	51,8	—	56,5	—	49,2	52,1
60. Длина альвеоляр- ной дуги	—	—	—	—	58	—	—	51
61. Ширина альвеоляр- ной дуги	—	—	—	—	66	—	—	69
61:60. Указатель альвео- лярной дуги	—	—	—	—	113,8	—	—	135,3
62. Длина нёба	—	—	—	—	52,9	—	—	47,3
63. Ширина нёба	—	—	—	—	35,4	—	—	47,8
63:62. Указатель нёба	—	—	—	—	66,9	—	—	101,1
55. Высота носа	48	49?	53	—	54	—	49	51
54. Ширина носа	23	—	27	—	26	—	27	27
54:55. Носовой указатель	47,9	—	50,9	—	48,2	—	55,1	52,9
52. Высота орбиты	31	30?	38	30	34	—	31	32
51. Ширина орбиты (от mf)	41	42	48	39	44	—	39	42
51a. Ширина орбиты (от d)	—	40	44	37	41	—	—	39
52:51. Орбитный указа- тель (от mf)	75,6	71,4	79,2	76,9	77,3	—	79,5	76,2
52:51a. Орбитный указатель (от d)	—	75,0	86,4	81,0	82,9	—	—	82,1
50. Межглазничная ши- рина	—	—	—	19,0	23,5	—	—	20,2
Угол профиля лба (g — m) к горизон- тали	—	—	73	—	—	—	75	79
32. Угол профиля лба (n — m) к горизон- тали	—	—	84	—	—	—	83	87
72. Общий угол профи- ля лица	90	—	90?	—	—	—	81	84
73. Угол профиля сред- ней части лица	92?	—	—	—	—	—	87	85
74. Угол профиля аль- веолярной части ли- ца	83	—	—	—	—	—	62	81
75. Угол носовых ко- стей к горизонтали	—	—	61	—	—	—	—	57
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	—	—	29	—	—	—	—	27
33(1). Угол верхней части затылка (l — in) к горизонтали	—	—	84	—	—	—	—	83
33(2). Угол нижней части затылка (in — o) к горизонтали	—	—	33	—	—	—	—	33

Таблица 1 (продолжение)

Чирин-Рабат		М	М ₁	Тагаскен				М	М			
IV — II вв. до н. э.				II — I вв. до н. э.								
1958				1960								
Помещение 1				Суммарная средняя по группе IV — II вв. до н. э.	Курган 4	Курган 5				Средняя по черепам из Тагаскена	Общая средняя по всей серии	
Скопление крупных костей						Впускные погребения						
9	10	11	12			13	14					
Ad.	Juv.	Mat.	Mat.	Mat.	Mat.							
50,0	—	52,2 (6)	52,2 (6)	49,3	55,4	—	—	52,4 (2)	52,3 (8)			
—	—	54,5 (2)	54,5 (2)	—	58	—	—	58,0 (1)	55,7 (3)			
—	—	67,5 (2)	67,5 (2)	—	67	—	—	67,0 (1)	67,3 (3)			
—	—	124,6 (2)	124,6 (2)	—	105,2	—	—	105,2 (1)	118,1 (3)			
—	—	50,1 (2)	50,1 (2)	—	49	—	45,5	47,3 (2)	48,7 (4)			
—	—	41,6 (2)	41,6 (2)	—	42,8	—	39,0	40,9 (2)	41,2 (4)			
—	—	84,0 (2)	84,0 (2)	—	87,4	—	85,7	86,6 (2)	85,3 (4)			
52	56	50,9 (7)	51,5 (8)	51	53	46	55	51,2 (4)	51,4 (12)			
26	32	26,0 (6)	26,9 (7)	24	27	25?	25	25,2 (4)	26,3 (11)			
50,0	57,1!	50,8 (6)	51,7 (7)	47,1	50,9	54,4	45,5	49,5 (4)	50,9 (11)			
35	37	32,7 (8)	33,1 (9)	27!	34	31	33	31,2 (4)	32,6 (13)			
44	47	42,4 (8)	42,9 (9)	44	46	—	44	44,7 (3)	43,3 (12)			
41	44	40,3 (6)	40,9 (7)	40	42	—	41	41,0 (3)	40,9 (10)			
79,6	78,7	77,0 (8)	77,1 (9)	61,4	73,9	—	75,0	70,1 (3)	75,4 (12)			
85,4	84,1	82,1 (6)	82,4 (7)	67,5	81,0	—	80,5	76,3 (3)	80,6 (10)			
17,0	19,1	19,92	19,76 (5)	—	20,0	24,8	—	22,4 (2)	20,5 (7)			
81	85 *)	77,0 (4)	78,6 (5)	77	71	81	—	76,3 (3)	77,7 (8)			
88	90?*)	85,5 (4)	86,4 (5)	88	81	88	—	85,7 (3)	86,1 (8)			
87	90 *)	86,4 (5)	87,0 (6)	85	80	86	—	83,7 (3)	85,9 (9)			
89	—	88,3 (4)	88,3 (4)	86	82	88	—	85,3 (3)	87,0 (7)			
80	—	76,5 (4)	76,5 (4)	82	75	80	—	79,0 (3)	77,6 (7)			
56	72 *)	58,0 (3)	61,5 (4)	51	50?	67	—	56,0 (3)	59,1 (7)			
31	18 *)	29,0 (3)	26,2 (4)	34	30?	19	—	27,7 (3)	26,9 (7)			
88	—	85,0 (3)	85,0 (3)	87	83	—	—	85,0 (2)	85,0 (5)			
24	—	30,0 (3)	30,0 (3)	34	35	—	—	34,5 (2)	31,8 (5)			

Название памятника	Баланды 4				Бабиш-Мулла 2			
	IV в. до н. э.				IV — II вв. до н. э.			
	1959				1957		1959	
	Маршрут на Инкар-Дарье, поиск 28						М-к в 800 м. к сев. от Ба- биш-Мулла 2	
№ черепов по порядку	Ске- лет 1	Ске- лет 1а	Ске- лет 5	Скелет 6			Погре- бение 1	
	1	2	3		4	5	6	7
Возраст	Mat.	Ad.	Mat.	Sen.?	Ad.	Mat.(?)	Mat.(?) (Sen.?)	Ad.
33 (4). Угол перегиба затылка	—	—	117	—	—	—	—	116
34. Угол затылочного отверстия	—	—	0	—	—	—	—12	—7
42 (1). Биорбитальная ширина (fmo — fmo)	103,2	—	102,0?	—	105,9	—	—	102,0
Высота пазнона над линией fmo — fmo	18,0	—	18,0	—	21,3	—	—	17,7
77. Назо-малярный угол	141,6	—	141,0	—	136,2	—	—	141,6
Зиго-максиллярная ширина	—	—	—	—	95,9	—	—	103,0
Высота subspinale над зиго-максиллярной линией	—	—	—	—	25,2	—	—	24,6
Зиго-максиллярный угол	—	—	—	—	124,5	—	—	128,9
SC. Симотическая ширина	—	—	—	—	—	—	—	7,4
SS. Симотическая высота	—	—	—	—	—	—	—	4,3
SS:SC. Симотический указатель	—	—	—	—	—	—	—	58,1
DC. Дакриальная ширина	—	—	—	—	23,6	—	—	21,4
DS. Дакриальная высота	—	—	—	—	14,7	—	—	13,2
DS:DC. Дакриальный указатель	—	—	—	—	62,3	—	—	61,7
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	10,6	—	—	—	6,6	—	—	11,4
Ширина скуловой кости (по Ву) . . .	51,2	—	—	—	42,8	—	—	57,3
Указатель скуловой кости (по Ву) . . .	20,7	—	—	—	15,4	—	—	19,9
Форма черепа . . .	Ov.	Ov.	Ell.	Ept.	Ept.	Sn. (асимм.)	Ov.	Pt.
Надпереносье (глабелла)	3	3?	3?	3	4	4	2	3
Надбровные дуги	2	3	3	2	—	—	3	2
Глубина клыковой ямки (балл)	3	3	3	—	2	—	4	1
Глубина клыковой ямки (мм)	5,5	—	4,8	—	2,4	—	6,0	3,2
Передняя носовая ость	—	—	—	—	4	—	—	5
Нижний край грушевидного отверстия	Ant.	—	Ant.	—	Fp.	—	Ant.	Ant.
Развитие сосцевидного отростка	3	3	3	3	3	3	3	3
Расовый тип	A	—	EM	A	E (a)	—	E (a)	E (a)

* Измерено по чертежу.

** A — андроновский тип; EM — европеоидно-монголоидный; E (a) — европеоидный с некоторыми

Таблица 1 (Окончание)

Чирик-Рабат		М	M ₁	Тагискен				М	М		
IV — II вв. до н. э.				II — I вв. до н. э.							
1958				1960							
Помещение 1				Суммарная средняя по группе IV — II вв. до н. э.	Курган 4	Курган 5 Впускные погребения					
Скопление крупных костей						11	12			13	14
9	10										
Ad.	Juv.	Mat.	Mat.	Mat.	Mat.						
112	—	115,0 (3)	115,0 (3)	121	118	—	—	119,5 (2)	116,8 (5)		
—9	—	—7 (4)	—7 (4)	+3	—13	—	—	—5 (2)	—6,3 (6)		
100,2?	109,0	102,7 (5)	103,7 (6)	103,4	108,4	104,4	105,3	105,4 (4)	104,4 (10)		
15,3	16,2	18,06 (5)	17,75 (6)	16,8	17,7	18,6	18,0	17,78 (4)	17,8 (10)		
146,0	146,8	141,3 (5)	142,2 (6)	143,9	143,9	140,8	142,2	142,7 (4)	142,4 (10)		
—	106,6	99,4 (2)	101,8 (3)	103,4	97,5	—	—	100,5 (2)	101,2 (5)		
—	18,4	24,90 (2)	22,73 (3)	22,2	23,2	—	—	22,70 (2)	22,72 (5)		
—	141,8	126,7 (2)	131,7 (3)	133,5	129,1	—	—	131,3 (2)	131,6 (5)		
8,5	10,5	7,95 (2)	8,80 (3)	5,9	7,4	9,9	9,0	8,05 (4)	8,37 (7)		
5,0	4,3	4,65 (2)	4,53 (3)	2,0	4,5	8,2	5,5	5,05 (4)	4,83 (7)		
58,8	41,0	58,5 (2)	52,6 (3)	33,9	60,8	82,8	61,1	59,7 (4)	56,6 (7)		
17,5	21,2	20,83 (3)	20,92 (4)	19,5?	22,5	27,7	—	23,23 (3)	21,91 (7)		
13,1	12,4	13,67 (3)	13,35 (4)	13,2	13,2	12,0	—	12,80 (3)	13,11 (7)		
74,9	58,5	66,3 (3)	64,4 (4)	67,7	58,7	43,3	—	56,6 (3)	61,0 (7)		
12,0	11,0	10,15 (4)	10,32 (5)	12,2	11,7	—	8,3	10,73 (3)	10,47 (8)		
51,0	49,0	50,6 (4)	50,3 (5)	53,0	61,6	—	51,8	55,5 (3)	52,2 (8)		
23,5	22,4	19,9 (4)	20,4 (5)	23,0	19,0	—	16,0	19,3 (3)	20,0 (8)		
Sn.	Sr.			Ov.	Ell.	Ell.	—				
3	1	3,33 (9)	2,90 (10)	4	4	3	4	3,75 (4)	3,14 (14)		
2	1	2,43 (7)	2,25 (8)	3	3	2	3	2,75 (4)	2,42 (12)		
1	3	2,43 (7)	2,50 (8)	4	4	3	1	3,00 (4)	2,67 (12)		
2,3	4,0	4,03 (6)	4,03 (7)	7,0	4,8	3,3	1,8пр.	4,22 (4)	4,10 (11)		
5	2	4,67 (3)	4,00 (4)	5	4	2	3	3,50 (4)	3,75 (8)		
Ant.	Ant.			Ant.	Fp.	Ant.	Ant.				
3	—	3,00 (9)	3,00 (9)	3	3	2	—	2,66 (3)	2,92 (12)		
E (a)	M			A	A	A?	A?				

чертами андроновского; М — монголоидный.

Индивидуальные измерения

Название памятника	Баланды 4		Бабиш-Мулла 2	
	IV в. до н. э.		IV—II вв. до н. э.	
Датировка	1960		1959	1960
Год раскопок	Могилиник		Раскоп 6	Могилиник
Место находок	Скелет 3	Скелет 4	Около грабильской ямы	Погребение с северо-восточной стороны
№ черепов по порядку	1	2	3	4
	Mat.	Juv.	Ad.	Mat.
Возраст	Mat.	Juv.	Ad.	Mat.
1. Продольный диаметр	182	181	172	175
8. Поперечный диаметр	142?	137	138	143
17. Высотный диаметр (ba — b)	—	—	135	123
20. Высотный диаметр (po — b)	115	—	114	107
9. Наименьший лобный диаметр	97?	100	98	97
10. Наибольший лобный диаметр	121?	123	119	123
11. Ушная ширина (aur — aur)	121?	—	125	126
Ушная ширина (po — po)	119	—	118	120
12. Ширина затылка	—	—	108	109
5. Длина основания черепа	—	—	100	98
7. Длина затылочного отверстия	—	—	—	—
16. Ширина затылочного отверстия	—	—	—	—
8:1. Черепной указатель	78,0	75,7	80,2	81,7
17:1. Высотно-продольный указатель	—	—	78,5	70,3
20:1. Высотно-продольный указатель	63,2	—	66,3	61,1
17:8. Высотно-поперечный указатель	—	—	97,8	86,0
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,3	73,0	71,0	67,8
40. Длина основания лица	—	—	94	98
43. Верхняя ширина лица	—	—	104	105
46. Средняя ширина лица	—	—	89	91
45. Скуловой диаметр	128??	—	127	128
48. Верхняя высота лица	69?	—	70	75
47. Полная высота лица	114	—	—	113
48:45. Верхнелицевой указатель	53,9	—	55,1	58,6
47:45. Лицевой указатель	—	—	—	88,3
40:5. Указатель выступания лица	—	—	94,0	100,0
48:17. Вертикальный краниофациальный указатель	—	—	51,9	61,0
60. Длина альвеолярной дуги	—	—	—	—
61. Ширина альвеолярной дуги	—	—	—	—
61:60. Указатель альвеолярной дуги	—	—	—	—
62. Длина нёба	—	—	—	—
63. Ширина нёба	—	—	—	—
63:62. Указатель нёба	—	—	—	—
55. Высота носа	49	—	49	54
54. Ширина носа	26	—	26	24
54:55. Носовой указатель	53,1	—	53,1	44,4
52. Высота орбиты	36	30	31	34
51. Ширина орбиты (от mf)	39	—	39	45
51a. Ширина орбиты (от d)	36	—	37	40

женских и детских черепов

Чирик-Рабат 1	Тагискен	M ₁	M	Бабиш-Мулла 2	Чирик-Рабат 1	Тагискен (санн)
IV—II вв. до н. э.	II—I вв. до н. э.			IV—II вв. до н. э.	IV—II вв. до н. э.	II—I вв. до н. э.
1958	1960			1959	1958	1960
Помещение 1	Курган 5	Средняя по группе IV—II вв. до н. э.*	Суммарная средняя по всей группе	Могильник	Раскоп 4 Помещение 2	Курган 5
Скопление крупных костей	Впускное			Погребение № 3	Яма	Впускное
5	6			7	8	9
Mat.	Juv.			Infans I	Infans II	Infans I
179	169	177,8 (5)	176,3 (6)	159	—	153
155	150	143,0 (5)	144,2 (6)	138	146?	144
133	—	130,3 (3)	130,3 (3)	—	—	112?
118	113	113,5 (4)	113,4 (5)	108	111	—
102	105	99,8 (5)	99,8 (6)	90	98	94
126	—	122,4 (5)	122,4 (5)	115	125	119
135	118	126,8 (4)	125,0 (5)	112	125	—
124	112	120,3 (4)	118,6 (5)	103	117	—
113	111?	110 (4)	110,2 (4)	103	112?	—
—	—	99 (2)	99 (2)	—	—	80?
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
86,6	88,8	80,4 (5)	81,8 (6)	86,8	—	94,1
74,3	—	74,4 (3)	74,4 (3)	—	—	73,2
65,9	66,9	64,1 (4)	64,7 (5)	67,9	—	—
85,8	—	89,9 (3)	89,9 (3)	—	—	77,8
65,8	70,0	69,2 (5)	69,3 (6)	65,2	67,1	65,3
—	—	96 (2)	96 (2)	—	—	79?
109	106	106 (3)	106 (4)	89	103	95
—	87	90 (2)	89 (3)	80	88	—
—	126?	127,6 (3)	127,2 (4)	106	117?	—
—	65	71,3 (3)	69,7 (4)	54	60?	49
—	109	113,5 (2)	112 (3)	88	—	86?
—	51,6	55,9 (3)	54,8 (4)	50,9	51,3	—
—	86,5	88,3 (1)	87,4 (2)	83,0	—	—
—	—	97 (2)	97 (2)	—	—	98,7
—	—	56,5 (2)	56,5 (2)	—	—	43,7
—	43	43	43	40	—	—
—	56	56	56	56	—	—
—	130,2	130,2	130,2	140,0	—	—
—	35	35	35	34,3	—	—
—	37	37	37	32,9	—	—
—	105,7	105,7	105,7	95,9	—	—
—	49	50,7 (3)	50,2 (4)	39	44	35
—	25	25,3 (3)	25,3 (4)	19	22	20?
—	51,0	50,2 (3)	50,4 (4)	48,7	50,0	57,1
—	36	32,8 (4)	33,4 (5)	—	31	—
—	42	41 (3)	41,2 (4)	15,9	38	—
—	41?	37,7 (3)	38,5 (4)	—	36	—

Название памятника	Балаанды 4		Бабиш-Мудла 2	
	IV в. до н. э.		IV—II вв. до н. э.	
Датировка	1960		1959	1960
Год раскопок	Могилиник		Раскоп 6	Могилиник
Место находок	Скелет 3	Скелет 4	Около грабительской ямы	Погребение с северо-восточной стороны
№ черепов по порядку	1	2	3	4
Возраст	Mat.	Juv.	Ad.	Mat.
52:51. Орбитный указатель (от mf)	92,3	—	79,5	75,6
52:51a. Орбитный указатель (от d)	100,0	—	83,8	85,0
50. Межглазничная ширина	22,5	—	22,5	—
Угол профиля лба (g — m) к горизонтали	—	—	81	73
32. Угол профиля лба (n — m) к горизонтали	—	—	87	78
72. Общий угол профиля лица	—	—	86	80
73. Угол профиля средней части лица	—	—	89	81
74. Угол профиля альвеолярной части лица	—	—	78	77
75. Угол носовых костей к горизонтали	—	—	65	59
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	—	—	21	21
33 (1). Угол верхней части затылка (l — in) к горизонтали	—	—	79	92
33 (2). Угол нижней части затылка (in — o) к горизонтали	—	—	—	24
33 (4). Угол перегиба затылка	—	—	—	—
34. Угол затылочного отверстия	—	—	—2	—3
42 (1). Биорбитальная ширина (fmo — fmo)	—	—	98,2	100,8
Высота назиона над линией fmo — fmo	—	—	15,4	22,0
77. Назо-малярный угол	—	—	145,1	132,9
Зиго-максиллярная ширина	—	—	88,4	92,2
Высота subspinale над зиго-максиллярной линией	—	—	22,8	23,1
Зиго-максиллярный угол	—	—	125,4	126,7
SC. Симотическая ширина	10,3	—	8,2	10,9
SS. Симотическая высота	2,8	—	3,2	5,4
SS:SC. Симотический указатель	27,2	—	39,0	49,5
DC. Дакриальная ширина	—	—	23,5	20,9
DS. Дакриальная высота	—	—	11,1	12,4
DS:DC. Дакриальный указатель	—	—	47,2	59,3
Высота изгиба скуловой кости (по Vu)	—	—	8,5	11,2
Ширина скуловой кости (по Vu)	—	—	50,2	50,0
Указатель скуловой кости (по Vu)	—	—	16,9	22,4
Форма черепа	Ell.	Ov.	Ov.	Pt.
Надпереносье (глабелла)	1?	1	2	2
Надбровные дуги	—	1	2	2
Глубина клыковой ямки (балл)	3	—	2	4
Глубина клыковой ямки (мм)	5,0	—	3,8	5,5
Передняя носовая ось	—	—	4	3
Нижний край грушевидного отверстия	Ant.	—	Ant.	Ant.
Развитие сосцевидного отростка	2	1	2—1	2
Расовый тип **	EM	—	M	Bc

* За исключением ювенильного черепа из Тагикстана.

** EM — европеоидно-монголоидный; M — монголоидный; Bc — восточно-средиземноморский.

Таблица 2 (окончание)

Чирик-Рабат 1	Тадискен	M ₁	M	Бабиш-Мулла 2	Чирик-Рабат 1	Тадискен (санк)
IV—II вв. до н. э.	II—I вв. до н. э.	Средняя по группе IV—II вв. до н. э.*	Суммарная средняя по всей группе	IV—II вв. до н. э.	IV—II вв. до н. э.	II—I вв. до н. э.
1958	1960			1959	1958	1960
Помещение 1	Курган 5			Могильник	Раскоп 4 Помещение 2	Курган 5
Сюпление крупных костей	Впускное			Погребение № 3	Яма	Впускное
5	6			7	8	9
Mat.	Juv.			Infans I	Infans II	Infans I
—	85,7	82,5 (3)	83,3 (4)	—	81,6	—
—	87,8	89,6 (3)	89,2 (4)	—	86,1	—
—	16,0	22,5 (2)	20,3 (3)	—	22,1	—
—	87	77 (2)	80,3 (3)	94!	72	—
—	89	82,5 (2)	84,7 (3)	100!	78	—
—	82	83 (2)	82,7 (3)	93	84	—
—	84	85 (2)	84,7 (3)	94	—	—
—	75	77,5 (2)	76,6 (3)	—	—	—
—	—	62 (2)	62 (2)	75!	—	—
—	—	21 (2)	21 (2)	18!	—	—
—	99	85,5 (2)	90,0 (3)	83	—	—
—	—	24 (1)	24 (1)	39	—	—
—	—	—	—	122	—	—
—	—	—2,5 (2)	—2,5 (2)	—	—	—
—	97,9	99,4 (2)	99 (3)	83,7	97,0	88,9?
—	—	18,7 (2)	17,7 (3)	14,4	17,4	15,0
—	144,3	139 (2)	140,8 (3)	142,0	140,6	142,6
—	87,0	90,3 (2)	89,2 (3)	79,1	85,2	—
—	20,2	23,0 (2)	22,0 (3)	21,0	22,4	—
—	130,2	126,1 (2)	127,4 (3)	124,2	124,5	—
—	9,3	9,80 (3)	9,67 (4)	9,3	—	—
—	4,3	3,80 (3)	3,93 (4)	2,6	—	—
—	46,2	38,6 (3)	40,5 (4)	27,96	—	—
—	—	22,20 (2)	22,20 (2)	15,9	—	—
—	—	11,75 (2)	11,75 (2)	9,7	—	—
—	—	53,3 (2)	53,3 (2)	61,01	—	—
—	8,0	9,9 (2)	9,2 (3)	7,1	9,8	—
—	45,8	50,1 (2)	48,7 (3)	40,5	50,0	—
—	17,5	19,7 (2)	18,9 (3)	17,53	19,60	—
Ept.	Sr.			Ept.	Sn.	Rmb.
1	1	1,40 (5)	1,33 (6)	1	1	1
2	1	1,75 (4)	1,60 (5)	1 (1)	1 (1)	1 (1)
—	4	3,00 (3)	3,25 (4)	2	1	1?
—	12,5	4,8 (3)	6,7 (4)	1,9	3,0	—
—	5	3,5 (2)	4,00 (3)	4	4	1
—	Ant.			Ant.	Inf.	Inf.
2	1	1,80 (5)	1,67 (6)	1	1	—
E	E			E	—	—

E — европеоидные.

Средние величины мужских черенков саков

Территория	Казах		
	Андроновская культура	Западный	Центрально
Автор		Сарматы	Сако-усуньское время
	Число случаев	Гинзбург	Фирштейн, Гинзбург
		11	26
1. Продольный диаметр	185,2	185,6	184,7
8. Поперечный диаметр	142,2	145,9	152,7
17. Высотный диаметр	136,8	132,7	131,5
9. Наименьший лобный	98,9	99,6	98,3
4. Черепной указатель	76,8	78,9	82,7
17:1. Высотно-продольный указатель	73,4	72,1	69,9
17:8. Высотно-поперечный указатель	95,8	90,1	85,7
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,3	68,5	64,5
48. Верхняя высота лица	67,9	71,5	70,7
45. Скуловой диаметр	139,2	138,2	144,7
48:45. Верхне-лицевой указатель	48,8	52,4	48,8
40:5. Указатель выступания лица	96,4	96,4	88,0
54:55. Носовой указатель	52,7	49,6	49,1
52:51a. Орбитный указатель	78,0	81,0	78,7
32. Угол профиля лба	85,3	84,0	78,0
72. Угол профиля лица	85,4	86,0	86,0
75(1). Угол носовых костей	29,3	31,4	32,0
77. Назо-малярный угол	141,3	140,2	139,7
Зигмаксиллярный угол	129,0	131,5	124,0
DS. Дакриальная высота	13,12	13,5	12,8
DS:DC. Дакриальный указатель	60,3	63,2	58,5
SS. Симотическая высота	4,88	4,6	5,1
SS:SC. Симотический указатель	50,5	52,7	52,3
Надпереносье	3,5	4,05	4,3
Глубина клыковой ямки (ср. балл)	2,1	2,42	2,0
Передняя носовая ось	3,0	2,70	3,3

* Вычислено по данным Гинзбурга. См. В. В. Гинзбург. Древнее население восточных

** Вычислено по данным Г. Ф. Дебена, Т. А. Трофимовой и В. В. Гинзбурга. См.: Г. Ф. Тянь-Шань и Алая по антропологическим данным, цит. выше, стр. 292—298.

*** Вычислено на основании средних данных.

**** от мф.

***** В мм.

Приаралье и сравнительные данные

стан		Киргизская ССР	Южный Памир	Минусинский край	Алтай
Приаралье	Восточный	Сако-усуньское время	Саки	Карасукское время	Таштыкское время
Саки	Сако-усуньское время				
Трофимова	Гинзбург *	Группа авторов **	Гинзбург	Алексеев	
12	17	25	14	38	33
182,2	176,2	177,9	187,8	182,1	181,7
146,7	146,8	145,5	131,8	145,4	140,0
130,9	135,1	134,3	136,4	130,9	130,7
100,7	96,4	96,5	92,8	97,4	96,2
80,8	83,3	81,7	70,2	(79,8)***	(77,0)
73,2	76,8	75,4	72,9	(71,9)	(71,9)
92,1	92,1	91,5	104,0	(90,0)	(93,4)
68,9	66,2	66,2	70,7	(67,0)	(68,7)
70,4	71,7	72,3	73,6	72,7	72,6
138,3	135,9	136,3	126,1	136,6	134,2
51,7	52,8	53,1	58,2	(53,2)	(54,1)
98,1	96,9	96,4	94,2	(99,7)	(97,6)
50,9	49,9	48,1	46,0	(48,8)	(59,2)
80,6	81,1	85,1	87,9	(78,2)****	(78,1)
86,1	86,5	82,7	80,2	83,5	82,8
85,9	86,2	85,7	84,4	85,5	86,5
26,9	25,8	27,3	34,2	28,6	24,1
142,4	146,0	144,7	135,9	140,0	141,5
131,6	130,8	131,9	124,6	128,4	130,6
13,11	11,90	12,9	13,62	12,1	11,0
61,0	58,3	59,0	64,4	58,6	54,6
4,83	3,43	3,83	4,68	4,5	4,0
56,6	44,6	44,0	54,9	55,0	46,4
3,14	3,10	3,28	3,14	3,37	3,03
2,67	2,07	2,28	1,71	5,1*****	5,1*****
3,75	2,73	2,52	3,00		—

и центральных районов Казахской ССР, лит. выше, стр. 292—298.

Дебен. Палеоантропология СССР, лит. выше, стр. 180—183; В. В. Гинзбург. Древнее население

А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЧАСТИ ПРИАРАЛЬСКОЙ ДЕЛЬТЫ АМУ-ДАРЬИ
в 1958—1959 гг.**

В 1958 г. сектор истории Кара-Калпакского комплексного научно-исследовательского института АН Узбекской ССР¹ продолжил начатые ранее Хорезмской экспедицией работы по археологическому изучению современной дельты Аму-Дарьи. Этот район являлся частью обширной территории Южного и Юго-восточного Приаралья и играл важную роль в истории народов Средней Азии, занимая, как отметил С. П. Толстов, уже со времен неолита «особое место в истории развития народов Средней Азии, в этногенетическом процессе на ее территории. Приаралье — связующее звено между миром северо-евразийских степей, гористыми странами Передней и южной части Средней Азии и северо-индийской низменностью, узел скрещений восточно-средиземноморских, индийских и северо-евразийских элементов, один из важнейших пунктов индоевропейского этно- и глоттогенеза»².

Изучение археологических памятников современной дельты приобретает в связи с этим немалый интерес. Памятники Восточного Приаралья уже в течение ряда лет являются предметом изучения Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Ею же были проведены исследования отдельных памятников в современной дельте Аму-Дарьи. Однако сплошное археологическое обследование этого района не проводилось. Наше внимание было сосредоточено прежде всего на маршрутном обследовании всей территории современной дельты Аму-Дарьи и рекогносцировочных раскопках отдельных памятников.

В 1958 г. было проведено маршрутное обследование правобережной части дельты, а в 1959 г. — рекогносцировочные раскопки на городище Ток-кала (рис. 1). Маршрутное обследование выявило целый ряд новых, уточнило датировку и культурную принадлежность ряда ранее известных памятников, определило районы для более детальных маршрутных исследований и объекты для производства стационарных раскопок. Среди местного населения проводился сбор преданий и легенд, связанных с обследуемыми памятниками. Рекогносцировочные раскопки на городище Ток-кала позволили выяснить ряд вопросов, касающихся датировки отдельных частей городища, характера культуры, образа жизни и хозяйства племен, оставивших памятники.

Обследованные в 1958—1959 гг. археологические памятники охватывают большой промежуток времени — от античности до XVIII—XIX вв.

¹ Сейчас: Кара-Калпакский филиал АН Узбекской ССР.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 341.

Городище Ток-кала расположено на небольшом (высотой 11 м) холме Ток-тау, в 14 км к северо-западу от города Нукуса. Западный склон его крут, а остальные пологи и местами прорезаны промоинами. На плоской вершине холма и его южном склоне расположено городище, общая площадь которого равна примерно 8,2 га. Южная часть городища занята мусульманским кладбищем. С восточной стороны холма, у его подножия, идет земляной вал, не связанный с конструкциями городища, но заходящий концами на северный и восточный склоны холма.

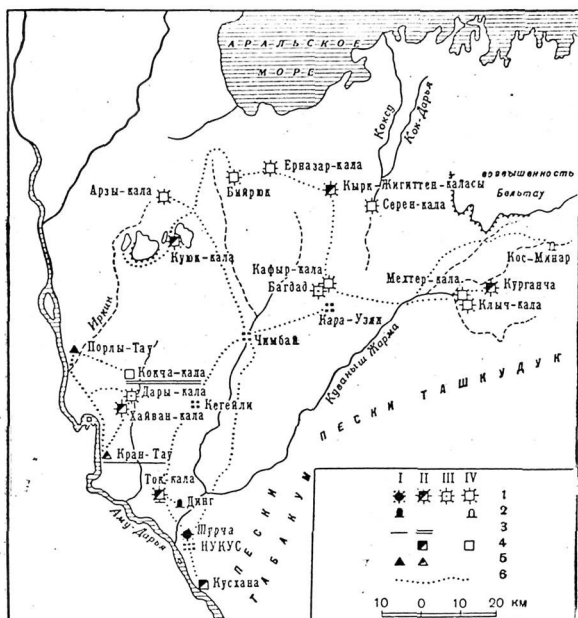

Рис. 1. Археологическая карта правобережной части дельты.

I — Памятники кангуйского и кушанского времени; II — памятники раннесредневековые (домонгольские); III — памятники средневековые (послемонгольские); IV — поздние памятники (XVIII—XIX вв).

1 — города и крупные крепости; 2 — башни; 3 — указание на многослойность памятника; 4 — замки, усадьбы и отдельные укрепления; 5 — крупные местонахождения керамики; 6 — маршрут 1958 г.

Впервые Ток-кала была обследована Хорезмской экспедицией во время авиаразведок 1946 г.

Сейчас Ток-кала представляет собой систему оплывших стен и бугров на месте строений (рис. 2). Северная часть городища состоит из цитадели и примыкающего к ней с востока двора. Конфигурация цитадели в значительной мере определена естественными очертаниями плоской вершины холма. В северной и восточной стенах хорошо прослеживается коридор. На каждой стене имеется по три башни. Западная стена и западная часть южной стены до ворот достигают толщины в 20—25 м. На поверхности этих стен местами видна кладка из квадратного сырцового кирпича со стороной в 40 см. Вероятно, в толще стен здесь скрыты какие-то помещения. Западная стена сильно смыта. На северо-западном углу цитадели находились 2 башни, образующие характерную фигуру

Рис. 2. Ток-кала. Аэрофотó

«ласточкина хвоста». От нее осталась сейчас лишь северная половина. Можно предполагать, что башни на северо-восточном и юго-восточном углах цитадели, закрытые впоследствии стенами восточного двора, первоначально имели ту же форму. В цитадель входили через ворота в южной стене. В качестве естественного пандуса здесь было использовано пологое дно широкой промоины на склоне холма. Перед воротами, на некотором расстоянии один от другого, расположены два бугра, на поверхности которых прослеживается кладка из сырцового кирпича (размеры кирпича определить не удалось).

Восточный двор имеет иной облик. Стены его, шириной в 5—6 м, образуют правильный прямоугольник. Они сложены из квадратного сырцового кирпича со стороной 34—37 см. К северной и восточной стенам изнутри примыкают какие-то помещения, сохранившиеся в виде невысоких, плоских возвышений. Во дворе сохранились остатки строений из квадратного сырцового кирпича размером $30 \times 30 \times 6-7$ см, достигающие сейчас двух метров высоты. Восточная стена двора прорезана глубокой промоиной, что позволило установить, что стена поставлена на материке.

К восточному двору у его юго-восточного угла примыкают остатки стен, которые в свое время, возможно, образовывали южный двор.

Южные склоны холма покрыты многочисленными большими и малыми буграми, представляющими собой остатки каких-то строений.

Вся площадь цитадели, восточного двора, южного склона холма и бугров, находящихся там, покрыта россыпями керамики, стекла, жженных кирпичей, шлаками и т. п. Особо отметим находку нескольких фрагментов алебастровых оссуариев. Анализ всего этого материала позволяет установить, что он охватывает значительный промежуток времени со II—III вв. до н. э. до XII—XIII вв. н. э.

В 1959 г. на городище, как уже отмечалось, было заложено два раскопа.

Раскоп I был заложен примерно на середине северной стены цитадели (рис. 3). Стена представляет собой в этом месте оплывший вал с башнеобразным выступом на внешней стороне. Максимальная высота ее в этом месте над уровнем окружающей поверхности составляет 3 м. На участке раскопа к крепостной стене изнутри примыкают остатки постройки в виде небольшого возвышения. По краям оно полностью смыто.

В результате раскопок были вскрыты полуэллиптическое в плане внутрибашенное помещение и часть стрелкового коридора, выявлены наружные контуры башни, расчищена крепостная стена снаружи и внутри крепости и установлено, что башню и часть стрелкового коридора перекрывает закладка из сырцового кирпича размером $38-39 \times 38-39 \times 8-9$ см. Стены укрепления стоят на материке. Их нижняя часть возведена из пахсы, положенной сплошным монолитом. На высоте 1,5 м пахса сменяется кладкой из сырцового кирпича размером $39-40 \times 39-40 \times 10-12$ см. Пахсовые стены внутри коридора наклонны, поэтому ширина коридора у основания равна 2,2 м, в то время как на уровне начала кирпичной кладки она составляет уже 3 м. Плоскости кирпичных стен вертикальны.

Заполнение коридора на высоту пахсовых стен представляет собой преднамеренную песчаную забутовку. Над слоем забутовки залегает слой песка, уплотненная поверхность которого является полом коридора. Количество находок здесь невелико: немного костей животных, фрагменты одного ремесленного сосуда и ком необожженной глины с отпечатками печатей. Прохода из коридора в башню не обнаружено.

Выше уровня пола идет слой желтого песка с редкими угольками и костями крупных животных. Еще выше залегает слой золы и комочков докрасна прокаленной глины. На этом уровне и выше стены слегка закопчены. Затем идет слой чистого навейного песка, на котором лежит описанная выше кирпичная закладка, перекрывающая коридор и башню. Слой стерильного песка несомненно свидетельствует, что закладке предшествовал какой-то период запустения оборонительных сооружений крепости.

На участке, примыкающем к крепостной стене изнутри, был вскрыт комплекс помещений, возведенных из сырцового кирпича античного стандарта ($40 \times 40 \times 10$ см). Кирпичные стены приставлены к пахсовой стене коридора, имеющей покатую поверхность.

Помещение № 1 вытянуто с севера на юг. Его размеры $9 \times 2,7$ м. В северо-восточном углу помещения имеется проход шириной в 1 м с кирпичным порогом, выложенным одновременно со стеной.

Помещение № 2 сохранилось в длину на 2 м, южная часть его смыта до материка.

Помещение № 3 вскрыто частично. Расстояние между его северной и южной стенами составляет 4 м. К западу оно расчищено всего на два метра. Вероятно, в комплексе было еще какое-то помещение, от которого сохранилась только одна стена, продолжающая к западу линию южной стены помещения № 1.

К востоку от помещения № 1 и вдоль крепостной стены был вскрыт небольшой участок незастроенного пространства. У восточной стены помещения № 1 в полуметре от нее и в двух метрах от крепостной стены в материке найдены две круглые ямы диаметром в 80 см и глубиной в 30—40 см. В одном метре к востоку от этих ям и полутора метрах от крепостной стены найдены два врытых в материк хума, от которых сохранились лишь их нижние части.

В южной части помещения № 1 в материке обнаружена канава шириной в 50 см. На дне ее уложены гончарные трубы, вставленные

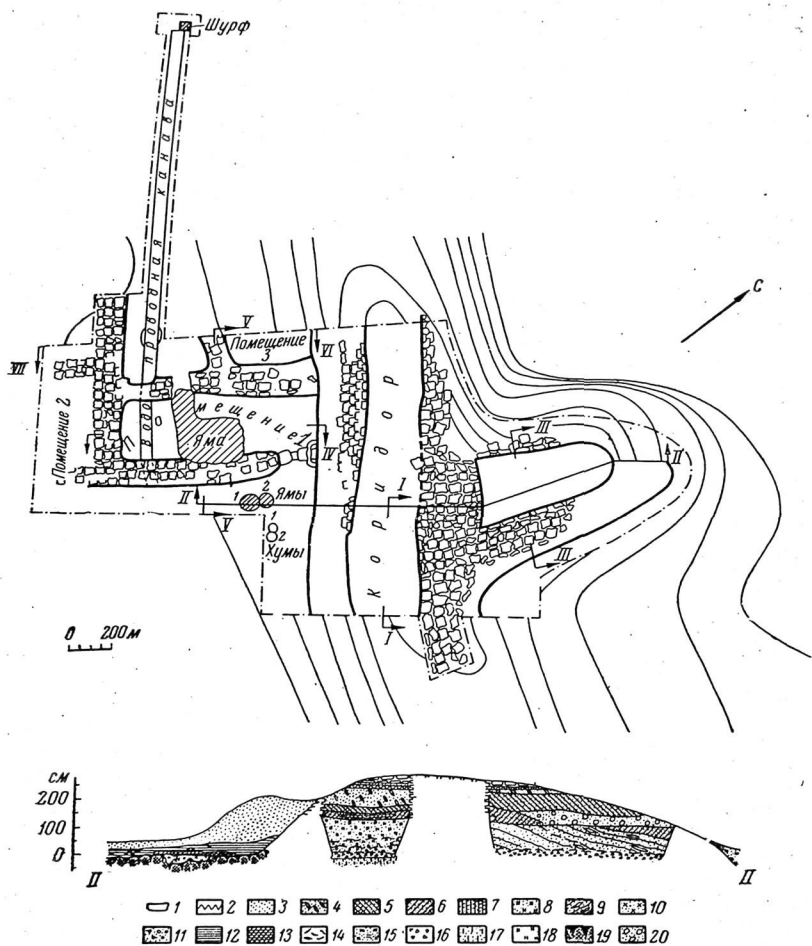

Рис. 3. Ток-кала. Раскоп I. План и разрез.

1 — сыровый кирпич; 2 — горелый слой; 3 — желтый уплотненный песок; 4 — желтый песок с многочисленными кусками зеленой слонистой глины; 5 — красноватый очень плотный ожелезненный песок, 6 — красноватый очень плотный песок с кусками сырового кирпича; 7 — плотный желтый песок, сцементированный глиной; 8 — рыхлый желтый песок, аналогичный песку, залегающему в верхних слоях холма; 9 — перемежающиеся прослойки серого и желтого песка с комьями глины; 10 — песок с комочками белого пепла и глины; 11 — сцементированные куски ожелезненного песка с белым пеплом; 12 — слонистые песчано-глинистые намывы; 13 — глинистый комковатый слой; 14 — керамика; 15 — желтый крупнозернистый песок; 16 — куски пахсы; 17 — песок, пропитанный белыми солями; 18 — заполнение ям; 19 — поверхность материка; 20 — песок с кусками кирпичей

концами друг в друга. Стыки труб обмазаны плотной зеленоватой глиной. Вероятно, это какое-то водосливное сооружение. Водослив проходит под восточной и западной стенами помещения № 1 и тянется дальше, выдерживая направление восток-запад, с уклоном к западу. Выходя из-под восточной стены за пределы помещения № 1, труба водослива оказывается на современной дневной поверхности. Здесь она разбита, и от верхней части водослива никаких следов не сохранилось. В 2 м от западной стены помещения № 1 на водосливе имеется смотровой колодец в виде круглой ямы, диаметром 90 см, глубиной 35 см. Стык труб в колодце обмазки не имеет. Водосливная канава на всем протяжении забита каменным грунтом, выброшенным при ее прокладке. В этом грунте часто попадаются угольки, мелкие скопления золы, расщепленные кости и керамика. Смотровой колодец был заполнен чистым наваянным песком. От смотрового колодца водослив тянется к западу еще на 13,5 м. Затем и канава, и проложенные в ней трубы неожиданно на одной линии обрываются без какого бы то ни было конструктивного завершения. Заложенный в конце водослива шурф выявил только ненарушенные материковые слои. Общая длина водослива 20 м, падение его по всей длине составляет 1 м.

Характерной особенностью описанного комплекса является то, что здесь почти полностью отсутствуют культурные слои и жилые поверхности. Во всех трех помещениях и на пространстве вокруг них все культурные отложения полностью смыты до материка. Заполнение помещения № 1, в целом характерное для всего комплекса, возникло полностью в результате деятельности воды и ветра.

Почти вся обнаруженная керамика сконцентрирована в слое намывов, залегающих над материком, и непосредственно на материке.

Слой в помещении № 1 несколько нарушен большой впускной ямой, вырытой уже в заброшенном помещении.

При специальной зачистке установлено, что восточная стена помещения № 1 целиком, а западная и южная частично, а также стена, продолжающаяся к западу южную стену помещения № 1, стоят на культурном слое. Часть западной стены к югу от водосливной канавы и западная часть южной стены стоят на грунте, выброшенном при рытье водосливной канавы. Толщина культурного слоя под стенами колеблется в зависимости от неровностей почвы от 5 до 25 см. Под восточной стеной около прохода, на культурном слое был обнаружен участок древней дневной поверхности, на которую ставилась стена. Другой участок этой поверхности обнаружен около южной стены помещения под слоем грунта, выброшенного при прокладке водослива. На ней найдены угольки, мелкие обломки костей и керамики.

Анализ слоев, сохранившихся под восточной стеной, позволил установить, что сооружение водослива не связано с первоначальным этапом заселения холма Ток-тау. Под восточной стеной хорошо видно, что канава водослива прорезает культурный слой, а на его уровне в ней лежат плашмя друг на друге два кирпича. Назначение их, видимо, заключалось в том, чтобы выровнять место под стеной и предотвратить его просадку на канаве. Очевидно, стены помещения были поставлены сразу же после прокладки водослива, так как южная стена помещения частично стоит непосредственно на грунте, выброшенном из водосливной канавы.

Керамический комплекс из раскопа I удастся отчасти стратиграфически, отчасти типологически расчленить на три группы.

Керамика первой группы характеризуется фрагментами топкостенных сосудов ремесленного производства, изготовленных на пожном гончарном круге. Вся посуда высокого качества. Отопцителем в основном служил песок, изредка очень тонко измельченные белые примеси. Обжиг печной, равномерный, цвет черепка в основном ярко-розовый и ярко-

красный. Многие сосуды покрыты сплошь красным ангобом, чаще на внешней поверхности, но иногда и изнутри. Встречается сплошное лощение снаружи по красному ангобу. Хумы отличаются высоким качеством. При их изготовлении много отощителя, кроме песка, не применялось. Черенок у них также ярко-красный или розовый, равномерно обожженный. Формовались хумы на круге отдельными поясами, которые затем составлялись. Прием этот широко применялся гончарами Хорезма в древности³. Известен он для Средней Азии и по этнографическим данным⁴. Датированными находками являются обломок небольших сосудов с днищами в виде усеченных конусов⁵, фрагмент верхней части небольшой хумчи, покрытый ярко-красным ангобом, обломок хумчи с хорошо профилированным венчиком, покрытый светлым ангобом с росписью кругами коричневатого ангоба на тулове, тонкостенные горшочки, покрытые красным ангобом снаружи и изнутри⁶, фрагменты венчиков и стенок хумов с росписью кругами красного ангоба на плечиках и тулове. Венчики хумов округлой в сечении формы, шейка отделена от плечиков характерным невысоким рельефным валиком⁷. Материал этот датируется рубежом II и I вв. до н. э. Античный подъемный материал с городища подтверждает эту датировку.

Вся описанная керамика, за исключением обломков хумов, происходит из заполнения водопроводной канавы, из культурного слоя под стенами помещения № 1. Причем, в этом залегании керамики, дающей иную датировку, не обнаружено. Здесь следует отметить, что в заполнение канавы водослива должна была попасть в основном керамика периода, предшествующего его прокладке.

Керамика второй группы представлена в основном толстостенными сосудами. Мелкая посуда в этом материале немногочисленна. Она имеет прямые аналоги как по технике изготовления, так и по формам, в позднекушанской керамике городищ Куния-Уаз⁸ и Топрак-кала, датируемой монетами Шапура II и хорезмийскими монетами не ранее, чем концом III в.⁹ Сосуды изготовлялись на гончарном круге, часто покрывались красновато-бурым ангобом, поверх которого наносилось лощение отдельными вертикальными полосами. Характерная форма — большой горшок с прямым венчиком и резко выделенными плечиками. Внешняя поверхность его сплошь покрыта красно-бурым ангобом, по которому нанесено вертикально-полосчатое лощение. В верхней части тулова имеется отверстие, сделанное в сырой глине. Сходные сосуды встречаются в керамике с Куния-Уаза¹⁰.

Большим количеством фрагментов представлены хумы, датируемые по аналогии с материалами Топрак-калы и Куния-Уаза¹¹ III — началом IV вв. Венчики этих хумов отличаются крайней простотой профилировки. Очень часто они совсем не выделены и представляют собой просто край стенки. В других случаях венчик небольшое округлое утолщение, выдающееся в равной мере наружу и внутрь сосуда и отделенное от тулова одной или

³ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ», т. IV. М., 1959, стр. 184.

⁴ В. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», 1930, № 4, стр. 65.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 22.

⁶ Такой почти целый горшочек представляет собой единственную находку в стрелковом коридоре.

⁷ М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 125, рис. 27, 30, 31.

⁸ Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куния-Уаз в 1952 г. «Труды ХЭ», т. II. М., 1958, стр. 375.

⁹ М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 157.

¹⁰ Е. Е. Неразик. Указ. соч., рис. 9, во втором ряду сверху крайний слева; М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 162.

¹¹ М. Г. Воробьева. Указ. соч., рис. 35, 1, 7, 8.

двумя горизонтальными полосами, проведенными пальцем. Иногда утолщенный край сосуда поставлен вертикально. В качестве отощителя для этих сосудов применялись в равной мере песок и белые примеси, в большинстве случаев хорошо измельченные. Керамическая масса хорошо промешана, плотная.

Длинные горизонтальные следы оправки поверхности сосуда рукой или щепкой, как будто четкое горизонтальное направление полос, проведенных под венчиками пальцами, и относительно равномерная толщина стенок говорят за то, что сосуды изготавливались на какой-то поворачивающейся основе. Обжиг преобладает равномерный. На нескольких фрагментах обнаружен беловатый и зеленоватый ангоб.

К этой же группе керамики принадлежат и гончарные трубы водослива. Большая часть трубы представляет собой цилиндр, внешний диаметр которого — 20 см, меньшая нижняя часть имеет форму, приближающуюся к усеченному конусу. Диаметр узкого отверстия 12 см. Каждая труба вставлялась узким концом в широкий конец следующей трубы. Длина труб колеблется от 50 до 70 см. Толщина стенок в среднем 1,5 см. Верхний широкий край носит следы подрезки при снятии с круга, а нижний, узкий, имеет округленные закраины. Формовались трубы на гончарном круге отдельными поясами. Обжиг печной, равномерный, черепок желтоватого или бледно-розового цвета.

Керамика этой группы составляет основную массу находок, сделанных в слое намывов и непосредственно на материке. Группа в целом датируется III в., возможно, началом IV в.

В этом же слое намывов обнаружены и фрагменты керамики третьей группы, совершенно не выделяющейся стратиграфически, но очень четко определяемой типологически как афригидская керамика. Представлена она формами, характерными для VI в. или бытующими на протяжении всего афригидского периода¹².

Из отдельных находок следует отметить небольшие фрагменты керамических оссуариев, обломки каменных зернотерок, курантов жерновов и куски жженных кирпичей. На полу стрелкового коридора был найден ком необожженной глины с оттисками круглых печатей. Изображения на печатях представляют собой довольно сложные и в целом асимметричные комбинации из рельефных полос и таких же рельефных точек.

Таким образом, по материалам раскопа I представляется возможным выделить следующие периоды жизни памятника. Наиболее ранний период датируется рубежом II и I вв. до н. э. Скорее всего, в это время на холме Ток-тау существовало поселение, остатков строений которого мы в 1959 г. не обнаружили. Отнести к этому периоду сооружение цитадели не позволяют ее архитектурные особенности, характерные для более позднего времени.

Укрепление возникло, вероятно, на втором этапе жизни памятника, который по материалам раскопок 1959 г. может быть датирован III в. н. э. Были ли одновременно с укреплением построены и раскопанные помещения и водослива, или же они сооружены несколько позднее, сейчас сказать нельзя, но относятся они, видимо, к одному периоду.

К третьему периоду следует отнести закладку, перекрывающую стрелковый коридор и башню. Время ее сооружения нам неизвестно, и мы не можем связать ее ни с керамикой VI в., ни с еще более поздним периодом, когда начал жить восточный двор городища.

¹² С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 51; А. И. Тереножкин. О древнем гончарстве в Хорезме. «Известия Узбекского ФАН», 1940, № 6, стр. 54—64; Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма афригидского периода. «Труды ХЭ», т. IV, стр. 232—234.

Как находки, сделанные на раскопе I, так и строительно-архитектурные особенности античной крепости Ток-кала, позволяют поставить ее в один ряд с двумя другими памятниками древнего Хорезма — Аяз-калой I и Гяур-калой в предгорье Султан-Уиз-дага. Эти памятники также представляют собой крепости с незначительной застройкой внутри, стрельчатым коридором в стене и угловыми башнями в форме «ласточкина хвоста». Кирпичные стены этих крепостей также возведены на паховом цоколе с забутовкой. Интересно, что на Гяур-кале также была обнаружена водосливная система, в которой, в частности, применялись и гончарные трубы, определяемые ее исследователями как дренаж¹³. Сходство между Аяз-калой I и Ток-калой заключается также и в том, что оба памятника имеют поблизости сторожевую башню¹⁴. Аяз-калу С. П. Толстов определяет как пограничную крепость кушанской империи¹⁵. Такого же взгляда придерживаются Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская в отношении Гяур-калы¹⁶.

На основании всего вышесказанного мы склонны считать античную Ток-калу также крепостью кушанского времени.

Раскоп II был заложен на невысоком, плоском, прямоугольном в плане возвышении, примыкающем с внутренней стороны к середине северной стены восточного двора городища (рис. 4).

Было раскопано три помещения и начались раскопки четвертого. В северной части помещения № 1 на современной дневной поверхности прослеживался контур эллиптической в плане ямы. Как выяснилось в процессе раскопок, яма весьма недавнего происхождения.

Два раскопанных помещения — № 1 и № 3 однотипны по планировке и близки по размерам. Помещение № 1 прямоугольное в плане, размером 6,5 × 3,75 м. Общие размеры помещения № 3 определить невозможно, поскольку его южная часть полностью смыта. В центре обоих помещений находятся открытые очаги в виде невысокой, слегка приподнятой над полом глиняной площадки, по периметру огражденной невысоким, валикообразным, глиняным бортиком. Площадка сильно (до ярко красного цвета) обожжена и засыпана слоем пепла. В центре площадки находится круглое, диаметром 14—16 см углубление, забитое золой. Размеры очага 0,8 × 1,4 м. Вдоль восточной, северной и западной стен помещений № 1 и № 3 идут широкие и низкие кирпичные суфы. В помещении № 3 у северной стены на поверхности суфы находится еще один очаг, представляющий собой прокаленное до красноты пятно, густо присыпанное золой. Северная суфа со стороны, обращенной к центральному очагу, имеет широкую кирпичную ступень. В помещении № 1, на южной оконечности западной суфы, находится круглая в плане глиняная печь с диаметром основания 75 см. Ее верхняя часть разрушена. Стенки, гладкие изнутри, снаружи покрыты грубым вертикальным рифлением. По форме печь очень похожа на современные среднеазиатские печи-тандыры, служащие для выпечки хлеба. У южной стены помещения, где суфа отсутствует, обнаружены остатки закрома, стенки которого сложены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. Закром прямоуголен в плане, его размеры — 0,95 × 1,25 м. На полу закрома найдены были кости и чешуя рыб. Вероятно, один или несколько аналогичных закромов находились у южной стены помещения № 3, сейчас полностью разрушенной.

Глиняный пол помещений имеет обмазку в несколько слоев и покрыт сплошным слоем золы, фрагментов керамики, костей животных и рыб.

¹³ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Городище Гяур-кала. «Труды ХЭ», т. II, стр. 356—358.

¹⁴ Описание сторожевой башни и районе Ток-калы дается ниже.

¹⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 159; его же. Древний Хорезм, стр. 104.

¹⁶ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Указ. соч., стр. 366.

Особенно большие их скопления находятся у южной части центральных очагов. В полу помещения № 1 вырыты две небольшие ямы. Первая из них расположена в углу, образованном смыканием суфы и западной стены. Стены ямы обмазаны глиной и слабо обожжены. Диаметр ямы 34 см, глубина 40 см. У северо-западного угла закрома в полу находится вторая яма, аналогичная описанной. В южной части помещения пол буг-

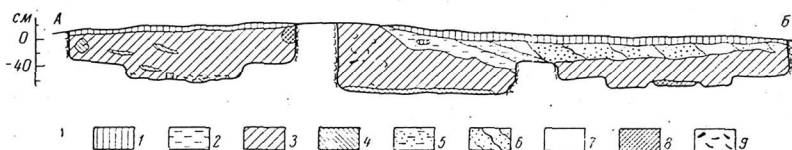
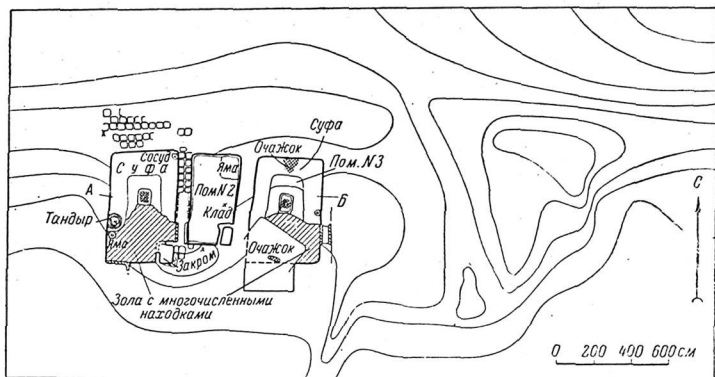

Рис. 4. Раскоп II. План и разрез.

1 - пыль от разрушившихся сырцовых конструкций, переотложенная подол, уплотненная; 2 - глина, залегающая короткими слоями, расположенными в разных направлениях; в слой вкраплены отдельные крупные куски слоистой глины; 3 - аморфный песчано-глинистый слой с многочисленными вкраплениями обломков сырцовых кирпичей; 4 - аморфный, коричневый гумусированный слой; 5 - песок с вкраплениями мелких кусков глины; 6 - песок мелкозернистый цементироганный солями железа, окрасившими слой в темно-красный цвет; плотность слоя неоднородна; 7 - стена пахсовая; 8 - зола, сажа, угли и прочие продукты горения; 9 - фрагменты керамики

ристый и образует довольно глубокий прогиб. Местами поверхность пола здесь вообще не зачищается. На поверхность в этих местах выходят многочисленные куски шлаков, зола, обломки печины. Этот завал уходит на большую глубину под пол помещения № 1. Очевидно, пол помещения № 1 перекрывает какую-то конструкцию производственного характера.

Стены всех раскопанных нами помещений сложены из квадратного сырцового кирпича размерами $34 \times 34 \times 8-9$, $36 \times 36 \times 8-9$, $37 \times 37 \times 8-9$ см. Крепостная стена восточного двора сложена из кирпича тех же размеров.

Помещение № 1 имеет два прохода. Первый — в южной стене выводит из помещения наружу; второй — в восточной стене — в помещение № 2. Поперек проходов лежат по две деревянные балки. В помещении № 3 также, вероятно, имелось два прохода: в южной и восточной стенах. Проход в восточной стене, соединяющий помещение № 3 с помещением № 4, аналогичен проходам в помещении № 1.

Вся южная разрушенная часть этого помещения заполнена слоями намывного характера. Расчетка этих намывов показала, что они разрушили помещение № 3 ниже уровня пола. Однако под намывами, ниже уровня пола на 70 см, прослеживается ровная горизонтальная обжитая поверхность. На этой поверхности были обнаружены слабые следы горения в виде прокаленных пятен и очагов в виде удлиненной ямки, заполненной золой.

Помещение № 2 имеет меньшие размеры, чем помещение № 1, с которым оно соединяется проходом, забитым плотной аморфной глиной. Размеры помещения 5,5 × 2,75 м. Оно не имеет ни суф, ни очагов. У основания стен находится небольшой уступчик, образованный рядом кирпичной кладки, чуть выдвинутой за линию стены. В юго-восточном углу помещения находится загром, подобный обнаруженному в помещении № 1. В заполнении закрома была мягкая глина, перемешанная с шелухой проса. Отдельные вертикально стоящие кирпичи встречались в завале по линии, продолжающей направление северной стены закрома. Вполне вероятно, что существовало еще несколько загромов, к настоящему времени не сохранившихся.

В северо-восточном углу помещения с уровня пола прокопана прямоугловая яма размером 1,2 × 0,95 м, заполненная глиной, перемешанной с желтым крупнозернистым песком; заполнение без каких-либо видимых границ переходит в желтый крупнозернистый материковый песок. В яме были найдены три сильно окислившиеся медные монеты VIII в. и несколько фрагментов керамики. Пол помещения № 2 плотный, ровный, глиняный, зеленоватого цвета.

В заполнении помещения в изобилии были найдены фрагменты лепной и ремесленной керамики, кости и чешуя рыб, кости животных, пятнадцать медных монет. Кроме этого, в слое обзаок пола был обнаружен клад, состоящий из 410 медных монет и 3 железных орудий (рис. 6, 8—10).

Раскопанные помещения позволяют выявить определенную систему в их расположении. Помещения № 1 и № 2 явно объединяются в единый комплекс; первое имеет все признаки жилого, а второе — хозяйственного назначения. Помещение № 3 повторяет планировку помещения № 1 и также является жилым, вероятно, объединенным в комплекс с хозяйственным помещением, проход в которое расчищен в восточной стене.

Планировка жилых помещений живо напоминает планировку верхних слоев «горизонта жерновов» Алтын-Асара¹⁷, датируемых по отдельным находкам керамики раннеафригидского типа VI в. п. э.¹⁸ Подобную же планировку имеют некоторые жилые помещения Куюк-калы¹⁹ и ряда замков Беркут-калинского оазиса²⁰. В 1956 г. при раскопках замка № 30 в Беркут-калинском оазисе была обнаружена характерная планировка, делящаяся на отдельные комплексы, сходные с нашими. Один из комплексов, открытый целиком, «состоит из трех помещений: одного жилого (5,9 × 8,5 м) с кирпичной суфой и очагом-кострищем в центре и двух, имеющих, видимо, подсобное хозяйственное значение»²¹.

Анализ полученных в итоге раскопок разрезов (рис. 4) позволяет установить относительную хронологию. Наиболее ранним является пе-

¹⁷ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 258.

¹⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, стр. 250.

¹⁹ Е. Е. Неразник, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г. «Материалы ХЭ», вып. 1, М., 1959, стр. 131—132.

²⁰ Е. Е. Неразник. Раскопки в Беркут-калинском оазисе 1953—1956 гг. «Материалы ХЭ», вып. 1, стр. 119.

²¹ Там же.

риод, с которым связаны находящиеся под полом помещения № 1 и еще не раскопанные конструкции. Затем следует период постройки и жизни исследованных нами помещений. К этому периоду относятся конструкции самих помещений и культурный слой, заполняющий их. Сделанные в культурном слое многочисленные находки монет, керамики и других датированных вещей позволяют установить абсолютную дату для этого периода.

В следующий период происходило разрушение и размыв кирпичных стен. Наиболее интенсивно размыв происходил в помещении № 3. На поверхности смыва, опустившейся ниже пола помещения № 3 на 70 см, обнаружены незначительный культурный слой. Благодаря находкам в нем фрагментов крупных сосудов (хумов и водоносных кувшинов), этот период может быть датирован позднеафригидским временем.

Выше позднеафригидского слоя снова идут намывные слои, перекрывающие все раскопанные нами помещения.

Для выяснения абсолютной хронологии охарактеризованных нами периодов мы должны обратиться к послойному анализу найденных вещей.

Наиболее массовым материалом является керамика. Ее предварительная обработка позволила реконструировать целый ряд сосудов и охарактеризовать керамический комплекс раскопа II. Чрезвычайно характерным для всего керамического материала является сочетание афригидских форм керамики, в основном больших хумов-пифосов и водоносных кувшинов, изготовленных на гончарном круге, с лепной керамикой так называемого «эфталито-тюркского» типа, при явном преобладании последней.

Остановимся прежде всего на характеристике лепной керамики (рис. 5). Она довольно разнообразна по формам. Это небольшие кувшинчики с вертикальной ручкой (рис. 5, 1, 2, 3), большие миски (рис. 5, 4), целая серия близких по форме горшков с вертикальной ручкой (рис. 5, 5, 6, 8, 9). Среди керамики отмечаются также фрагменты очень больших сосудов с диаметром горловины 36—40 см (рис. 5, 7). Весьма интересными являются находки фрагментов нескольких вазообразных курильниц на высокой ножке с вертикальной ручкой (рис. 5, 11). Небольшие кружки (рис. 5, 10) с вертикальной ручкой по форме близки уже отмечавшимся большим горшкам. Весьма многочисленными являются находки фрагментов круглых с низким вертикальным бортиком сковородок.

Технология изготовления этих сосудов одинакова. Все они пмечт в керамической массе примеси, хорошо видимые на изломе при небольшом увеличении. В качестве примесей, как правило, использовался мелкомолотый шамот. Проминка массы плохая, на изломе черепков обычно видны пустоты и сложная структура плохо промешанной массы. Изготавливались сосуды путем последовательного налепа глиняных лент одна на другую. На ряде сосудов нам удалось проследить линии сращивания этих лент. Ручки формовались отдельно и примазывались уже к готовому сосуду. Отдельные мелкие сосуды лепились из целого куска глины. При лепке сосудов применяли круглую подставку. В качестве подсыпки применялся песок или зола; сковороды лепились на подсыпке из шелухи проса. Обжиг сосудов неравномерный, костровый.

Внешняя поверхность сосудов часто украшена. На небольших кувшинчиках с вертикальной ручкой (рис. 5, 1, 2) нанесен, как правило, однотипный орнамент. Он прочерчен по сырой глине и расположен двумя поясами. Верхний пояс лежит на плечиках сосудов и представляет собой горизонтальную «елочку», ограниченную сверху и снизу прочерченными линиями. «Елочка» нанесена короткими насечками. Нижний пояс орнамента нанесен на тулово сосуда и представляет собой незамкнутые треугольники, вписанные друг в друга (обычно по три) и опирающиеся вершинами на нижнюю ограничивающую линию верхнего орнаментального пояса. Орнамент в целом выполнен небрежно. Однако на нескольких кув-

шишечках, имеющих лощение по серому фону, подобный же орнамент сделан более тщательно. Остальные сосуды скупо украшены насечками или вдавлениями по закраине сосудов, налепными шишечками (на миске одиночными, на горшках парными), волнистыми налепами, защипами с поперечной насечкой. На тулове ряда сосудов отмечается грубое вертикальное рифление.

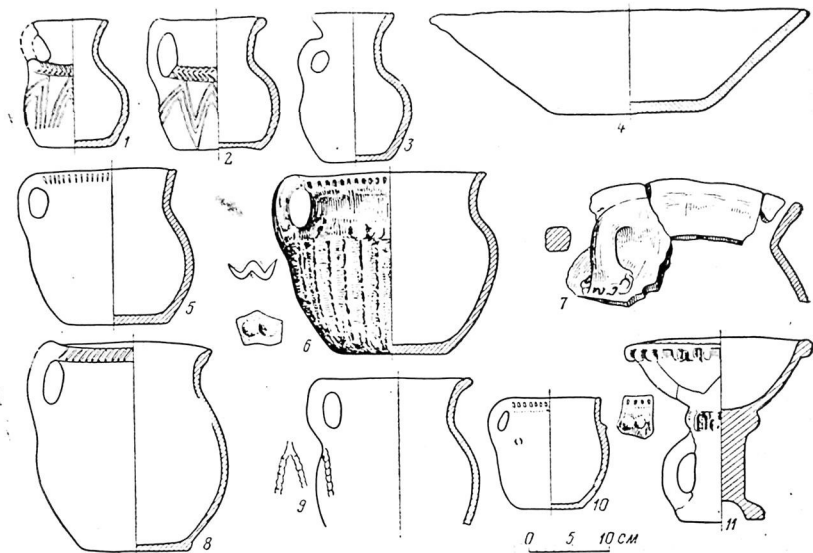

Рис. 5. Ток-кала. Раскоп II. Лепная керамика

Следы копоти на внешней поверхности отмечаются обычно на горшках. Мелкие сосуды — кувшины, кружки — не имеют следов закопченности и использовались, вероятно, в качестве столовой посуды.

По целому ряду форм, по технологическим приемам, по системе орнамента описанная группа сосудов находит аналогии в керамике из верхнего слоя Куюк-калы, датируемой началом VIII в. н. э.²², в керамике так называемых «болотных городищ» северо-восточного Приаралья — Куюк-калы и Кескен-Куюк-калы. Сходство здесь наблюдается только с первой из двух групп керамики, выделенных С. П. Толстовым²³. Эта группа датируется им серединой I тысячелетия н. э.²⁴. Определенное сходство наша лепная керамика обнаруживает и с керамикой Джеты-асарской группы городищ, особенно с керамикой из верхних слоев Алтын-Асара. Слои эти датируются V—VI вв. н. э. Отдельные находки керамики этого типа были сделаны в Южном Хорезме на нескольких афригидских замках Беркут-калинского оазиса²⁵. Следует отметить, что многие сосуды описанной группы чрезвычайно архаичны по своим формам.

²² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 131—132; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 142.

²³ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 68—69.

²⁴ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г., стр. 261.

²⁵ Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма..., стр. 258—259; Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе..., стр. 112 и рис. 10, фиг. 4.

Вторая группа керамики очень немногочисленна. Представлена она ремесленными сосудами, хорошо известными по керамике афригидского времени в Хорезме, где они датируются VI—VIII вв. н. э.²⁶

Решающее значение для датировки имеют монеты, найденные нами в большом количестве. Часть монет легко читается. Монеты этого типа были известны по находкам в Южном Хорезме. Индивидуальная часть легенды на этих монетах прочитана С. П. Толстовым как Хнкгу или Хпугу, что по списку Ал-Бируни соответствует имени Хангири или Хамгири — имени шаха, правившего Хорезмом в первой половине VI в. Однако, основываясь на отличии реверса этих монет от реверса обычных монет афригидов, С. П. Толстов склонен видеть на этих монетах имя враждебного хорезмшаху — современнику Кутейбы — «царя Хамджерда», правившего где-то в западной части Хорезма, вероятно в Нижнем Хорезме, и в 712 г. разбитого и казненного Кутейбой²⁷.

Абсолютное преобладание монет этого типа среди монетных находок на одном из городищ Северного Хорезма, имеющем культуру, отличную от афригидской, хотя и близкую ей, подтверждают предположение С. П. Толстова о принадлежности этих монет «царю Хамджерду». К этому же типу относится основная часть монет из клада, найденного в помещении № 2. Клад находился в ямке, небрежно выкопанной в глиняном полу помещения и прикрытой тонким слоем обмазки. В связи с находкой клада следует обратить внимание на то, что единственный проход, ведущий в помещение № 2, был заложен. Вероятно, вещи были спрятаны во время какой-то опасности. Для более надежного их сохранения был заложен проход, ведущий в помещение с кладом.

Из прочих находок заслуживают упоминания разнообразные поделки из кости: кольцо, костяные клинки, обломок лопаточки и пр.; бронзовая пряжка, биконические глиняные пряслица, каменные бусы, изготовленные просверливанием цилиндрического отверстия в гальке подходящей формы (рис. 6, 1—7). Кроме этого, было найдено довольно много костей со следами обработки: спилки, подтески, шлифовки и т. п.

Таким образом, основываясь на аналогиях к нашему материалу и на находках монет «Царя Хамджерда», мы можем датировать раскопанные нами помещения и культурный слой, относящийся к ним, VII — началом VIII в. н. э.

Уже предварительный анализ материала из раскопок позволяет судить об общем типе хозяйства населения Ток-калы в афригидское время. О развитии земледелия говорят находки заступа и жерновов, шелухи проса, закровов для хранения зерна, а также отпечатки зерен проса на сосудах. Анализ крупномасштабных аэрофотопланов и авиавизуальное обследование окрестностей городища позволяют сквозь пеструю паутину современных полей увидеть русла древнейших протоков. Одно из них, наиболее крупное, проходило непосредственно у подошвы холма, на вершине которого расположена Ток-кала, огибая его с запада и севера. Наличие русел старых дельтовых протоков и расположение городища непосредственно на берегу одного из них создает уверенность, что русла функционировали во время жизни памятника, и, что, следовательно, городище находилось в условиях увлажненного, болотистого дельтового ландшафта. Надо полагать, что в подобных условиях посевы в основном были «каирного» типа, т. е. основаны на использовании высокостоящих грунтовых вод. В подобных условиях земледелие, несомненно, носило примитивный характер и играло подсобную роль по отношению к другим отраслям хо-

²⁶ А. И. Тереножкин. О древнем гончарстве..., стр. 56; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 144—145; Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма..., стр. 232, сл.

²⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 191.

зйства. Большой удельный вес в хозяйстве имело рыболовство. Культурный слой в раскопанных нами помещениях восточного двора буквально переполнен костями и чешуей рыб. Определенное место в хозяйстве занимало и скотоводство. При раскопках в восточном дворе найдено немало фрагментов костей крупного и мелкого рогатого скота.

Раскопки на городище Ток-кала позволяют предварительно установить его общую датировку, датировку отдельных его частей, а также поставить

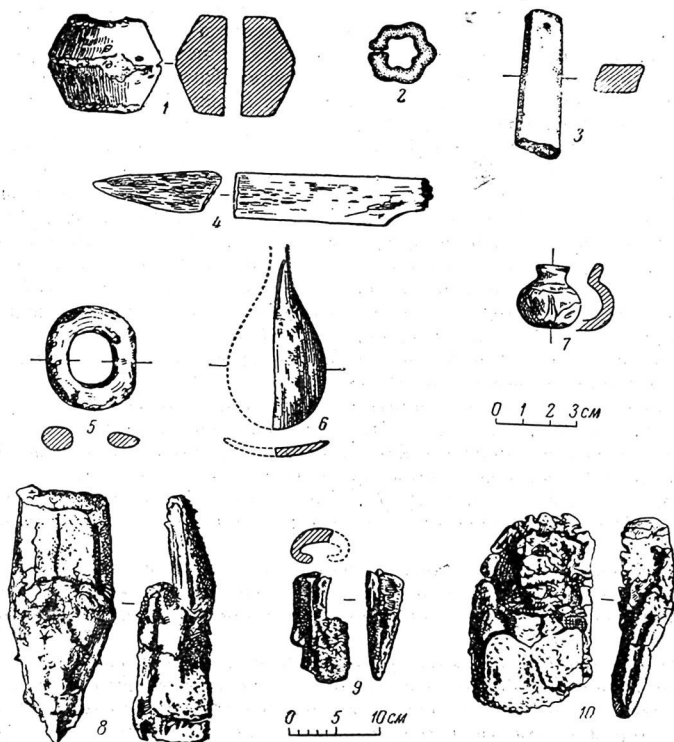

Рис. 6. Ток-кала. Раскоп II. Находки из раскопа.

1—7 — мелкие поделки; 8—10 — железные орудия из клада

целый ряд вопросов о культурной принадлежности, хозяйстве, быте племен, оставивших этот памятник ^{27а}.

Как уже указывалось, в 1958 г. было проведено маршрутное обследование правобережной части дельты. Переходим к описанию обследованных здесь памятников.

В 5 км к юго-востоку от Ток-тау, на небольшом каменистом бугре, с которого превосходно видна Ток-кала, находятся остатки сооружения

^{27а} В 1960—1962 гг. раскопки Ток-калы были продолжены А. В. Гудковой. Они позволили уточнить время возникновения античной крепости Ток-калы и определить его рубежом IV—III вв. до н. э. Наиболее интересным результатом раскопок является открытие большого оссуарного могильника VII—VIII вв. Сейчас раскопки Ток-калы в основном завершены.

в виде невысокого круглого глинистого бугра, известного у местного населения под названием Динг (башня). Под этим же названием оно отмечено и на десятиверстной карте 1905 г.²⁸ Характер остатков этого памятника позволяет предположить, что здесь находилась дозорная башня античной Ток-калы.

В 13 км к югу от г. Нукуса, около поселка Кыз-Кеткен, находятся развалины небольшого строения из сырцового кирпича размером $30 \times 30 \times 5$ см. Расположены они в самой высокой части каменистого бугра над поймой Аму-Дарьи. Весь бугор и пространство вокруг него заняты мусульманским кладбищем, носящим название Кусхана. В плане это сооружение представляет собой квадрат с длиной стороны 7,5 м. Стены сохранились на высоту до трех метров. Внутри сооружения имеется одно помещение, занятое современным погребением. Вокруг сооружения и по всему бугру встречаются немногочисленные обломки керамики IX в., шлаки и жженный кирпич размером $34-32 \times 30-28 \times 5-4$ см. Скудость материала не позволяет с уверенностью судить о характере находившегося здесь сооружения.

К северо-западу от Ток-калы, на самом берегу Аму-Дарьи находится небольшая возвышенность Кран-тау, вытянутая в меридиональном направлении на 4 км. Ширина ее не превышает 600—700 м. Поперечные понижения расчленяют возвышенность на три части.

На южном холме обнаружены следы крупного поселения, смытого и разрушенного настолько, что место его определяется исключительно россыпями керамики. Общая площадь интенсивного распространения керамики примерно равна 21 гектару. Местами керамика лежит крупными скоплениями. Кроме того, имеются два незначительных бугра, покрытых керамическими шлаками. На оползнях западного обрыва возвышенности наблюдаются полосы осыпавшейся вниз керамики. Керамика с Кран-тау хронологически расчленяется на три группы. Небольшим количеством обломков представлена керамика рубежа II и I вв. до н. э. Сюда относятся фрагменты вешчиков и стенок хумов с выпуклым валиком на плечиках и росписью красным ангобом. Вторую группу составляет позднекушанский материал III—IV вв. н. э. Большая часть сосудов этой группы покрыта сплошь красным ангобом и имеет полосчатое вертикальное лощение. Вся эта посуда ремесленного производства. Основная масса керамического материала с Кран-тау может быть датирована VI—IX вв. Попадаются отдельные керамические формы IX—XI вв. Лепная керамика на Кран-тау почти полностью отсутствует²⁹.

Кроме керамики, на поселении часто встречаются фрагменты жженных кирпичей размером $19 \times 19 \times 4$ см и $22 \times 19 \times 5$ см. Цвет этих кирпичей зеленоватый и синеватый, торцовая поверхность часто ошлакована.

В Кегейлинском районе на левом берегу протока Шортан-бай находится развалины крепости Хайван-кала. В 1947 г. Хайван-кала была обследована этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции. Отдельные фрагменты собранной здесь керамики опубликованы Е. Е. Неразик³⁰. С. П. Толстов определяет Хайван-калу как «афригидский город, продолжавший жить в раннесредневековое время»³¹, Я. Г. Гулямов датирует эту крепость VI—IX вв.³² Местность, где расположена Хайван-кала,

²⁸ Карта низовьев Аму-Дарьи. Масштаб: в одном английском дюйме 10 верст. Под ред. подполковника Родионова, издание Туркестанского топографического отдела.

²⁹ По аналогии с Ток-калой, Куюк-калой и Курганчой (описывается ниже) мы склонны предполагать, что на Кран-тау также была керамика «эфталито-тюркского типа». Однако в результате полного разрушения памятника эта керамика, отличающаяся большой непрочностью, в условиях повышенной влажности полностью разрушилась.

³⁰ Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма..., стр. 253, рис. 11, 8, 10.

³¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, карты.

³² Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, Ташкент, 1957, стр. 117.

представляет собой низменность, затопляемую во время разливов Аму-Дарьи. Подвергалась затоплению и сама крепость. Поэтому грунт на Хайван-кала чрезвычайно мокрый и засоленный. Вся крепость покрыта высокими зарослями гребенщика, а окрестности ее изобилуют тугайной растительностью.

Хайван-кала в плане представляет собой параллелограмм со сторонами в 400 и 500 м, вытянутый с севера на юг. Оплывшие валы внешних стен прослеживаются по всему периметру. По линии север — юг крепость разделена пополам «центральной улицей». Перпендикулярно к ней по обе стороны симметрично расположено по девять валов, представляющих собой остатки строительных комплексов. Друг от друга и от внешних стен они также отделены «улицами», над уровнем которых они поднимаются на 1,5—2 м. Ширина валов достигает 36—40 м. Восточная стена крепости между четвертым и пятым валом, считая с юга, разрезана резким понижением так же, как и южная стена по линии «центральной улицы». К северу от крепости находится конический холм, безусловно искусственного происхождения, поднимающийся над окружающей местностью на 3,6 м. Диаметр его основания 17 м. На одном из валов внутри крепости был заложено небольшой шурф, установивший наличие культурного слоя.

Подъемного материала на Хайван-кала чрезвычайно мало. Заметное место в нем занимают обломки стекла и жженных кирпичей. Собранная керамика состоит из фрагментов типичных толстостенных сосудов и водоносных кувшинов афригидского времени. Встречаются отдельные черепки лепной посуды «эфталито-тюркского» типа. Кроме того, выделяется группа керамики, датируемая IX—XI вв. Из культурного слоя в шурфе была получена керамика именно этой группы. Таким образом, керамика с Хайван-калы подтверждает предварительную датировку памятника, предложенную С. П. Толстовым.

Особый интерес представляет планировка крепости. Подобные сооружения в Хорезме афригидского и раннесредневекового времени не встречаются, но зато полные аналоги им имеются среди памятников античного периода. Очень сходную планировку с центральной улицей и домами-массивами по ее сторонам имеют городища Топрак-кала³³ и Джанбас-кала³⁴. В некоторой мере аналогична и планировка крепости Акча-Гелин³⁵. С другой стороны, сходную планировку имеет раннесредневековый город в низовьях Сыр-Дарьи — Янгикент³⁶. Наличие домов-массивов на городищах в низовьях Сыр-Дарьи С. П. Толстов связывает с сохранением у их населения архаических общинно-родовых традиций³⁷.

В 5 км к востоку-северо-востоку от Хайван-калы расположена крепость Дары-кала. Ни в одном из известных источников эта крепость не упоминается, не обозначена она и на картах. Сейчас Дары-кала затоплена. Крепость эта в плане квадратная, с длинной стороны 120 м. Можно предположить, что ворота были на западной стороне. На стенах крепости были собраны обломки жженных кирпичей и незначительное количество мало-выразительной керамики IX—XI вв. Кроме того, имеется несколько фрагментов сосудов XVI—XVII вв.

В том месте, где от Аму-Дарьи отделяется крупный проток Иркин-Дарья, находится небольшая возвышенность Порлы-тау. Она вытянута узкой полосой с севера на юг на 3 км, ширина ее не превышает 500 м. С запада у подножья возвышенности находится озеро Копак-куль, пред-

³³ С. П. Толстов. По следам... стр. 173.

³⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 92.

³⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 27.

³⁶ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 59.

³⁷ Там же, стр. 71.

ставляющее собой старицу Аму-Дарьи, которая сейчас протекает на 3—4 км западнее.

В наиболее возвышенной части Порлы-тау, на площади примерно в 12 гектаров обнаружены редкие россыпи красно-глиняной керамики и обломков жженого кирпича. На всей площади распространения керамики никаких следов планировки не обнаружено, на поверхность выходят слабые возвышенности породы. Керамика с Порлы-тау скудна и не дает выразительных форм. По некоторым признакам она может быть отнесена к кушанскому времени.

Укрепление Кокча-кала впервые упоминается у Каульбарса³⁸. На карте работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. под этим названием помечена усадьба XVIII—XIX вв.³⁹

Урочище Кокча-кала находится на землях отделения им. Жданова совхоза «Кегейли». Здесь действительно сохранились развалины позднефеодальной усадьбы, известной и сейчас под названием Кокча-кала. Окрустности этих развалин представляют собой неоднократно распахивавшиеся, а сейчас частично заброшенные поля. По ним недавно был проложен крупный оросительный канал, в выбросах которого обнаружены куски зеленоватого глинистого культурного слоя, фрагменты керамики и жженных кирпичей размером 25 × 25 × 5 см.

Собранный здесь немногочисленный керамический материал охватывает период с IX по XIV в.

В числе обследованных археологических памятников особняком стоит небольшое укрепление Кырк-жигиттен-каласы. Находится оно на севере Кара-Узьякского района Кара-Калпакской АССР, в полутора километрах к западу от группы аулов Муйтен. В письменных источниках это укрепление не упоминается. Оно представляет собой прямоугольник сильно оплывших стен с округленным выступом на середине южной стены, с ее внешней стороны. Размеры укрепления по периметру стен 110 × 120 м. Никаких следов застройки внутри него не сохранилось. На городище была произведена шурфовка, однако сохранившегося культурного слоя обнаружить не удалось. Подъемный материал полностью отсутствует, и датировать городище ранним средневековьем можно лишь весьма условно, исходя из его планировки.

В 18 км от районного центра Тахта-Купыр, справа от дороги, идущей на Кызыл-Орду, находится городище Курганча, известное также под названием Кубланды-кала. Впервые этот памятник был обследован в 1945 г. Хорезмской экспедицией⁴⁰, описание его приводится в работе Я. Г. Гулямова⁴¹. С. П. Толстов определяет Курганчу как позднеантичный город, продолжавший жить и в афригидское время. Я. Г. Гулямов считает, что Курганча является городом, возникшим во II—III вв. н. э. и продолжавшим жить после некоторого перерыва в афригидское время.

Это городище представляет собой неправильный четырехугольник с размерами сторон 400 × 300 × 50 × 350 м (рис. 7). Стены очень сильно оплыли и конструкция их неясна так же, как и место ворот. На северо-западном и северо-восточном углах городища находятся выступы башен. В центре городища расположено мусульманское кладбище и круглый бугор высотой в 2 м, который население считает могилой богатыря Коблана. Почти повсеместно на поверхность выходит культурный слой, разрушен-

³⁸ И. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи. Описания по собственным исследованиям в 1873 г. «Записки Русского Географического общества по общей географии», т. IX, СПб., 1881, стр. 144.

³⁹ Карта работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, «Труды X», т. II.

⁴⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1945 г. «Известия АН СССР», СИФ, 1946, № 1, стр. 85.

⁴¹ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 112—113.

ный пухлым солончаком. На стенах и внутри городища часто встречаются следы сильного горения. Остатки планировки в рельефе не прослеживаются. Южная стена городища изогнута и имеет утолщение посредине. В этом месте поперек стены была заложена траншея, она вскрыла основание пахсовой стены городища толщиной в 11 м. На внешней стороне стены имела, видимо, башня с внутренним помещением шириной в 6,4 м. Внешняя стена башни, также пахсовая, имела четырехметровую толщину. Помещение башни заполнено навевным песком, лежащим на глиняной субструкции.

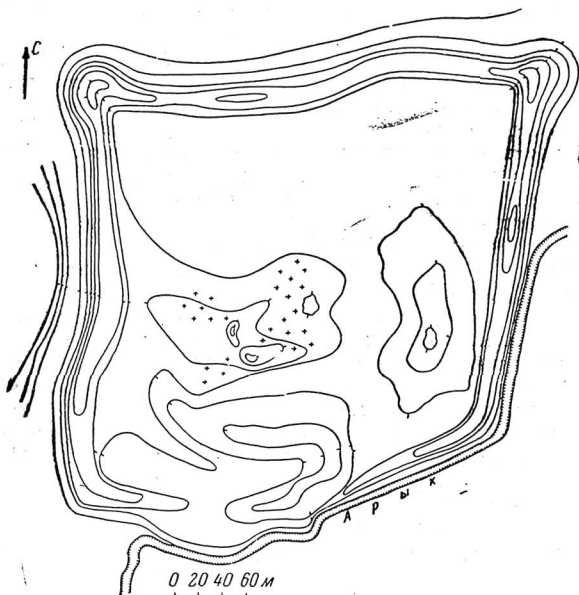

Рис. 7. Городище Курганча (Кубланды). Схематический план

Вокруг Курганчи расположено большое неукрепленное поселение. Здесь сохранились бугры на местах отдельных домов.

Я. Г. Гулямов связывает существование Курганчи с восточным протоком Аму-Дарьи, действовавшим с большими перерывами во II—III и IV—VII вв. н. э.⁴² Сейчас в полукилometре к северу от городища видно сухое русло.

По всей площади городища и неукрепленного поселения рядом с ним находятся обширные россыпи фрагментов керамики и других культурных остатков. Вся керамика четко разделяется на две группы. В первую, более многочисленную, входят фрагменты лепных сосудов «эфталитотюркского» типа, известных по раскопкам городища Куюк-кала⁴³ и Ток-кала. Во вторую группу входят фрагменты ремесленных сосудов афригидского типа. Таким образом, в керамическом материале городища Курганча

⁴² Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 131.

⁴³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., стр. 130, стр. 132, рис. 29; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюк-кала в 1956 г., стр. 134—137, рис. 6—8.

мы видим такое же сочетание афригидских и «эфталито-тюркских» форм керамики, что и в Ток-кале и Куюк-кале. Вполне очевидно, что Курганча относится к той же археологической культуре, что и они.

Анализируя полученные в итоге обследования правобережной части современной дельты Аму-Дарьи материалы, мы можем схематически определить основные этапы освоения человеком этой территории.

Первые достоверные находки, документирующие появление человека во внутренних частях дельты, относятся к концу II—I вв. до н. э.⁴⁴ Материал этого времени был обнаружен на Ток-кале и Кран-тау.

Период III, возможно, IV вв. достоверно представлен пока только материалом с Ток-калы и Кран-тау и Порлы-тау. Раскопки Ток-калы позволяют предполагать, что во всех указанных пунктах находились пограничные крепости Кушанской империи. Все памятники этого времени, как правило, стоят непосредственно на берегу Аму-Дарьи или на берегах ее староречий и контролируют все нижнее течение реки.

В VI—VIII вв. в дельте существует целый ряд поселений степных племен. Это Куюк-кала, Курганча, Ток-кала и, вероятно, Кран-тау и Хайван-кала. Племена с аналогичной материальной культурой и таким же комплексным типом хозяйства известны нам по так называемым «болотным городищам» Казалинска и группе памятников Джеты-Асар, причем там представлены более ранние этапы этой культуры. Отсюда закономерно предположить, что появление в дельте Аму-Дарьи в VI в. этой культуры, генетически не связанной с культурой Хорезма предшествующего периода, является результатом продвижения в Хорезм с севера племен, издавна обитавших в восточном Приаралье. Возможно, что именно на основе этих новых этнических элементов в дельте Аму-Дарьи и возникает известное по источникам периода арабского завоевания независимое от Хорезма владение Кердер⁴⁵, население которого говорило на особом (не хорезмийском и не тюркском) языке⁴⁶, по мнению С. П. Толстова, на одном из эфталитских диалектов⁴⁷.

В следующий период, в IX—XI вв. в правобережной части дельты продолжают жить все памятники VI—VIII в. Керамика афригидо-саманидского типа была обнаружена на возвышенности Кран-тау, на Хайван-кале, на Ток-кале, на мысе Кус-хана, на Дары-кале и в урочище Кокча-кала. Находки этой керамики в дельте немногочисленны.

Еще более скуден материал XII—XIV вв., обнаруженный на Ток-кале и Дары-кале. К этому же времени относится городище Багдад, обследованное и описанное в 1946 г. Я. Г. Гулямовым⁴⁸. Для этого периода можно лишь констатировать наличие поселений в дельте. Дальнейшие сведения о низовьях Аму-Дарьи появляются только с XVII в., когда здесь оседают аральские узбеки⁴⁹ и возникает Аральское владение. Этот поздний период жизни дельты характеризуется обследованными нами памятниками XVIII—XIX вв., к описанию которых мы и переходим.

В Чимбайском районе в одном километре от крепости Багдад находятся остатки укрепления, названного на современных картах Кафыр-калой. Памятник этот имеет и другое название — Калмак-кала. Интересна легенда, которую рассказывают об этом укреплении. Кафыр-кала была резиденцией некоего правителя — Кафыра, постоянно воевавшего с му-

⁴⁴ О появлении в дельте населения в более раннее время имеются сведения только для района западных протоков верхней дельты Акча-Дарьи, где зафиксированы отдельные находки первобытной керамики.

⁴⁵ МИТТ, т. II, М.—Л., 1939, стр. 146.

⁴⁶ Там же, стр. 431.

⁴⁷ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., стр. 132.

⁴⁸ Я. Г. Гулямов. Городище Багдад. Газета «Советская Каракалпакия», 7 сентября 1946 г., № 177.

⁴⁹ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды ХЭ», т. 1, стр. 324.

сульманским правителем Багдада. В ходе войны Кафыр трижды строил свою крепость. Осмотренный нами памятник якобы является его последним укреплением. Два другие существовали до недавнего времени, но сейчас полностью уничтожены. Рассказывают о другой крепости, тоже названной Кафыр-калой и распаханной несколько лет назад. Вероятно, это ее посетил в 1946 г. и описал под названием Гяур-калы Я. Г. Гулямов⁵⁰.

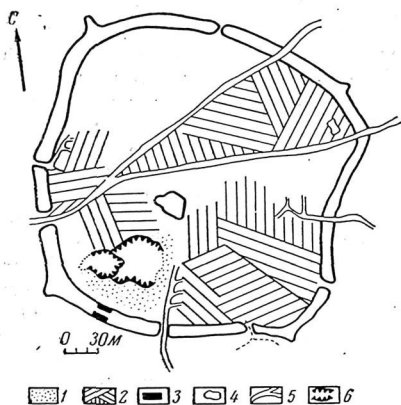

Рис. 8. Кафыр-кала. Схематический план.

1 — песок; 2 — современные посевы; 3 — глинобитные стены; 4 — остатки глинобитного сооружения; 5 — вал оплывших стен; 6 — современная землянка

Кафыр-кала представляет собой неправильный скругленный четырехугольник оплывших стен (рис. 8), сохранившихся на высоту до трех метров. По углам находятся небольшие также скругленные выступы. Площадь Кафыр-калы приблизительно равна 5,5—6 гектарам. через укрепление в нескольких местах проведены арыки, и значительная часть внутренней территории занята посевами. Почти в центре сохранились в виде возвышенной площадки остатки глинобитного строения. Стены укрепления сложены из комковой пахсы плохого качества. На южной стене прослеживается внутренний коридор. Повсеместно на стенах видны следы сильного горения, пахса прокалена докрасна. Траншея и зачистки на стенах памятника показали, что он погиб во время сильного пожара. Следует отметить, что полубуглившаяся древесина еще не сгнила. Вероятно, после пожара укрепление было заброшено.

Вокруг него на небольших нераспаханных участках сохранились следы поселения. Здесь изредка попадается керамика, датированная не ранее, чем XVIII в.

Остатки земляного укрепления Бийрюк находятся примерно в 15 км к северо-востоку от Шейхамана, на крайнем севере Чимбайского района. Городище не имеет четкой геометрической формы (рис. 9). Ограничено оно ровом и земляным валом. Никакой застройки и ненарушенного культурного слоя на городище не обнаружено, но повсеместно видны следы сильного горения.

На городище в изобилии встречаются мелкие фрагменты поливной керамики. Реконструировать по ним форму сосудов не удастся. Глазуровалась преимущественно внутренняя поверхность сосудов. Полива наносилась толстым неравномерным слоем и содержала много пузырьков. Употреблялась полива двух типов: прозрачная зеленовато-бурого цвета и глухая, цвет которой варьирует от черного и темно-зеленого до светло-бирюзового. Черепок коричневатый и коричнево-желтый, обожжен равномерно. Эта керамика вряд ли может быть датирована ранее, чем XVIII в.

Об истории Бийрюка так же, как и Кафыр-калы, местное население ясного представления не имеет. Всеобщим является мнение, что жители покинули эти укрепления еще до переселения каракалпаков в эти места.

Вероятно, Кафыр-кала и Бийрюк связаны с историей Аральского владения, и их надо отнести к числу тех небольших крепостей, о которых

⁵⁰ Я. Г. Гулямов. История орошения..., стр. 205.

упоминают Гладышев и Муравин, проезжавшие этими местами в 1740 г.⁵¹ Так, из описания Гладышева мы узнаем о «Местечке Конрат», где «жители живут кибитками, а кругом них сделан вал и во оный из Улу-Дарьи пущена вода»⁵².

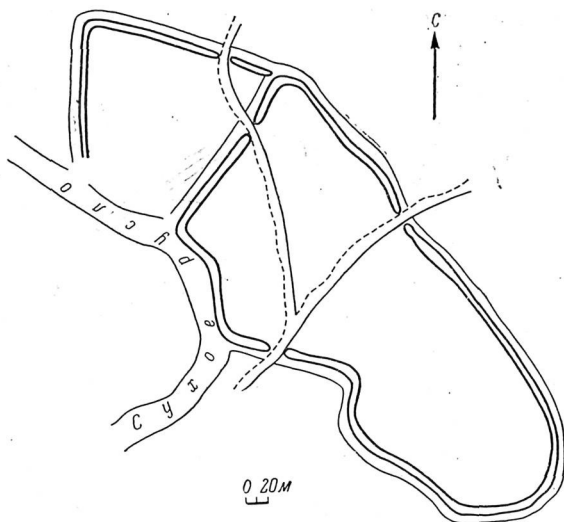

Рис. 9. Городище Вийрюк. Схематический план

Земляное укрепление Арзы-кала расположено в девяти километрах от Шейх-амана по дороге в Запр. Оно построено каракалпакским аталыком Арзы, как зимняя резиденция. Площадь укрепления около 12 гектаров (рис. 10).

В южной части укрепления имеются остатки глинобитной постройки. Повсеместно внутри укрепления видны землянки недавнего происхождения и круги от юрт.

Внук Арзы-аталыка, Музапар, живущий сейчас в Кара-Узьяке, рассказал нам, что Арзы-аталык жил во второй половине XIX в. (умер в 1894 г.). В укреплении люди жили только зимой, когда вследствие замерзания протоков возникла опасность нападения туркмен-иомудов. Жили в юртах, проход в калу заставлялся арбами. Никаких глинобитных сооружений, кроме дома аталыка, в укреплении не было⁵³.

Вторым каракалпакским укреплением такого же типа является Ерназар-кала (рис. 11), расположенная в 14 км к северо-востоку от группы аулов Куралпа на севере Кара-Узьякского района. Сооружение этого укрепления предание связывает с именем батыра Ерназара из рода Колдаулы, предводителя антихивинского восстания 1855—1856 гг.

К тому же времени, что и описанные каракалпакские укрепления, относятся и несколько обследованных нами крепостей хивинского государства. Крепость Серен-кала находится в Кара-Узьякском районе на левом берегу огромного сухого русла Кок-Дарьи. Расположенная на внешней стороне речной излучины крепость прекрасно контролирует реку.

⁵¹ Поездка из Орса в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851, стр. 62.

⁵² Там же, стр. 16.

⁵³ Полевой дневник А. В. Гудковой № 1 за 1958 г., запись от 7 июня.

Укрепление ограждено ровом и крепостным валом, на котором на слое веток и камыша поставлена глинобитная стена с бойницами и башнями по углам и в центре северной стены, выходящей на реку. Крепость состоит из двух дворов, разделенных валом и стеной. Дворы соединяются воротами. Такие же ворота ведут из юго-восточного двора вовне. Внутри по валу вдоль стен идет стрелковая галерея.

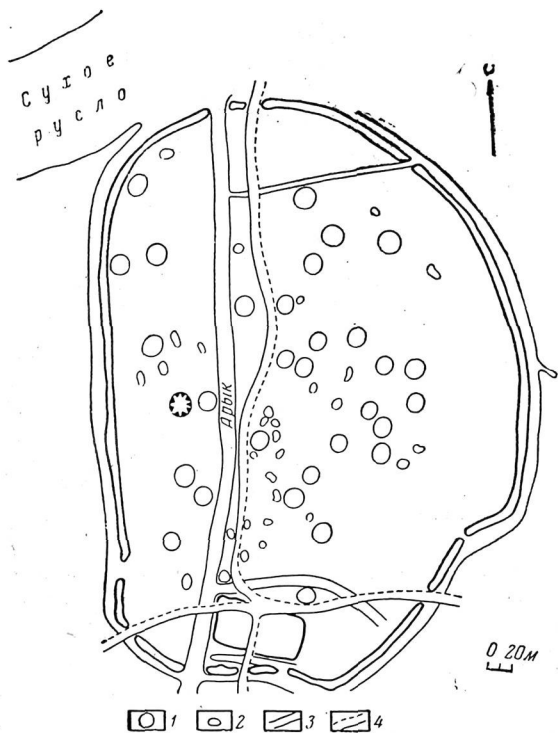

Рис. 10. Арзы-кала. Схематический план.

1 — следы стоянки юрт; 2 — земляночные ямы; 3 — земляные вали;
4 — современная дорога

Местное население рассказывает, что крепость эта была построена по распоряжению хивинского хана для защиты от судов Бутакова. Строил ее каракалпакский батыр Серен⁵⁴. Мы считаем возможным отождествить Серен-калу с Мехтер-калой (Кук-калой), описываемой Каульбарсом⁵⁵, Стеткевичем⁵⁶ и Гиршфельдом⁵⁷. По их сведениям она построена в 1873 г. на левом берегу Яны-Су, в ее излучине, для воспрепятствования проходу русских судов по реке.

⁵⁴ Полевой дневник А. В. Гудковой № 1 за 1958 г., запись от 9 июня. Серен-кала (Мехтер-кала) была обследована и нанесена на археологическую карту одним из отрядов Хорезмской экспедиции.

⁵⁵ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 103, 477.

⁵⁶ Стеткевич. Материалы для статистического описания Хивинского оазиса. Географическое описание. Ташкент, 1889, стр. 74—75.

⁵⁷ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II. Ташкент, 1908, стр. 179

Под названием Мехтер-кала известно другое укрепление на юге Тахта-Купырского района, в урочище Кзыл-Куш. Развалины Мехтер-калы в этом месте упоминаются на карте 1905 г. Местоположение Мехтер-калы позволяет отождествить ее с Хивинской крепостью Как-Шокат, описанной у Каульбарса следующим образом: на Кара-коле «не доходя полутора верст до пристани Клыч-кала (в заливе правого берега), весною нынешнего года, в расстоянии 30—40 сажен от берега построена была хивинцами крепость Как-Шокат. Еще до нее была построена крепость Клыч-кала с версту от берега и близ самого селения того же имени; но когда заметили, что от Клыча слишком далеко до реки для обстрела наших пароходов, которых ожидали с этой стороны, то решились построить ближе к реке другую крепость, Как-Шокат»⁵⁸. Сообщение это относится к 1873 г. В 1945 г. развалины Мехтер-калы и Клыч-калы были обследованы С. П. Толстовым. В 1948 г. Мехтер-кала была вторично обследована этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции⁵⁹.

Развалины Мехтер-калы находятся на правом берегу одного из усыхающих рукавов Куваныш-Джармы. Размеры укрепления по периметру 200 × 370 × 140 × 300 м. Вокруг идет ров и земляной вал, на котором возведена глинобитная стена с бойницами. По углам укрепления сделаны скругленные выступы-башни. В северной стене находятся ворота. В западной части укрепления расположены развалины двух жилых домов.

Упомянутая выше Клыч-кала находится в одном километре к востоку от Мехтер-калы. К северу от нее тоже примерно в одном километре ясно видно сухое русло Кара-куль. Клыч-кала была построена хивинскими властями в 1864 г. после того, как в этих местах произвели рекогносцировку русские топографы⁶⁰. В укреплении был размещен гарнизон из 30 человек.

Удачно расположенная на берегу обводненного в то время Кара-куля, крепость эта быстро стала торговым центром Даукары⁶¹. Клыч-кала и ее окрестности были покинуты населением после наводнения в 1878 г.⁶²

Сейчас Клыч-кала прямоугольная в плане, со сторонами 220 и 210 м, ограждена земляным валом и рвом. На углах имеются скругленные выступы. Внутри укрепления в двух местах виден невысокий земляной вал, назначение которого сейчас неясно.

Среди памятников XVIII—XIX вв. выделяются два минарета Кос-Минар. Они находятся на правом берегу сухого русла Кара-куль в местности, сейчас необитаемой, рядом с колодцем, также называемым Кос-Минар. Существование этих минаретов не раз отмечалось путешественниками, так как они представляют собой прекрасный ориентир на плоской однообразной местности⁶³. Оба они отмечены на карте Каульбарса и

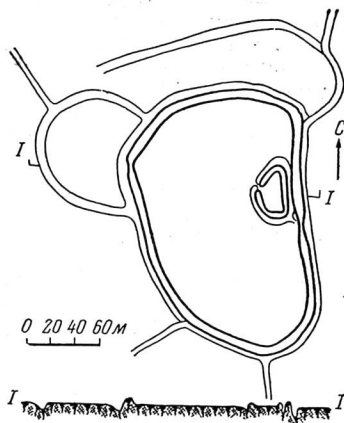

Рис. 11. Эрназар-кала. Схематический план и профиль

⁵⁸ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁹ Т. А. Жданко. Каракалки Хорезмского оазиса. «Труды ХЭ», т. 1, стр. 474.

⁶⁰ Л. Н. Соболев. Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем. Военно-статистический очерк. «Военный сборник», 1873, кн. 5—6, стр. 163.

⁶¹ Стеткевич. Указ. соч., стр. 57.

⁶² Там же.

⁶³ Гиршфельд и Галкин. Указ. соч., стр. 187.

на современных картах. Минареты Кос-минар сложены из сырцового кирпича. Высота их 15—20 м, окружность основания 11 м. По форме они представляют собой усеченные конусы. На верхней площадке каждого минарета небольшая головка, венчающая все сооружение. Вокруг головки идет узкая дорожка, ничем не огражденная. Подняться вверх можно по саксауловым стволам, вмазанным в кладку минаретов двумя вертикальными рядами. Местные жители — казахи называют один минарет Кара-гуль, а другой — Ойса.

К востоку от минаретов Кос-минар виден на горизонте еще один минарет, осмотреть который нам не удалось.

Местность между возвышенностью Бель-тау и песками, орошавшаяся в свое время крайними восточными протоками Аму-Дарьи, изобилует развалинами усадеб и поселений XIX, возможно XVIII в. Обследовать этот район нам не удалось. Мы осмотрели только в нескольких километрах к северу от Кос-минара развалины мечети и крупной усадьбы. Около последней, названной на современной карте зимовкой Насыр, были найдены во вторичном залегании фрагменты первобытной керамики. На карте Каульбарса в этих местах отмечены многочисленные минареты, мазары и развалины башен. Без сомнения, весь район требует специального обследования.

Начало изучению укреплений, живших в сравнительно недавнее время, было положено Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1948 г. В этом году каракалпакский этнографический отряд под руководством Т. А. Жданко обследовал в восточной части дельты ряд исторических памятников XVIII—XIX вв. и крупные феодальные усадьбы того же времени⁶⁴.

История одного из таких памятников, каракалпакского укрепления Айдост-кала, была специально рассмотрена Б. В. Андриановым в связи с вопросом о расселении каракалпаков в низовьях Аму-Дарьи⁶⁵. Работа экспедиции в этом направлении была продолжена в 1957 г.⁶⁶

Выше были описаны несколько таких памятников, обнаруженных во время нашего маршрута. Таким образом, оказалось выявленным несколько (на старых картах их отмечено гораздо больше) поздних исторических памятников и теперь уже можно говорить о различном их характере.

Докаракалпакские памятники Кафыр-кала и Бийрюк выявлены в этом году впервые, и о них мы располагаем очень незначительными сведениями.

Каракалпакские памятники представлены, с одной стороны, укреплениями, которые возводились каракалпаками в борьбе с Хивой и помудами. Предания о строительстве таких укреплений и до сих пор живут в памяти народа. Так возникла Ерназар-кала. Т. А. Жданко записано предание о подобном же укрепленном городке батыра Мулло-Прима⁶⁷. Такие укрепления, несмотря на их временный характер и простоту строительных приемов, играли немаловажную роль в политической жизни каракалпаков, как это видно на примере Айдост-калы⁶⁸.

С другой стороны, в числе каракалпакских памятников мы встречаем укрепления и богатые усадьбы, принадлежавшие представителям феодально-патриархальной верхушки (Арзы-кала, Мехарем-кала в Кегейлинском районе Кара-Калпакской АССР) и крупного духовенства (Ишан-

⁶⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки..., стр. 474.

⁶⁵ Б. В. Андрианов. Ак-Джагыз (к истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовьях Аму-Дарьи). «Труды ХЭ», т. 1, стр. 567—584.

⁶⁶ В работе принимали участие авторы настоящей статьи.

⁶⁷ Т. А. Жданко. Указ. соч., стр. 496—497.

⁶⁸ Б. В. Андрианов. Указ. соч., стр. 584.

кала, усадьба Каракум-ишана, Махсум-кала и др.), являвшимися опорой хивинского хана в среде каракалпаков.

Последнюю группу поздних памятников составляют государственные хивинские укрепления, возводившиеся в качестве военно-административных центров. Такое укрепление — Яны-кала на левом берегу дельты в Кунградском районе было найдено в 1957 г.

Изучение подобных поздних памятников, сбор преданий о них, сопоставление этих сведений с материалом хивинских хроник может значительно расширить наши представления о политической и социальной жизни населения низовьев Аму-Дарьи во времена Хивинского ханства.

Подводя итоги, необходимо сказать, что проблема освоения людьми современной (приаральской) дельты Аму-Дарьи до сих пор еще ждет своего разрешения. Она, безусловно, представляет значительный интерес ввиду большой сложности и далеко еще не полной изученности этногенетических процессов, происходивших в глубокой древности в южном и юго-восточном Приаралье. Описанный материал в известной степени позволяет поставить вопрос о начале и этапах заселения дельты и дать этнокультурную характеристику отдельных этапов. Надо надеяться, что дальнейшие исследования на территории дельты позволят в ближайшее время подойти вплотную к решению этого вопроса.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ИЯЛИ	— Институт языка и литературы Киргизского филиала АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов
СА	— Советская археология
СВ	— Советское востоковедение
СЭ	— Советская этнография
ХЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская комплексная археологическая экспедиция
SPA	— Survey of Persian Art

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина.</i> Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1960 г.	3
<i>А. В. Виноградов.</i> Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры	91
<i>М. А. Итина.</i> Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г.	103
<i>М. А. Итина.</i> Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.)	107
<i>В. Н. Ягодин.</i> Поселение амирабадской культуры Кават-2	130
<i>Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло.</i> Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 в 1958 г.	141
<i>М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик.</i> Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.	157
<i>С. А. Труднёвская.</i> Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат	201
<i>Б. А. Лоховиц.</i> Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат	214
<i>Т. А. Трофимова.</i> Приаральские саки (Краниологический очерк)	221
<i>А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин.</i> Археслогические исследования в правобережной части дельты Аму-Дарья в 1958—1959 гг.	248

**Полевые исследования
Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.**

**Материалы Хорезмской экспедиции,
выпуск 6**

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

**Редактор Издательства Г. В. Моисеенко
Технический редактор Г. А. Астафьева**

РИСО АН СССР № 142—90В. Сдано в набор 26/VII 1962 г.
Подписано к печати 10/XII 1962 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 17,25+3 вкл. Усл. печ. л. 23,63+3 вкл.
Уч.-изд. л. 25(23,7+1,3 вкл.). Изд. № 785. Тип. зан. № 975. Т-14731
Тираж 1200 экз.
Цена 1 р. 59 к.

**Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10**

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	3 сн.	Т. Б. Гладкова	Т. Б. Глазкова
17	4 сн.	кушанскому	кангюйскому
44	подпись под рис. 18	из мавзолеев	из мавзолея 6
55	подпись под рис. 24	выпускными	впускными
57	26 св.	агата	гагата
70	подпись под рис. 34	Баланды	Баланды 2
95	подпись под рис. 4	5 — Бала-Ишим 8	5 — Бала-Ишем 8
137	5 сн.	(рис. 6, 8—13;	(рис. 6, 8, 13;
137	4 сн.	(рис. 5, 2; рис. 4, 4)	(рис. 4, 1; рис. 3, 4)
162	подпись под рис. 3	заальный	завальный
178	подпись под рис. 13	раскопа VI	раскопа VIII
197	24 сн.	VII и IX вв.	VIII и IX вв.
201	9 св.	притоков	протоков
202	7 сн.	полные	полье
250	1 сн.	II—III вв. до н. э.	III—II вв. до н. э.
269	5 св.	Вийрюк	Бийрюк
	Оглавление	Б. А. Лоховиц	В. А. Лоховиц

Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 6
 Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.

